

3121

Сл. 3710.1.

Н. П. ОСТРОУМОВЪ.

САРТЫ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

(ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ).

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕННОЕ.

(СЪ ПОРТРЕТАМИ САРТОВЪ).

ТАШКЕНТЪ.

Типографія газеты „Среднеазиатская Жизнь“.

1908.

Оглавление.

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

Стр.

Предисловіе	I— VI
Историческія и этнографическія свѣдѣнія о сартахъ	3— 51
Общая характеристика сартовъ	53— 91
Оближеніе сартовъ съ русскими и русское вліяніе на сартовъ	92—155
Туркестанская туземная газета	156—172
Русско-туземныя школы	173—191
Первыя поѣздки взрослыхъ туземцевъ въ Европейскую Россію и Западную Европу	192—205
Мусульманскіе ишаны	206—228
Мальчики-бачи въ сартовскомъ обществѣ	229—239
Народныя школы у сартовъ	240—259
Шаріатъ и казіи	260—271
Заключеніе	272—286
Дополненіе	287—288

Настоящая книга издается въ третій разъ. Первое изданіе ея было вызвано устройствомъ въ Ташкентѣ въ 1890 г. выставки, на которой былъ мѣстный книжный отдѣлъ; второе изданіе вышло въ 1896 году значительно дополненнымъ; наконецъ, третье изданіе появляется въ 1908 году.

Авторъ тридцать первый годъ (съ 1877 года) живетъ въ Ташкентѣ. Интересуясь жизнью сартовъ, онъ наблюдалъ и изучалъ по книгамъ и въ живыхъ сношеніяхъ съ туземцами разныя стороны ихъ быта; редактируя притомъ туземную газету съ 1883 года, авторъ имѣлъ возможность уяснить себѣ и такіе вопросы, которые безъ указанныхъ условій не получили бы надлежащаго освѣщенія.

Такимъ образомъ, въ рукахъ автора скопился этнографическій матеріалъ, касающійся сартовъ, который постепенно обнародывается подъ общимъ заглавіемъ «Сарты. Этнографическіе матеріалы».

Хотя настоящее изданіе не можетъ разсчитывать на широкое распространеніе среди читающей публики тѣмъ не менѣе спросъ на собранные авторомъ этнографическіе матеріалы былъ и продолжается, почему первый выпускъ матеріаловъ о сартахъ печатается въ третій разъ, а второй выпускъ (сказки сартовъ) былъ напечатанъ дважды.

Недостатокъ средствъ и времени задерживаютъ обработку и обнародованіе дальнѣйшихъ матеріаловъ о сартахъ, значеніе которыхъ не должно подлежать сомнѣнію: хорошо управлять иноплеменнымъ и иновѣрнымъ народомъ, у котораго вѣковая и самобытная культура, не имѣющая ничего общаго съ европейской и въ частности съ русской гражданственностію, возможно только при условіи знакомства съ этой культурой. «Среднеазиатскіе халатники», которыхъ иногда такъ называли піонеры русской гражданственности въ Средней Азіи, эти патріархальные „азіаты“ оказываются старѣ насъ въ культурной жизни, ибо мусульманская цивилизація, представляющая собою

II.

большую внутреннюю образующую силу, проникла къ сартамъ въ началѣ VIII в. по Р. Х.*) и застала въ краѣ уже опредѣлившуюся, самобытную земледѣльческую жизнь... Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, сарты подпали подъ внѣшнюю зависимость отъ русскихъ, отъ которыхъ усваиваютъ то, что имъ выгодно въ жизни, оставаясь благодушными мусульманами и не бросая своихъ исконныхъ бытовыхъ особенностей. Русское вліяніе невольно сказывается на жизни сартовъ, но только съ внѣшней стороны, что авторъ и отмѣчаетъ въ настоящемъ выпускѣ, съ объясненіемъ причинъ такого явленія. Для внутренняго же измѣненія народной жизни сартовъ необходимо вліяніе образованія, построеннаго на общечеловѣческихъ началахъ, а это требуетъ умѣлыхъ пріемовъ, которые безъ изученія народнаго характера сартовъ немыслимы, что и высказано авторомъ настоящей книги въ эпиграфѣ: «Необходимо изучать умственный складъ, вѣрованія и бытъ сартовъ, чтобы благотворно вліять на ихъ жизнь». Насколько русскіе сумѣютъ выполнить эту задачу, покажетъ будущее; но мы будемъ отвѣтственны предъ сартами, если не сумѣемъ оказать на ихъ духовную жизнь благотворное вліяніе. Не слѣдуетъ при томъ забывать недавняго (1897 г.) андижанскаго (вѣрнѣе—Ферганскаго) возмущенія, подъ политической подкладкой котораго не скрывалось недовольство народныхъ представителей за порчу туземныхъ нравовъ...

Приводимъ по этому случаю слѣдующее замѣчаніе англійскаго переводчика мусульманскаго законодательнаго сборника «Хидая»:

— Для долговѣчности всякаго чужеземнаго владѣнія (и, въ сущности, для оправданія такого владѣнія) необходимо, чтобы было обращено строгое вниманіе на удобства и выгоды не только управляющихъ, но и управляемыхъ. Для достиженія этой

*) Арабскій полководецъ Кутайба построилъ въ Бухарѣ первую соборную мечеть въ 713 г. по Р. Хр.

III.

великой цѣли ничто не можетъ быть признано настолько дѣйствительнымъ, какъ сохраненіе управляемымъ издревле установившихся обычаевъ ихъ (какъ гражданскихъ, такъ религіозныхъ) и охраненіе отправленія фракціи всѣхъ ихъ институтовъ. Какъ бы недостаточными, или нелѣпыми, ни казались во многихъ случаяхъ эти обычаи, всетаки они должны быть безконечно болѣе удобопримѣнными, чѣмъ всѣ тѣ, которые можемъ предложить мы*), потому что эти исконные обычаи основываются на скопленіи вѣковыхъ предразсудковъ и, по мнѣнію ихъ послѣдователей, ведутъ свое происхожденіе отъ самого Бога.

— Это спасительное правило было благоразумно принято къ руководству служащими Остъ-Индской компаніи, съ перваго приобрѣтенія Бенгальской территоріи. Цвѣтущее состояніе этихъ провинцій главнымъ образомъ должно быть приписано точному соблюденію этого правила**).

Такова цѣль настоящаго изданія. Авторъ выпустилъ въ настоящей книгѣ нѣкоторыя страницы предыдущаго изданія***) и вмѣсто того напечатавъ другія свѣдѣнія: о народныхъ школахъ у сартовъ, о бачахъ, о казіяхъ и шаріатѣ.—Въ размѣщеніи нѣкоторыхъ страницъ остальнаго матеріала, напечатаннаго въ настоящемъ изданіи, допущена перестановка, сравнительно со 2-мъ изданіемъ, а нѣкоторыя главы прежняго изданія въ настоящей книгѣ пополнены.

Приэтомъ авторъ находитъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: въ главѣ объ ишанахъ авторъ не касался сущности ишанства—религіозно-философскихъ принциповъ такъ называемаго «суфизма», какъ потому что это не входило въ тѣсныя рамки издаваемого этнографическаго матеріала, такъ и потому что упомянутый спеціальныи вопросъ не только въ русской, но и въ

*) Т. е. англичане въ Индіи.

**) Изъ русскаго перевода Хидая, подъ редакціей Н. И. Гродекова.

***) Стр. 84—99, 146—163, 243—263.

IV.

европейской литературѣ не изученъ всесторонне. Кромѣ того, въ своихъ непосредственныхъ соприкосновеніяхъ съ народомъ, большинство ишановъ остаются не „суфіями“, а обирателями простодушныхъ муридовъ, хотя нѣкоторые часть сборовъ расходуютъ на дѣла общественнаго благоустройства: на содержаніе учащихся въ мадрасахъ, на построеніе мечетей и караванъ-сараевъ, на возобновленіе и поддержаніе могильныхъ памятниковъ надъ мусульманскими святыми, чѣмъ и поддерживаютъ свое обаяніе въ средѣ своихъ почитателей. Между тѣмъ, авторы-защитники ишанства съ своей стороны совершенно почему-то умалчиваютъ не только о злоупотребленіяхъ ишановъ своимъ авторитетомъ среди простаго народа, но и о вмѣшательствѣ ихъ въ чисто политическіе вопросы. О такихъ дѣяніяхъ, совершаемыхъ ишанами въ городахъ, селеніяхъ и степяхъ Средней Азіи, документально извѣстно русской администраціи Туркестанскаго края. Особенно въ этомъ родѣ отличались ишаны изъ татаръ. Таковы были: извѣстный Бухаретдинъ Авузь*) и его послѣдователь Шаги-Ахмадъ Джамалитдиновъ**), а еще хуже заявилъ себя въ 1908 году въ Закаспійской области Хаджій Багаутдиновъ. Объ этомъ послѣднемъ въ свое время было напечатано, что, когда русскій приставъ приступилъ къ обыску въ квартирѣ его, какъ заподозрѣннаго въ противогосударственной агитаціи***), то ишанъ (суфи?) разсвирѣпѣлъ и набросился на пристава такъ яростно, что послѣдній не въ силахъ былъ освободиться. Произошла свалка. Зацѣпивъ одною своею рукой руку пристава „какъ клещами“, Багаутдиновъ другою рукой старался сорвать шашку у него или схватить его за горло. Приставъ отстранилъ голову, и Багаутдиновъ ударилъ пристава по плечу, сорвалъ погонъ и,

*) См. Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-дарьинской области за 1891 годъ. ст. И. И. Гейера „Ишаны“.

**) См. Дѣло Сыръ-Дарьинск. Обл. Пр. № 58 по описи 1902 г.

***) Это происходило въ Іолотани, среди туркменъ Закасп. области.

бросивъ его на землю, сказалъ, по показанію шт.-кап. Венсана:
«Вотъ тебѣ»...

Когда находившіеся съ приставомъ понятыя освободили его, приставъ обнажилъ шашку и приказалъ связать упрямаго упрямаго веревками. Багаутдиновъ смирился и далъ связать себя; но послѣ того страшно ругался и кричалъ, главнымъ образомъ обращаясь къ приставу:

— Вору! Свиньи! Собаки! Антихристы! Мошенники! Грабители!

Обыскъ въ помѣщеніи Багаутдинова былъ произведенъ (женщинъ въ помѣщеніи никто не видѣлъ), причемъ были обнаружены письма, разныя мусульманскія книги, патроны, револьверъ, огромный окованный желѣзомъ сундукъ, который Багаутдиновъ отпереть отказался.

Во время допроса Багаутдиновъ держалъ себя заносчиво, грубо, дерзко, вызывающе: шапки не снималъ и говорилъ, что ему, какъ мусульманину, полагается быть въ шапкѣ даже передъ самимъ Государемъ Императоромъ, а какой-то приставъ—што? На вопросы отвѣчалъ пренебрежительнымъ молчаніемъ.

— Я,—заявлялъ Багаутдиновъ,—выше всѣхъ, меня окружающихъ, и отвѣчу только Государю Императору.

Самъ себя Багаутдиновъ въ народѣ называлъ „посланникомъ Бога“, ишаномъ изъ царскаго рода, („Шахъ-заде-ишанъ“), святымъ, главой и учителемъ окрестнаго духовенства и населенія). Во время допроса онъ называлъ себя обыкновеннымъ именемъ, грамотнымъ, изъ духовнаго званія, магометаниномъ старовѣрческаго общества мусульманъ Ваисовскаго Божьяго толка». По дѣлу же разъяснилось, что именовавшій себя „Шахъ-заде-ишаномъ“ и „посланникомъ Бога“ былъ крестьянинъ деревни Малвино, Свіяжскаго уѣзда, Казанской губерніи, 24-хъ л. Раньше онъ занимался мелкою торговлей, а въ 1898 году этотъ „Шахъ-заде-ишанъ“ судился за кражу со взломомъ и, по приговору

VI.

Казанскаго Окружнаго Суда, отбыль за это одинъ годъ тюремнаго заключенія. (Нов. Вр. 1903 г. № 9652 отъ 17 мая).

Умалчивать о такихъ проявленіяхъ совсѣмъ не суфическаго свойства со стороны часто практикующихъ въ Средней Азіи ишанахъ авторъ не считалъ себя въ правѣ.

Н. Остроумовъ.

Ташкентъ. 29 февраля 1908 года.

САРТЫ.

Необходимо изучать умственный складъ,
вѣрованія и быть сартсвъ, чтобы благотворно
вліять на ихъ жизнь.

— — — — —

ТАШКЕНТЬ.

Типографія газеты „Среднеазиатская Жизнь“.

1907.

Печатано по распоряженію Начальства 1907 года.

I.

ИСТОРИЧЕСКІЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О САРТАХЪ*).

„Уже въ теченіе тысячелѣтій нѣтъ вполнѣ
однородныхъ народовъ“.

„Народы могутъ сродниться съ языкомъ чуж-
дой расы, или, напротивъ того, языкъ можетъ по
прожиному неизмѣнно господствовать въ данной
области, тогда нѣтъ раса медленно измѣняется,
благодаря смѣшенію крови“.

Оскаръ Мелль.

Выраженія „сартъ—сарты“ (سارتيه—سارت) хорошо извѣстны жителямъ Туркестанскаго края, туземцамъ и русскимъ, какъ названія очень значительной части населенія края: сартами называются осѣдлые туземцы преимущественно Сырь-Дарьинской и частью Ферганской областей и Аму-Дарьинскаго отдѣла. Правда, осѣдлые туземцы чаще называютъ себя по мѣсту жительства и говорятъ: «ташкянлыкъ» т. е. ташкентецъ, «коканлыкъ» т. е. кокандецъ и т. под.; но когда туземца спрашиваютъ: кто онъ—киргизъ или сартъ? то сартъ отвѣчаетъ, что онъ—«сартъ» а не казакъ; киргизъ же въ подобномъ случаѣ говоритъ, что онъ не сартъ, а «казакъ». Равнымъ образомъ, Сырь-Дарьинскіе сарты отличаютъ себя и отъ «таджиковъ», осѣдлыхъ туземцевъ Самаркандской области и нѣкоторыхъ мѣстностей Ферганской

*) Приводимыя въ этой главѣ данныя были собраны мною въ 1884 году по поводу замѣтки, напечатанной въ „Восточномъ Обзорѣнн“ (№ 52 за 1883 годъ) и въ первый разъ были напечатаны въ №№ 28—31 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1889 г. Послѣ перваго изданія настоящаго выпуска (въ 1890 г.), вопросъ о словѣ „Сартъ“ возобновлялся въ печати въ ст-г.г. Бартольда и Лапина, какъ объ этомъ говорится въ настоящей главѣ.

и говорятъ о себѣ, что они — сарты, а не таджики. И мы, русскіе, съ первыхъ дней своей жизни въ Туркестанскомъ краѣ употребляемъ выраженіе «сартъ» для обозначенія извѣстной части туземнаго населенія, не только въ частныхъ сношеніяхъ съ осѣдлыми туземцами, но и въ официальныхъ случаяхъ. Въ документахъ, когда идетъ рѣчь о сартахъ, мы прямо пишемъ: „сартъ такой-то заключилъ условіе“ и проч.

Основанія къ этому олѣдующія;

Еще въ первомъ Проектѣ положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сырь-Дарьинской областяхъ, изданномъ въ 1867 году, въ §§ 127, 130 и 331, выраженіе «сартъ» было принято, какъ названіе части туземнаго населенія, а въ §§ 214 и 215 выраженіе «сартъ» обозначаетъ опредѣленно осѣдлыхъ туземцевъ. Въ объяснительной запискѣ къ названному Проекту положенія въ главѣ II (Устройство суда) вполне опредѣленно сказано, что народонаселеніе въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ составляютъ „киргизы“, кочующее большинство населенія обѣихъ областей, и «сарты» — осѣдлое населеніе Сырь-Дарьинской области. Между этими двумя народностями нѣтъ ничего общаго ни въ характерѣ, ни въ основныхъ началахъ народнаго суда ихъ. Въ приведенныхъ словахъ Проекта положенія 1867 г. выраженіе «сартъ», какъ названіе осѣдлаго населенія Туркестанскаго генералъ-губернаторства, обозначало осѣдлыхъ туземцевъ только Сырь-Дарьинской области и не относилось къ осѣдлымъ туземцамъ другихъ областей края нашего времени (Самаркандской и Ферганской), такъ какъ въ 1867 г. Фергана и Самаркандъ не входили еще въ составъ русскихъ среднеазиатскихъ владѣній. Въ Проектѣ всеподданнѣйшаго отчета Генералъ-Адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана I по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства, за время отъ 7 ноября 1867 года по 25 марта 1881 г. (Изданіе Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба, С.-Петербургъ, 1885 г.), на страницѣ 20-й напечатано: „Народонаселеніе края состоитъ: изъ русскихъ, татаръ, таджиковъ, узбековъ..., «сартовъ», киргизъ“.... Далѣе, на страницѣ 22-й того же отчета, сказано, что сартовъ въ

Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ считается 800,000 душъ, т. е. до 16⁰ „ всего населенія¹⁾, и что сарты составляютъ главный контингентъ городского и сельскаго туземнаго населенія въ Сыръ-Дарьинской и Ферганской областяхъ и Зарявшанскомъ округѣ (нынѣ Самаркандская область). Многочисленныя во всей юго-восточной полосѣ края и сплошныя поселенія сартовъ оканчиваются въ городахъ Туркестанѣ и Ауліз-ата, не расоростраясь далѣе этихъ пунктовъ. по долинѣ Сыра, и въ предѣлы Семирѣченской области. Небольшое сартовское населеніе послѣдней (до 5000 душъ) состоитъ изъ разсѣянныхъ по городамъ области торговцевъ, изъ которыхъ только немногіе основались въ нихъ на постоянное жительство.

Въ Положеніи объ управленіи Туркестанскаго края, Высочайше утвержденномъ 12 іюня 1886 года, нѣтъ выраженій «сарты» и «киргизы»; а туземное населеніе называется въ этомъ Положеніи или осѣдлымъ (§ 73), или кочевымъ (§ 108²⁾); но, при переводѣ этого Положенія на языкъ осѣдлыхъ туземцевъ, переводческая комиссія не избѣжала выраженія „сартія“ (سارتيه) т. е. собирательной формы отъ слова „сартъ“ (См. заглавіе отдѣленія III. а также §§ 176, 255, 264 и др.). Очевидно, переводчики не могли обойтись безъ выраженія „сартъ“ и его собирательной формы—„сартія“, хорошо извѣстной туземцамъ отъ временъ кокандскаго управленія Ташкентомъ. Когда кокандскіе беки и беклярбеки ³⁾ отдавали письменныя приказанія какой-нибудь части населенія нынѣшней Сыръ-Дарьинской области, то приблизительно выражались такъ: „Да будетъ извѣстно всѣмъ должностнымъ лицамъ сартскаго и киргизскаго на-

¹⁾ По всеобщей переписи населенія Россіи, произведенной въ 1897 г., сартовъ считается 968.604, т. е. почти миллионъ.

²⁾ См. также §§ 208, 211, 238, 243, 247, 248, 252, 255, 270, 300 и другіе. Такое же обозначеніе населенія Туркестанскаго края встрѣчается въ „Запискахъ по Средне-азиатскому вопросу“ Д. И. Романовскаго. (Спб. 1868 г. стр. 261).

³⁾ Бекъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи районъ города и окрестностей, въ раамѣхъ нынѣшняго уѣзда; беклярбекъ завѣдывалъ большимъ райономъ и, какъ самое названіе показываетъ, имѣлъ въ своемъ подчиненіи бековъ, былъ бекомъ надъ беками.

селенія (سارتيه وقزايه لارغه معلوم بولسون), что по власти, данной мнѣ такимъ-то кокандскимъ ханомъ, я посылаю къ вамъ такого-то, приказываю считать его, кыкъ меня самого, и вручить ему государственныя подати, какія онъ будетъ требовать отъ васъ, согласно настоящему приписанію“. (Такого-то года, мѣсяца и дня. Печать). Очевидно, что выраженіе „сартъ“ въ официальныхъ приказахъ кокандскихъ правителей было принято, какъ названіе установившееся и хорошо извѣстное самому населенію, а это могло быть только при условіи древняго происхожденія этого названія и давняго его употребленія. Новые правители благоразумно не вводили въ подвластной имъ странѣ новыхъ терминовъ для обозначенія населенія; не сдѣлали этого и русскіе администраторы, допускавшіе и допускающіе названіе „сартъ“ въ официальныхъ случаяхъ. (См. повѣстки областныхъ судовъ, мировыхъ судей, торговые документы и под.).

Въ историческихъ сочиненіяхъ по Средней Азій, вопреки очень смѣлому заявленію г. Пашино¹⁾, находится вырженіе „сартъ“ у слѣдующихъ Среднеазиатскихъ мусульманскихъ писателей:

1) Слово „сартъ“ встрѣчается уже въ письменномъ памятникѣ „Кудатку-биликъ“, относимымъ къ XI-му вѣку (сконч. въ 1068-69 г. въ Кашгарѣ. См. Vambery, Das Türkenvolk etc. s. 371 und Uigurische Sprachmonumente und Das Kudatku Bilik (1871 г. 254).

2) Рашидэддинъ (род. въ 1247 г., умеръ въ 1318 году по Р. Хр.) въ своей „Исторіи монголовъ“, говоря о племени Карлукъ²⁾ замѣчаетъ, что въ вѣкъ Чингизъ-хана правителемъ и госу-

¹⁾ Въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, изд. въ 1868 г. подъ заглавіемъ „Туркестанскій край въ 1866 году“ г. Пашино замѣчаетъ между прочимъ, что въ мусульманскихъ рукописяхъ, посвященныхъ описанію походовъ славныхъ средне-азиатскихъ завоевателей, ему не приходилось встрѣчать имя „сартъ“.

²⁾ По Массуди, Карлуки были тюркское племя, отличавшееся чистою кровью и красотою формъ. Они были нѣкоторое время хозяевами большей части Азій, а ихъ князья носили титулъ „хаканъ-хакановъ“. Во время Ибнъ-Хаукала (въ X в. по Р. Хр.) они жили близъ Аспиджаба, къ сѣверовостоку отъ Яксарта. Языкъ у нихъ былъ общій съ киргизами и др. тюркскими племенами. *Geographie d'Aboulfeda, traduite de l'Arabe en Français par M. Reinaud. Paris, 1848. T. I. Introduction, p. 357, et T. II. p. 298.*

даремъ Карлуковъ былъ Арсланъ,ханъ. Когда Чингизъ-ханъ отправилъ къ предѣламъ этого племени Хубила-нойона, Арсланъ-ханъ покорился ему. Чингизъ-ханъ далъ ему дѣвушку изъ своего рода и повелѣлъ называть Арслана „сартскимъ“ т. е. таджикомъ; (افرموده که اورا ارسلان سرتاقی کوئیده یعنی تاجیک). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту, переводчикъ—проф. Березинъ выраженіе سرتاقی (сартакты) считаетъ монгольскимъ прилагательнымъ, въ значеніи сартскій, отъ сартагуль—сартъ²⁾).

Слова „сартагуль“, „сартауль“ или „сартоль“ довольно часто, по словамъ г. Бартольда, встрѣчаются въ монгольскихъ и тибетскихъ сочиненіяхъ. Китайцы переводятъ этотъ терминъ словомъ Хой-ху или Хой-хой, который первоначально употреблялся для обозначенія уйгуровъ, потомъ—туркестанцевъ вообще, наконецъ—всѣхъ мусульманъ безъ различія происхожденія; ко времени монгольскаго господства послѣднее значеніе уже было окончательно установлено. Уже въ такъ-называемой „Монголокитайской лѣтописи“, т. е. въ монгольскомъ эпическомъ сказаніи X(II в. ³⁾). „сартульскимъ народомъ“ (сартауль-ирганъ) называются туркестанцы, подданные Харезмшаха-Мухаммада. Примѣръ употребленія слова „сартауль“ мусульманскими писателями г. Бартольдъ встрѣтилъ и у Рашидэддина, въ его разсказѣ объ одномъ изъ мусульманскихъ министровъ великаго хана Хубилая (умершаго въ 1294 г.), Абу-бекрѣ, носившемъ титулъ «Баянъ фенджана», котораго Хубилай-ханъ называетъ „сартульскимъ человекомъ“⁴⁾). Кромѣ того, еще въ одномъ тюрко-

¹⁾ Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, Часть пятая. С.-Петербургъ, 1858. Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ. Сочиненіе Рашид-Эддина. Введеніе: о турецкихъ и монгольскихъ племенахъ. Переводъ съ персидскаго, съ введеніемъ и примѣчаніями. И. Н. Березина, стр. 132.

²⁾ Тамъ же, стр. 271—272. У Бату-хана б. сынъ „Сартакъ-огланъ“.

³⁾ Это сказаніе было переведено на русскій языкъ съ китайскаго перевода архимандритомъ Палладіемъ и напечатано въ „Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ“, т. IV (Спб. 1866 г.). (Примѣчаніе г. Бартольда).

⁴⁾ См. три рукописи Рашидэддина въ Имп. Публ. библ.; рук. V, 3, 1, листъ 225; рук. V, 3, 2, стр. 1144 и рук. Dorn 289, листъ 229.

арабскомъ и монголо-арабскомъ глоссаріи. написанномъ. по всей вѣроятности, въ Персіи въ началѣ XIV вѣка, слово „сартауль“ переводится словомъ „мусульманинъ“¹⁾.

3) Въ примѣч. къ разсказу Рашидэддина о борьбѣ Чингизь-хана съ Вань-ханомъ проф. Березинъ говоритъ, что, по словамъ монгольскаго историка, это событіе произошло уже послѣ похода на сартовъ²⁾, которые составляли въ время Чингизь-хана независимое племя, почему онъ и предпринималъ противъ нихъ походъ. Извѣстный путешественникъ по владѣніямъ Чингизь-хана францисканецъ Іоаннъ де Плано-Карпини, проѣхавшій въ 1246 году черезъ Россію въ Монголію, въ описаніи своего путешествія называетъ въ числѣ покоренныхъ монголами народовъ и сартовъ: китайцы, меркиты, туркмены... болгары, армяне, персы, индійцы... „сарты“ (Sarhi) и мн. др.³⁾.

4) Поэтъ и писатель Средней Азіи, знаменитый Миръ Алиширъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Амира Наваи (умеръ въ 1500 г. по Р. Хр.) также употреблялъ въ своихъ сочиненіяхъ слово „сартъ“ и называлъ этимъ именемъ жителей Средней Азіи, не знающихъ тюркскаго языка. Русскій академикъ Вельяминовъ-Зерновъ и французскій профессоръ Павэ-де-Куртейль, въ своихъ словаряхъ о словѣ „сартъ“, говорятъ, что этимъ именемъ называются городскіе жители персидскаго происхожденія, не знающіе тюркскаго языка, какъ это видно изъ слѣдующихъ выраженій Наваи: سارت عجمك شهرى سنده درلاركه قطعاً تركى بلميه; حيرت الابرارده اون ايكنجى مقاله ده كيلوركه يت سارت غه كرجه بوبارور بخشى لارې ترك ايله هم يخشى بارور بخشى لارې وينه قيه ده كيلوركه يت برى ترك ديوانده آستى مهرې برى سارت ديوانده باستى مهرې وينه جالس الفايده ايكنجى مجلس آخونده سيد حسن

¹⁾ „Туркест. Вѣдом.“ за 1895 г. № 30; ст. г. Бартольда: „Еще о словѣ сартъ“.

²⁾ Труды Вост. Отд. Часть тринадцатая. С.-Петербургъ, 1868 г., стр. 312.

³⁾ Собрание путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. I. Плано-Карпини. II. Асцелинъ. С.-Петербургъ. 1825 г.) Стр. 191.

اردشير و صفنده كيلور كه بوفير ترك و سارت آراسيده آندين تمام راك يشي
كورماي دورمن — وينه ديندى كيم هر كيم سار تچه ايتسه ييراياغ ايچسون¹⁾

5) Знаменитый потомокъ Тимура, основатель обширной монархii Бабериловъ, Захириддинъ Мухаммадъ Бабуръ (род. въ 1483 г. ум. въ 1530 г. по Р. Хр.), въ своихъ біографическихъ Запискахъ (بابور نامه), на стран. четвертой, говоря о Маргеланѣ, замѣчаетъ: жители его „сарты“ (ایلی سارت دور). На той же страницѣ, говоря объ Исфарѣ²⁾, Бабуръ также замѣчаетъ, что жители Исфары — сплошь „сарты“ и горные (ایلی تمام سارت و کوهی دور)³⁾

6) Абуль-Гаги Мухаммадъ-Багадуръ, Хивинскій ханъ (род. въ 1014 г. ум. въ 1074 г. гіджры, т. е. въ 1605—1663 гг. по Р. Хр.), въ сочиненіи своемъ شجره تركъ шестнадцать разъ упоминаетъ о сартахъ⁴⁾, какъ жителей Хивы, Ургенджа и Хазараспа, отличаетъ ихъ не только отъ туркменъ и кызылбашей, но и отъ узбековъ, что въ данномъ случаѣ имѣетъ особенную важность, такъ какъ г. Лапинъ пытался (см. ниже) печатно оспаривать правильность примѣненія названія „сартъ“ къ известной народной группѣ и настаивалъ на замѣнѣ этого названія словомъ „узбекъ“. Можно указать при этомъ также на обрядъ провозглашенія ханомъ Юлбарсъ-хана, въ „поднятіи“ котораго участвовали всѣ узбеки и сарты (стран. 197). О языкѣ сартовъ Абуль-Гази ничего не говоритъ, но о жителяхъ Самарканда опредѣленно заявляетъ, что они всѣ говорятъ по таджикски и что въ этомъ городѣ не было ни одного человека, знающаго тюркскій языкъ⁵⁾. Кромѣ того, Абулгази говоритъ, что сарты имѣли дома и занимались хлѣбопашествомъ⁶⁾, т. е. считаетъ ихъ осѣдлымъ населеніемъ.

¹⁾ Dictionnaire Diaghatai-Turk (S.-Petersburg, 1860) и Dictionnaire Turk-Oriental (Paris, 1870 Mot—

²⁾ Исфара — селеніе въ Кокандскомъ уѣздѣ.

³⁾ Bader-Hameh. Djagataice ad fidem codicis Petropolitani Edidit N. Ilminski. Casani, MDCCLVII, pag. 4.

⁴⁾ См. въ подлин. текстѣ страницы: 197, 223, 242, 301 и 305.

⁵⁾ بارجه سی تاجیک سوزلایدور هیچ ترکی ییلورکشی یوق
Ibid. pag. ۳۱۱

⁶⁾ Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Begadour Khan. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaison. Tome I. Texte. St. Petersbourg 1871.

سارت -- جدول الاعلام

Въ русскихъ историческихъ памятникахъ мы находимъ слѣдующія свидѣтельства относительно слова „сартъ“:

1) Въ Статейномъ спискѣ похода Томскихъ боярскихъ дѣтей Романа Старова и Ивана Греченинова съ служилыми людьми въ киргизскую землю отъ 15 февраля 1680 г. встрѣчается имя мурзы (*‘арткулина’*¹⁾), что ясно указываетъ на сложный составъ этой фамиліи изъ двухъ словъ: *сартъ* и *куля*²⁾.

2) Въ Описаніи торговаго путешествія вятскаго татарина Шубая Арасланова, ѣздившаго вмѣстѣ съ Курскимъ купцомъ Семеномъ Дроздовымъ и Казанскимъ татаринѣмъ Мансуромъ Юсуповымъ въ Ташкентъ въ 1741—1742 г.г. „сартами“ называются жители городовъ Ташкента и Туркестана, которые различаются отъ киргизовъ и калмыковъ³⁾.

3) Въ истор. монографіи В. Витевскаго „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.“ (Казань, 1895) упоминаются (на стр. 673—674) Ташкентскіе купцы—сарты, ѣздившіе въ Уфу и Казань для торговли.

4) Изъ конца того же столѣтія, отъ 1793—1794 г.г. имѣются показанія военнаго врача Бланкеннагеля, пробывшаго пять мѣсяцевъ въ Хивѣ, куда онъ былъ отправленъ русскимъ правительствомъ. Онъ въ числѣ жителей Хивинскаго ханства считаетъ 15 тысячъ „сартовъ“, кромѣ узбековъ и другихъ народностей, и говоритъ, что „сарты“—древніе жители этой земли, но покорены узбеками и находятся въ великомъ отъ нихъ угнетеніи⁴⁾.

5) Подполковникъ Ген. Штаба Г. И. Данилевскій въ 1843 г. ѣздилъ, по распоряженію русскаго правительства, въ г. Хиву съ русской миссіей и, основываясь на личномъ обзорѣни Хивинскаго

¹⁾ Сборникъ князя Хилкова (С.-Петербургъ 1879 г. стр. 313).

²⁾ Какъ очень любопытный фактъ отмѣчаю здѣсь, что слово „сартъ-сартакъ“ дало начало одной русской фамиліи—*Сартаковъ*, каковую носилъ письмоводитель Омской классической гимназіи, уроженецъ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи.

³⁾ Русскій Архивъ 1888 г., кн. 8, стр. 401—416. Сг. П. Оглоблина: „Путешествіе русскихъ купцовъ въ Ташкентъ въ 1741—1742 г.г.“

⁴⁾ См. Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Н. Веселовскаго. С.-Петербургъ, 1877. стр. 243.

ханства и на распросныхъ свѣдѣніяхъ, *достоверность которыхъ не подвергалась сомнѣнію*, составилъ описаніе Хивинскаго ханства, жителей котораго—„сартовъ“ называетъ осѣдлыми и говоритъ о нихъ: „Сарты составляютъ преобладающее племя осѣдлаго народонаселенія и суть коренные жители ханства. Азіятцы называютъ сартами всѣхъ (?) хивинцевъ вообще. Они живутъ преимущественно въ городахъ, занимаются земледѣліемъ и торговлею, которая почти исключительно находится въ ихъ рукахъ. Правительственныя лица, за исключеніемъ самого хана и кушъ-бегія,—изъ сартовъ. Всѣ порученія, почетныя и выгодныя, возлагаются на нихъ-же, а равно и управленіе городами и ханскими имуществами. Этотъ политическій перевѣсъ при помощи торговли способствуетъ немало къ ихъ обогащенію и упроченію возрастающаго первенства (стр. 91). Затѣмъ г. Данилевскій, говоря о городахъ Хивинскаго ханства въ отдѣльности, вездѣ называетъ сартовъ, гдѣ они, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, оказывались жителями описываемыхъ имъ городовъ*)).

Наконецъ, должно упомянуть, что выраженіе „сартъ“ встрѣчается въ нѣсколькихъ пословицахъ, до сихъ поръ употребляемыхъ сартами и киргизами. Въ одной пословицѣ говорится: *„Сартъ, когда разбогатеетъ, то крышу ставитъ“* (т. е. заводитъ себѣ домъ), *а киргизъ, когда разбогатеетъ, женится*. Въ другой пословицѣ говорится: *„Многой киргизъ становится сартомъ, а многой сартъ становится киргизомъ“*. Третья пословица говоритъ: *„Посль того какъ ты сталъ сартомъ, нѣтъ отъ тебя пользы; послѣ того какъ ты сѣмьлся киргизомъ, нѣтъ отъ тебя торговли“*. Въ этихъ пословицахъ названіе „сартъ“ противоплагается названію „киргизъ“ и обозначаетъ человѣка другаго образа жизни сравнительно съ киргизами. Первая пословица указываетъ прямо на *осѣдлый* образъ жизни сартовъ. Третья пословица даетъ понять, что съ точки зрѣнія киргиза, сартъ—человѣкъ для киргиза малополезный, вслѣдствіе своего осѣдлаго

*) Описаніе Хивинскаго ханства было напечатано въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1851 году, въ книгѣ пятій. Въ главѣ 6-й Описанія авторъ говоритъ о составѣ и числѣ народонаселенія ханства.

образа жизни; точно такъ-же какъ киргизъ, вслѣдствіе кочевого образа жизни, не можетъ быть торговцемъ¹⁾. Вторая пословица указываетъ на отличіе киргиза отъ сарта *по образу жизни*: плохой киргизъ, т. е. измѣнившій въковому образу жизни кочевника, становится „сартомъ“, т. е. начинаетъ вести осѣдлую жизнь; точно также не имѣющей осѣдлости и скитающийся по чужимъ дворамъ сартъ—уже плохой сартъ, съ точки зрѣнія осѣдлаго жителя. Важнымъ отличіемъ сартовъ отъ киргизъ и узбековъ, служитъ отсутствіе среди сартовъ родового быта, тогда какъ киргизы и узбеки и въ настоящее время помнятъ своихъ родичей и точно и опредѣленно группируются по родамъ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, можно заключить, что слово „сартъ“ было въ употребленіи въ Средней Азіи уже въ отдаленное отъ насъ время и что сарты различались отъ узбековъ, туркменъ и кызылбашей съ одной стороны и отъ таджиковъ съ другой, какъ это мы знаемъ въ настоящее время. Г. Лерхъ замѣчаетъ, что названіе „сартъ“ распространилось по среднему и нижнему теченію Сыръ-Дарьи (древняго Яксарта), а на Аму-Дарьѣ удержалось только въ Хивинскомъ ханствѣ и что, наоборотъ, названіе „таджикъ“ сохранилось и болѣе распространилось въ предѣлахъ древней Согдіаны. На базарахъ Бухары до сихъ поръ слышится таджикское нарѣчіе, тогда какъ на базарахъ Хивы и Ташкента таджикской рѣчи почти не слышно. Самыя названія мѣстностей въ предѣлахъ древней Согдіаны гораздо болѣе сохранились иранскія, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Хивы и Ташкента почти исключительно встрѣчаются тюркскія названія мѣстностей. Это явленіе объясняется тѣмъ, что по Аму-Дарьѣ древній иранскій элементъ былъ сильнѣе и оказалъ болѣе устойчивости противъ напора монголо-тюркскихъ племенъ, наводнявшихъ въ разныя времена Среднюю Азію; наоборотъ, по Сыръ-Дарьѣ оказался болѣе сильнымъ элементъ тюркскій, который и пересилилъ здѣсь иранскій, сказавшись тѣмъ не менѣе въ смѣшанномъ типѣ сартовъ. Какъ происходило это смѣшеніе, понять не трудно, имѣя въ виду постоянныя столкновенія

¹⁾ Припомнимъ, что въ „Кудатку-биликѣ“ сартъ означаетъ купца.

монголо-тюркскихъ племень съ иранскими, сопровождавшіяся болѣе или менѣе продолжительнымъ господствомъ побѣдителей¹⁾).

Кромѣ того, извѣстно что съ давнихъ поръ персидскими рабами снабжались базары Хивы, Бухары и Коканда, а это въ свою очередь способствовало также смѣшенію тюркской и иранской крови. Въ 1873 г., по завоеваніи Хивы, въ этомъ ханствѣ оказалось много рабовъ-персіянъ, почему высоко-гуманный побѣдитель хивинцевъ (генераль К. П. фонъ-Кауфманъ) внесъ особой статьей въ условія договора съ Хивинскимъ ханомъ освобожденіе рабовъ изъ неволи. Въ Бухарскомъ ханствѣ рабство практиковалось до послѣдняго времени, и только 7 ноября 1886 г. Бухарскій Эмиръ издалъ повелѣніе объ окончательномъ освобожденіи на всемъ протяженіи Бухарскаго ханства находившихся еще въ неволѣ рабовъ, съ выдачею каждому изъ нихъ освободительнаго документа²⁾. Рабство было извѣстно и въ Кокандскомъ ханствѣ, и въ Кашгаріи. Не удивительно, если, при описанныхъ историческихъ обстоятельствахъ и при существованіи рабства и многоженства во всей мусульманской Азіи, туземные жители городсвъ нынѣшней Сыръ-Дарьинской и частію Ферганской областей, а также Кашгаріи и Хивы представляютъ собою типъ смѣшанный, тюрко-иранскій, какими и являются нынѣшніе сарты. говорящіе по тюркски и въ тоже время, по своему тѣлосложенію и характеру, напоминающіе иранское племя. „Случаи такого рода, когда племена по языку своему занимаютъ иное положеніе, чѣмъ то, которое слѣдуетъ имъ приписать по ихъ расовымъ признакамъ, ставятъ; говоритъ Оскаръ Пешель, народсвѣдѣніе въ такое же положеніе, въ какомъ находятся минералогіи по отношенію къ псевдоморфнымъ явленіямъ. Если, напри-мѣръ, данный кристаллъ растворился подъ вліяніемъ просачивающейся воды и выносится изъ материнской породы, то другой минералъ можетъ внѣдриться въ пустоту, заполнить ее и явиться псевдокристалломъ; такъ точно народы мсгутъ сродниться съ языкомъ чуждой расы, или, напротивъ того, языкъ можетъ по

¹⁾ См. Очерки Ферганской долины. А. фонъ-Миддендорфа. Рус. перев. Спб. 1882, стр. 385 и слѣд.

²⁾ Правител. Вѣстн. отъ 21 декабря 1886 г. № 280.

прежнему неизмѣнно господствовать въ данной области, тогда какъ раса медленно измѣняется, благодаря смѣшенію крови¹⁾).

Переходя къ объясненію названія „сартъ“, я привожу мнѣнія разныхъ западно-европейскихъ и русскихъ авторовъ о значеніи этого слова. Эти мнѣнія, если и не всѣ одинаково важны въ научномъ отношеніи, то интересны, какъ попытки объяснить трудно объяснимое слово. Нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній совершенно неосновательны. Особенно неосновательно предположеніе нѣкоторыхъ Туркестанскихъ авторовъ, печатно и съ увѣренностію заявлявшихъ, что слово „сартъ“ имѣетъ значеніе браннаго, ругательнаго слова и что поэтому оно не можетъ имѣть мѣста, какъ и выраженіе „языкъ сартовъ“ (сартъ тили — سارت تیلی), принятое въ Туркестанской туземной газетѣ. Допуская и употребляя выраженія: „языкъ сартовъ, сартское нарѣчіе“, я слѣдовалъ указаніямъ дѣйствительности и продолжаю быть увѣреннымъ, что выраженіе „тюркскій“ есть общее названіе для многихъ нарѣчій тюркскаго семейства и не можетъ характеризовать видоваго названія; если мы допускаемъ выраженія: киргизское, узбекское, туркменское, татарское нарѣчія, то съ равнымъ правомъ должны принять и выраженіе „сартовское нарѣчіе“, о которомъ еще покойный Лерхъ замѣтилъ, что оно ближе всего къ джагатайскому литературному языку, а въ отдѣльныхъ пунктахъ приближается къ народному говору узбековъ и киргизъ, именно тамъ, гдѣ сарты приняли въ себя новый элементъ стѣ этихъ народовъ²⁾).

Мнѣнія разныхъ авторовъ о значеніи слова „сартъ“.

Лейтенантъ Остѣ-Индской компанейской службы, А. Борнсъ въ описаніи своего путешествія изъ Индіи въ Кабуль, Татарію и Персію, въ 1831—1833 г.г., въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: „Между городскими жителями Туркестана мы встрѣчаемъ такое-же разнообразіе, какъ и между татарами. Первобытные жители этого края суть таджики или таты, иногда, хотя и ошибочно,

¹⁾ Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри съ 6 изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Выпускъ III, стр. 392. (С.-Петербургъ, 1890).

²⁾ Russische Revue 1872, I. „Das Russische Turkestan“, ss. 30- 35.

называемые сартами, что собственно служить насмѣшливымъ именемъ, которое имъ придаютъ кочевыя племена. Во времена отдаленныя воинственные турки, пришедшіе съ сѣвера, сокрушили власть этого народа, а потомъ междоусобныя распри ордъ обезсилили его еще больше¹⁾).

Пашино въ своихъ путевыхъ запискахъ, изданныхъ имъ въ С.-Петербургѣ, въ 1868 г., подъ заглавіемъ: „Туркестанскій край въ 1866 году“, на стран. 167—169, говоритъ о сартахъ слѣдующее:

„Типъ сарта и характеръ его, съ перваго знакомства, говорятъ за его *арійское* происхожденіе. Конечно, можно встрѣтить въ Туркестанской области много личностей, именующихъ себя сартами и носящихъ самый несомнѣнный отпечатокъ монгольскаго происхожденія. Но такое обстоятельство не должно противорѣчить моему доводу о происхожденіи сартовъ, такъ какъ и между поселившимися здѣсь кровными персіянами во второмъ же колѣнѣ является типъ вовсе не персидскій; это происходитъ отъ браковъ съ монгольской расою, представительницами которой являются въ этихъ бракахъ по преимуществу вывезенныя изъ Россіи татарки и весьма рѣдко—киргизскія и кипчакскія дѣвушки.

„Когда поселились здѣсь арійцы и какимъ путемъ пришли сюда они: перешли-ли они Гиндукушъ или Паропамизъ—это все остается нерѣшенными вопросами, при отсутствіи письменныхъ памятниковъ; я осмѣливаюсь впрочемъ сдѣлать слѣдующее предположеніе, что народъ, извѣстный въ настоящее время подъ именемъ сартовъ и встрѣчающійся въ каждомъ населенномъ пунктѣ, отъ Каспійскаго моря до Небесныхъ горъ, происходитъ отъ тѣхъ персидскихъ переселенцевъ, которые волею или неволею являлись сюда во время завоеваній эпохи Чингизъ-хана, въ качествѣ ученыхъ, искусныхъ строителей, мастеровъ, учителей различныхъ ремеслъ и просто военнопленныхъ. Что сарты персидскаго происхожденія, въ этомъ отчасти убѣждаетъ насъ то, что многіе изъ нихъ знаютъ персидскій языкъ и что въ такомъ государствѣ, какъ Кокандское ханство, гдѣ главная масса

¹⁾ Борнсъ: Путешествіе въ Бухару. Изданіе П. В. Голубкова. Москва, 1848—1849 г. Часть третья, стр. 370.

населенія говорить на нарѣчіяхъ тюркскихъ, языкъ этотъ сдѣлалъ языкомъ официальнымъ¹⁾).

„Что-же касается до названія „сартъ“, то мнѣ толковали его различно: одни говорили, что сарты прежде назывались „башь-сартами“ и что это названіе имъ дано потому, что они носили шапку изъ мѣха звѣрка, называющагося у киргизъ „сартомъ“²⁾).

„Такое толкованіе отчасти правдоподобно³⁾), если припомнимъ, что въ Азіи существуетъ обыкновеніе давать незнакомому народу прозвища и кличку по головному убору; напримѣръ: персіянамъ—*кызылбашей* (красноголовыхъ), одному роду киргизъ—кара-калпаковъ (черноколпачныхъ⁴⁾), башкирамъ—башкурдовъ (волчье-головыхъ). Отчего же не повѣрить, что народъ, носящій на головѣ шапки изъ шакальего мѣха, удостоился клички „башь-сартовъ“ (шакалье-головыхъ⁵⁾). Другіе доказывали, что названіе „сартъ“ дано этому народу кочевниками-завоевателями и есть исковерканное киргизскимъ произношеніемъ „шартлы“⁶⁾), которое, по ихъ вѣговору, произносится *сартты*. *Шартлы* значить „условленный или обязанный исполненіемъ извѣстныхъ условій“

1) Сарты бухарскіе не знаютъ другаго языка, кромѣ персидскаго; кокандскіе же говорятъ на джагатайскомъ нарѣчій тюркскаго языка.

2) Башь-сартъ—сартья голова. Сартомъ называется звѣрокъ съ желтымъ мѣхомъ, нѣчто въ родѣ лисицы или шакала. Должно быть, это слово сокращено изъ сарты-ить желтая т. е. собака.

3) Но такое толкованіе слова „сартъ“ совершенно неправдоподобно. какъ и другія, подобныя этому, объясненія этого слова, которыя подѣ часть можно услышать отъ туземцевъ. Н. О.

4) Замѣчательно, что мусульмане Оренбургскаго края помѣщичьихъ крестьянъ изъ татаръ называютъ также кара-калпаками, хотя тѣ и не носятъ черныхъ шапокъ. Это, вѣроятно, произошло отъ того, что киргизскіе кара-калпаки не были никогда самостоятельными и съ давнихъ поръ находились въ полномъ подчиненіи хивинскимъ ханамъ. Родъ этотъ славится въ народныхъ сказаньяхъ своею глупостью и между ними дѣйствительно развитъ кретинизмъ въ сильной степени.

5) У насъ, подѣ Москвою, есть селеніе Бѣлый Колпъ, получившее названіе отъ головного убора—бѣлаго колпака, который и до сихъ поръ употребляется обывателями. Малороссовъ называютъ, по головному чубу, хохлами. Турокъ даже въ литературѣ называютъ чалмоносцами, хотя тамъ давно чалма замѣнилась фескою.

6) Киргизы это слово произносятъ сарты, такъ какъ у нихъ бубва *и* всегда переходитъ въ *с*, а окончаніе *лы* измѣняется постоянно въ *ты*.

и потому давалось поселенцамъ, оставшимся жить въ городахъ и селеніяхъ на извѣстныхъ условіяхъ¹⁾).

„Можно сдѣлать еще предположеніе, что новые персидскіе поселенцы, смѣшиваясь съ древнимъ, побѣжденнымъ монголами, населеніемъ, получили ихъ имя. А что древніе обитатели могли именоваться сартами, это возможно допустить, такъ какъ звуки, составляющіе это слово, мы находимъ въ самыхъ древнѣйшихъ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей и даже самая рѣка Сырь-Дарья называлась въ древности *Иксартонъ*. Такому предположенію противорѣчитъ то, что въ мусульманскихъ рукописяхъ, посвященныхъ описанію походовъ славныхъ среднеазиатскихъ завоевателей, въ которыхъ перечисляются названія покоренныхъ ими народовъ, даже самыхъ отдаленныхъ, какъ армяне, грузины и русскіе, имъ „сартовъ“ мнѣ не случалось встрѣчать²⁾).

„Нѣкоторые смѣшиваютъ сартовъ съ таджиками и говорятъ, что сартъ и таджикъ—одно и тоже. Дѣйствительно, между таджиками и сартами есть много общаго, такъ какъ оба эти народа—арійскаго происхожденія. Таджики Туркестанской области³⁾—кровные персы, попавшіеся сюда въ неволю въ новѣйшія времена и укоренившіеся здѣсь; что-же касается до сартовъ, то хотя они и положительно арійскаго происхожденія, но что они—переселенные персіане, это предположеніе гадательное и требуетъ подтвержденія⁴⁾. Каждый сартъ очень оскорбился-бы, если-бы его называли таджикомъ, такъ какъ послѣдній здѣсь не пользуется никакимъ уваженіемъ, потому во-первыхъ, что произошелъ отъ раба, во вторыхъ—по предубѣжденію сарта (суннита), что каждый

1) Разсказъ г. Пашино о звѣркѣ „*банъ-сартъ*“ и сближеніе слова „*сартъ*“ съ словомъ „*шартъ*“, откуда формы „*сартъ*“ занесено г. А. Будаговымъ въ его Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нерѣчій. (Спб. 1871), т. I стр. 612. Н. О.

2) Ср. стран. 6—9. И это неудивительно для г. Пашино.

3) Во время поѣздки г. Пашино въ Туркестанскій край, нынѣшняго названія „Сырь-Дарьинская область“ не было; въ то время была извѣстна „Туркестанская область“. Н. О.

4) По Зендавестѣ, родиною всѣхъ арійскихъ народовъ считается мѣстность на верховьяхъ рѣкъ Сыра и Аму, и сартовъ счесть можно скорѣе за аборигеновъ этого края, а не за пришельцевъ изъ какой-нибудь другой страны, если вѣрить показаніямъ Зендавесты.

таджикъ, если не явно, то въ душѣ—шіитъ, раскольникъ, чело-
вѣкъ презрѣнный. Такіе и тому подобные рассказы людей, поло-
жительно незнакомыхъ съ исторіею и стоявшихъ за то, что Афро-
сиабъ былъ нѣкогда ихъ царемъ и что въ Ташкентѣ находятся
остатки его трона и развалины дворца его дочери, хотя и не
могли меня окончательно убѣдить по вопросу о происхожденіи
сартовъ, однако-же я скорѣе согласенъ признать ихъ за особый
народъ арійскаго происхожденія, чѣмъ смѣшать ихъ съ таджиками,
которые волей-неволей поселились здѣсь со временъ Тамерлана*.

Извѣстный путешественникъ по Средней Азіи, нынѣ про-
фессоръ восточныхъ языковъ и литературъ при Будапешскомъ
университетѣ, Германъ Вамбери говоритъ на ту же тему такъ:

„Турки всегда первоначальныхъ жителей Трансъ-Оксаніи
называли „сартами“¹⁾). Происхожденіе этого послѣдняго слова мнѣ
совершенно неизвѣстно; его употреблялъ уже знаменитый Миръ-
Али-Ширъ, называя въ своемъ трактатѣ „О персидскомъ и ту-
рецкомъ языкахъ“ первый языкъ всегда *сартъ-тили*, а не *та-
джикъ-тили*. Поэтому слово „сартъ“ можно основательно при-
нять за турецкое названіе таджика. Правда, узбеки иногда по-
лагаютъ разницу между сартомъ и таджикомъ, разумѣя подъ
таджиками людей, только въ недавнее время поселившихся между
узбеками и вполне сохранившихъ свое иранское нарѣчіе, пре-
имущественно бухарцевъ, а подъ „сартами“—уже давно осѣвшихъ
жителей, по большей части перемѣнившихъ свой родной языкъ
на турецкій, напримѣръ, какъ мы видимъ это во всей Хивѣ и въ
сѣверной части Коканда. Хотя я не раздѣляю мнѣнія о различіи
между таджиками и сартами²⁾), но не могу не признать, что сар-
ты вообще отличаются отъ таджиковъ даже нѣкоторыми физіо-

¹⁾ Г. Ханыковъ ошибается, полагая, что это относится только къ Хивѣ,
ибо ему конечно не безызвѣстно, что въ Ташкентѣ, покоренномъ недавно
русскими, персидское населеніе называется „сартами“, и что также точно
его называютъ во всемъ Кокандѣ. Генералъ Крыжановскій также говоритъ
о таджикахъ и сартахъ, какъ о двухъ различныхъ племенахъ.

²⁾ Въ словарь, приложенномъ къ „Gagataische Sprachstudien“ (Leipzig 1867),
г. Вамбери одинаково считаетъ сартовъ и таджиковъ первобытными обита-
телями Средней Азіи. Н. О.

номическими особенностями¹⁾. Сарты сложены нѣсколько стройнѣе, имѣютъ болѣе продолговатое лицо, узкій и высокій лобъ; но это должно приписать тому обстоятельству, что они часто вступаютъ въ браки съ осѣвшими въ Средней Азіи освободившимися персидскими невольниками, чего таджики никогда не дѣлаютъ²⁾.

Г. Робертъ Ша (Shaw), Великобританскій комисаръ въ Ладакѣ, на основаніи личныхъ своихъ распросовъ у туркестанскихъ туземцевъ, замѣчаетъ, что мелкія племенные отличія народовъ этого края сливаются въ двухъ перекрещивающихся подраздѣленіяхъ. Въ одномъ подраздѣленіи являются турки и таджики—люди татарскаго и арійскаго подраздѣленій; въ другомъ—киргизы и сарты³⁾—кочующее и осѣдлое племена. Первое подраздѣленіе (по моему, оно исключительно состоитъ изъ татаръ) заключаетъ въ себѣ много различныхъ племенъ: казаковъ, кипчаковъ, каракалпаковъ и пр., кромѣ настоящихъ киргизовъ, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на разныя орды. Сарты или осѣдлый народъ включаютъ аріискихъ таджиковъ, татарскихъ узбековъ и др. На всемъ протяженіи Бухары и, я думаю, до самой Сыръ-Дарьи (Яксартъ), таджики составляютъ массу населенія. Они—

1) Въ другомъ своемъ сочиненіи (*Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes aus Grundsprachlicher Forschungen*) г. Вамбери называетъ сартовъ первобытными аріискими обитателями Средней Азіи, говорящими по-тюрки, и высказываетъ, что «Сарты отъ своихъ аріискихъ собратьевъ, таджиковъ, столь же рѣзко различаются не только въ языкѣ, но въ тѣлосложеніи и въ фізіономіи, сколько обѣ расовыя разновидности вмѣстѣ (т. е. сарты и таджики) отличаются отъ арійцевъ, населяющихъ Персію. Отъ другой стороны, отличительныя черты сартства (*Sartenthum*) теряются въ той мѣрѣ, въ какой онѣ отдаляются отъ пункта своего общаго происхожденія на Среднемъ Яксартѣ (Сыръ-Дарьѣ). См. Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Рус. Геогр. Общ. кн. VI. Омскъ, 1884. Введеніе къ сочиненію Вамбери: «Первобытная культура тюрко-татарскихъ народовъ», стр. 4. Н. О.

2) Очерки Средней Азіи (Дополненіе къ Путешествію по Средней Азіи). Русскій переводъ. Москва, 1868 г. стр. 321—322.

3) Русскіе ошибочно смѣшиваютъ это подраздѣленіе съ другимъ, вслѣдствіе котораго сарты являются тождественными съ таджиками (вѣроятно потому, что первые сарты, попавшіеся имъ, оказались случайно таджиками). Но они рѣшительно ошибаются: всѣ кокандцы, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать въ Восточномъ Туркестанѣ, единодушно говорили, что есть только имя, подъ которымъ киргизы подразумѣвали всякаго не кочующаго, будь онъ таджикъ, или узбекъ.

земледѣльцы, лавочники, купцы, писцы, иногда даже солдаты и правители. За Сырь-Дарьей, въ Кокандскомъ ханствѣ, они не могли устоять противъ татарскаго наплыва (здѣсь онъ былъ ясно сильнѣе); тутъ они встрѣчаются рѣже между купцами, писцами и въ высшихъ должностяхъ, но гораздо менѣе между хлѣбопашцами и деревенскими жителями. Вотъ, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія, собранныя мною у андижанцевъ и кокандцевъ, находящихся въ услуженіи у Аталыкъ-Гази, въ Кашгарѣ и Яркандѣ¹⁾).

Русскій ученый путешественникъ и знатокъ тюркскихъ нарѣчій, В. В. Радловъ (нынѣ членъ Императорской Академіи Наукъ), посѣтившій Туркестанскій край въ 1868 г., въ статьѣ своей „Средняя Зеравшанская долина“, говоритъ:

„Осѣдлое населеніе городовъ: Ташкента, Чимкента, Аулие-ата, Мерке и Туркестана, какъ и всѣхъ деревень вокругъ ихъ, называется общимъ названіемъ „сартъ“; такимъ-же именемъ называютъ ихъ киргизы и узбеки. Я не могу ясно опредѣлить происхожденія этихъ сартовъ. Родовыхъ ихъ именъ я не могъ узнать. По наружности, они очень похожи на таджиковъ; но персидскій языкъ для нихъ—чужое и незнакомое нарѣчіе, если они не изучали его въ бухарскихъ или самаркандскихъ медресе. Они сами рѣзко себя отдѣляютъ отъ таджиковъ, которые живутъ между ними разбросанно по одиночкѣ. По Вамбери, можно было бы заключить, что сарты, по происхожденію,—таджики. Онъ утверждаетъ это, разсуждая о происхожденіи хивинскихъ сартовъ: „сарты, называемые въ Бухарѣ и въ Кокандѣ таджиками -- древніе персидскіе жители Харезма“. Меня только удивляетъ, что сарты, живущіе здѣсь, на сѣверѣ, такими густыми массами, именно здѣсь такъ совершенно отатарились, между тѣмъ какъ таджики въ отдѣльныхъ деревняхъ сохранили свой персидскій языкъ. Съ другой стороны возможно, что имя „сартъ“ дано имъ извнѣ точно такъ, какъ бухарскіе переселенцы на рѣкѣ Тоболѣ въ настоящее время называютъ себя сартами, потому что тобольскіе татары имъ дали такое названіе, а татары вообще и калмыки алтайскіе приняли подобныя же, имъ самимъ неизвѣстныя, названія отъ русскихъ. Ташкентскіе сарты могли получить это названіе

¹⁾ Очерки верхней Татаріи, Яркенда и Кашгара. Русскій переводъ. С.-Петербургъ, 1872 г., стр. 26—27.

отъ киргизовъ, которые на самомъ дѣлѣ называютъ всѣхъ осѣдлыхъ магометанъ Средней Азіи такимъ именемъ, не смотря на то—узбеки ли они, сарты, таджики, или кашгарскіе татары¹⁾.

Г. Скайлеръ (Schuyler), посѣтившій въ 1873 году Туркестанскій край, вскорѣ послѣ завоеванія его, не оставилъ безъ вниманія названія „сартъ“ и пытался объяснить его. Перечисливъ главныя народности, населяющія Ташкентъ, онъ говоритъ: „Туземное населеніе здѣсь, какъ равно и во многихъ мѣстахъ Туркестана, извѣстно подъ названіемъ „сартовъ“; но это названіе не имѣетъ никакого этнологическаго значенія, какъ Робертъ Ша одинъ изъ первыхъ показалъ²⁾. Согласно показаніямъ туземцевъ, все населеніе страны раздѣляется на два класса: осѣдлыхъ и кочующихъ; ксчующіе называются „казаками“³⁾, а осѣдлое населеніе извѣстно подъ именемъ „сартовъ“. Замѣчательно, что у древнѣйшихъ писателей слово „сартъ“ употреблялось сначала почти преимущественно для обозначенія жителей долины Сыра и не было извѣстно въ Бухарѣ и Самаркандѣ, хотя и перешло въ Кашгаръ, Кокандъ и Хиву. Абуль-Гази упоминаетъ о сартахъ, какъ объ осѣдлыхъ обитателяхъ его страны, Хивы, въ отличіе отъ узбековъ; между тѣмъ въ странѣ, завоеванной имъ, напр. Бухарѣ, онъ употребляетъ слово „таджикъ“. Въ настоящее время слово „сартъ“ извѣстно также и въ Бухарѣ. Какъ употребляющееся кочующими племенами, слово „сартъ“ равносильно бранному слову и представляетъ синонимъ труса и изнѣженнаго человѣка“⁴⁾.

Въ ст. Юр. Россели „Среднеазиатская культура и наша политика на востокѣ“ читаемъ: „Сарты—это племя татарско-финское. Древніе писатели Средней Азіи употребляли имя „сарта“ для обозначенія обывателей долины рѣки Сыръ. Сарты распространились потомъ въ Кашгарѣ, въ китайскихъ провинціяхъ, въ

1) Записки Императорскаго Русск. Гееграф. Общества по отдѣленію этнографіи. (Томъ шестой, Спб. 1880) „Средняя Зеравшанская долина“ стр. 64—65.

2) Мнѣніе Р. Ша приведено выше, на стр. 19. Н. О.

3) Г. Скайлеръ называетъ „казаками“ тѣхъ именно жителей Туркестана, которые сами себя такъ называютъ и которые у насъ, русскихъ, извѣстны подъ именемъ „киргизъ“. Н. О.

4) Turkistan, by E. Schuyler. Vol. I, chapt. IV, Musulman Life in Tashkent. London, 1876, ss. 104—105.

Кульдждѣ, въ Хивѣ и во всѣхъ городахъ Коканда; въ Ташкентѣ они составляютъ массу населенія. Теперь существуютъ сарты въ Бухарѣ и Самаркандѣ. Главная сила ихъ въ городахъ, гдѣ они исполняютъ разныя должности въ городской службѣ и занимаются разными ремеслами, торговлею,—однимъ словомъ, настоящіе горожане. Они всегда имѣли большое значеніе во всѣхъ тревоженіяхъ Средней Азіи, но въ особенности въ Коканѣ. Сарты были уже извѣстны въ среднихъ вѣкахъ, какъ городскіе жители, напримѣръ въ Ташкентѣ. Тамъ они играли большую роль во всѣхъ событіяхъ: они создавали даже полит. общества, руководили бунтами и вообще защищали всѣ городскія права. Еще въ половинѣ XV вѣка сарты защищали Ташкентъ отъ набѣговъ узбековъ и сдавали городъ Омару-Шейхъ-Мирзѣ и его сыну—Баберу, который сдѣлался тогда общимъ правителемъ всей Ферганы и Ташкента, т. е. всего Кокана, какимъ онъ былъ до послѣдняго русскаго завоеванія. Послѣ изгнанія Бабера, тамъ оставались еще завоеватели, а въ 1589 году Ташкентъ попалъ въ руки киргизовъ кайсацкихъ и кара-киргизовъ (тогда киргизы были на высотѣ своего величія), но 17-го апрѣля 1740 года сарты опять взбунтовались, убили киргизскаго вождя Юльбарс-хана и изгнали киргизовъ изъ Ташкента. Такова же судьба сартовъ въ городѣ Коканѣ, гдѣ они тоже играли огромную политическую роль¹⁾.

По мнѣнію покойнаго русскаго профессора по кафедрѣ Истории Востока, В. В. Григорьева, слово „сартъ“ означаетъ горожанина. Такъ въ Средней Азіи одинаково называютъ осѣдлое населеніе, говорящее языкомъ одного происхожденія съ персидскимъ, какъ у турокъ, когда эти послѣдніе, сдѣлавшись осѣдлыми, занимаются земледѣліемъ или городскими промыслами²⁾.

Бывшій слушатель покойнаго профессора, Н. Н. Пантусовъ, говоритъ: „Сарты“ („Сарт“ у Клапрота „сарты“) или Таджики („Таджик“, китайское *Тяо-чжи*) суть жители городовъ и дере-

1) Вѣстникъ Европы 1878 г. Іюнь, стр. 600—601. Ст. «Среднеазиатская культура и наша политика на востокѣ» Туркестанъ. Путевыя замѣтки Евг. Скайлера. Юр. Россели, стр. 600—601.

2) Землевѣдѣніе Риттера. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Выпускъ второй (С.-Петербургъ. 1878), стран. 370, примѣч. 39.

вень, занимающіеся замледѣліемъ, торговлею и ремеслами. Они говорятъ по персидски, въ противоположность туркамъ, и представляютъ, по-видимому, остатки древняго населенія. Имя таджиковъ они получили, вѣроятно, отъ турокъ, такъ какъ были поданными арабовъ, которые стали имъ, туркамъ, впервые извѣстными подъ именемъ „тади“ или таджи (у китайцевъ—даши¹⁾).

Г. Федченко, говоря о населеніи Зеравшанской долины, замѣчаетъ, что оно по преимуществу осѣдлое и состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: племень тюркской и иранской расъ, а затѣмъ поясняетъ, что „Таджики, принадлежащіе къ иранской расѣ, составляютъ первобытныхъ жителей страны и до сихъ поръ еще хорошо сохранили свой типъ... Жители долинъ, напротивъ, смѣшались съ позднѣе пришедшими сюда узбеками, народомъ тюркского племени, рѣзко отличающимся отъ таджиковъ своимъ внѣшнимъ типомъ. Узбеки покорили таджиковъ и сдѣлались господствующею, по значенію, частью населенія, хотя и приняли отъ таджиковъ религію и образъ жизни, передавъ имъ свой языкъ, въ который однако вошло много иранскихъ элементовъ. Слово „сартъ“, которымъ русскіе называютъ сплосъ все здѣшнее населеніе²⁾, не имѣетъ у туземцевъ какого-либо политическаго, этнографическаго или антропологическаго значенія, а служитъ только для означенія жителей городскихъ и вообще осѣдлыхъ“³⁾.

Въ каталогѣ Туркестанскаго отдѣла Политехнической выставки⁴⁾, на стр. 53, говорится о сартахъ слѣдующее:

„Названіе „сартъ“ употребляется русскими для обозначенія всѣхъ осѣдлыхъ жителей Туркестана и перешло къ русскимъ отъ киргизъ и жителей городовъ по правую сторону Сыръ-Дарьи. То обстоятельство, что по лѣвую сторону Сыра и въ городахъ до сихъ поръ сохранились особыя, такъ сказать, племенные названія

¹⁾ Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу этнографіи. Томъ шестой. Спб. 1880. Ст. „Фергана по Запискамъ султана Бабура“, стр. 192, примѣч. 39.

²⁾ Разумѣется населеніе Зеравшанской долины. Н. О.

³⁾ Первый отчетъ Туркестанской ученой экспедиціи Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. (Москва, 1869) стр. 39—40.

⁴⁾ Составленъ членами комиссіи: М. И. Бродовскимъ, Д. Л. Ивановымъ, І. И. Краузе, А. П. Федченко и О. А. Федченко. Москва. 1872.

для осѣдлыхъ жителей, затѣмъ--имѣющіеся наблюденія надъ имъ сартовъ и наконецъ имѣющіеся свѣдѣнія объ отношеніи въ Туркестанѣ тюркскихъ народовъ (узбековъ, киргизъ, кипчаковъ) къ арійцамъ (таджикамъ),—все это приводитъ къ заключенію, что сартъ есть помѣсь таджика, первоначальнаго жителя страны, съ позднѣе пришедшими тюркскими народами. Въ горахъ, куда мало проникали тюркскія племена (по Чирчику, въ горахъ, окаймляющихъ Кокандское ханство съ сѣвера и юга, въ Когистанѣ и въ горахъ по верхнему теченію Аму-Дарьи) и до сихъ поръ сохранились таджики безъ всякаго смѣшенія съ тюркскими народностями. Но на мѣстахъ открытыхъ, въ тѣхъ оазисахъ, гдѣ сосредоточивалось главное осѣдлое населеніе края, первоначальные таджики пришли въ соприкосновеніе съ явившимися въ край побѣдителями-тюрками, образовали помѣсь, представляющую по типу смѣсь арійскихъ чертъ съ тюркскими. Въ образованіи типа сарта, вообще далеко не однороднаго по своимъ чертамъ, безъ сомнѣнія, приняли участіе и другія народности, кромѣ тюрковъ¹⁾. Такъ, несомнѣнна примѣсь еврейской крови, персидской и др., не говоря уже о народностяхъ, здѣсь проходившихъ или жившихъ въ прежнее время, каковы саки, юсти(?) и т. д., конечно оставившихъ свой слѣдъ въ строеніи черепа и тѣла теперешняго сарта. Это смѣшеніе особенно сильно на правомъ берегу Сыра: жители напр. Ташкента забыли свое таджикское происхожденіе, приняли тюркскій языкъ, представляютъ въ своихъ чертахъ много монгольскаго и усвоили себѣ названіе „сартъ“, названіе, надо полагать, данное имъ тюрками, потому что едва ли самъ народъ придумаетъ для себя имя, которое, по мнѣнію большинства(?) лингвистовъ и наконецъ, судя по тому тону, съ которымъ оно произносится узбеками, означаетъ: дурной, трусъ, барышникъ...

„Сарты составляютъ не только преобладающую по численности часть осѣдлаго населенія въ Сырь-Дарьинской области и Кокандскомъ ханствѣ, но и главную экономическую и туземную

¹⁾ Въ проектѣ Всеподданнѣйшаго отчета Генералъ-Адъютанта фонъ-Кауфмана I, на стр. 22, сказано, что сарты происходятъ отъ смѣшенія разныхъ расъ, обусловленнаго многовѣковыми столкновеніями, и до сихъ поръ не прекращающимся взаимодействіемъ иранскихъ и тюркскихъ народностей. Н. О.

интеллектуальную силу края. Сартъ, несмотря на всѣ невзгоды, сохранилъ у себя ремесла и приготовилъ почти всѣ произведенія, выставленныя въ техническомъ отдѣленіи¹⁾; онъ же обеспечиваетъ продовольствіе края, потому что имъ обрабатывается большая часть полей, и сады составляютъ исключительную почти принадлежность сартовъ, которую мы видимъ еще только у его близкихъ родственниковъ таджиковъ. Сады настолько характеризуютъ сартовъ, что доставили имъ прозваніе *карадаратъ* (черный, густой лѣсъ)—въ смыслѣ политической партіи—отъ ихъ всегдашнихъ враговъ, кочевниковъ-киргизъ, народа, по своему характеру, занятіямъ и образу жизни, столь противоположнаго сартамъ*.

Г. Гребенкинъ, въ своей статьѣ „Таджики“ высказываетъ такое мнѣніе о словѣ „сартъ“:

„Таджики имѣютъ въ Зеравшанскомъ округѣ три названія: общее—„таджикъ“, частное для выходцевъ изъ Мерва—„тадь“ и бранное—„сартъ“, или „сасыкъ-сартъ“.

Обращаясь къ названію таджиковъ словомъ „сартъ“, г. Гребенкинъ говоритъ: „Этимологія этого слова мнѣ неизвѣстна. Туземцы тоже не знаютъ его корня. Объясненія ихъ слова „сартъ“ состоятъ изъ уподобленій, сравненій съ разными ругательствами. Сартъ значитъ: баба, трусъ, барышникъ и пр. „Сасыкъ-сартъ“! (тухлый сартъ) кричитъ кара-калпакъ, бранясь съ таджикомъ. Во время войны, при осадѣ городовъ, узбекскіе наѣзтники, подскакивая къ стѣнамъ и махая плетью, кричатъ: а-е-и сартъ! съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ, которыми такъ богатъ ихъ лексиконъ. Наконецъ, узбекъ рѣдко когда скажетъ: таджикъ, а всегда: „таджикъ-сартъ“, причемъ слово „сартъ“ выговорить съ особеннымъ, язвительнымъ выраженіемъ. Сами узбеки говорятъ: „таджика мы называемъ таджикомъ, когда ѣдимъ съ нимъ, а сартомъ—когда бранимъ его“. Таджики утверждаютъ, что названіе сартъ имъ передали русскіе и зависимые отъ русскихъ киргизы, но сами они (зеравшанцы) этого имени не признаютъ.

„Намъ кажется, что странный (?) эпитетъ „сартъ“ распространенъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кочуютъ киргизы. Туркестанъ, Чимкентъ, Ташкентъ и другіе города долинъ Турке-

¹⁾ То есть, по Туркестан. отдѣлу Политехнической выставки. Н. О.

станскаго края окружены кочевниками и въ этихъ городахъ слово „сартъ“—привычный уху звукъ. Въ горныхъ же городахъ и кишлакахъ, гдѣ или нѣтъ вовсе, или очень мало киргизъ и узбековъ: въ Кураминскомъ, Ходжентскомъ и Джизакскомъ уѣздахъ и въ Самаркандскомъ отдѣлѣ—названіе „сартъ“ или вовсе не употребляется, или весьма рѣдко. Да и вообще, по мѣрѣ удаленія отъ береговъ Сыра на югъ, названіе „сартъ“ становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ и уже въ Шахрисябскихъ владѣніяхъ и въ городѣ Карши намъ не приходилось его слышать“.

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ приведеннымъ словамъ тотъ же авторъ говоритъ: „Узбекскій родъ „Митанъ“ имѣетъ много пѣсень, которыя, по ихъ преданію, сочинены еще въ то время, когда они были въ Россіи. Въ одной изъ нихъ говорится: „въ Самаркандѣ попадешь въ руки къ проклятымъ сартамъ“. Эту пѣсню знаютъ и на низовьяхъ Урала¹⁾).

Г. Хорошхинъ говоритъ, что сарты—осѣдлый народъ таджикскаго происхожденія, но говорящій узбекскимъ языкомъ. Признавая сильное вліяніе узбековъ на таджиковъ, онъ говоритъ, что это вліяніе узбековъ и доселѣ еще такъ сильно, что хотя узбеки приняли отъ таджиковъ исламъ, однако не нуждаются въ ихъ персидскомъ языкѣ, тогда какъ узбекскія нарѣчія, въ томъ числѣ и сартовское, въ большемъ ходу всюду между таджиками. Съ сартовскимъ языкомъ, по его словамъ, можно обойти всю Среднюю Азію, такъ же какъ съ французскимъ Европу²⁾.)—Въ статьѣ „Таджики“ г. Хорошхинъ раздѣляетъ таджиковъ обоихъ береговъ Сыра и Зарявшана на двѣ группы: на таджиковъ горъ и на таджиковъ равнинъ, и говоритъ, что таджики равнинъ на правомъ берегу Сыра суть „сарты“, а на лѣвомъ жители городовъ: Исфары, Канибадама, Ходжента, Ура-тюбе, Джизака и множества кишлаковъ. Таджики въ долинахъ говорятъ, по его словамъ, или сартовскимъ языкомъ, т. е. нарѣчіемъ общаго узбекскаго языка, или таджикскимъ (Ходжентъ и другіе города и кишлаки по лѣвому берегу Сыра³⁾).

¹⁾ Русскій Туркестанъ. Сборникъ, изданный по поводу Поли ехнической выставки. Выпускъ второй. Москва. 1872 г., стран. 1—3.

²⁾ Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края. С.-Петербургъ, 1876, стран. 499. Но это не совсѣмъ вѣрно. Н. О.

³⁾ Тамъ же, стран. 520.

Г. Костенко говоритъ: „Племени сартовъ нѣтъ; но этимъ именемъ русскіе (?), вслѣдъ за кочевниками, окрестили осѣдлое населеніе Туркестана, населеніе, живущее въ городахъ и деревняхъ и занимающееся земледѣліемъ, ремеслами и торговлею. Народности, получившія это названіе, весьма различны и по языку, и по происхожденію, но имѣютъ общія духовныя и нравственныя свойства, а также практикуютъ почти одинаковый родъ жизни.

„Сартами называются: 1) таджики, народъ иранскаго племени —исконные обитатели Средней Азіи, населяющіе нынѣ по преимуществу предѣлы Зеравшанскаго округа и частью Ходжентскій уѣздъ; 2) осѣвшіе узбеки, татары, киргизы и разныя народности, происшедшія отъ взаимнаго ихъ смѣшенія и населяющія туземные города Сыръ-Дарьинской и Ферганской области, Зеравшанскаго округа и живущіе въ качествѣ торговцевъ въ городахъ Семирѣченской области и наконецъ 3) таранчи—осѣдлое мусульманское племя, составляющее преобладающее населеніе Кульджинскаго района.

„Всѣ эти народности, носящія общее имя сартовъ, сами себя не называютъ этимъ именемъ, а именуются по названіямъ городовъ, въ которыхъ проживаютъ. Такъ, обыватель Ташкента называетъ себя ташкенлыкомъ (ташкентцемъ), обыватель Ходжента—ходженлыкомъ и пр....

„Языкъ сартовъ также различный; въ Самаркандѣ и Ходжентѣ, напр., таджикскій, тогда какъ въ Ташкентѣ, Кокандѣ, Кульджѣ — тюркскій. Но зато образъ жизни, нравы и обычаи почти одинаковы“¹⁾.

Г. Уйфальви (Ujfalvy de Mezö-Kövesd), посѣтившій Туркестанскій край въ 1877 году и описавшій свое путешествіе въ двухъ томахъ, дѣлит народонаселеніе Ферганы на тринадцать группъ, въ числѣ которыхъ первую онъ ставитъ группу сартовъ и говоритъ о нихъ слѣдующее:

„Въ Туркестанѣ всѣхъ осѣдлыхъ жителей и горожанъ, за исключеніемъ таджиковъ, называютъ, безъ различія происхожденія, „сартами“. Когда киргизъ или узбекъ-кочевникъ поселятся въ городѣ, устроятъ себѣ дома и займутся своими дѣлами, земле-

¹⁾ Туркестанскій край. Томъ первый. С.-Петербургъ, 1880 г. стр. 442-453.

дѣльческими или торговыми, то ихъ дѣти становятся сартами. Нѣкоторые объясняютъ слово сартъ словами *сары-итъ* (желтая собака), какъ кочевники называютъ будто-бы осѣдлыхъ жителей; но это объясненіе—чистая фантазія. Слово „сартъ“ не есть, слѣдовательно, этнологическій терминъ. Впрочемъ въ Ферганѣ слово „сартъ“ обозначаетъ расу смѣшаннаго происхожденія, но такую, которая представляетъ извѣстныя характерныя особенности. Сарты Ферганы суть продуктъ смѣшенія завоевателей-узбековъ съ первобытными обитателями иранцами (таджиками). Они средняго роста, хорошо сложены; черты (лица) довольно пріятныя, борода—часто густая, но скулы всегда мало выдающіяся; вообще сарта легко отличить отъ таджика. Иногда смѣшивается кара-киргизская кровь съ иранскою, и тогда немного скошенные глаза и угловатое лицо служить тому доказательствомъ. Сарты составляютъ большую массу населенія въ городахъ второй полосы. Они находятся въ Кокандѣ, Маргеланѣ, Ошѣ, Наманганѣ. Большую часть населенія Андижана составляютъ сарты-кипчаки (племя узбековъ, сдѣлавшихся сартами). Есть цѣлый рядъ сартскихъ селеній въ той мѣстности, гдѣ р. Сохъ раздѣляется на большое число рукавовъ, отъ Япана до Коканда, равно какъ на сѣверо-востокъ отъ этого послѣдняго города до Султанъ-беги, по большой дорогѣ изъ Туса. Сарты-кипчаки занимаютъ по берегамъ Сыръ-Дарьи, на сѣверо-западъ отъ Коканда и между Андижаномъ и Наманганомъ, большое число поселковъ, а также между Нарыномъ и Кара-Дарьей¹⁾.

Во второмъ томѣ описанія своего путешествіе г. Уйфальви говоритъ, что въ Сыръ-Дарьинской области живутъ пять разныхъ народовъ: киргизъ-кайсаки, узбеки, сарты, таджики и курама. Въ этомъ заявленіи г. Уйфальви важно именно то, что онъ не смѣшиваетъ сартовъ съ другими народностями, населяющими Сыръ-Дарьинскую область, и говоритъ:

„Хотя мы въ первомъ томѣ описанія своего путешествія уже дали подробное опредѣленіе термина „сартъ“, но мы должны возвратиться къ нему теперь, чтобы разсѣять всѣ недоразумѣнія. Сарты произошли отъ смѣшенія иранцевъ, аборигеновъ Туркестана, съ узбеками и иногда съ киргизами. Сартъ есть осѣдлый

¹⁾ Expedition scientifique Française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan, Le Kohistan, Le Ferghanah et Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. Paris, 1878 pp. 69—61.

житель (торговецъ въ городахъ, земледѣлецъ въ кишлакахъ). Онъ ниже таджика и говоритъ тюркскимъ языкомъ, между тѣмъ какъ таджикъ говоритъ на персидскомъ языкѣ. Немногіе путешественники умѣли хорошо различать сарта отъ таджика. Это различіе однако-же необходимо; оно обязательно для того, кто занимается антропологическою этнографіей.

„Послѣ киргизъ, сарты составляютъ большую часть населенія Сыръ-Дарьинской области, гдѣ ихъ считается 158.453 чел. Они находятся въ городахъ: Ташкентѣ, Чимкентѣ, Ауліз-ата, Туркестанѣ, Джизакѣ, Чиназѣ и въ большихъ кишлакахъ: Иканѣ, Пскентѣ, Старомъ Ташкентѣ и пр.

„Сартъ—средняго роста: его дородность легко переходитъ въ тучность. Цвѣтъ кожи его смуглый; волосы особенно развиты на лицѣ. Черепъ у него особенно малъ, лобъ средній, брови дугообразны и густы, глаза рѣдко расположены не на прямой линіи, носъ прямой, иногда выгнутый, ротъ средній, зубы средніе и бѣлые, лицо вообще овальное. Часто впрочемъ скулы, слегка выдающіяся, глаза, расположенные подъ небольшимъ угломъ, и большое междуорбитное разстояніе ясно указываетъ на присутствіе алтайской крови. Вообще-же иранская кровь беретъ верхъ. Станъ сарта менѣе строенъ и менѣе изященъ, чѣмъ станъ таджика. Шея у сарта средняя, суставы довольно тонкіе, а конечности менѣе, чѣмъ у таджика. Тогда какъ у таджиковъ существуетъ большое различіе между отдѣльными личности, у сартовъ этой характерной разницы нѣтъ, и они часто чрезвычайно походятъ другъ на друга. Въ юношескомъ возрастѣ трудно различить мальчика отъ дѣвочки“¹⁾.

Почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, г. Миддендорфъ, посѣтившій Ферганскую область въ 1878 г., говоритъ о сартахъ слѣдующее:

„Прежде всего намъ нужно упомянуть о двоякомъ значеніи наименованій: таджикъ и сартъ. Оба они и въ этомъ сочиненіи часто употребляются какъ равнозначущія: земледѣльцы преимущественно называются таджиками, а городскіе жители, главнѣйше занимающіеся другими промыслами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по край-

¹⁾ Le Syr-Daria, le Zerachane, le pays des Septtrivi ères et la Sibirie Occidentale avec quatre appendices. Paris, 1879, pag. 20 et 35—36.

ней мѣръ, садоводствомъ и огородничествомъ, если не земледѣлемъ, носятъ названіе сартовъ. Но такъ какъ горожанинъ считается знатнѣе селянина, такъ какъ занятія не строго различаются, деревня и городъ переходятъ другъ въ друга, то нерѣдко самъ таджикъ, говоря съ европейцемъ, зоветъ себя „сартомъ“. Какъ и всегда, въ городѣ элементы населенія смѣшиваются легче, а потому подъ „сартомъ“ большею частію понимаютъ смѣшанный типъ съ монгольской кровью. Это вѣрно¹⁾.

Черезъ пять строкъ ниже этого, онъ замѣчаетъ: „если слово „сартъ“, какъ нѣкоторые утверждаютъ, было первоначально ругательнымъ, то это могло относиться лишь къ тѣмъ временамъ, когда хищники-кочевники смотрѣли съ презрѣніемъ на осѣдлыхъ жителей, въ особенности-же на перешедшихъ къ осѣдности“.

Въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія г. Миддендорфъ говоритъ: „сартовъ одни считаютъ однозначущими съ таджиками, а другіе—помѣсами (среднеазійскими метисами), третьи наконецъ даже монголами.“

„Къ вышесказанному намъ остается только прибавить, что въ этнографическомъ смыслѣ, подъ „сартомъ“ мы должны понимать помѣсь (большею частію близко подходящую къ таджикскому типу) монгольской крови, въ особенности-же крови узбекской.“

„Это этнографическое понятіе, такъ сказать, извращается распространеннымъ предположеніемъ, будто-бы сартъ—осѣдлый житель и притомъ преимущественно горожанинъ²⁾. „Сартъ“—названіе неудачное, могущее легко повести къ недоразумѣніямъ, а потому его слѣдовало-бы вычеркнуть изъ этнографическаго словаря, подобно другому термину: „татарскіе народы“, которымъ такъ много злоупотребляли. Я удержалъ это слово подъ своими гравюрами только затѣмъ, чтобы не помѣшать позднѣйшему, болѣе просвѣтленному представленію о чистѣйшемъ таджикскомъ типѣ.“

¹⁾ Г. Уйвальви (стр. 156), поправляя тѣхъ писателей, которые считаютъ таджиковъ и сартовъ за одно и тоже, самъ сталъ на ложный путь: по его словамъ, первые характеризуются персидскимъ языкомъ, а вторые—восточно-турецкимъ. См. сказанное о языкѣ на стр. 357 и 405 Очерковъ Ферганы.

²⁾ Это заходитъ такъ далеко, что г. Уйфальви (Т. I, стр. 39 и сл.) тоже говоритъ: дѣти киргиза или узбека, прочно осѣвшаго, особенно въ городѣ, превратились въ сартовъ, слѣдовательно, безъ смѣшенія расъ.

„Большинство сартовъ переходитъ въ гаджикскій типъ такимъ образомъ, что ихъ почти нельзя отличить отъ настоящихъ таджиковъ. Обыкновенно думаютъ, что помѣсь можно различить по слѣдующему единственному, еще и нынѣ сохранившемуся, признаку монгольскаго облика, именно: у сартовъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ у таджиковъ, выдаются челюстные кости (яремныя дуги).

„Можно ли среди сартовъ отличить узбекскаго сарта отъ киргизскаго—это надлежитъ рѣшить будущимъ изслѣдователямъ. Кипчакскіе сарты, которыхъ я видѣлъ въ Яны-курганской волости, не представляли ничего особеннаго. Замѣчательно однако большее преобладаніе въ нихъ иранскаго типа надъ монгольскимъ. Конечно, это преобладаніе замѣчается преимущественно у ферганскихъ сартовъ, тогда какъ далѣе, напротивъ, сильнѣе выступаетъ монгольскій типъ, ибо на сѣверо-западѣ, внѣ Ферганы, болѣе обнаруживается примѣсь киргизской, а на западѣ—узбекской крови¹⁾.

У Э. Реклю²⁾ такъ говорится о сартахъ:

„Сарты составляютъ смѣшанную расу, какъ и узбеки, но иранскій элементъ у нихъ преобладаетъ, и въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ тѣхъ узбековъ, которые сохранили тюркскую фізіономію. Впрочемъ, имя сартовъ всего чаще употребляется для обозначенія не особой національности, а только класса, отличающагося родомъ занятій и нравами. Осѣдлые жители городовъ и деревень, за исключеніемъ цивилизованныхъ таджиковъ, называются сартами, безъ различія происхожденія; нѣкоторые писатели подводятъ даже и таджиковъ подъ это общее имя, даваемое всему гражданскому населенію Туркестана³⁾. „Когда гость приходитъ къ тебѣ и ѣстъ твой хлѣбъ, называй его таджикомъ; когда онъ будетъ далеко, ты можешь сказать, что это сартъ“,—такъ рѣшила мѣстная вѣжливость. Когда киргизъ или узбекъ кочевникъ покидаетъ бродячую жизнь, чтобы поселиться въ городѣ, построить себѣ тамъ домъ и займется торговлей или промышленностью, его дѣти становятся сартами⁴⁾.

¹⁾ Очерки Ферганской долины, С.-Петербургъ. 1882, стр. 409.

²⁾ Земля и люди. Всеобщая географія. Т. VI. Спб. 1883 г., стр. 343—345.

³⁾ Гребенкинъ: Русскій Туркестанъ: Schuyler: Turkestan.

⁴⁾ Ch. de Ujfalvy: Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja.

Осѣдлые цыгане, извѣстные подъ именемъ *мазаниовъ*, въ противоположность кочевымъ цыганамъ или *люли*, называются тѣмъ же именемъ; къ сартамъ-же всего скорѣе можно причислить и *кураму*, т. е. сбродъ изъ окрестностей Ташкента; такъ называютъ людей всякаго рода и племени—узбековъ, киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ, которые поселились въ подгородныхъ деревняхъ вокругъ большаго города¹⁾). Во всей Ферганѣ большинство жителей сами себя называютъ „*курама*“, изъ чего видно, что они произошли изъ смѣшенія различныхъ расъ²⁾). Впрочемъ, языкъ сартовъ разнится по городамъ: въ Ташкентѣ, въ Ферганѣ, въ Кульджѣ они говорятъ турецкимъ языкомъ, тогда какъ въ Ходжевтѣ и въ Самаркандѣ они употребляютъ персидскій³⁾). Представляя собою по преимуществу населеніе смѣшанной крови въ странахъ арало-каспійской низменности, сарты увеличиваются въ числѣ быстрѣе, чѣмъ другія народности, и этотъ народъ или классъ несомнѣнно имѣетъ будущее, не смотря на презрѣніе, оказываемое имъ людьми благородной расы. Киргизы любятъ дѣлать игру словъ изъ имени сартовъ: они называютъ ихъ *сары-итъ*, что значитъ „желтыя собаки“; и киргизъ, соглашающійся выдать свою дочь замужъ за одного изъ этихъ презрѣнныхъ парій (?!), навлекаетъ безчестіе на весь свой родъ⁴⁾). Униженіе, въ которомъ властители страны держали сартовъ, имѣло естественнымъ слѣдствіемъ нравственную порчу послѣднихъ; оно сдѣлало ихъ боязливыми, хитрыми и фальшивыми.

„Вообще, сарты очень походятъ на евреевъ, какъ по фізіономіи, такъ и по характеру, и вполне заслуживаютъ свое наименованіе, если правда, что оно означаетъ „старьевщикъ“ т. е. торгующій подержанными вещами; но по Лерху, смыслъ этого названія—просто „порожанинъ“. Они особенно любятъ производить коммерцію деньгами, въ качествѣ мѣняль, ростовщиковъ и т. п.; какъ и евреи, они стараются пріобрѣсти образованіе, и умъ ихъ гораздо болѣе доступенъ новымъ идеямъ, чѣмъ умъ узбековъ“⁵⁾).

¹⁾ Федченко: Путешествіе въ Туркестанъ.

²⁾ Кунъ: Russische Revue, 1876 г. № 4.

³⁾ Костенко.

⁴⁾ Верещагинъ: Tour du Monde, t. XXX.

⁵⁾ Туркестанскія Вѣдомости отъ 25 марта 1880 г.

„Хотя сарты очень боятся горъ, однако они мало по малу пробираются туда, въ качествѣ земледѣльцевъ, и покойный Федченко отзывается о ихъ поселеніяхъ, какъ о самыхъ цвѣтущихъ колоніяхъ края. Они имѣютъ обыкновеніе насаждать вокругъ селенія деревья, которыя скоро разрастаются въ маленькія рощи. Въ этомъ отношеніи сарты не похожи на киргизъ, которые, если и любятъ деревья, то какъ защиту кибитокъ отъ солнца и вѣтра; но киргизамъ никогда не придетъ въ голову разводить деревья самимъ¹⁾).

Въ „Краткой исторіи Кокандскаго ханства“ г. Наливкинъ высказалъ слѣдующее мнѣніе по поводу слова „сартъ“:

„Откуда получилось названіе сартъ, я достовѣрно не знаю, но тѣмъ не менѣе не могу согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, что будто бы „сартъ“ есть *бранное слово*, которымъ въ Средней Азіи кочевники называютъ осѣдлое городское и сельское населеніе. Что кочевники относятся къ осѣдлому населенію съ пренебреженіемъ, въ этомъ никто не сомнѣвается, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы слово „сартъ“ было исключительно браннымъ словомъ. Въ доказательство этого могу указать на то, что, во первыхъ, имѣется цѣлый узбекскій родъ—„сартъ“, а во вторыхъ иногда, въ особенности между киргизами, встрѣчается имя *Сартъ-бай*. Хотя киргизы вообще склонны къ нарицанію своимъ дѣтямъ не рѣдко очень странныхъ именъ, но тѣмъ не менѣе никогда, кажется, между ними не встрѣчается такихъ, которыя были бы исключительно бранными. Нельзя ли скорѣе предположить, что изъ тѣхъ узбекскихъ родовъ, которые пришли въ Среднюю Азію съ Чингизъ-ханомъ, первымъ по времени сталъ осѣдать здѣсь родъ „сартъ“, что, въ свою очередь, могло послужить впослѣдствіи причиною названія этимъ именемъ всѣхъ вообще осѣвшихъ и осѣдавшихъ здѣсь узбековъ. (Слово „сартъ“, въ смыслѣ названія туземнаго узбекскаго и таджикскаго осѣдлаго населенія, употребляется не въ одной только Ферганѣ, а во всей вообще Средней Азіи.

„Съ теченіемъ времени отношенія отщепенства, установившіяся между осѣдлымъ и кочевымъ народомъ, незамѣтно перешли

¹⁾ Гребенкинъ (Русскій Туркестанъ, часть II).

въ антагонизмъ, для разростанія котораго причинъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Житейскія потребности гнали кочевника на базаръ, гдѣ сартъ, въ отместку за пренебрежительныя къ нему отношенія, дралъ съ надменнаго собрата вдвое противъ того, что платилъ ему за ту же вещь горожанинъ; въ свою очередь кочевникъ, выросшій среди войны и грабежей, въ концѣ лѣта, или осенью, грабилъ сартовскій *гирманъ*¹⁾ и всегда почти безнаказанно увозилъ отсюда обмолоченное уже земледѣльцемъ зерно.

„Сартъ началъ звать киргиза разбойникомъ, душегубомъ и притѣснителемъ, а киргизъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что сартъ за плугомъ и ткацкимъ станкомъ окончательно теряетъ способность сопротивляться ему, не только въ полѣ, но зачастую даже и въ стѣнахъ своего города, или селенія. Оттого съ теченіемъ времени сартъ все болѣе и болѣе робѣетъ передъ киргизомъ, а послѣдній набирается храбрости. Такъ шло до тѣхъ поръ, пока здѣсь не появилось въ употребленіи огнестрѣльное оружіе, употребленіе котораго попало почти исключительно въ руки сартовъ.

„Послѣдніе, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, вздохнули посвободнѣе тогда лишь, когда обзавелись достаточнымъ количествомъ огнестрѣльнаго оружія и главнымъ образомъ артиллерійскихъ орудій, которыхъ у кочевниковъ не было“²⁾.

П. И. Лерхъ въ своей статьѣ „Das Russische Turkestan“ пытался научно разяснить звуковую форму и этимологическое значеніе слова „сартъ“ и подтвердить свое объясненіе историческими и филологическими соображеніями. Слово „сартъ“ съ самаго начала отнюдь не имѣло племеннаго значенія, а скорѣе культурно-историческое, и въ этомъ значеніи сохранилось до сихъ поръ. Названіе это находится у Птолемея въ формѣ „Яксарты“ (Iaxartes), какъ онъ называлъ одинъ большой народъ, жившій по рѣкѣ Яксарту (т. е. Сыръ-Дарьѣ). Птоломей указываетъ мѣсто-пребываніе Яксартовъ въ томъ мѣстѣ рѣки Яксарта, гдѣ она вблизи Тапурскихъ горъ, принимаетъ другое направленіе. Подъ

¹⁾ У туземцевъ весь хлѣбъ сыромолотный. Токъ (*гирманъ*) устраивается обыкновенно на нивѣ же, т. е. всегда въ большей или меньшей отдаленности отъ жилья.

²⁾ Краткая исторія Кокандскаго ханства (Казань. 1885), стр. 32—34.

этими горами, отчасти по крайней мѣрѣ, должно разумѣть Кара-Тау, близъ которыхъ Сыръ-Дарья приминаетъ другое направленіе вмѣсто прежняго сѣвернаго. Постоянныя поселенія въ нижнемъ водораздѣлѣ Сыръ-Дарьи были, говорить г. Лерхъ, гораздо многочисленнѣе въ древности, чѣмъ въ наше время. Древній Фарабъ или позднѣйшій Отраръ, гдѣ умеръ Тимуръ, при впаденіи Арыса въ Сыръ-Дарью, и Сауранъ, лежавшій въ 50 верстахъ на сѣверъ отъ теперешняго города Туркестана, были многолюдными городами, отъ которыхъ до нашего времени сохранились лишь развалины. Въ низменности между Казалинскомъ и Фортонъ № 2 въ низменностяхъ на правомъ берегу рѣки Сыра, находился горъ Джендъ, разрушенный въ 616 г. гиджры (1219 по Р. Х.) войскомъ Чингизъ-хана, подъ предводительствомъ сына его Джучи. На берегахъ Сыръ-Дарьи было еще нѣсколько городовъ, гдѣ имѣли мѣстопробываніе Птолемеи Яксарты. Плано Карпини и его спутникъ Патеръ Бенедиктъ, посѣтившіе эти страны 25 лѣтъ спустя послѣ опустошительнаго похода Джучи, рассказывали, что видѣли много разрушенныхъ укрѣпленій и обезлюдѣвшихъ городовъ. Города и деревеньки, которыя, навѣрное, существовали, совершенно исчезли въ тѣхъ странахъ; только въ Кара-Тау нѣкоторые изъ нихъ уцѣлѣли, послѣ того какъ узбеки сдѣлались властелинами Трансоксаніи. Арабскіе географы насчитывали много постоянныхъ поселеній на сѣверъ отъ древняго Шаша (теперешняго Ташкента). Переселившіеся изъ южной Трансоксаніи иранскіе колонисты съ раннихъ временъ начали спускаться на сѣверъ. Сухая почва легко могла быть орошаема здѣсь водами большой рѣки (Сыръ-Дарья), ея притоковъ и горныхъ ручьевъ. Избытокъ почвенныхъ продуктовъ и городской промышленности находилъ себѣ сбытъ у сосѣднихъ номадовъ, которые посѣщали города для обмѣна своего скота на продукты земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Точно такъ, какъ теперь на базарахъ Аулія-ата, Туркестана и другихъ городовъ, находящихся въ серединѣ пастушескаго населенія, въ базарные дни кишатъ киргизы и каракиргизы; такъ же и въ древнѣйшія времена базары служили здѣсь сборными пунктами для кочевниковъ-скотоводовъ, живущихъ въ палаткахъ. Но въ тѣ отдаленныя времена, къ которымъ относятся извѣстія Александрійскихъ географовъ о Скифіи, тамошнее кочевое насе-

леніе совсѣмъ не было тюркскимъ. Наплывъ тюркскихъ племенъ изъ Средней Азіи начался позднѣе и, вѣроятно, не ранѣе V вѣка по Р. Х. Массагеты, скифское племя, жившіе по Яксарту, были иранскими номадами, равно какъ и Даи, жившіе южнѣе. Городскихъ жителей и вообще всѣхъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ Массагеты называли, въ противоположность себѣ, бродячимъ пастухамъ, общимъ собирательнымъ именемъ, какое г. Лерхъ находитъ въ Птолемеевомъ названіи „Яксарты“. Въ послѣднихъ двухъ слогахъ этого названія (ксарты) г. Лерхъ видитъ древнеиранскій корень *киштра*. Отъ этого корня въ новоперсидскомъ языкѣ встрѣчается слово *shehr* (sh=sch) т. е. городъ. Буква h передъ r является въ послѣднемъ словѣ въ качествѣ придыхательной зубной, въ которую перешло первоначально t, которое такъ любитъ передъ r иранскій языкъ. Слѣдовательно, въ „*кшарты*“ произошла перестановка (Metathesis) звуковой группы tr, что, впрочемъ, нерѣдко въ иранскихъ нарѣчіяхъ. Начальный слогъ я въ словѣ *Яксарты* г. Лерхъ разсматриваетъ, какъ представителя мѣстоименнаго корня (Pronominalstamm), для котораго въ новоперсидскомъ (въ языкѣ клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ) была употребительна форма hja и tja, а въ зендскомъ ja. Слѣдовательно, слово *Яксарты* есть греческая передача не словопроизводства, а части предложенія, которое въ устахъ иранскаго скифа значило бы: „*принадлежащій къ городу*“. Находится ли на концѣ прибавочный суффиксъ (Ajectionsuffix)? Можетъ быть, но рѣшить это едва-ли можно. Тогда же дано было названіе и рѣкѣ „Яксартъ“, (т. е. Сыръ-Дарьѣ). Говорилось и о „*земль горожанъ*“. Отъ иранскихъ номадовъ слово „сартъ“ переняли тюркскіе номады, какъ обозначеніе осѣдлыхъ жителей нижняго водораздѣла рѣки Сыра. Замѣчательно, что это названіе не перешло на осѣдлыхъ поселенцевъ Согдіаны. Здѣсь употребляется имя „*Таджикъ*“¹⁾.

Г. Эварницкій, на основаніи приведенныхъ въ моей книгѣ мнѣній, высказалъ (въ 1892 году) слѣдующее замѣчаніе:

„Весь этотъ лабиринтъ мнѣній явился, разумѣется, вслѣдствіе того, что сарты, какъ и многіе другіе народы, не сохранили у себя первоначальныхъ письменныхъ памятниковъ, которые могли бы устранить всякія произвольныя догадки на счетъ про-

¹⁾ Das Russische Revue 1872, I, 5. 30—35 и „Khiva“.

исхожденія и имени ихъ. Многіе изъ толкователей слова „сартъ“, не стѣсняемые точными историческими указаніями, подыскивали въ разныхъ языкахъ однозвучныя слова со словомъ „сартъ“ и тотъ же часъ, такъ сказать, сцѣпляли эти слова другъ съ другомъ. Но это, разумѣется, такъ же научно, какъ сближеніе слова „казакъ“, со словомъ „козерогъ“, или слова „парень“ со словомъ „Парись“.

„При объясненіи слова „сартъ“ надо взять во вниманіе то обстоятельство, что древніе писатели называютъ *як-сартами* только тѣхъ изъ народовъ Трансоксаніи, которые жили по берегамъ рѣки Яксарта, а что было дальше рѣки Яксарта, какъ напримѣръ жители области Согдіаны, за лѣвымъ берегомъ Яксарта, то все это населеніе они строго отличали отъ прибрежныхъ жителей и именовали ихъ разными другими названіями.

„Въ этомъ-то указаніи древнихъ писателей и заключается вся разгадка слова „сартъ“. Очевидно, что все дѣло тутъ идетъ отъ рѣки Яксарта и представляется намъ въ такомъ видѣ: сперва прибрежный житель рѣки Яксарта на вопросъ: откуда онъ? могъ говорить: „я съ Яксарта“, а потомъ короче: „я яксартъ, я сартъ“. А что рѣки давали названія для цѣлаго народа, тому примѣровъ много видѣли мы во всемірной исторіи, въ частности—въ исторіи славянъ вообще и русскихъ въ особенности: мораване (Морава рѣка), бужане (Бугъ рѣка), суличы (Сула рѣка), волховитяне (Волховъ рѣка), суздальцы (Суздаль рѣка), московитяне (Москва рѣка); наконецъ, въ наше время говорятъ: волгожане (Вологда рѣка), кубанцы (Кубань рѣка), уральцы (Уралъ рѣка), донцы (Донъ рѣка).

„Но отъ чего же сама рѣка получила свое названіе Яксартъ? Если мы признали, что сарты—народъ арійскаго происхожденія и если мы вполне довѣряемъ свидѣтельству Арріана, что слово Яксартъ варварскаго, т. е. туземнаго или арійскаго происхожденія, то въ такомъ случаѣ отвѣтъ на данный вопросъ нужно искать въ одномъ изъ арійскихъ языковъ. Намъ неизвѣстно, на сколько свѣдущъ въ знаніи восточныхъ языковъ нѣмецкій ученый Валь, но онъ утверждаетъ, что названіе рѣки „Як-сартъ“ составлено изъ двухъ словъ: „Яка“-рѣка и „сартъ“ по персидски холодный, ледяной, замерзшій¹⁾. Подтвержденіе

¹⁾ Н. П. Остроумовъ. Сарты. Ташкентъ, 1890, 30, прим. I.

этого объясненія находимъ въ краткомъ словарѣ проф. Коссовича, составленномъ имъ къ четыремъ статьямъ Зендъ-Авесты. Въ немъ слово „сартá“ (sarêta) переводится также въ значеніи холодный, а „як“ приведено только, какъ корень, въ значеніи „стремиться“, но не приведено, вслѣдствіе краткости словаря, отъ этого корня существительнаго имени¹⁾; за то въ настоящее время у персовъ мы знаемъ слово „яка“ (съ твердымъ, какъ бы двойнымъ „к“) въ значеніи „берегъ“.

„Правдоподобно ли такое объясненіе названія рѣки или нѣтъ, но оно, по крайней мѣрѣ, совершенно совпадаетъ со свойствами ея. Дѣло состоитъ въ томъ, что эта рѣка въ зимнее время замерзаетъ почти до Ходжента, и потому для людей, вышедшихъ изъ болѣе теплыхъ мѣстъ и поселившихся въ ея бассейнѣ, она могла дѣйствительно назваться Як-сартомъ, т. е. Холодною рѣкою.

„Относительно національности сартовъ нужно сказать, что это—народъ несомнѣнно иранскаго происхожденія, хотя съ примѣсью, и то сравнительно болѣе поздняго времени, тюрко-монгольскаго элемента; въ этомъ случаѣ не требуется никакихъ доказательствъ,—стоитъ только взглянуть на фигуру, лицо, бороду, носъ, голову сарта, особенно рядомъ съ киргизомъ, чтобы убѣдиться, что это—истинный сынъ арійскаго племени; отступленія отъ этого типа говорятъ лишь въ пользу подмѣси чуждой крови въ кровь сарта; языкъ сартовъ тюркскій, но отличающійся отъ узбекскаго и киргисскаго и извѣстный подъ именемъ сартъ-тили“²⁾.

Въ 1894 г. вопросъ о названіи „сартъ“ возобновлялся въ мѣстной печати. Молодой оріенталистъ В. В. Бартольдъ, по поводу напечатанной г. Лапинымъ въ „Оренбургскомъ листкѣ“ статьи „Сарты и ихъ языкъ“, напечаталъ въ „Окраинѣ“ замѣтку, въ которой говоритъ:

„Слово „сартъ“, по мнѣнію, г. Лапина, есть искаженіе словъ *сары-итъ* („желтая собака“) и представляетъ насмѣшливое прозваніе, данное кочевниками-киргизами осѣдлому населенію края безъ различія происхожденія. Такъ объясняютъ это слово сами

¹⁾ Труды Восточнаго Отдѣл. Археол. Общ. VIII, 232, 233.

²⁾ Турк. Вѣдом. отъ 3 ноября 1892 г. № 44, стр. 2—3.

киргизы, которые въ подтвержденіе этого рассказываютъ даже легенду, приводимую г. Лапинымъ. И онъ (самъ киргизъ) полагаетъ, „что картина, какъ киргизъ, проѣзжая по степи, увидѣлъ рыжую собаку, жалобно вывшую на томъ мѣстѣ, гдѣ была разставлена юрта (что сплошь и рядомъ случается въ степи), напоминала путнику осѣдлаго жителя, котораго киргизъ сталъ звать „сартомъ“, а для прикрасы этой насмѣшливой клички сложилаъ у киргизъ приведенная легенда. Взглянувъ на сарта-арбакеша, когда онъ, сидя на своей впряженной въ арбу лошади, поджавъ ноги, широко разставивъ колѣни и задрвавъ голову вверхъ, тянетъ свою заунывную, бесконечно монотонную пѣсню, мы легко убѣждаемся, что сартъ очень напоминаетъ данную ему киргизами кличку“¹⁾).

„Изобрѣтенное кочевниками насмѣшливое прозваніе, по мнѣнію г. Лапина, упорно держалось среди киргизъ, какъ собирательное для всего осѣдлаго населенія, и постепенно стало распространяться, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если слово это употреблялось и нѣкоторыми историками, какъ общее названіе осѣдлаго населенія Туркестана“. Г. Лапинъ приходитъ къ выводу, „что у насъ нѣтъ народа сартовъ, а существуетъ лишь подъ словомъ „сартъ“ обидная кличка всего осѣдлаго населенія; мы не имѣемъ основанія назвать языкъ сартовъ сартовскимъ, такъ какъ подъ сартовскимъ языкомъ должно разумѣть и таджикскій языкъ, и языкъ осѣдлыхъ узбековъ, а потому языкъ слѣдуетъ называть не сартовскимъ, какъ до сего времени писалось и говорилось, а *узбекскимъ* языкомъ, по нарѣчію осѣдлыхъ *узбековъ*“.

Въ опроверженіе такого мнѣнія г. Бартольдъ замѣчаетъ, что уже у писателей XV и начала XVI в. (Наваи и Бабуръ) слово „сартъ“ употребляется въ смыслѣ „персъ, таджикъ“, и противопоставляется слову *тиркъ*, а не слову *калукъ*, которое въ смыслѣ „бродяга, разбойникъ“, встрѣчается уже у названныхъ писателей. Нынѣшній киргизскій или, какъ онъ называется, казакскій народъ въ то время еще только образовывался и не имѣлъ почти никакихъ сношеній съ населеніемъ тѣхъ мѣстностей, изъ

¹⁾ Выраженіе *рыжая собака* лучше всего указываетъ на несостоятельность киргизской легенды: сарты обыкновенно не рыжіе, а черные. Да и вся легенда, приведенная г. Лапинымъ,—довольно глупая. Н. О.

которыхъ вышли Бабуръ и Наваи. Изъ этого видно, что терминъ „сартъ“ придумалъ во всякомъ случаѣ не киргизами. Легенда, приведенная г. Лапинымъ, принадлежитъ къ такимъ же „народнымъ этимологіямъ“ (Volksetymologie), какъ легенда о происхожденіи слова *киргизъ* отъ *кыркъ-кызъ* („сорокъ дѣвицъ“).

„Въ языкѣ монголовъ былъ соотвѣтствующій корень, что видно уже изъ имени втораго золотоордынскаго хана, Сартака. Во время походовъ Чингизъ-хана турки старались сближаться съ монголами, въ противоположность городскому населенію, которое въ то время было арійскимъ по языку и происхожденію; очень вѣроятно, что вслѣдствіе этого сближенія монголы стали называть „сартами“ не всѣхъ мусульманъ, а только сохранившихъ свою обособленность арійцевъ, и что отъ монголовъ этотъ терминъ перешелъ и къ туркамъ. По мѣрѣ смѣшенія съ турками сарты утратили свой арійскій языкъ и приняли тюркскій.

Въ заключеніе г. Бартольдъ говоритъ:

„Каково бы ни было происхожденіе слова „сартъ“, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Н. П. Остроумова, что исключать его изъ нашего этнографическаго словаря нѣтъ никакихъ основаній. Этимологія слова „нѣмецъ“ извѣстна каждому, и все-таки мы употребляемъ его, какъ этнографическій терминъ. Подобно этому термину, и слово „сартъ“, хотя бы оно первоначально не имѣло этнографическаго значенія, теперь употребляется для обозначенія народа, представляющаго какъ по типу, такъ и по языку, особую этнографическую единицу. Г. Лапинъ требуетъ, чтобы сартскій языкъ называли *узбекскимъ*. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, насколько нарѣчіе на примѣръ хивинскихъ узбековъ отличается отъ нарѣчія ташкентскихъ и самаркандскихъ горожанъ; по словамъ Н. П. Остроумова языкъ сартовъ въ основѣ тюркскій, но отличается отъ киргизскаго, узбекскаго, татарскаго и турецкаго и извѣстенъ подъ именемъ сартъ-тили“¹⁾.

Отвѣчая на эту замѣтку, г. Лапинъ писалъ въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“:

„Коренными жителями Трансоксаніи, т. е. Маваруль-Нахара²⁾, по крайней мѣрѣ, въ эпоху проникновенія сюда ислама.

¹⁾ Окраина отъ 12 марта 1894 г. № 19.

²⁾ Нужно читать: Мавара-н-нахръ. Н. О.

съ одной стороны, и вторженія тюркско-монгольскаго племени съ другой—считаются нынѣшніе таджики, древніе иранскіе выходцы. Эти таджики, утративъ съ теченіемъ времени свою самостоятельность, подпали подъ владычество узбековъ, народа тюркскаго племени. Побѣдители узбеки, будучи въ полудикомъ состояніи и постоянно соприкасаясь съ подчиненными имъ таджиками, не могли, разумѣется, устоять противъ вліянія просвѣщенія и культуры послѣднихъ, что выразилось въ двухъ главныхъ фактахъ: 1) узбеки, бывшіе до того времени язычниками, стали принимать огъ таджиковъ исламъ¹⁾ вмѣстѣ съ арабскою письменностью и ученостью, и 2) близко стоявшая къ таджикамъ часть таджиковъ начала мѣнять свой прежній кочевой образъ жизни на осѣдлый, занимая мѣста въ городахъ и селеніяхъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло въ свою очередь два важныхъ послѣдствія: во 1-хъ, съ переменною образа жизни, главными источниками благосостоянія у осѣвшихъ узбекомъ, какъ и у таджиковъ, появились торговля, земледѣліе и ремесла и, во 2-хъ, эти узбеки, ставъ въ весьма близкія отношенія къ таджикамъ, не обошлись безъ смѣшенія съ ними, что и способствовало образованію узбекско-таджикской помѣси, у которой не осталось почти ничего національнаго, кромѣ роднаго узбекскаго языка. Эти оттаджившіеся узбеки, хотя и сохранили свой родной языкъ, на которомъ они говорятъ до сего времени, но по своему внѣшнему виду, по образу жизни и по складу нравовъ и обычаевъ очень мало отличались отъ настоящихъ *таджиковъ-сартовъ*, почему легко производили впечатлѣніе *сарта* на киргизъ и узбековъ, оставшихся въ первобытномъ состояніи. Отсюда ясно, что слово *сартъ* на языкахъ *киргизъ* и *первобытныхъ узбековъ* приняло болѣе широкое примѣненіе, обозначая собою понятіе, какъ о *таджикахъ*, такъ и объ *осѣвшихъ узбекахъ* и *другихъ тюркскихъ народностяхъ* (*житчакахъ*, *маньятахъ* и пр.), *принявшихъ таджикскую культуру*, т. е. о *всехъ осѣдломъ населеніи*, въ какомъ смыслѣ оно употребляется и донынѣ.

¹⁾ По показанію Мухаммедъ-Хайдара, автора исторіи „Тарихи-Рашиди“, монгольскій ханъ Туглукъ-Тимуръ одинъ изъ первыхъ принялъ исламъ отъ таджика Мавлана Шейхъ-эддина, сына Мавлана Шуджагъ-эддина, сосланнаго Чингизомъ въ Каракурумъ.

„Но слово сартъ никогда не употреблялось и не употребляется туземцами въ смыслъ названія особой народности. Правда, нѣкоторые изъ туземцевъ узбекско-таджикской помѣси, не знающіе исторіи своего происхожденія, на предложенный имъ, преимущественно русскими, вопросъ: кто они по происхожденію?—отвѣчаютъ, что они сарты, и при этомъ, пожалуй, отличаютъ себя отъ таджиковъ, узбековъ и другихъ народностей. Но это объясняется тѣмъ, что узбекско-таджикская помѣсь не присвоила себѣ особаго названія, точно опредѣляющаго ее, что и даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Отсюда понятно, что нѣкоторые изъ этихъ *новыхъ сартовъ*, будучи поставлены въ затруднительное положеніе—назвать себя по происхожденію, именуютъ себя растяжимымъ словомъ „сартъ“, такъ какъ ни таджиками, ни узбеками¹⁾ и никѣмъ другимъ называть себя не могутъ. На этомъ и основано мнѣніе г. Остроумова²⁾ и нѣкоторыхъ другихъ, что „сартъ“ есть названіе особой народности, отличной отъ таджиковъ, узбековъ и др. Мы же, не придавая никакого значенія показаніямъ сартовъ, образовавшихся отъ узбекско-таджикской помѣси, считаемъ, для установленія правильнаго пониманія слова „сартъ“, важными мнѣнія другихъ народовъ, которые это слово понимаютъ и употребляютъ такъ: кочевники-киргизы и полукочевые узбеки, а за ними татары и большинство русскихъ подъ словомъ „сартъ“ понимаютъ всѣхъ осѣдлыхъ жителей Туркестана, не дѣлая различія между таджиками и народомъ, происшедшимъ отъ смѣшенія узбековъ, отчасти киргизъ и другихъ народностей съ таджиками; таджики Бухары и Самарканда подъ словомъ „сартъ“ понимаютъ себя, хотя между собой они не употребляютъ этого выраженія, при чемъ объясняютъ, что этимъ именемъ ихъ прозвали киргизы и узбеки, а народъ, образовавшійся отъ смѣшенія, они относятъ къ узбекскому племени и языкъ этого народа называютъ „узбѣки“ въ противоположность своему языку „таджики“; они почти никогда не употребляютъ выраженія „сартъ тили“, а если и ска-

¹⁾ Именемъ „узбекъ“ въ настоящее время называются полукочевые туземцы преимущественно Самаркандской области и Бухарскаго ханства, избѣжавшіе смѣшенія съ таджиками.

²⁾ Это—неправда. См. выше стр. 4—14. Н. О.

жуть въ разговорѣ съ русскими „сартча“ (по-сартски), то подъ этимъ послѣднимъ разумѣютъ свой *таджикскій языкъ*¹⁾.

Продолжая свои разсужденія на ту же тему, которая приводятся здѣсь въ сокращенномъ видѣ, г. Лапинъ говорить:

„Если въ настоящее время подъ словомъ „сартъ“ мы понимаемъ все осѣдлое населеніе, то подъ выраженіемъ „сартъ-тили“ мы должны понимать „языкъ осѣдлаго населенія“; такого же языка на самомъ дѣлѣ *нѣтъ*, ибо осѣдлое населеніе, какъ это мы уже видѣли, говоритъ на языкахъ двухъ различныхъ корней—тюркскаго и персидскаго. Выраженіе „сартъ-тили“ могло быть употребляемо во времена Наваи, когда подъ словомъ „сартъ“ разумѣлся *одинъ* таджикскій народъ, а потому и не могло быть недоразумѣній; въ наше же время, когда слово „сартъ“ приняло столь широкое примѣненіе, это выраженіе не можетъ быть употребляемо, какъ названіе особаго языка, до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ изъ употребленія таджикскій языкъ и все осѣдлое населеніе не станетъ говорить на одномъ языкѣ.

„И такъ *не было и нѣтъ у насъ особой народности сартовъ, какъ равно нѣтъ особаго сартовскаго языка* (сартъ-тили). Если уже необходимо для науки назвать узбеко-таджикскую помѣсь особымъ именемъ, отличающимъ ее отъ другихъ народностей (что, пожалуй, и справедливо), то слѣдуетъ установить для этого какое-либо другое названіе: „чала-узбекъ“, „чала-татжикъ“²⁾ или что-нибудь въ этомъ родѣ, а слово „сартъ“ всего менѣе пригодно для этой цѣли. Я говорю, что это нужно, пожалуй, для науки, какъ условный знакъ, а сама эта помѣсь во вновь выдуманномъ названіи вовсе не нуждается, ибо она умѣетъ отличить себя отъ другихъ, называя себя по мѣсту жительства: „кокандлыкъ“, „ташкянлыкъ“, „туркестанлыкъ“ и т. п.

„Что касается до языка этой безымянной народности, то правильнѣе всего называть бы его новоузбекскимъ языкомъ, потому что, въ 1-хъ, этотъ языкъ относится къ тюрскому корню и ближе всего подходитъ къ узбекскому языку; разница между

¹⁾ Туркестан. Вѣдом. отъ 22 мая 1894 г. № 36, ст. „О значеніи и происхожденіи слова «сартъ».

²⁾ Выраженіе „чала“ въ данномъ случаѣ означаетъ народную помѣсь, такъ напр., „чала-узбекъ“—полу-узбекъ и т. п.

ними произошла главнымъ образомъ отъ воздѣйствія персидскаго языка, придавашаго языку, о которыхъ идетъ рѣчь, много новыхъ словъ и оборотовъ и сообщившаго ему мягкость и звучность и, во 2-хъ, съ приходомъ русскихъ, этотъ новоузбекскій языкъ, *вытѣснивъ прежній*, персидскій, болѣе и болѣе становится языкомъ официальнымъ даже въ Самаркандѣ и Бухарѣ, гдѣ главная масса населенія говоритъ по таджикски¹⁾.

„Давъ этому языку названіе новоузбекскаго, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, подраздѣлить его на четыре главныхъ нарѣчій, а именно; 1) нарѣчіе Сыръ-Дарьинской области (замѣтно вліяніе киргизскаго языка); 2) нарѣчіе Ферганской области; 3) нарѣчіе Аму-Дарьинскаго отдѣла и Хивинскаго ханства (вліяніе туркменскаго языка и наконецъ 4) нарѣчіе Самаркандской области и Бухарскаго ханства (сильное вліяніе таджикскаго языка). При такомъ дѣленіи по нарѣчіямъ, г.г. Джизакъ и Ходжентъ должны отойти отъ Самаркандской области,—первый въ Сыръ-Дарьинскую, а второй въ Ферганскую область“²⁾.

Окончательные выводы, къ какимъ приходитъ г. Лапинъ, слѣдующіе:

1) слово „сартъ“ есть названіе всего туземнаго осѣдлаго населенія Средней Азіи, безъ различія происхожденія;

2) нѣтъ особаго народа „сартовъ“, какъ равно нѣтъ особаго „сартскаго языка“;

3) тѣ осѣдлые туземцы, къ которымъ примѣняютъ наименованіе „сартъ“ г. Остроумовъ и нѣкоторые другіе, есть народъ, образовавшійся отъ узбекско-таджикскаго смѣшенія, не присвоившій себѣ особаго названія;

4) языкъ, на которомъ говоритъ эта смѣсь, правильнѣе всего называть новоузбекскимъ;

и 5) названіе „сартъ“ могло быть впервые дано киргизами и, вѣрнѣе всего, происходитъ отъ сліянія словъ „сары-ить“, въ скороговоркѣ „сартъ“³⁾.

¹⁾ Въ Самаркандской области въ настоящее время всѣ официальныя документы совершаются на новоузбекскомъ языкѣ; на томъ-же языкѣ идетъ переписка русскихъ съ Бухарскимъ правительствомъ.

²⁾ Туркест. Вѣдом. 1894 г. № 38.

³⁾ Туркест. Вѣдом. 1894 г. № 39. По этому поводу считаемъ не лишнимъ замѣтить, что ученые сарты совершенно отрицаютъ основательность

Изъ приведенныхъ выше мнѣній азіатскихъ и европейскихъ писателей видно, что одни смѣшивали сартовъ съ таджиками и узбеками, другіе считаютъ ихъ помѣсью, третьи относятъ сартовъ къ монголамъ, иные, наконецъ, думаютъ, что слово „сартъ“—только бранное слово и не можетъ быть употребляемо для обозначенія части населенія Туркест. края. Причины такого различія мнѣній, очевидно, заключаются въ томъ, что вопросъ о значеніи слова „сартъ“ представляетъ значительную трудность и требуетъ отъ каждого желающаго разрѣшить этотъ вопросъ вниманія и знаній больше, чѣмъ сколько обнаружили большая часть поименованныхъ выше авторовъ. Почти всѣ они не имѣли случая видѣть сартовъ и вникнуть въ самое названіе, и только немногіе авторы, объясняя значеніе слова „сартъ“, считали для себя обязательнымъ справиться съ мнѣніями другихъ объ этомъ предметѣ. Нѣкоторые авторы не хотѣли даже достаточно подумать о томъ, что они писали и выдавали за рѣшительную истину; а между тѣмъ обстоятельное разрѣшеніе этого вопроса требовало совмѣстнаго труда этнолога, филолога и историка. Большая часть вышеприведенныхъ мнѣній страдаетъ односторонностію и неубѣдительно, и г. Лапинъ ничего новаго не сказалъ.

Вопросъ о происхожденіи и значеніи слова „сартъ“ былъ предложенъ третьему международному съѣзду ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ, въ 1876 г., въ слѣдующей формѣ: „Насколько можно прослѣдить въ историческихъ памятникахъ народныя имена *сартъ* и *таджикъ* и какія заключенія можно вывести изъ показаній этихъ памятниковъ относительно первоначально и послѣдовательнаго (?) значенія сихъ именъ“? Терентьевъ (служившій въ то время въ Туркестанскомъ краѣ) высказалъ мнѣніе, что слово „сартъ“—терминъ оскорбительный, заключающій въ себѣ понятіе трусости, и данъ завоевателями страны—узбеками кореннымъ ея жителямъ—таджикамъ. Впрочемъ, прибавилъ Терентьевъ, другіе(?) полагаютъ, что названіе „сартъ“ китайскаго происхожденія, вслѣдствіе того, что жителей Трансоксианы китайцы называли *серами* отъ слова *сэ* шелкъ, такъ какъ жители Трансоксианы славились,

такого насмѣшливаго объясненія слова „сартъ“ и столь же неосновательно говорятъ, что нужно производить слово „сартъ“ отъ *сяръ* голова, начальникъ, и *миш* степь, какъ народъ, главенствующій въ степи надъ киргизами. Н. О.

какъ отличные шелководы.—Саковъ, напротивъ, производилъ названіе „сартъ“ отъ тюркскаго прилагательнаго *sart* (?) крѣпкій, сильный, которое могло быть дано узбеками сартамъ въ насмѣшку (!) надъ всѣмъ извѣстною трусливостію ихъ. Г. Лерхъ, уже печатно высказавшій въ 1872 г. свое мнѣніе по этому вопросу (см. выше), на этомъ сѣздѣ повторилъ, что слово это, вѣроятно, происходитъ отъ древне-иранскаго *кшатра*—владѣніе, государство¹⁾ и что кочевники, обитавшіе по правому берегу Яксарта, дали осѣдлымъ своимъ сосѣдямъ по лѣвому берегу рѣки названіе „горожанъ“, въ противоположность себѣ, какъ „кочевникамъ“²⁾. Но г.г. Терентьевъ и Саковъ не представили въ своемъ отвѣтѣ ни одного указанія на историческіе памятники и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили о такомъ словопроизводствѣ названія „сартъ“, которое ничѣмъ подтверждено быть не можетъ.

Представленныя мною ссылки на историческіе памятники и разныя мнѣнія о словѣ „сартъ“ облегчаютъ разсмотрѣніе этого трудно разрѣшимаго, а можетъ быть и совсѣмъ неразрѣшимаго вопроса, потому что, по поводу остроумнаго объясненія г. Лерхомъ слова „сартъ“, естественно спросить: если выраженіе древнихъ географовъ „*Яксарты*“ представляетъ собою греческую передачу цѣлаго древне-иранскаго предложенія, то какимъ образомъ эта именно греческая форма удержалась и перешла къ тюркскимъномадамъ? Неужели же можно предположить, что турки, пришедшіе на берега Сыръ-Дарьи, справлялись, какъ называли греческіе географы жителей этихъ мѣстъ? Вѣдь, Страбонъ, Птоломей и Арріанъ, у которыхъ встрѣчаются выраженія: *Яксартъ* и *Яксарты* писали для грековъ, а не для тюрковъ, и не въ ожиданіи нашествія послѣднихъ на берега Сыръ-Дарьи... Еще болѣе неестественно предполагать, чтобы греческій географъ, описы-

1) Вамбери въ своемъ сочиненіи „*Das Turkenvolk*“, S. 371, издан. въ 1885 г. находилъ это объясненіе г. Лерха ошибочнымъ, но въ 1891 г. (послѣ выхода въ свѣтъ настоящаго выпуска въ первомъ изданіи), въ сочиненіи своемъ „*Die Sarten und ihre Sprache*“ согласился съ этимъ объясненіемъ и высказалъ, что *Яксартъ* означаетъ *рѣку городовъ*, откуда уясняется и названіе „сартъ“, какъ осѣдлаго жителя въ долинѣ Сыръ-Дарьи.

2) Труды третьяго международнаго сѣзда ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ 1886 г. Т. I, стр. XXXVIII, XXXIX, LXXX—LXXXI.

вавший неизвѣстную ему страну, хотѣлъ сочинить названіе для этой страны и народа. Не проще ли думать наоборотъ, что греческіе географы уже нашли готовымъ названіе народа, жившаго на берегу рѣки Сырь-Дарья, потому что странно было бы предположить, что этотъ народъ, будучи многочисленнымъ, большимъ народомъ (*мега этносъ* у Птолемея), не имѣлъ никакого названія. Поэтому не лучше ли согласиться съ мнѣніемъ Арріана, что слово *Яксартъ* не есть собственно греческое, а заимствовано греками у варваровъ?¹⁾

По словамъ г. Бартольда, узбеки, завоевавшіе въ началѣ XVI вѣка владѣнія тимуридовъ, конечно, было уже національно-культурныхъ стремленій и не интересовались разницей между тюрками и таджиками. Для нихъ „сарты“ были осѣдлые жители покоренной ими страны, въ противоположность завоевателямъ-узбекамъ и союзнымъ съ ними кочевымъ народамъ. Абульгази (въ XVII вѣкѣ) называетъ сартами только средне-азіатскихъ горожанъ, противопоставляя ихъ узбекамъ и туркменамъ и нисколько не сближая ихъ съ „кызылъ-башами“ (пер-сами). Къ киргизамъ слово сартъ повидимому перешло отъ узбековъ.

¹⁾ Arrian Lib. III, стр. 10. Объ этомъ еще въ 1831 г. замѣтилъ А. Левшинъ и привелъ при этомъ объясненіе Сень-Круа, что слово *Яксартъ* состоитъ изъ монгольскихъ словъ: *ихъ*—большой и *сертъ*—рѣка (*Examen crit. des histor. d' Alexandre. Sect. 6*). Далѣе г. Левшинъ говоритъ: „*Allgemeine Beschrg. des Persisch. Reichs, 3 Abschn.*“) напротивъ того, утверждаетъ, что слово *Яксартъ* составлено изъ *Іака* т. е. рѣка, и *Сартъ*, т. е. холодная и ледяная, ибо *Іаа* и теперь означаетъ рѣку у Финновъ, Югровъ и Вогуличей, а Сырьд по персидски значить: *холодный, замерзшій*, а по Самоядски и Югорски—ледъ. Подражая Валю, любители этимологическихъ розысканій могутъ съ такимъ же правдоподобіемъ предполагать, что киргизъ-казаки, удержавъ слово сырьд или сыртъ, вмѣсто Іака поставили Дарья (которое, какъ выше сказано, есть нарицательное имя всякой рѣки на татарскомъ языкѣ), и такимъ образомъ составили нынѣшнее названіе Сыртъ-Дарья или Сырь-Дарья, т. е. рѣка. Сіе третье словопроизведеніе заслуживало бы не менѣе вѣроятія, какъ и второе, на которомъ оно основано; но мы не предлагаемъ его потому, что не находимъ никакого соотношенія между рѣкою Сыромъ и Самоядами или Финнами, живущими отъ нея нѣсколько тысячъ верстъ. Еще менѣе видимъ мы связи между сими двумя народами, или Вогуличами и современниками Александра Великаго, или Арріана. Какъ бы то ни было и отъ чего бы ни произошло названіе Яксарта, но мы находимъ оное въ сочиненіяхъ почти всѣхъ древнихъ географовъ“. (См. Описаніе киргизъ-казачьихъ, или киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. Часть первая, стр. 232—233. С.-Петербург. 1832).

„Подъ вліяніемъ завоевателей, продолжаетъ тотъ же авторъ, сами горожане-туземцы стали называть себя сартами; но племенное различіе между тюрками и таджиками такъ велико, что представители обоихъ народовъ не могли называть себя однимъ и тѣмъ-же именемъ. Такъ какъ большинство осѣдлаго населенія говорило по-тюрки, то сартами стали называться только горожане-тюрки, въ противоположность не только кочевникамъ, но и таджикамъ; и теперь жители, напримѣръ, Ташкента прямо говорятъ о сартскомъ языкѣ, въ противоположность таджикскому. Такимъ образомъ установилась разница между терминами „сартъ и таджикъ“, которые нѣкогда были синонимами. Въ этомъ отношеніи судьба слова „сартъ“ вполне соотвѣтствуетъ судьбѣ слова „таджикъ“. Первоначально персы называли таджиками завоевателей-арабовъ, потомъ распространили это названіе на своихъ соплеменниковъ, принявшихъ исламъ; тюрки же стали называть таджиками уже все осѣдлое мусульманское населеніе, безъ различія происхожденія. Когда арабскіе завоеватели, за ничтожными исключеніями, слились съ туземнымъ населеніемъ, слово *таджикъ* сдѣлалось этнографическимъ терминомъ для обозначенія персовъ и подъ вліяніемъ тюрковъ сами стали называть себя таджиками, совершенно переставъ примѣнять это слово къ арабамъ. Какъ при употребленіи слова *таджикъ* мы нисколько не думаемъ о его первоначальномъ значеніи, точно такъ же мы не имѣемъ основанія отказываться отъ употребленія слова „сартъ“ въ качествѣ этнографическаго названія¹⁾).

Наконецъ, г. Аристовъ (Н. А.) въ ст. своей „*Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности*“ говоритъ: „Чтобы слово „сартъ“ получило точный и необходимый для правильного этнографическаго употребленія смыслъ, слѣдовало бы добавить, что сартами должны быть именуемы тѣ осѣдлые тюрки и отуреченные (?) туземцы, которые утратили уже родовой бытъ и связанныя съ нимъ родовыя дѣленія. Такой добавочный признакъ необходимъ для отличенія сартовъ отъ киргизъ-казаковъ, узбековъ, туркменъ и т. д., обращающихся къ осѣдлой жизни, иногда даже только на время, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ родовой бытъ и принадлежность къ родамъ и ихъ развѣтвленіямъ наравнѣ съ кочевниками...

¹⁾ Туркест. Вѣдом. 1895 г. № 30. Ст. „Еще о словѣ „сартъ“.

Различеніе это—вещь, далеко не безразличная въ этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ...

По поводу возраженій г. Лапина, цитируемый авторъ замѣчаетъ, что, по его же (Лапина) словамъ, существуютъ осѣдлые туземцы, образовавшіеся отъ помѣсей узбековъ съ таджиками и „не присвоившіе себѣ особаго названія“, и что языкъ, на которомъ говоритъ эта смѣсь, правильнѣе называть ново-узбекскимъ. Изъ этого уже слѣдуетъ заключать, что есть особая народность, которая именуется „сартами“, и что есть также особый языкъ, который самъ же г. Лапинъ предлагаетъ называть „ново-узбекскимъ“, раздѣляя его на четыре нарѣчій¹⁾.

Въ виду изложенныхъ мнѣній, отличающихся неопредѣленностью и противорѣчивостью, въ настоящее время нельзя считать вопросъ о словѣ „сартъ“ разрѣшимымъ и потому благоразумнѣе воздержаться отъ попытки дать ему окончательное объясненіе. Тѣмъ не менѣе, на основаніи историческихъ и современныхъ свидѣтельствъ, приведенныхъ выше (а не на современномъ только употребленіи слова „сартъ“ самими туземцами), а также въ виду этнографическихъ признаковъ сартовъ, представляемыхъ ниже, можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Названіе „сартъ“ имѣетъ происхожденіе очень древнее и не могло быть выдуманно ни киргизами, ни тѣмъ болѣе русскими. У Плано Карпини (въ XII в.) оно встрѣчается уже въ своей опредѣленной формѣ и еще ранѣе въ Кудатку-биликѣ (въ XI в.)

2) Названіе это прилагается къ осѣдлымъ жителямъ городовъ и селеній Сыръ-Дарьинской и Ферганской областей²⁾ и отчасти Аму-Дарьинскаго отдѣла и отличаетъ ихъ какъ отъ киргизъ и туркменъ, такъ и отъ таджиковъ и узбековъ, не только по языку, но и по отсутствію у сартовъ родового быта.

3) Хотя и не возможно въ настоящее время окончательно разрѣшить вопросъ о значеніи слова „сартъ“, но во всякомъ случаѣ

¹⁾ Живая Старина, подъ ред. В. И. Ламанскаго. Выпускъ III и IV. Годъ шестой. С.-Петербургъ, 1896 г. Стр. 428—429 и слѣд.

²⁾ Последнее по времени документальное свидѣтельство о словѣ „сартъ“ было сообщено членомъ Турк. арх. кружка И. А. Вѣляевымъ, указавшимъ это слово въ грамотѣ Ширъ-Али-хана (см. протоколы за 1907-й годъ).

не слѣдуетъ предполагать въ немъ ругательнаго и насмѣшливаго смысла: такое предположеніе не подтверждается употребленіемъ этого названія у древнихъ и позднѣйшихъ средне-азіатскихъ писателей, равно въ русскихъ памятникахъ и у современныхъ намъ туземцевъ¹⁾. Приведенная г. Лапинымъ киргизская легенда не заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

4) Что кочевники Туркестанскаго края относятся не всегда доброжелательно къ сартамъ и потому иногда произносятъ это слово съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, то это должно быть объясняемо историческими и бытовыми причинами. Примѣромъ въ этомъ случаѣ могутъ служить подобныя же отношенія великороссовъ къ малороссамъ, полякамъ и къ инородцамъ Россіи и обратно—отношенія инородцевъ къ русскимъ, какъ къ своимъ завоевателямъ и властителямъ, Прислушайтесь къ русскимъ и туземнымъ рабочимъ, и вы замѣтите, какъ иногда произносятъ сарты слово „урусъ“, а русскіе—выраженіе „сартъ“. Въ минуты раздраженія тѣ и другіе выражаютъ свой гнѣвъ особымъ тономъ, причемъ русскіе прибавляютъ къ слову „сартъ“ выраженіе „проклятый“, а сарты къ слову „урусъ“ выраженіе „шайтанъ“. Однако никому еще не приходило на мысль придавать слову „русскій“ значеніе ругательнаго слова.

5) Многіе изъ приведенныхъ выше авторовъ, высказывавшихъ мнѣнія о значеніи слова „сартъ“, повторяли одинъ за другимъ замѣчаніе А. Борнса и не трудились вникнуть въ дѣло глубже. Реклю ссылается на мнѣнія разныхъ Туркестанскихъ авторовъ и всѣмъ имъ придаетъ одинаковую вѣру. Г. Лапинъ ничего новаго не высказалъ въ этомъ отношеніи. Я представилъ для выясненія названія слова „сартъ“ данныя, на основаніи которыхъ, по крайней мѣрѣ, русскіе туркестанцы должны бы перестать повторять объ этомъ словѣ странныя мнѣнія, свои и чужія.

¹⁾ Въ Очеркѣ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ Н. Веселовскаго замѣчено, что въ Хивѣ узбеки, какъ завоеватели, съ пренебреженіемъ смотрѣли на покоренныхъ ими жителей, т. е. на сартовъ и оттого все, что дѣлали сарты, узбеки считали унижительнымъ для себя; тогда будто-бы слово „сартъ“ сдѣлалось браннымъ словомъ. Но, очевидно, слово „сартъ“ завоеватели узбеки только произносили пренебрежительно...

6) Нѣкоторые авторы сѣтуютъ на то, что названіе „сартъ“ не заключаетъ въ себѣ этнографическаго смысла, и высказываютъ желаніе вычеркнуть это названіе изъ этнографическаго словаря. На это можно возразить, что и многія другія, утвердившіяся въ употребленіи и наукѣ, народныя названія имѣютъ характеръ случайный, а иныя странный, или совсѣмъ даже непонятный этимологическій смыслъ. Лучшимъ примѣромъ служить слово „нѣмецъ“, которое до сихъ поръ принято не только въ обыкновенномъ употребленіи, но и въ наукѣ. Изъ этого примѣра можно понять, что о названіи спорить бесполезно, и едвали кто будетъ въ состояніи изъять слово „сартъ“ изъ народнаго употребленія.

7) Точно такъ же невозможно вновь установить предлагаемое г. Лапинымъ выраженіе *ново-узбекскій* языкъ, вмѣсто *сартскій* языкъ, такъ какъ по прихоти одного человѣка такія названія не прививаются въ народѣ и наукѣ.

8) Въ этнографическомъ отношеніи сарты представляютъ собою типъ смѣшанный, происшедшій отъ сліянія древняго иранскаго населенія Туркестана съ позднѣйшими завоевателями и поселенцами тюрко-монгольскаго племени. Признаками этого типа служатъ съ одной стороны особенности физическаго строенія, съ другой стороны языкъ, въ основѣ тюркскій, но отличающійся отъ киргизскаго, узбекскаго, татарскаго и турецкаго и извѣстный подъ именемъ *сартъ-тили* и, наконецъ, отсутствіе родового быта, до сихъ поръ сохранившагося среди узбековъ, киргизъ и др.

Характеристика сартовъ и узбековъ съ антропометрической и краниологической точекъ зрѣнія¹⁾.

Сарты: Борода малая у большинства. *Цвѣтъ* волосъ черный. *Цвѣтъ* глазъ темно-коричневый. *Ростъ* въ среднемъ 1691 мм. По *головному указателю* (85.39), равно какъ и по *черепному*—настоящіе брахицефалы. *Высота* головы, измѣренная по перпенди-

Узбеки: *Волосы* на бородѣ рѣдкіе. *Цвѣтъ* волосъ черный, хотя попадаются и рыжія особи. *Цвѣтъ* глазъ темнокоричневый. *Ростъ* въ среднемъ—1666 мм. *Суббрахицефалы* по *головному указателю* (83.10), слѣдовательно, по *черепному указателю*

¹⁾ Извѣстія Общества любит. естест. антроп. и этнографіи. Т. XXXIV в. 5. „Антропометрическія замѣтки относительно туркестанскихъ инородцевъ“. Обработалъ Анатолій Богдановъ. Москва. 1888, стр. 85 и 87.

САРТЫ.

куляру къ плоскости, проходящей через слуховыя отверстія, довольно значительная, хотя и не изъ самыхъ большихъ. *Высота юловнаго отдѣла* тѣла довольно значительна, больше чѣмъ у узбековъ. Высота верхней части этого отдѣла, т. е. отъ темени до надбровной точки, значительныхъ пропорцій по отношенію къ длинѣ всей головной части, равно какъ и средняя и нижняя части меньшихъ пропорцій, чѣмъ напримѣръ у персіанъ. *Длина лица* меньшихъ пропорцій, чѣмъ у таджиковъ, если разсматривать ее по отношенію къ длинѣ всей головной части. Лицо сартовъ длиннѣе по отношенію къ росту, чѣмъ у таджиковъ. Отношеніе *ширины скулъ* къ *длине лица* довольно значительныхъ пропорцій, равно какъ и отношеніе къ длинѣ лица, взятой безъ лобной части: сарты представляютъ туже скуластость, какъ узбеки и таджики. *Длина лица безъ лба* по отношенію къ длинѣ всего лица у сартовъ меньше, чѣмъ у другихъ, т. е. у нихъ развита больше верхняя часть, лобная; малыхъ пропорцій и отношеніе этой длины къ росту. Отношеніе *длины носа* къ длинѣ лица среднихъ пропорцій, а къ росту даже малыхъ. *Межглазничное пространство* по отношенію къ скуловому діаметру сравнительно малыхъ пропорцій, равно какъ и къ наименьшему лобному діаметру, меньшихъ, чѣмъ напримѣръ у персіанъ. *Челюстной діаметръ*, т. е. разстояніе между углами нижней челюсти, по отношенію къ скуловому діаметру, малыхъ пропорцій, что и способствуетъ также на видъ выступленію скуластости.

УЗБЕКИ.

мезатицефалы. *Высота* головы довольно значительная, хотя и не изъ самыхъ большихъ. Верхняя часть головы (до подносовой точки) средней величины, нижняя—средней величины. *Вся длина* головной части—малая. По отношенію длины головной части: верхній отдѣлъ ея малый, средний—большой, а нижній—малый. *Длина лица* (отъ волосной линіи) сравнительно велика, и ея *отношеніе къ длине всей головы* принадлежитъ къ группѣ большихъ. *Лицо и по отношенію къ росту* довольно длинное. Отношеніе *ширины скулъ* къ *длине* всего лица не велико, т. е. особой скуластости въ этихъ пропорціяхъ не замѣчается, но она становится явственною, если мы возьмемъ отношеніе ширины скулъ къ длинѣ лица безъ лобной части его. Вообще *длина лица безъ лобной части* его имѣетъ средніе размѣры, но отношеніе ея къ росту довольно значительно, если сравнивать съ другими инородцами. *Длина носа* средняя, отношеніе ея къ длинѣ всей головы среднее, а къ длинѣ лица малое; по отношенію къ росту *длина носа* представляется значительною, *Межглазничное пространство* не велико, какъ абсолютно и по отношенію къ скуловому діаметру, такъ и къ наименьшему лобному и къ разстоянію между надбровными возвышеніями. Отношеніе *разстоянія* между углами нижней челюсти къ скуловому діаметру малое, что тоже способствуетъ большей рельефности скуластости.

II.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА САРТОВЪ.

„Мы пошли бы ложными путями, еслибы захотѣли объяснить всѣ духовныя проявленія народовъ одними физическими условіями“.

Оскаръ Пешель.

Ташкентскій врачъ А. Н. Шишовъ даетъ такое антропологическое описаніе сартовъ:

„Сарты плотно сложены, съ хорошо развитой костной и мышечной системами; большинство—питанія средняго, съ склонностью полнѣть при благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ. Попадаются нерѣдко субъекты съ нарушеннымъ питаніемъ, анемичные, вялые, истощенные вслѣдствіе заболѣванія тѣми или другими истощающими болѣзнями.

„Цвѣтъ кожи обыкновенно смуглый. У нѣкоторыхъ уже ранней весной цвѣтъ лица рѣзко темнѣетъ и принимаетъ темно-бурый оттѣнокъ. Желтоватый оттѣнокъ кожи на закрытыхъ мѣстахъ свойственъ всѣмъ вообще сартамъ. Лѣтомъ, при работѣ безъ рубахъ, кожные покровы ихъ рѣзко темнѣютъ и принимаютъ темнокоричневый оттѣнокъ.

„У большинства сартовъ кожа гладкая, хотя волосатость встрѣчается нерѣдко, а у единичныхъ лицъ кожа бываетъ и весьма волосатая.

„Что касается цвѣта радужной оболочки, то у большинства сартовъ глаза имѣютъ темный цвѣтъ. А именно, темнокаріе глаза найлюдались въ 73,1⁰/₀ всѣхъ наблюдавшихся случаевъ, среднекаріе—въ 10⁰/₀, свѣтлокаріе—въ 15,1⁰/₀; какъ исключеніе, попадаютъ субъекты съ сѣрокарими и сѣрыми глазами.

„Волосы на головѣ сарты вообще брѣютъ, хотя короткіе волосы на головѣ имѣются у очень многихъ. Громадное большин-

ство имѣетъ на головѣ черные волосы, а затѣмъ уже темнорусые. Черные волосы отмѣчены у 70,2⁰%, темнорусые—у 25,2⁰% и сѣдые—у 4,5⁰%. Что касается цвѣта волосъ на бородѣ, отношеніе получается нѣсколько иное. А именно, черные волосы на бородѣ отмѣчены у 58⁰%, темнорусые—у 30⁰% сѣдые—у 5⁰% и рыжеватые—у 6⁰%; чисто рыжая борода—у 1⁰%.

По строенію своему, волосы (какъ на головѣ, такъ и на бородѣ) довольно грубые, толстоватые.

Сѣдѣть сарты начинаютъ весьма неравномѣрно. Самый молодой, имѣвшій сѣдину (изъ подвергавшихся изслѣдованію сартовъ) былъ 28 лѣтъ отъ роду. Наиболѣе молодой, имѣвшій совершенно сѣдые волосы, былъ въ возрастѣ 43 лѣтъ.

Борода у сартовъ показывается не поздно. Уже въ 18 лѣтъ у нѣкоторыхъ замѣтенъ на лицѣ пушокъ. Нужно впрочемъ сказать, что въ отношеніи растительности на лицѣ у сартовъ не наблюдается однообразія. Всѣхъ сартовъ можно раздѣлить въ этомъ отношеніи на двѣ неравныхъ группы, при чемъ въ одну группу (большую) нужно включить тѣхъ, у которыхъ борода появляется довольно рано, растетъ густо и довольно быстро; въ другую (меньшую) группу слѣдуетъ отнести тѣхъ, у которыхъ еще къ 24 годамъ нѣтъ не только бороды, но даже пушка, и только съ 30 лѣтъ начинаетъ пробиваться борода, растущая рѣдко, а у нѣкоторыхъ даже кустообразно.

Форма черепа. У сартовъ довольно часто встрѣчается асимметрія обѣихъ половинокъ черепа, и поразительно часто наблюдается сплюсненность затылка. Асимметрія черепа значительно чаще встрѣчается у тѣхъ сартовъ, у которыхъ затылокъ сплюсненъ. Эту послѣднюю особенность нужно приписать обычаю сартовъ держать въ раннемъ дѣтствѣ продолжительное время своихъ дѣтей неподвижно въ колыбелькѣ. Уплосненность затылка рѣдко выражается рѣзкимъ уплощеніемъ, т. е. когда линія всего затылка отъ его поворота до макушки идетъ болѣе или менѣе рѣзко внизъ; всего чаще уплощеніе слабое, ограничивающееся одною верхнею частью затылка, а иногда даже мѣстное, распространяющееся только на одну сторону затылка, обыкновенно правую, при чемъ лѣвая сторона затылка является оттянутой назадъ.

„*Форма вѣкъ*. Прибавочная складка верхняго вѣка не наблюдалась ни разу. Рѣсницы преобладаютъ длинныя, прямыя и густыя; рѣже—короткія, прямыя и рѣдкія. Преобладающій цвѣтъ ихъ черный, рѣже темнорусый.

„Густыя и широкія брови преобладаютъ надъ рѣдкими и узкими; у громаднаго большинства брови дугообразныя.

„Внутренніе концы бровей рѣдко срастаются; наружныя концы у большинства опущены, и только у небольшого числа субъектовъ наружныя концы подняты или горизонтальны. Нависшими брови бываютъ рѣдко. Что касается цвѣта бровей, то преобладающимъ является черный, затѣмъ—темнорусый, и только у одного субъекта брови были найдены рыжими.

„Глаза у большинства сартовъ средней величины; сидятъ въ глазницѣ обыкновенно; глубоко-сидящіе глаза, а также глаза выпуклые встрѣчаются весьма рѣдко. У большинства наружный уголъ глазной щели приподнять вверхъ.

„*Лобъ* у большинства средній, слегка отклоняющійся назадъ, при чемъ лобныя бугры хорошо развиты.

„*Скулы* у большинства сартовъ не выдаются. За то встрѣчаются отдѣльные субъекты съ рѣзко выдающимися скулами. Широкая нижняя челюсть скрадываетъ ширину скулъ.

„*Носъ* длинный и широкий, но не приплюснутый. Большинство сартовъ имѣетъ носъ съ горизонтальнымъ основаніемъ, прямолинейною спинкою или слегка выгнутою. Приподнятое основаніе носа встрѣчается рѣже, при чемъ спинка при этой формѣ у большинства также прямолинейна или слегка вогнута и очень рѣдко выпукла. По формѣ спинка носа чаще округленная, рѣже кровлеобразная и очень рѣдко сплюснутая.

„*Губы* у сартовъ тонкія и прямыя.

„*Зубы* средніе, ровные, прямыя; замыканіе ихъ—верхнее; каріозныя зубы встрѣчаются нерѣдко. У большинства зубы имѣютъ желтоватый оттѣнокъ.

„*Уши* средней величины, оттопырены; ушная мочка средней величины, часто отсутствуетъ. Завитокъ развитъ нормально.

„*Мышечная сила* въ среднемъ (въ правой рукѣ) равна 119,4 фунтамъ, при чемъ колебанія между крайними цифрами весьма велики.

Ростъ. Средній ростъ сартовъ (на основани 156 измѣреній) равняется 168,75 сантиметрамъ. Наибольшее число измѣренныхъ имѣло ростъ между 165 и 175 сантиметрами. Согласно схемѣ Топинара, высокій ростъ имѣютъ 37,6%, выше средняго—32,7%, ниже средняго—21% и малый—7,6%.

Ростъ сартовъ заканчивается къ 30-лѣтнему возрасту. Такъ какъ среди сартовъ преобладаютъ мужчины высокаго роста, то заканчиваніе роста къ означенному возрасту относится именно къ этой группѣ. Что же касается до группы мужчинъ, имѣющихъ ростъ выше средняго, то люди этой группы продолжаютъ еще увеличиваться въ ростъ и послѣ 30 лѣтъ, и ихъ ростъ заканчивается только къ 40 годамъ жизни. Такое неравномерное заканчиваніе роста среди сартовскаго населенія говоритъ за смѣшанный его антропологическій типъ. Повидимому, группа высокорослая имѣетъ больше шансовъ доживать до глубокой старости. По нашимъ измѣреніямъ, у сартовъ въ возрастѣ 50—60 лѣтъ ростъ даже выше средней для всѣхъ измѣренныхъ, но съ 60 лѣтъ онъ начинаетъ быстро падать. Средній ростъ сартовъ весьма приближается къ среднему росту узбековъ по измѣреніямъ разныхъ авторовъ и почти совпадаетъ съ нимъ. Максимальный ростъ сартовъ близокъ къ среднему росту таджиковъ, кипчаковъ и кара-киргизовъ, и только небольшая группа съ ростомъ ниже средняго приближается къ киргизамъ вообще.

На основани всего этого, можно думать, что сартовское населеніе города Ташкента насыщено кровью тюркскихъ племенъ, особенно узбековъ. Можно присоединиться къ мнѣнію Н. А. Аристова, что въ числѣ сартовъ, кромѣ помѣсей тюрковъ разныхъ племенъ съ таджиками (иранцами), встрѣчаются помѣси тюрковъ разныхъ племенъ между собою и съ другими, помимо таджиковъ, инородцами (напримѣръ, съ афганцами, съ потомками арабовъ и проч.).

Вѣсъ. Средній вѣсъ сартовъ 3 пуда 33,4 фунта (62,8 килограмма), minimum 2 пуда 33 фунта (46,2 килограмма) и maximum 5 пудовъ 1 $\frac{1}{4}$ фунтъ (82, 4 килограмма).

Принято считать, что мужчины въ среднемъ достигаютъ своего наибольшаго вѣса около 40 года и съ 60 лѣтъ снова начинаютъ становиться легче. Сарты нашихъ взвѣшиваній от-

стають отъ этого закона; наибольшого вѣса они достигаютъ въ возрастѣ 41—50 лѣтъ и продолжаютъ нарастать даже въ возрастѣ 51—60 лѣтъ.

„Вѣсъ тѣла въ горздо большей мѣрѣ, чѣмъ ростъ его, отражаетъ на себѣ вліяніе благосостоянія или нужды и вообще способа питанія на ряду съ наслѣдственностью предрасположенія. Такимъ образомъ недостатокъ питанія (на что указываетъ разборъ пищевого пайка) держитъ вѣсъ сарта во время рабочаго періода жизни на минимальныхъ цифрахъ. Только при упадкѣ физическихъ силъ вслѣдствіе преклоннаго возраста,—такъ сказать, въ періодъ вынужденнаго бездѣйствія,—вѣсъ тѣла сарта начинаетъ увеличиваться и, можетъ быть, приходитъ къ фізіологической нормѣ. Если это вѣрно, то напряженная и продолжительная работа едѣ ли по силамъ сартовъ при настоящихъ условіяхъ ихъ питанія.

„Среднее количество граммовъ вѣса тѣла на каждый сантиметръ роста колеблется для европейцевъ между 366 у англичанъ, 376—у нѣмцевъ и 382 у скандинавовъ. У сартовъ она равняется 370. Значительный удѣльный вѣсъ сарта (370) указываетъ на хорошее развитіе костно-мышечной системы его.

„Сарты широкоплечи, при чемъ плечи у нихъ высоко подняты. Сарты имѣютъ длинное туловище, умѣренную окружность живота, широкую грудь и общесъуженный тазъ съ выстоящими большими вертелами. Окружность груди у нихъ превышаетъ половину роста; грудные соски сидятъ по отношенію къ туловищу низко и сближены, пупокъ-же поставленъ нормально.

„Что касается конечностей, то верхнія конечности у сартовъ короткія, при чемъ конецъ средняго пальца высоко поднять, при опущенныхъ рукахъ, надъ надколѣнной чашкой; большой размахъ рукъ—умѣренной величины. Предплечья имѣютъ большую длину, нежели среднее отношеніе для человѣка вообще. Кисти рукъ малы; кисть узкая съ короткими и тонкими пальцами.

„Нижнія конечности у сартовъ длинныя, при чемъ длина бедра больше длины голени; голени тонки съ высоко поднятыми и мало выраженными икрами; ступни умѣренной длины, широкія, съ короткими пальцами; сводъ стопы мало выраженъ; нерѣдки и плоскія стопы.

„Соотвѣтствуютъ ли формы тѣла ташкентскихъ сартовъ типической формѣ развитія человѣческаго тѣла? Въ предѣлахъ типической для человѣка формы тѣла, по Ранке, короткое относительно величины всего тѣла туловище, длинныя по отношенію къ величинѣ тѣла и длинѣ туловища руки и ноги, длинныя кисти и длинныя стопы, длинныя относительно верхнихъ конечностей ноги, большая длина предплечья и голени относительно плеча и бедра—говорятъ за совершенную типическую для человѣка пропорціональность членовъ.

„У ташкентскихъ сартовъ мы находимъ длинное туловище, короткія руки и ноги (ноги длиннѣе туловища на 29⁰/₀, а норма—33⁰/₀), короткія кисти и большую длину бедра и плеча относительно голени и предплечья, т. е. отношенія обратныя для типической пропорціональности членовъ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что типическая форма ташкентскихъ сартовъ имѣетъ всѣ признаки индивидуально недостаточнаго, низшаго развитія.

„Голова ташкентскихъ сартовъ малой величины, коротка и широка. Короткоголовость является преобладающей формой; среднеголовость наблюдалась у четверти всѣхъ измѣренныхъ, а длинноголовые встрѣчаются, какъ исключеніе. Вліяніе сплюсненности затылка на величину головного указателя невелико. Что касается до высоты черепа, то ташкентскихъ сартовъ нужно отнести къ плоскоголовымъ, а если принять поправку Топинара,—къ ортоцефаламъ. По своимъ широтнымъ и высотнымъ указателямъ ташкентскіе сарты приближаются къ башкирамъ, бурятамъ, калмыкамъ и туркамъ.

„Лицо у ташкентскихъ сартовъ болѣе суживается книзу, чѣмъ кверху, въ лобной его части. Если же взять цифры по отдѣльнымъ возрастамъ, то замѣтимъ, что указанное отношеніе сохраняется только у молодыхъ и особенно у очень старыхъ стбъектовъ; въ среднемъ же возрастѣ, наоборотъ, замѣчается большее суженіе лица въ области лба, нежели въ области нижней челюсти. Это указываетъ на значительное развитіе нижней челюсти какъ въ длину, такъ и въ ширину.

„Вообще ташкентскіе сарты имѣютъ широкія лица, обладаютъ лбомъ небольшой величины (какъ абсолютной, такъ и по отношенію ко всей длинѣ лица), длинными широкими носами

(гиперплатирины), длинной и широкой нижней челюстью, развитой на счет лобной части, такъ какъ средняя треть лица у нихъ умѣренно развита; имѣютъ ротъ умѣренной ширины; разстояніе между внутренними углами глазъ у нихъ средней величины; скулы поставлены шире, чѣмъ у узбековъ, таджиковъ и персіянъ; овалъ лица у субъектовъ средняго возраста суженъ въ области лба и расширенъ въ области нижней челюсти.

„Такимъ образомъ фізіономическія особенности ташкентскихъ сартовъ, какъ и особенности размѣровъ головы,—указываютъ на принадлежность ихъ къ монгольскимъ и монголоподобнымъ племенамъ (тюрко-монголамъ) ¹⁾).

По поводу приведенной антропологической характеристики сартовъ, слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующее замѣчаніе Миддендорфа: „Пеше (Pösche²⁾ высказалъ афоризмъ: „Уже втеченіи тысячелѣтій нѣтъ вполне однородныхъ народовъ; но есть не мало особей, представляющихъ въ чистотѣ расовый характеръ своего народа“. Это правда. Осмотрите сотни и тысячи людей: изъ этой массы знатокъ можетъ вывести среднія фізіономіи; изъ нихъ онъ измѣряетъ и снимаетъ фотографически лишь немногихъ. Такое отвлеченіе, имѣющее свою задачу отбѣснить индивидуальное на второй планъ, безусловно необходимо. Правильность этой абстракціи имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели число измѣренныхъ и снятыхъ фотографически особей... Да не подумаютъ, будто сказаннымъ я хочу отрицать то, что различія между человѣческими расами и народами могутъ быть надежно характеризованы лишь посредствомъ опредѣленія размѣровъ и отношеній между ними. Напротивъ, я вполне признаю измѣренія г. Уйфальви, но я въ этнографіи, примѣнительно къ смѣшаннымъ расамъ, вижу спасеніе лишь въ изслѣдованіи ихъ по типамъ первоначальныхъ элементовъ смѣси³⁾)). А проф. Вамбери замѣчаетъ: „Народы въ теченіе одного или двухъ столѣтій совершенно измѣняютъ свой языкъ, но все-таки на нашихъ глазахъ останутся аналогичные случаи, относящіеся уже къ физической жизни на-

¹⁾ Туркест. Вѣд. 1904 г. № 151.

²⁾ Die Arier. Ein Beitrag zur historischen Anthropologie (Jena, 1878) s. 43.

³⁾ Очерки Ферганской долины. Рус. перев., стр. 393.

родовъ; они доказываютъ, что и физическіе признаки народа съ теченіемъ времени совершенно мѣняются. Правда, для этого нуженъ гораздо большій періодъ времени, долженствующій продолжаться, быть можетъ, нѣсколько столѣтій для того, чтобы достаточно изгладить *первобытный* типъ народа, да не только изгладить, а даже напечатлѣть на переселившемся челоѣкѣ тѣ физическіе признаки, какіе имѣютъ природные жители данной страны (автохтоны), вслѣдствіе особенностей климата и образа жизни. Для примѣра авторъ указываетъ на арабовъ въ Бухарскомъ ханствѣ, потомковъ завоевателей страны при Кутаибѣ, которые утратили уже свой языкъ, говорятъ теперь по-персидски и лишь немногимъ отличаются отъ тамошняго таджикскаго населенія, и на сартовъ, отличающихся отъ своихъ арійскихъ собратьевъ не только по языку, но и по тѣлосложенію, и по фізіономіи¹⁾.

Отъ первыхъ арабскихъ завоевателей Шаша (область Чирчика) осталась слѣдующая поговорка, характеризующая жителей этой области: „Когда будете проходить чрезъ Шашъ, то подымайте подолъ (изъ осторожности), потому что это—излюбленное мѣсто чертей, изъ котораго бѣгутъ правители“²⁾.

Бабуръ-ханъ, говоря о маргеланскихъ сартахъ (конца XV и начала XVI вв.), называетъ ихъ задорными и безпокойными и отличными бойцами, славившимся съ этой стороны даже въ Самаркандѣ и Бухарѣ³⁾.

О ташкентскихъ сартахъ вятскій купецъ-татаринъ Араслановъ, ѣздившій въ Ташкентъ въ 1741—42 гг., говоритъ, что ташкентцы „сами дивятся, что у нихъ никогда *ханы болѣе трехъ лѣтъ не сиживали*, а Кусекъ четвертый годъ сидитъ“...³⁾

1) Первобытная культура тюрко-татарскихъ народовъ. Введеніе.

2) اذا مروى الشاش شمر واذيا لكم فانه مقر الشياطين وممر السلاطين

3) Вотъ подлинныя слова Бабура:

ایلی سارت دور ومشت زن وپرشو شور ایل دور جنکزه لیک رسمى ماورا
النهره شایع دور ثمرقند وبخاراده نامدار جنکزه لار اکثر مرغینانی دور

3) Русскій Архивъ за 1888 г. кн. 8, стр. 413. Кусекъ (на стр. 407 Кусекъ-бекъ) очевидно Кушбеги, родомъ ташкендецъ Н. О.

Проезжавшій чрезъ Ташкентъ въ сентябрѣ 1813 года. Ф. Назаровъ говоритъ о туземныхъ жителяхъ Ташкента, что они „здоровы, бевпечны, роскошны, преданы до чрезвычайности веселостямъ, разнѣжены, любятъ музыку, ласковы и страстны къ женщинѣмъ. Въѣзжая въ города, говоритъ онъ, встрѣчаешь жителей, безпрестанно толпящихся на улицахъ, пляшущихъ у воротъ или увеселяющихся въ садахъ своихъ музыкою; тамъ кажется вѣчное празднество. Кромѣ особеннаго класса ремесленниковъ, они всѣ вообще ведутъ праздную (?) жизнь, довольствуясь изобиліемъ садовъ своихъ“¹⁾.

Г. Уйфальви, вслѣдъ за предшествовавшими ему писателями, называетъ сартовъ трусливыми, лицемѣрными, раболѣпными, жестокими и порочными²⁾. И это въ значительной степени вѣрно.

Но г. Миддендорфъ представляетъ характеръ сартовъ въ иномъ видѣ. „Если мы, говоритъ онъ, съ безпристрастіемъ отнесемся къ кореннымъ чертамъ характера сартовъ, которыхъ частенько и жестоко ругали³⁾, то вскорѣ убѣдимся, что, кромѣ прекрасныхъ наклонностей къ добру и немалыхъ дарованій, сартъ безспорно отличается поэтическою мягкостію души. Я вовсе не хочу отрицать большихъ недостатковъ и пороковъ; но они обращаются въ нѣчто очень малое, если обратить вниманіе на то, при какихъ условіяхъ выработалось то здоровое ядро, которое сохранилось и понынѣ. Порабощеніе, втеченіи столѣтій, варварами самого грубаго разбора, жестокая игра исторіи—переходъ изъ однихъ страшно тираническихъ рукъ въ другія, скопленіе густо населенныхъ большихъ городовъ, которые, по числу жителей, соперничаютъ съ большими городами Европы⁴⁾, вообще вар-

1) Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи. Филиппа Назарова, Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса переводчика, посланнаго въ Кокандъ въ 1813 и 1814 годахъ. Спб. 1821, стр. 37. Очевидно, Ф. Назаровъ видѣлъ сартовъ, празднующихъ по окончаніи поста своего, п. ч. въ 1813 г. у мусульманъ мѣсяць поста, Рамазанъ, окончился 27 сентября. Н. О.

2) *Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja*, pag. 60—61.

3) Себялюбивые, скупые, жестокіе, лицемѣрные, трусливые.

4) Въ Ташкентѣ, самомъ большомъ городѣ русскихъ Среднеазіатскихъ владѣній, считается около 150 тыс. жителей, что очень далеко до большихъ городовъ Европы! Н. О.

варскій (?) складъ всѣхъ гражданскихъ и семейныхъ отношеній— все это такія вліянія, которыя заставляютъ меня только удивляться, какимъ образомъ, при такихъ условіяхъ, могло проявиться явно образовательное воздѣйствіе сартовъ на угнетающую варварскую власть, на тюркскія племена. Но наше удивленіе возрастаетъ еще болѣе при мысли, что побѣдители монголо-тюркской крови добровольно приняли религію побѣжденныхъ.

„Добрый въ основаніи своемъ характеръ сартовъ всего явственнѣе высказывается въ невинной любви къ цвѣтамъ: роза, дикій степной тюльпанъ, который послужилъ образцомъ тюрбану (по персидски „дулбень“) и восхищаль султана Бабура, пользуются у сартовъ большимъ почетомъ. Разведеніе цвѣтовъ повсемѣстно распространено; цвѣтникъ неперемѣнно украшаетъ усадьбу зажиточнаго сарта. Даже необразованнѣйшій житель деревни, и тотъ садитъ нѣсколько цвѣтовъ; по присутствію ихъ можно распознать дома сартовъ, тогда какъ жилища полукочевыхъ узбековъ окружены лѣсами сорной растительности. Самый неотесанный сартъ изливается въ мечтательно-поэтическихъ выраженіяхъ, когда онъ говоритъ съ оживленнымъ лицомъ объ ароматѣ, испускаемомъ фруктовыми деревьями въ періодъ цвѣтенія. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я на то, какъ поденьщикъ (казавшійся тупымъ), бѣднѣйшій возчикъ или водоносъ, даже нищій отыскивали цвѣточекъ, чтобъ положить его подъ свою шапочку, за ухо... Меня трогало, когда, посѣтивъ дубильное заведеніе, я увидѣлъ парня въ жалкихъ лохмотьяхъ, который, въ потѣ лица своего, прыгаль, въ качествѣ толкача, по размоченной кожѣ, причемъ вонючая жижа обдавала его брызгами,—и тѣмъ не менѣе онъ былъ украшенъ розою...

„Такая-же мягкость обнаруживается и въ отношеніи ихъ къ животнымъ. Птицы небесныя радуютъ сердце сарта: терпѣливо и любовно сноситъ онъ ласточку, которая непрощенно устраиваетъ свое гнѣздо въ его домѣ, загрязняя его жилище. Онъ щадитъ также южнаго голубя-воркуна; голубь признаетъ въ немъ своего покровителя и слѣдуетъ, хотя и лѣниво, за сартомъ въ его жилыхъ помѣщеніяхъ. Пріятно видѣть (вѣдь, въ Европѣ совсѣмъ не то), какъ пернатые мирно ютятся около человѣка, хотя громкое воркованіе голубей, трехсложные звуки, издаваемые удодами,

крикъ перепеловъ, отчеканивающихъ всю ночь смѣлымъ голо-
сомъ свои дактили, а также крики каменной и альпійской куро-
патоки часто образуютъ не совсѣмъ пріятный концертъ. Покро-
вительство животныхъ возведено въ мѣстныхъ правилахъ на
степень богоугоднаго дѣла.

„Словомъ, это—народъ съ мягкимъ характеромъ, поэтиче-
скимъ настроеніемъ, не смотря на всю прозу его повседневныхъ
промысловъ, и легко снискать его расположеніе на множество
ладовъ (!). Только небесныя сферы музыки ему все еще совершенно
недоступны. Правда, у него есть потребность пѣнія; правда, сартъ
затягиваетъ пѣсню при каждомъ удобномъ случаѣ, но... „чело-
вѣкъ да не искушаетъ боговъ“.—Въ примѣчаніи къ послѣднимъ
словамъ, г. Миддендорфъ прибавляетъ: „у киргизовъ, очевидно,
слухъ тоньше, чѣмъ у сартовъ. Сарты могутъ наслаждаться уже
совсѣмъ фальшивыми звуками гобоя¹⁾ сопровождаемыми, за не-
имѣніемъ литавръ, ударами въ котелъ или сковороду(?)²⁾“.

Прежде чѣмъ остановиться на приведенномъ мнѣніи о ха-
рактерѣ сартовъ, я обращаю вниманіе читателя на то, что тюрко-
монгольскіе завоеватели Туркестана и покоренные ими сарты уже
съ давнихъ поръ мусульмане и что, слѣдовательно, въ основѣ ихъ
управленія и въ жизни покоренной страны лежалъ мусульманскій
кодексъ (шаріатъ), кодексъ далеко не варварскаго происхожденія
и характера. Почтенный ученый какъ будто придаетъ значеніе
только природнымъ задаткамъ и наклонностямъ сартовъ; но
нельзя забывать, что эти задатки развивались подъ разными
вліяніями, въ числѣ которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ принад-
лежало религіи, какъ это само собою очевидно. Религія является
могущественнымъ факторомъ въ народной жизни, потому что
обнимаетъ разныя стороны ея, и пока у народа не разовьется
наука, религія замѣняетъ ему и науку. Это особенно нужно ска-
зать объ исламѣ и шаріатѣ: исламъ есть теократія, а шаріатъ—
кодексъ религіозный, на основаніяхъ котораго устраивается вся
жизнь мусульманъ. Если вы оставите въ сторонѣ религію и не

¹⁾ Миддендорфъ, очевидно, имѣетъ въ виду огромную мѣдную трубу
(карнай), издающую дикій, совсѣмъ немusыкальный ревъ. Н. О.

²⁾ Очерки Ферганской долины, стр. 363—365.

будете придавать значенія тому, что сарты—мусульмане, то не будете въ состояніи понять и объяснить многія хорошія стороны ихъ жизни и характера.

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что правила шаріата настойчиво проводились въ жизнь сартовъ. Въ Ташкентѣ, во времена Кокандскаго владычества, за благоповеденіемъ мусульманъ наблюдали особыя должностныя лица; *мухтасибъ* или *раисъ* (محتسب—رائس) и *курбашы* (قورباشی). Въ прежнее время въ Ташкентѣ обыкновенно былъ одинъ мухтасибъ, а предъ завоеваніемъ Ташкента русскими—два. Однимъ изъ нихъ былъ Мухаммадъ-Азимъ Мухаммадъ-Раджабъ-углы, а другимъ—Абдулладжанъ Мулла Баба-джанъ-углы,—нынѣ умершіе¹⁾.

На должность мухтасиба назначались обыкновенно лица, отличавшіяся нравственными качествами и знаніемъ шаріата, такъ какъ имъ приходилось вѣдать и религіозныя обязанности мусульманъ; поэтому ихъ также называли раисъ-аглямами.

Мухтасибы наблюдали за исполненіемъ ежедневныхъ молитвъ (намазъ), что составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ религіозныхъ обязанностей мусульманъ, и обращали вниманіе не только на прихожанъ, но и на самихъ имамовъ. Если мухтасибъ узнавалъ, что какой-нибудь имамъ неотчетливо совершаетъ богослуженіе и вообще недостаточно авторитетенъ, какъ руководитель своего прихода въ дѣлахъ вѣры и нравственности, то, убѣдившись въ этомъ лично, онъ (мухтасибъ) доносилъ о томъ казію, а казіи вызывалъ къ себѣ имама для наставленія, или же назначалъ въ

¹⁾ Мухаммадъ-Азимъ, со введеніемъ при первомъ Туркестанскомъ Генераль-Губернаторѣ ф.-Кауфманѣ I-мъ выборнаго начала въ Ташкентѣ, былъ избранъ на должность казія для Бишъ-агачской части города Ташкента, а Абдулла-джанъ только во вторые выборы избранъ былъ на должность казія для Кукчинской части Ташкента и послѣ того еще два раза былъ казіемъ въ той же части города. Генераль М. Г. Черняевъ, вскорѣ по завоеваніи Ташкента, подарилъ Абдуллѣ-джану почетный халатъ, а первый Туркестанскій Генераль-Губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ I наградилъ Абдулла-джана серебряною медалью. Въ 1890 году Абдуллѣ-джану было 68 лѣтъ, но онъ выглядѣлъ еще довольно бодрымъ старикомъ. Я принималъ его у себя 27 іюня 1890 года и предлагалъ снять съ него фотографію, но онъ не считалъ удобнымъ для себя идти въ фотографію, хотя, вскорѣ по завоеваніи Ташкента, съ него была снята фотографія въ общей группѣ съ другими туземными должностными лицами. Онъ умеръ въ 1892 г., во время холеры. Н. О.

мечети другаго имама. Обыкновенно мухтасибъ являлся въ известную мечеть къ утреннему богослуженію и самъ наблюдалъ за совершеніемъ молитвы имамомъ и за молящимися. Если имамъ мечети не вызывалъ замѣчаній со стороны мухтасиба, то послѣдній, по окончаніи молитвы, спрашивалъ имама въ мечети же, въ какой степени усердно относятся его прихожане къ этой главнѣйшей религіозной обязанности. Имамъ указывалъ нерадивыхъ, и если они были въ мечети, то мухтасибъ отводилъ ихъ къ казію; если же виновныхъ въ мечети не оказывалось, то ихъ разыскивали и представляли къ казію. Казій дѣлалъ имъ соотвѣтствующее наставленіе, а виновные приносили раскаяніе (*тауба*) и давали обѣщаніе исправиться. Если они не исправлялись послѣ перваго наставленія, то казіій увѣщевалъ ихъ и во второй, и въ третій разъ, а затѣмъ уже отдавалъ приказаніе мухтасибу подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію¹⁾. Отъ усмотрѣнія казія зависѣло наложить наказаніе на нерадиваго мусульманина и послѣ перваго заявленія о томъ мухтасибомъ.

Въ видахъ побужденія родителей заботливѣе относиться къ воспитанію своихъ дѣтей, мухтасибы дѣлали имъ соотвѣтствующія наставленія, а для надзора за аккуратнымъ посѣщеніемъ низшихъ училищъ (мактабъ-хана) учащимися въ школахъ дѣтьми мухтасибы посѣщали эти училища и внушали дѣтямъ исправнѣе относиться къ своимъ ученическимъ обязанностямъ.

Для наблюденія за правильностію городской торговли мухтасибы ѣздили по базару и осматривали не только продаваемые товары, но и вѣсы и другія мѣры, употребляемыя торговцами. Если изъ торгующихъ лицъ оказывался кто-нибудь виновнымъ въ уменьшеніи вѣса и мѣры, то мухтасибъ прекращалъ это злоупотребленіе на мѣстѣ, а виновнаго подвергалъ тотчасъ же заслуженному наказанію. Такъ, напримѣръ, если лепешки у продавца были малы по вѣсу, то мухтасибъ приказывалъ отобрать ихъ и, расломивъ на куски, раздать нищимъ или вообще бѣднымъ тутъ же на базарѣ. Если мухтасибъ встрѣчалъ на улицѣ или на базарѣ мусульманина безъ чалмы на головѣ, то останавли-

¹⁾ См. ниже, въ приложеніи о мухтасибахъ или раисахъ.

валъ его и дѣлалъ ему строгое внушеніе. Особенно часто винобными въ этомъ отношеніи оказывались пріѣзжіе изъ степи киргизы, которые, не имѣя обычая носить на головѣ чалму, должны были дѣлать подобіе чалмы изъ платка или кушака, чтобы не подвергнуться замѣчанію или даже наказанію отъ мухтасиба. Точно также мухтасибъ останавливалъ встрѣчавшуюся ему на пути женщину и спрашивалъ ее, чья она жена, куда идетъ и имѣетъ ли отъ своего мужа позволеніе выдти на улицу или на базаръ... Если женщина давала неудовлетворительные отвѣты, то ее возвращали домой и оставляли на замѣчаніи; если мухтасибъ встрѣчалъ на улицѣ женщину въ красивомъ верхнемъ халатѣ (паранджа), то останавливалъ ее и внушалъ ей, что украшенія въ одеждѣ неприличны мусульманкѣ и могутъ служить соблазномъ для мужчинъ¹⁾.

Въ вечернее и ночное время за благоповеденіемъ мусульманъ и вообще за тишиною въ городѣ наблюдалъ такъ называемый *курбаши*²⁾. Въ Ташкентѣ былъ одинъ курбаши, въ вѣдѣніи котораго находились ночные стражники (*миршабъ*)³⁾; четыре старшіе назывались сотниками (*юзбаши*) и распоряжались младшими миршабами, которыхъ посылали по разнымъ улицамъ города для надзора и которые, въ случаѣ замѣченного ими безпорядка, должны были доносить своему сотнику, а тотъ въ болѣе важныхъ случаяхъ немедленно докладывалъ курбаши. Число ночныхъ полицейскихъ не всегда было одинаково: въ тревожное время 100, а въ спокойное—44 миршаба на весь городъ (въ томъ числѣ 4 сотника); предъ завоеваніемъ гор. Ташкента русскими, на каждую часть города было назначено 100 миршабовъ, т. е. всего 400 человекъ. При наступленіи вечера, по распоряженію курбаши, жителямъ города ударомъ въ большой барабанъ возвѣщалось, что всѣ находящіеся на улицѣ должны расходиться по домамъ и запираеть свои ворота, а торговцы—прекращать торговлю и затворять лавки. Послѣ того курбаши, или самъ, или

¹⁾ См. особое приложение въ концѣ книги.

²⁾ Курбаши (*кур* оружіе и *баш* начальникъ) начальникъ полиціи.

³⁾ Миршабъ *мир* начальникъ и *шаб* ночь) начальникъ ночной стражи.

его сотники обходили со своими миршабами вѣренныя имъ участки города и забирали всѣхъ попадавшихся имъ на улицѣ¹⁾).

Для секретныхъ развѣдокъ, какъ у курбаши, такъ и у мухтасиба были особые негласные развѣдчики (جاسوس—تیلچی), которые доносили начальству о притонахъ бродягъ и воровъ и о безчинныхъ людяхъ, объ игрокахъ въ азартныя игры и мѣстныхъ кутилахъ. На основаніи такихъ донесеній, миршабы производили внезапные аресты, а затѣмъ уже курбаши, или мухтасибъ, по принадлежности, дѣлали свои распоряженія. Курбаши о выдающихся безпорядкахъ и преступленіяхъ доносили беку и, въ случаяхъ болѣе важныхъ безпорядковъ, даже ночью²⁾.

При столь строгихъ условіяхъ дневнаго и ночнаго надзора за нравственностію жителей города Ташкента, легко могло быть, что среди улицъ города рѣдко замѣчались выдающіеся неблагоприличные поступки, въ родѣ крика или драки пьяныхъ и т. п., но это не означало, чтобы среди сартовъ не было до прихода русскихъ никакихъ безпорядковъ и преступленій. Усиленный и строгій надзоръ за жителями, разумѣется, побуждалъ дурныхъ людей укрываться, но не уничтожалъ пороковъ и преступленій. Неодинаковое число ночныхъ стражниковъ въ Ташкентѣ, какъ выше сказано, показываетъ, что преступленія и пороки въ разное время въ Ташкентѣ увеличивались и уменьшались, но не уничтожались совершенно. Уже самое существованіе описаннаго надзора показываетъ, что нравы ташкентскихъ сартовъ не всегда были такъ привлекательны, какъ старался доказать въ своей характеристикѣ маргеланскихъ сартовъ г. Миддендорфъ, настаивающій на прекрасныхъ наклонностяхъ сартовъ къ добру, на поэтической мягкости ихъ души, на любви къ цвѣтамъ и нѣжныхъ отношеніяхъ къ ласточкамъ, голубямъ и домашнимъ животнымъ.

¹⁾ Судя по дѣйствіямъ младшаго помощника начальника города Ташкента изъ туземцевъ, Надыръ-Мухаммада Измаилбаева въ 1883 году (см. № 26 Туземной газеты за 1884 годъ), можно думать, что въ ханское время курбаши круто расправлялся съ попадавшимися въ его руки дурными людьми.

²⁾ Свѣдѣнія о дѣятельности мухтасибовъ и курбаши собраны мною отъ разныхъ мусульманъ.

На основаніи 30-ти лѣтнихъ сношеній съ ташкентскими сартами, можно сдѣлать слѣдующую характеристику ихъ:

При среднемъ (часто выше средняго) ростѣ, сарты плотно и стройно сложены. У нѣкоторыхъ, при довольствѣ жизни, плотность легко переходитъ въ тучность; можно встрѣтить среди сартовъ лицъ, имѣющихъ 6—8 пудовъ вѣсу. На шеѣ среднихъ размѣровъ у сарта свободно сидитъ небольшая круглая голова, покрываемая тюбетейкою, а затѣмъ большою чалмою, особенно у казіевъ и ученыхъ лицъ вообще. Что же касается фізіономіи сартовъ, то дать точное описаніе всѣхъ отличительныхъ ея признаковъ я считаю невозможнымъ. Сарты, какъ сказано выше,—народность смѣшаннаго происхожденія, а потому и въ фізіономіяхъ сартовъ вмѣстѣ съ чертами чисто иранскими замѣчаются и тюрко-монгольскія; при этомъ у однихъ субъектовъ преобладаютъ иранскія, а у другихъ тюрко-монгольскія. Среди ташкентскихъ сартовъ можно видѣть и вполне красивыя лица, какъ напримѣръ у казія Мухитдина-ходжи, купцовъ Арифа-ходжи, Сеидъ-Кярима Сеидъ-Азимбаева и у многихъ другихъ. Но еще чаще въ Ташкентѣ можно встрѣтить среди сартовъ лица, сильно напоминающія типъ чистокровнаго узбека. Однако и въ первомъ случаѣ лицо сарта сразу можно отличить отъ лица европейца. Изъ частей тѣла, особенно у лицъ нерабочаго класса, обращаютъ на себя вниманіе руки оч. небольшихъ размѣровъ (даже у чернорабочихъ) и тонкіе пальцы; тонкіе, продолговатые и какъ бы прозрачные пальцы людей книжныхъ скорѣе напоминаютъ женскіе пальцы, если имѣтъ въ виду довольно большую фигуру сарта. Движенія сарта плавны, но иногда эта плавность бываетъ дѣланная, сообразно съ положеніемъ человѣка, и переходитъ въ вялость¹⁾.

Къ этой характеристикѣ физической организаціи сартовъ слѣдуетъ прибавить, что движенія ихъ въ зависимости отъ общественнаго положенія, рассчитанно искусственны. Это особенно замѣтно у лицъ, стоящихъ во главѣ населенія (казіи, аглямы, мударрисы, ишаны, имамы и богатые люди: восточно-мусульманская обрядность и важность не мирятся

¹⁾ О физическомъ сложеніи сартовъ см. выше.

съ торопливостью, не рекомендуемою закономъ (шаріатомъ) и считаемою свойствомъ сатаны, по пословицѣ. Если прибавить къ этому широкій и длинный халатъ на плечахъ¹⁾ пышную чалму на головѣ, ичиги съ калошами на ногахъ, затрудняющіе движенія головы, рукъ и ногъ сарта, то можно составить представление о лѣнивой, апатичной, даже неподвижной натурѣ сарта; но такое мнѣніе о лѣни и неподвижности туркестанскихъ сартовъ будетъ не совсѣмъ вѣрно, преувеличенно. Если посмотрѣть на сарта внѣ условій восточно-мусульманскаго этикета—дома, на базарѣ, въ дружеской компаніи, то вы увидите, что сартъ далеко не такъ сонливъ, какъ это думаютъ; посмотрите, съ какой церемонною торопливостью, мелкими шажками, подходитъ онъ къ высшему лицу съ поклономъ; посмотрите, какъ ловко и съ какимъ своеобразнымъ изяществомъ прислуживаетъ онъ вамъ у себя дома, и у васъ, если это вашъ прислужникъ; даже движенія мастеровъ, хотя не быстры, но постоянны и ловки, а въ иныхъ работахъ (кузнецы) энергичны. Во всѣхъ движеніяхъ сарта-мастера замѣчается плавность, потому что работаетъ сартъ съ расчетомъ въ силахъ: жаркій климатъ не позволяетъ ему ускорять своихъ движеній, чтобы силъ достало на весь рабочий день; рабочий трудъ сартовъ, особенно земледѣльческій, тяжелъ; однако, сартъ отлично въ теченіе вѣковъ приспособился и къ жаркому климату, часто прихлебывая разогрѣтый настой чая.

Природа надѣлила сартовъ хорошими умственными способностями, которыя и проявляются въ большой смысленности сартовъ; но при отсутствіи европейскихъ научныхъ знаній и при односторонности школьнаго образованія, а также при однообразіи бытовыхъ условій, сарты не могли выработать разносторонняго взгляда на жизнь, и болѣе всего заняты матеріальнымъ своимъ благополучіемъ. Сартовъ можно раздѣлить на четыре класса: 1) представители шаріата и науки мусульманской (казии, аглямы, муфтіи, имамы, ишаны (суфи), мударрисы и муллы); 2) торговцы, 3) ремесленники и 4) земледѣльцы. Представители шаріата и науки кормятся въ значительной степени отъ своихъ должностей, хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть своя земля и свое хозяйство; пред-

¹⁾ Почетные туземцы надѣваются въ холодной время два-три халата.

ставители школъ содержатся на вакуфы; ремесленники и землевладѣльцы содержатся своимъ заработкомъ. Казіи, ишаны, мударрисы и муллы часто враждуютъ между собою изъ-за своихъ доходовъ, торговцы крупные и мелкіе заняты своими барышами и также соперничаютъ между собою. Среди представителей шаріата и мусульманской науки нѣтъ образованныхъ и ученыхъ людей въ нашемъ смыслѣ слова, такъ какъ европейская наука до сихъ поръ имъ неизвѣстна. Нѣкоторое представление объ этой наукѣ и о приложеніи ея къ жизни туркестанскіе сарты получили и получаютъ изъ неприкосновеннаго соприкосновенія съ русскими правительственными и частными учрежденіями (больницы и оспенное депо, школы, обсерваторія, телеграфъ и телефонъ, типо-литографія, гренажныя станціи, желѣзная дорога и конка, разные заводы), равно изъ Туземной газеты, въ которой сообщаются туземцамъ приложимыя къ жизни научныя свѣдѣнія. Въ туземной школѣ (мадраса и мактабъ) не преподаются совсѣмъ естественно-математическія науки, а равно и исторія съ географіей¹⁾. Полезныя практическія знанія сарты приобрѣтаютъ опытнымъ путемъ, посредствомъ практической выучки и легко перенимаютъ всѣ необходимыя въ ихъ работахъ усовершенствованія, но неохотно отказываются отъ старыхъ своихъ орудій, частью по привычкѣ, а частью и потому, что приобрѣтеніе новыхъ орудій вызываетъ расходъ, часто непосильный для бѣднаго промышленника; кромѣ того, нѣкоторые инструменты сартовъ и орудія отличаются несомнѣнными преимуществами. Вообще сарты способны къ дальнѣйшему развитію, особенно въ томъ, что имѣетъ практическое приложеніе въ жизни и даетъ выгоду.

Въ семейной жизни сарты отличаются чадолюбіемъ, выражающимся въ нѣжныхъ ласкахъ къ дѣтямъ обоего пола, особенно въ первые годы ихъ дѣтской жизни. Почтительность къ старшимъ въ свою очередь должна быть признана похвальною чертою дѣтей и домочадцевъ сартовъ (Коранъ, гл. 17, ст. 24—25 и др.). Кто бывалъ въ домахъ у сартовъ, тотъ можетъ припомнить много примѣровъ въ доказательство обѣихъ названныхъ чертъ въ характерѣ сартовъ. Особенно это бываетъ замѣтно въ домахъ бога-

¹⁾ См. мои статьи въ журналѣ Мин. Нар. Просв. 1906 г. (февраль и октябрь) и 1907 г. январь.

тихъ и вліятельныхъ лицъ, у которыхъ домашній этикетъ сильнѣе оттѣняетъ эти черты.

Распространенное въ семейной жизни сарта многоженство разрѣшается религіознымъ кодексомъ (Коранъ, гл. 4, ст. 3) и обусловливается состоятельностью. Невыгоды этой формы взаимныхъ отношеній супруговъ между собою и къ дѣтямъ разныхъ матерей хорошо извѣстны. Болѣе страдающею стороною при такихъ условіяхъ являются женщины¹⁾ и дѣти, хотя мнѣ приходилось слышать и отъ мужей жалобы на постоянные раздоры женъ, нарушающихъ семейный покой, составляющій первое условіе правильного воспитанія дѣтей. На женъ своихъ сарты смотрятъ, какъ на существа низшія, что согласно съ Кораномъ (гл. 4, ст. 38): имущественныя права ихъ ограничены, мужъ можетъ бить свою жену, свидѣтельское показаніе одной жены не имѣетъ силы. Проводить время въ обществѣ жены сартъ не любятъ изъ опасенія поглупѣть: „Жена—корова, говорилъ мнѣ одинъ сартъ; постоянно быть въ ея обществѣ опасно, —будешь самъ походить на корову“.

Домашній бытъ сартовъ не сложенъ вообще и отличается патриархальностію. Жилище, одежда, пища отвѣчаютъ скромнымъ потребностямъ и указаніямъ шаріата. Жизнь богатаго сарта мало отличается отъ жизни бѣдняка: люди съ большими средствами имѣютъ большихъ размѣровъ домъ, лучшаго качества и большій запасъ одежды и болѣе обильную пищу. Но самое главное отличіе домашней жизни сартовъ отъ жизни европейскихъ народовъ состоитъ въ томъ, что женщины отдѣлены отъ мужчинъ, и это раздѣленіе половъ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сартъ состоятельнѣе; у состоятельныхъ сартовъ для женской половины устраивается особенное помѣщеніе съ особымъ дворомъ, отдѣленнымъ отъ мужскаго жилья, такъ что постороннему мужчинѣ только какъ-нибудь случайно можно увидѣть сартянку²⁾.

Отличительною особенностію жилищъ сартовъ составляетъ отсутствіе въ нихъ оконъ и печей³⁾. Нагрѣваніе жилищъ произ-

¹⁾ Мужья могутъ мѣнять женъ безъ особыхъ затрудненій со стороны закона о разводѣ, особенно, если мужъ состоятельный.

²⁾ См. Сарты. Вып. третій, стр. 133—137.

³⁾ Подъ вліяніемъ примѣра русскихъ, только состоятельные сарты устраиваютъ окна и печи въ своихъ жилищахъ.

водится посредствомъ жаровни съ углями, но этотъ способъ крайне негигіениченъ. Въ санитарномъ отношеніи домашняя жизнь сартовъ стоитъ низко, и только умѣренность въ пищѣ и питъѣ и теплый климатъ, дающій возможность жителямъ Ташкента проводить семь мѣсяцевъ въ году на открытомъ воздухѣ подъ свѣжею зеленью садовъ и полей спасаетъ ихъ отъ повальныхъ болѣзней. Статистика пока еще не примѣнима къ сартовскому населенію, а потому и нельзя еще говорить о процентѣ смертности среди сартовъ, хотя дѣти въ первомъ возрастѣ мрутъ у нихъ въ большемъ числѣ отъ негигіеническаго ухода за ними¹⁾, отъ господствующаго еще среди сартовъ предубѣжденія противъ пріивитія дѣтямъ оспы, отъ несвоевременнаго обращенія къ медицинской помощи (особенно при родахъ) и отъ другихъ причинъ.

Общественная жизнь у сартовъ самобытна и отличается разобщенностью половъ: мужчины и женщины, отдѣльно другъ отъ друга преимущественно въ праздники, посѣщаютъ своихъ знакомыхъ и устраиваютъ по очереди особые вечеринки, извѣстныя подъ именемъ *джура*. По разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ (рожденіе ребенка, обрѣзаніе его, окончаніе ученія сына, женитьба его; похороны, поминки), состоятельные люди дѣлаютъ большіе пиры, которыя обходятся имъ сотни, а иногда и тысячи рублей²⁾. Обычай этотъ очень крѣпко держится въ народѣ и тяжело отзывается на матеріальныхъ средствахъ небогатыхъ жителей. Иногда, по недостатку средствъ, самое обрѣзаніе откладывается. Главнымъ „общественнымъ“ мѣстомъ для массы населенія служить базаръ въ дни торга. На базарѣ сходятся окрестные жители съ мѣстными обывателями; здѣсь сообщаются и распространяются всякія новости... Базарныя молва, какъ источникъ новостей, называется у сартовъ характернымъ именемъ „узунъ-кулакъ“ т. е. длинное ухо³⁾. Особенное оживленіе на базарахъ бываетъ въ ночи поста Рамазана, продолжающагося цѣлый мѣсяцъ и переходящаго по временамъ года. Въ это время въ Таш-

¹⁾ См. Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы, соч. г.г. Наливкиныхъ. (Казань, 1886 г.) и отчеты амбулаторныхъ лѣчебницъ.

²⁾ См. въ приложеніи къ настоящей книгѣ.

³⁾ Часто „узунъ-кулакъ“ доставляетъ населенію новости быстрѣ почты и телеграфа и потому имѣетъ большое значеніе въ жизни сартовъ.

кентъ все оживаетъ послѣ дневнаго утомленія отъ строгаго воздержанія: на базарѣ, въ разныхъ мѣстахъ, появляются пѣвцы (*гафизъ*), проповѣдники (*маддагъ*) и смѣхотворы (*азкія*); послѣдніе собираютъ около себя охотниковъ послушать веселые рассказы и часто неприличные каламбуры. Въ чайханахъ толпы народа пьютъ чай подъ шумные звуки пѣнія и сартскихъ музыкальных инструментовъ. Тамъ же сидятъ и молодые мальчуганы (*бача*)¹⁾. Въ особыхъ балаганахъ показываютъ свое искусство фокусники и акробаты. Въ тѣхъ же балаганахъ даются представленія съ куклами (чадырь-хаяль). Прежде главною темою представленій въ этомъ театрѣ былъ смотръ войскъ, очевидное воспроизведеніе русскихъ военныхъ парадовъ. Приготовленія къ параду и появленіе куколъ, изображающихъ высокихъ гостей, сопровождаются разными каламбурами, которые въ высшей степени тѣшатъ публику. Восторженный шумъ звуковъ одобренія заглушаетъ бубны и барабаны. Въ 1870—80-хъ годахъ въ кукольномъ театрѣ выводились на сцену мѣстные русскіе губернаторы и уѣздные начальники, причемъ непременно вызывался и мѣстный городской врачъ; высокихъ гостей представляли также сосѣдніе, живые и умершіе, ханы. Послѣ смотра войскъ (стрѣлковъ и артиллеріи), на сцену являлись танцовщицы. Иногда въ началѣ представленія, иногда въ концѣ куклы представляютъ сцену отправленія пьянаго на извозчикѣ, при содѣйствіи полицейскаго, причемъ пьяный заявляетъ, что онъ былъ въ клубѣ и пилъ шампанское²⁾.—Кромѣ представленій съ куклами, туземные актеры, по особому приглашенію, иногда даютъ представленія въ лицахъ, изображая учителя и ученика, злоупотребленія мираба, казія и простаго торговца. Подражательная способность у туземныхъ актеровъ, при всей грубости манеръ, и содержанія представленій, замѣчательная³⁾.

¹⁾ Выраженіе «бача» *бача* происходитъ, вѣроятно, отъ *бача* + *ча* и является уменьш. именемъ богатаго, такъ какъ бачѣ оказывается такое же вниманіе, какъ и богачу. Интересно, что во время Максима Грека этотъ порокъ былъ извѣстенъ среди русскихъ (Сочин. М. Грека, ч. 2, стр. 251—260).

²⁾ Ср. замѣтку К. Иностранцева въ Зап. Воен. О-д. И. Р. А. О. Томъ XVII (1907) стр. 0164—0166.

³⁾ Въ правленіе Худаяръ-хана, не задолго до завоеванія Ферганы, въ Кокандѣ былъ замѣчательный актеръ Закирь-джанъ. Однажды онъ, въ при-

Развлечение съ такъ называемыми бачами несомнѣнно производитъ развращающее вліяніе на народъ, почему русскія власти въ разное время пытались препятствовать распространенію этого омерзительнаго порока. Въ 1884 г. казіями города Ташкента былъ составленъ риваятъ (постановленіе) такого содержанія: „Въ одной изъ главъ шаріата говорится, что мальчикамъ, имѣющимъ красивое лицо, одѣвающимся въ шелковыя одежды и на подобіе женщинъ наводящимъ на лицѣ румяны, строго воспрещается сидѣть въ лавкахъ, ходить по базару и находиться въ чайханахъ, такъ какъ это противно закону (т. е. шаріату). Лица, занимающіяся бачебазством¹⁾, одиночно и въ компаніи ходятъ въ чайныя лавки, въ которыхъ содержатся такіе мальчики и, разсѣвшись противъ нихъ, смотрятъ на нихъ страстными глазами и увлекаются игрою глазъ и тѣлодвиженіями мальчика, за что платятъ деньги, которыя добываютъ у своихъ родителей и женъ. а если тѣ добровольно не даютъ денегъ, то распутники воруютъ деньги у родныхъ или у чужихъ, а потому вводятъ себя въ грѣхъ и идутъ по пути нечистой силы, такъкакъ въ одной изъ главъ шаріата говорится, что мальчики эти имѣютъ въ себѣ каждый по 18 бѣсовъ, отъ которыхъ кажутся красивыми и хорошими. Воспрещеніе такого беззаконія зависитъ отъ начальниковъ, которые обязаны прекращать это зло, а мальчиковъ возвращать ихъ родителямъ, за что они (начальники) получаютъ милость Божію.

.....
 присутствіи Худаяръ-хана, представилъ въ липахъ мѣстнаго шейху-ль-ислама, какъ онъ отправлялъ свое правосудіе, и это представленіе стоило несчастному шейху-ль-исламу потери должности и пожизненнаго ареста, во время котораго онъ и умеръ. Самъ Худаяръ-ханъ такъ былъ увлеченъ игрою актера, что приказалъ ему представить и себя самого (то есть хана). Осторожный Закирь-джанъ заручился сначала обѣщаніемъ хана, что онъ не будетъ преслѣдовать актера за представленіе, а потомъ сголь неподражаемо исполнилъ свою роль, что Худаяръ-ханъ разсердился и не сдержалъ своего обѣщанія: на другой день ханъ, оставивъ неприкосновенною личность актера, согласно данному обѣщанію, конфисковалъ имущество Закирь-джана и вообще показалъ такое неблаговоленіе къ нему, что тотъ долженъ былъ навсегда удалиться отъ ханскаго двора. Это рассказывали мнѣ заслуживающіе довѣрія туземцы со словъ самого талантливаго актера.

¹⁾ Такъ называется развлечение съ красивыми мальчиками. Для уясненія этого психо-физиологическаго извращенія полового чувства нужно прочитать VIII главу изъ соч. Авг. Фореля „Половой вопросъ“ (СПб. 1900 г.)

«Согласно вышеприведенному риваяту и принимая во внимание, что мальчики, выполняющие роль *бачей*, съ ранняго дѣтства приучаются только къ праздной, бездѣтельной и разгульной жизни на счетъ дурныхъ мужчинъ, извѣстныхъ подъ именемъ *бачебазовъ*, и такимъ образомъ, достигнувъ возраста 20—25 лѣтъ, они сами обращаются въ бачебазовъ и проматываютъ все нажитое трудами отцовъ своихъ и затѣмъ, не привыкнувъ ни къ какому труду, обращаются къ легкимъ промысламъ, какъ-то: къ обманамъ, кражамъ и грабежамъ, т. е. само населеніе воспитывается въ себѣ вредныхъ членовъ общества, поощряя ихъ своими приношеніями и подарками, расходуя на это всѣ денные заработки въ ущербъ своимъ семьямъ,—я, на основаніи всего приведеннаго, предлагаю и. д. младшаго помощника и аксакаламъ разъяснить населенію вредъ, происходящій отъ бачебазства, и пригласить народъ принять участіе въ искорененіи этого зла. Всякій добропорядочный человѣкъ, въ свободное отъ труда время, найдетъ себѣ развлеченіе, не противное долгу чести и шаріату¹⁾»

Не смотря на это разъясненіе, развлеченія съ бачами какъ и слѣдовало ожидать: однимъ приказаніемъ не прекратить распространеніе порока, укоренившагося въ народѣ въ теченіе столѣтій и находящагося въ связи съ устройствомъ домашняго быта сартовъ. Увлеченіе бачами не только вызываетъ большіе расходы

¹⁾ См. Туркест. тузем. газ. за 1884 г. № 48. Среди бачей бываютъ и настоящіе содомиты (хизалякъ). И этотъ гнусный порокъ встрѣчается среди сартовъ, какъ это видно изъ слѣдующаго анекдота: „Однажды привели къ Кокандскому хану такого бачу развратника, ханъ присудилъ его къ смертной казни. но находчивый развратникъ заявилъ хану, что онъ знаетъ очень выгодный для всего государства секретъ и что ему не хотѣлось бы уносить этотъ секретъ съ собою въ могилу. Ханъ заинтересовался и узналъ, что присужденный къ смерти развратникъ обѣщаетъ вырастить изъ обыкновенныхъ сѣмянъ чистое золото. Соблазнившись такимъ заманчивымъ общаніемъ, ханъ отложилъ смертную казнь развратнику. Когда настало время постѣва, ханъ приказалъ осужденному приступить къ дѣлу. но тотъ сказалъ: „Таксыръ! я самъ гнусный развратникъ, и изъ моего постѣва ничего не выйдетъ; поэтому прикажите кому нибудь изъ вашихъ приближенныхъ произвести постѣвъ подъ моимъ личнымъ присмотромъ“. Ханъ поочередно предлагалъ своимъ приближеннымъ взяться за постѣвъ, но не нашлось ни одного неповиннаго въ названномъ порокѣ. Тогда хитрый развратникъ попросилъ самого хана взяться за постѣвъ для народнаго блага. Но... и самъ ханъ соизнался въ своей виновности...

у ихъ обладателей, но иногда оканчивается преступленіемъ-убійствомъ. Такъ, 7 іюля 1890 г. Ташкентскіе сарты: Улугъ-Ходжа Зіаутдиновъ, конный барышникъ 38 лѣтъ, Акбаръ-Ахметъ-Баевъ, Юнусъ-Ходжа-Ибрагимъ-Ходжинъ, мелкій подрядчикъ и торговецъ, и Ахметъ-джанъ-Нурматдиновъ (21 г.)-- всѣ зажиточные--взяли съ собою друхъ бачей и въ компаніи еще съ двумя товарищами сначала катались по городу верхами, потомъ угощались въ увеселительномъ саду, а когда стемнѣло, уѣхали въ пустой загородный садъ и тамъ изнасиловали обоихъ бачей, причемъ одинъ изъ кутилъ, балалаечникъ Саадулла былъ убитъ своими товарищами по кутежу изъ-за обладанія бачей¹⁾.

Случались и послѣ подобныя преступленія: 31 января 1891 въ Самаркандской области, въ селеніи Тугай былъ убитъ ножемъ мѣстный сартъ Ибрагимъ-Мулла Шакировъ туземцемъ Санакуломъ-Хадыровымъ изъ-за бачи, въ обществѣ котораго они 30-го января провели ночь²⁾.

Въ ночь на 29 іюля 1895 г. въ Ташкентѣ, въ мѣстности Джума Мечеть, въ саду сарта Муллы-Каримджана Рахимджанова, былъ зарѣзанъ сынъ его Шакирджанъ, 28 лѣтъ, ташкентскимъ же сартомъ Бай-Мухаммадовымъ изъ-за бачи³⁾.

Приведенные случаи убійства изъ-за бачей не единственные; и въ другихъ областяхъ бываютъ такія-же преступленія.

Другое зло въ жизни сартовъ составляетъ куреніе *анани* и употребленіе *кукнара*. Разрушительное дѣйствіе на человѣческой организмъ этихъ двухъ зелій извѣстно изъ описаній русскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ. Подверженныхъ этой слабости сартовъ можно узнать съ перваго взгляда. Они имѣютъ страшный видъ: необыкновенно худое лицо землистаго цвѣта и впалые сонливые глаза; голова свалившаяся на плечи или на грудь, а руки трясущіяся. Поминутно ихъ клонитъ дремота. Рѣдкому изъ этихъ несчастныхъ удастся освободиться отъ своей пагубной страсти и тѣмъ обезпечить себѣ еще нѣсколько лѣтъ жизни. Въ 1884 г., по распоряженію Туркестанскаго Генераль-Губернатора,

¹⁾ Н. Васильевъ. Смерть изъ-за бачи. Изъ мѣстной судебной хроники. Прилож. къ газетѣ «Окраина», Самаркандъ, 1891.

²⁾ Окраина: № 26 за 1892 г.

³⁾ Туркестан. Вѣдом. 1895 г. № 54.

Генераль-Лейтенанта Черняева, было напечатано въ Туркестанской туземной газетѣ (№№ 13—17) популярное разъясненіе вреднаго дѣйствія этихъ средствъ на организмъ, составленное мѣстнымъ военнымъ врачомъ; но и теперь еще въ Ташкентѣ не мало лицъ, страдающихъ отъ употребленія анаши и кукнара¹⁾. Въ послѣднее время сарты начинаютъ пить также пиво и водку: въ русскомъ городѣ въ пятницу можно встрѣтить пьяныхъ сартовъ въ трактирахъ и развѣзжающихъ съ крикомъ по улицамъ.

Извѣстны среди сартовъ и азартные игроки въ разныя игры: въ кости, въ орѣхи и въ карты; кромѣ того, встрѣчается среди нихъ азартная игра въ бой барановъ, перепеловъ, куропатокъ и пѣтуховъ и рулетка. Каждый годъ раннею весной, какъ только стаеетъ снѣгъ и обсохнетъ земля, сарты собираются за городомъ и наслаждаются зрѣлищемъ борьбы мѣстныхъ силачей, причемъ побѣдители пользуются не только звуками одобренія, но и подарками денегъ и халатовъ со стороны богатыхъ людей. 23 іюня 1895 года въ Ташкентѣ мѣстный сартъ Ахмедъ-палванъ Тапылбаевъ, 28 лѣтъ, поборолъ находившагося въ заѣзжемъ циркѣ силача Риппеля, вызвалъ этимъ необыкновенный восторгъ единоплеменниковъ и собралъ отъ нихъ до 200 руб. денегъ и нѣсколько халатовъ.

Какъ земледѣльцы по преимуществу и торговцы, сарты трудолюбивы, миролюбивы и благодущны; но они впечатлительны и легко поддаются не только непосредственному личному чувству, но и вліянію дурныхъ людей; интересъ матеріальный или нрав-

¹⁾ Пріемъ опія и гашиша не можетъ быть исчерпанъ однимъ какимъ-либо состояніемъ. Пока ядъ дѣйствуетъ, человекъ переживаетъ нѣсколько различныхъ по своей силѣ впечатлѣній. Сначала мысли пріобрѣтаютъ необыкновенную быстроту, память не успѣваетъ уловить ихъ; затѣмъ появляются свѣтотыя галлюцинаціи и, наконецъ—сновидѣнія чрезвычайно яркія, отчетливыя, живыя. Сновидѣнія длятся отъ четверти часа до двухъ часовъ. Затѣмъ замѣчается обратный ходъ всѣхъ ощущеній и, наконецъ, пробужденіе. Таково дѣйствіе опія; пріемы гашиша имѣютъ послѣдствія нѣсколько иныя; этотъ ядъ тоньше и безвреднѣе. Онъ доставляетъ человеку по большей части только спокойное, отрадное состояніе, рисуя жнзнь въ розовомъ свѣтѣ и выдвигая лишь положительные образы и видѣнія. Иллюзія сна при пріемахъ гашиша еще больше, чѣмъ при опіумѣ. Но чувство довольства жизнью при малѣйшемъ поводѣ можетъ смѣниться чувствомъ безпредѣльнаго страха: булавку можно принять за кинжалъ и под. (Нов. Вр.).

ственный, корысть, зависть и личное раздраженіе легко приводятъ ихъ къ ссорамъ и даже убійствамъ¹⁾. Споры изъ-за воды для орошенія полей сопровождаются у сартовъ ожесточенными драками, а выборы должностныхъ лицъ — подкупами и большими интригами, иногда не прекращающимися и послѣ выборовъ. Лучшие люди среди сартовъ не въ состояніи противоѣствовать большинству и, кромѣ того, они сами остаются до и послѣ выборовъ въ непосредственной зависимости отъ народа и потому иногда сами страдаютъ отъ интригъ и доносовъ. Своею корыстностью сарты напоминаютъ евреевъ, которыхъ въ тоже время не любятъ. Сарты нисшаго класса отличаются докучливымъ попрошайничествомъ, хорошо извѣстнымъ русскимъ жителямъ города Ташкента въ формѣ: „Тюря! силлу биръ“²⁾.

Подъ вліяніемъ мусульманской религіи³⁾, у сартовъ нерѣдко можно замѣтить сознаніе своего мусульманскаго достоинства предъ русскими, но вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ же проявляется угодливость предъ вліятельными людьми, такъ что въ одномъ случаѣ сартъ важничаетъ и напускаетъ на себя величіе, въ другихъ случаяхъ раболѣпствуетъ; напускная надутость сарта оч. легко переходитъ въ безотвѣтное смиреніе, если онъ увидитъ предъ собою внушительную силу. Сарты вообще трусливы, а рабочіе даже плаксивы: побитый работникъ плачетъ иногда въ голосъ, подобно малому ребенку, какъ бы стараясь вызвать сочувствіе къ себѣ; но большею частію сарты молча переносятъ обиду, считая возраженія невыгодными для себя⁴⁾.

¹⁾ Напримѣръ: 23 мая 1895 г. житель селенія Дувана (Ферган. обл.) Сарымсакъ Ибраимовъ, поссорившись съ жителемъ того-же селенія Турды-Ахуновымъ, нанесъ ему нѣсколько ранъ топоромъ. 26 мая того-же года житель сел. Чартакъ (Ферганск. обл.) Убайдулла Нарбутинъ убилъ жителя того-же селенія Мухаммадъ-Шарифа Хасанбаева за то, что Хасанбаевъ не позволилъ ему привязать лошадь къ дереву. (Туркест. Вѣдом. 1895 г. № 54).

²⁾ Слѣдующій случай извѣстенъ мнѣ лично: однажды во время археологическихъ раскопокъ рабочей сартъ былъ сильно напуганъ обвалившеюся ему на ноги землей. Я опасался за его здоровье и предложилъ отвезти его для осмотра къ доктору, но обидевшись послѣ испуга сартъ сказалъ мнѣ: „Нѣтъ, тюря, къ доктору не нужно ѣхать, а лучше дай мнѣ «силлау»... Я далъ ему „силлау“. Н. О.

³⁾ Въ Коранѣ (гл. 3, ст. 106) говорится: „Вы (т. е. исповѣдники ислама) самый лучший народъ изъ всѣхъ, какие возникли среди людей“.

⁴⁾ При этомъ мнѣ невольно припоминается характерная сцена, какъ во время холерныхъ безпорядковъ въ Ташкентѣ въ іюнѣ 1892 г. военный

Сарты отличаются достаточною живостью, но сдерживают себя, сообразно общепринятымъ въ Туркестанѣ понятіямъ о благовоспитанности¹⁾. Въ этихъ условіяхъ, сартъ любитъ и умѣетъ пошутить. мѣтко указываетъ на выдающуюся сторону дѣла и тонко характеризуетъ занимающій его вниманіе предметъ, конечно, со стороны болѣе житейской.

Въ житейской практикѣ сарты являются оч. толковыми, скоро приспосабливаются къ новымъ условіямъ и усваиваютъ практическія знанія²⁾. Въ настоящее время почти всѣ ремесла извѣстны сартамъ, а нѣкоторыя находятся исключительно въ ихъ рукахъ. Сарты являются единственными въ своемъ родѣ штукатурами и мастерами въ лѣпныхъ работахъ; лѣпныя работы выполняются ими необыкновенно тонко и изящно, что можетъ каждый видѣть на украшеніяхъ потолковъ и стѣнъ жилищъ богатыхъ сартовъ, мечетей и нѣкоторыхъ церквей. Мастерство каменщиковъ изучено ими вполне; плотничныя работы усовершенствовались подъ вліяніемъ русскихъ мастеровъ, а столярныя и токарныя работы выполняются сартами еще неискусно. Это значитъ, что сарты не понимаютъ всѣхъ требованій хорошей работы; но не слѣдуетъ отрицать въ сартахъ способности и къ этимъ мастерствамъ, какъ о томъ можно судить по ихъ очень мелкой и красивой рѣзбѣ не только по дереву, но и по металлу. Короче сказать: въ настоящее время въ Ташкентѣ остаются неизвѣстными сартамъ кровельное мастерство въ связи съ малярными работами и печное; тѣмъ не менѣе нужно ожидать, что со временемъ сарты заберутъ въ свои руки и эти мастерства и другія производства, и кон-

губернаторъ области, нынѣ Турк. ген-губернаторъ Н. И. Гродековъ, набазарѣ, при громадной толпѣ туземцевъ, порицалъ мѣстныхъ казіевъ и всенародно снялъ съ нихъ правительственные знаки ихъ служебнаго положенія. Это была сцена многознаменательная для обѣихъ сторонъ.

¹⁾ Правила благоведенія сартовъ изложены въ особой брошюрѣ, извѣстной подъ заглавіемъ „Адабу-с-салихинъ“ т. е. Благоповеденіе людей благочестивыхъ, въ которой сартамъ даются подробныя наставленія, какъ нужно держать себя въ то или другое время. Этотъ интересный памятникъ переведенъ на русскій языкъ г. Лыкошинымъ и напечатанъ въ Сборникѣ Сыръ-Дарьинскаго Статистическаго Комитета за 1894 годъ. (Ташкентъ, 1895).

²⁾ Сартъ Юнусъ отлично ознакомился съ устройствомъ Ташкентской обсерваторіи и находящимися тамъ астрономическими инструментами.

курировать съ ними русскимъ мастерамъ будетъ трудно, потому что рабочіе сарты менѣе проживаютъ на себя и не пьянствуютъ.

О способности сартовъ къ торговлѣ еще Араслановъ замѣтилъ, что въ Ташкентѣ всѣ жители болѣе или менѣе торгуютъ, но „малымъ числомъ товаровъ, не свыше 1000 р.“, а теперь въ Ташкентѣ есть уже крупные торговцы, которые ведутъ свои дѣла осторожно, съ большею расчетливостью и выгодною; торговые обороты сартовъ постепенно расширяются и выгоды увеличиваются. Они постепенно расширяютъ свою торговлю, избѣгая пока галантереи. Это потому, что сарту удобнѣе вести свою торговлю въ предѣлахъ своей страны¹⁾, чѣмъ торговцу заѣзжему, и сартъ живетъ проще и расходуетъ на себя и на свою торговую контору гораздо меньше: тамъ гдѣ русскій купецъ или цѣлая торговая фирма расходуетъ на одну администрацію (при миллионномъ оборотѣ) до *двухъ сотъ тысячъ рудлей*, купецъ-сартъ расходуетъ *только пятьдесятъ тысячъ*.

Санитарныя условія городовъ и селеній сартовъ, при своеобразномъ характерѣ ихъ построекъ, нельзя назвать вполнѣ благоприятными для здоровья; постройки ихъ возводятся часто въ непосредственной близости одна къ другой, а улицы въ городахъ и селеніяхъ до такой степени узки и искривлены, что по нимъ невозможно свободное движеніе воздуха. О мостовыхъ въ сартскихъ городахъ, а равно о вывозѣ грязи съ улицъ до послѣдняго времени не могло быть и рѣчи; навозъ кучами лежалъ на дворахъ и улицахъ; обычай вывозить изъ города разныя другія нечистоты былъ неизвѣстенъ сартамъ²⁾. Отсутствіе чистой воды для питья, лужи и груды вонючей грязи осенью и весною и загрязненные пруды способствуютъ распространенію эпидемій среди населенія. Близость клеверныхъ и рисовыхъ полей къ селеніямъ и городамъ сартовъ въ свою очередь поддерживаетъ среди

¹⁾ Вся миллионная торговля со степью находится въ рукахъ богатыхъ татаръ Яушевыхъ и др.

²⁾ Большая часть огромнаго Ташкента расположена вблизи выгребныхъ ямъ и клоакъ, частію открытыхъ еще, и только здѣшній лѣсъ нѣсколько ослабляетъ зловоніе и поддерживаетъ хоть сколько-нибудь сносное существованіе; каждое столѣтіе весьма значительно заражало почву Ташкента и оставляло каждому послѣдующему вѣку все худшія санитарныя условія для человеческого существованія.

населенія изнурительныя лихорадки, какъ объ этомъ можно судить по огчетамъ амбулаторныхъ лѣчебницъ: въ ташкентскомъ уѣздѣ (селенія: Той-типя, Тиляу и др.) по нѣскольку лѣтъ свирѣпствовала малярія, отъ которой вымирала значительная часть населенія.

Что касается народной медицины сартовъ, то ихъ табибы (врачи) удачно лѣчатъ преимущественно наружныя болѣзни. Къ сожалѣнію, медицинскія познанія табибовъ давно отстали отъ европейской науки, и лучшіе изъ нихъ не идутъ далѣе извѣстнаго въ средніе вѣка „Канона“ Авиценны, а большинство являются грубыми шарлатанами, отправляющими на тотъ свѣтъ людей, имѣющихъ всѣ задатки къ продолжительной жизни. Особенно низко стоитъ у сартовъ *повивальное* дѣло, и очень часто молодыя роженицы умираютъ въ страшныхъ мученіяхъ послѣ производимыхъ надъ ними жестокихъ манипуляцій. Поэтому особенно нужно цѣнить заботу русской администраціи о распространеніи среди туземнаго населенія русскихъ амбулаторій съ женщинами-врачами.

Такъ называемая „сартовская болѣзнь“ (паша-хурда) встрѣчается среди сартовъ часто и хотя излѣчивается туземными врачами, но оставляетъ послѣ себя замѣтный слѣдъ, какъ бы послѣ обожженія горячимъ желѣзомъ. Русскіе врачи примѣняютъ къ этой болѣзни выскабливаніе, а сарты лѣчатъ ее особымъ ѣдкимъ пластыремъ. Захваченная вначалѣ сартовская язва излѣчивается скоро и слѣда не оставляетъ на больномъ мѣстѣ. Заболѣвшіе этою язвою продолжаютъ оставаться въ своемъ обществѣ и, по видимому, не передаютъ ее другимъ, такъ какъ самая язва залѣплена пластыремъ.

Кромѣ этой болѣзни, среди сартовъ съ давнихъ поръ распространена другая болѣзнь „проказа“, и прокаженные (махау), эти истинно несчастные люди, помимо своихъ физическихъ страданій, осуждены на гораздо болѣе тяжкое положеніе; они обязательно удаляются изъ общества здоровыхъ и поселяются въ особомъ огороженномъ мѣстѣ за городомъ (верстахъ въ пяти, не далеко отъ завода Тезикова) и тамъ доживаютъ свой страдальческій вѣкъ, пропитываясь подаеніями¹⁾.

¹⁾ См. мою статью въ Туркест. литерат. сборникѣ, изд. въ 1900 году въ пользу прокаженныхъ.

Въ другихъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края среди сартовъ извѣстны двѣ формы заболѣванія: *лобъ* въ Ферганской и *ришта* въ Самаркандской области. Та и другая болѣзнь находится въ прямой зависимости отъ воды.

Кромѣ того, въ Ташкентѣ и другихъ населенныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются душевно-больные, извѣстные подъ именемъ *дишан* или *джинны* т. е. юродивый и бѣсноватый.

„Трудно сказать а priori, говоритъ мѣстный врачъ г. Шварцъ, насколько всѣ эти больные безопасны для окружающихъ; во всякомъ случаѣ есть нѣкоторое основаніе предполагать, что далеко не всѣ изъ перечисленныхъ принадлежатъ къ разряду „спокойныхъ“. Возможно, что поведеніе больныхъ обуславливается не столько психическимъ разстройствомъ, какъ таковымъ, сколько притупленіемъ или полнымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства. Въ ряду причинъ такой нравственной тупости я могу указать на злоупотребленіе опиумъ („кукнаръ“, „опіемъ“, „тарьякъ“) и коноплей („анаша“), сильно распространенное среди туземцевъ и ведущее нерѣдко къ полному слабоумію.

Во всякомъ случаѣ, тѣ или другія причины даютъ начало психическому разстройству, въ туземномъ городѣ нерѣдки случаи, когда душевнобольные туземцы проявляютъ поступки, не совсѣмъ безопасные для населенія. Такъ, въ 1897 году я помню случай, когда душевнобольной сартъ ранилъ ножомъ въ локоть продавца лепешекъ за то, что тотъ не далъ ему бесплатно лепешки. Или, въ томъ же году душевнобольной сартъ (или таджикъ) перерѣзалъ себѣ такъ старательно горло, что обнажилъ гортань; кто бы могъ поручиться, что въ припадкѣ умоизступленія тотъ больной не продѣлалъ бы такой же операціи съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, среди которыхъ онъ спалъ въ эту ночь. Мнѣ извѣстны также еще два случая: въ 1892 г. сартъ, очевидно, душевнобольной, отрѣзалъ себѣ свои половыя части; въ 1896 г. душевнобольной сартъ вонзилъ себѣ въ животъ ножъ, вымоталъ кишки и часть изъ нихъ отрѣзалъ напрочь. Я полагаю, что подобныхъ фактовъ въ исторіи туземнаго города насчитается немало. Многіе изъ русской публики, да и туземной утѣшаютъ себя тѣмъ, что не всѣ перечисленные 65 человѣкъ — душевно-больные въ собственномъ значеніи этого; между ними, де, много т. наз. „дивана“,

т. е. дурачковъ-юродивыхъ. На меня, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ производитъ впечатлѣніе психически больныхъ.

„Помимо опасности душевнобольного для населенія въ разбираемомъ вопросѣ есть еще одна сторона болѣе важная и существенная. Кому приходилось бывать въ туземномъ городѣ, тотъ не разъ видѣлъ на улицѣ эти голодные, оторванные, полунагія существа, бродящія при смѣхѣ „улицы“ въ рубищѣ или просто въ костюмѣ праотца Адама, несмотря на грязь, стужу и зной.

„Заянтересовавшись судьбой этихъ обездоленныхъ, безпріютныхъ людей, я узналъ, что ночлежнымъ пріютомъ для нихъ служитъ кладбище, и каждое изъ нихъ (кладбищъ) имѣетъ своего пената—душевнобольного ночлежника; сарты сжились, такъ сказать, съ присутствіемъ на ихъ кладбищѣ „своего“ душевно-больного. Въ частномъ домѣ никто изъ туземцевъ не пріютитъ у себя завѣдомо душевно-больного, даже и тихаго. И, такимъ образомъ, вся эта компанія душевно-больныхъ обречена на вѣчное скитаніе, голодъ и холодъ¹⁾).

Наконецъ, отношенія сартовъ къ сосѣднимъ народамъ въ ханскія времена рѣдко сохранялись мирныя, дружескія. Недостатки ханскаго управленія, произволъ правителей и настойчивое преслѣдованіе ими своекорыстныхъ цѣлей вызывали у сосѣднихъ народовъ раздоры и ссоры, доходившіе до открытыхъ войнъ, ослаблявшихъ и безъ того некрѣпкій общественный организмъ сартскихъ поселеній. Въ концѣ-концовъ всѣ эти неурядицы приводили сартовъ къ легкому порабоженію со стороны другихъ народовъ, а чужеземное иго оставляло, конечно, слѣды на характерѣ сартовъ, измѣняя его въ хорошую и дурную сторону. Лицемеріе, притворство, хитрость и корыстность, безъ сомнѣнія, развились у сартовъ подъ вліяніемъ дурнаго правленія завоевателей. Г. Миддендорфъ не указываетъ, на долю какихъ первоначальныхъ элементовъ смѣси нужно относить названные сейчасъ и другіе пороки сартовъ, т. е. на долю тюрко-монголовъ, или на долю иранцевъ. И я думаю, что было бы трудно рѣшить это, потому что, какъ замѣчаетъ Оскаръ Пешель²⁾ „мы пошли бы ложными путями, если бы захотѣли объяснить всѣ духовныя проявленія наро-

¹⁾ Туркест. Вѣдом.

²⁾ Народовѣдѣніе. Выпускъ третій, стр. 322.

довъ основными физическими условіями". Конечно, и эти проявленія подчиняются закону естественнаго развитія (эволюція) и суть ничто иное, какъ необходимый результатъ цѣлаго ряда причинъ. Къ такимъ причинамъ принадлежать, конечно, и историческія условія жизни народовъ: „Это—старая истина, говоритъ въ этомъ смыслѣ Дельбрюкъ, что каждый человѣкъ, соотвѣтственно опыту своей жизни, научается находить, или терять своего Бога".

Заканчивая общую характеристику сартовъ остановлюсь на приведенной выше (стр. 61—63) характеристикѣ ферганскихъ сартовъ, сдѣланной г. Миддендорфомъ, которая кажется мнѣ нѣсколько одностороннею.

Животныхъ, птицъ и цвѣты сарты дѣйствительно любятъ, какъ упоминаетъ г. Миддендорфъ; но рядомъ съ проявленіемъ нѣжныхъ чувствъ къ животнымъ и птицамъ у сартовъ не мало и грубости въ чувствахъ, что естественно въ каждомъ народѣ, не отличающемся широкимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Г. Миддендорфъ не обратилъ вниманія своего на то, что сарты часто являются не просто любителями животныхъ и птицъ, но любителями-интересанами. Куропатки и перепелки—боевыя птицы у сартовъ; поэтому хозяинъ птицъ такъ заботливо ухаживаетъ за ними, а ласточки и голуби почитаются у сартовъ чуть ли не священными птицами, согласно древнимъ преданіямъ. Можно видѣть, что сартъ носитъ перепела за пазухой, а другой ухаживаетъ за своей куропаткой и т. п., но заключать отсюда объ особенной нѣжности чувствъ сартовъ къ птицамъ и животнымъ едва ли послѣдовательно. Что удивительнаго въ томъ, что сартъ терпѣливо и любовно сноситъ ласточку, которая непрошенно устраиваетъ свое гнѣздо въ его домѣ, загрязняя его жилище? Что особеннаго въ томъ, что сартъ щадитъ голубя-воркуна, который ютится въ жилыхъ помѣщеніяхъ сарта? Кто же станетъ обижать этихъ безобидныхъ птичекъ, которыя оживляютъ своимъ щебетаніемъ и воркованіемъ унылыя жилища особенно бѣдняковъ и которыя сами добываютъ себѣ кормъ? Такое явленіе вовсе не составляетъ рѣдкости вообще въ селеніяхъ, не только въ сартскихъ, но и русскихъ. А между тѣмъ г. Миддендорфъ заявилъ, что ему пріятно было видѣть это у ферганскихъ сартовъ и при-

бавиль: „вѣдь въ Европѣ совсѣмъ не то!“ Можетъ быть; но въ селахъ и деревняхъ Европейской Россіи, въ любомъ дворѣ, подъ крышею домовъ, амбаровъ, сараевъ, надъ воротами, надъ окнами и даже въ печныхъ трубахъ всегда вьютъ гнѣзда голуби, воробьи, галки, а въ сѣняхъ ласточки. Перепела русскій крестьянинъ часто весьма заботливо держитъ въ особой клѣткѣ, которую прикрѣпляетъ къ высокому шесту и ежедневно спускаетъ и подымаетъ ее, чтобы вычистить и дать кормъ любимой птичкѣ. Здѣсь уже дѣйствительно проявляется безкорыстная любовь къ перепелу: хозяинъ восторгается, когда его перепелъ отчеканиваетъ на всю деревню свои однообразныя трели. Когда наступаетъ весна, каждый русскій поселянинъ prepares деревянный домикъ, скворешню для прилетающихъ скворцовъ, привязываетъ ее къ длинному шесту и ставитъ на дворѣ такъ, чтобы она была недоступна для домашней кошки. Къ скворешнѣ прикрѣпляется зеленая вѣтка сосны, а если у крестьянина есть свободный пятачекъ, то онъ не поскупится купить на базарѣ кусочекъ синьки или сурика и собственнымъ пальцемъ выкраситъ домикъ для своихъ пернатыхъ весеннихъ гостей. Когда скворцы улетятъ въ поле, русскій крестьянинъ не мѣшаетъ гнѣздиться въ ихъ домикъ воробьямъ. Также безкорыстно разводятъ русскіе поселяне бѣлыхъ и пестрыхъ мохноногихъ съ хохлами голубей и заботливо ухаживаютъ за ними, перенося ихъ на продолжительную дождливую осень и суровую зиму въ свою хату; беспокоить ласточекъ въ русскихъ деревняхъ считается грѣхомъ.

Думаю, что приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы не придавать особаго значенія только терпѣливому отношенію сартовъ къ голубямъ и ласточкамъ, какъ не придаютъ особаго значенія любви русскаго крестьянина къ скворцамъ, голубямъ и другимъ птицамъ, у котораго еще больше прозы въ ежедневныхъ заботахъ и трудахъ, чѣмъ у сарта. Цвѣтовъ русскіе поселяне мало разводятъ, потому что зимой бываютъ морозы, а лѣтомъ воды нѣтъ; но и русская деревенская женщина съ удовольствіемъ всегда, когда это возможно, приносить съ поля даже простой василекъ своимъ дѣтямъ. Тутъ все дѣло—въ особенностяхъ климата, а не въ какомъ-то поэтическомъ настроеніи и не въ особенной нѣжности чувствъ къ животнымъ и птицамъ. И русскій

крестьянинъ грубо обращается съ домашними животными; и сартъ также грубо обращается съ ними. И еще воорось, гдѣ больше грубости, если взвѣсить хорошенько всѣ условія быта русскаго крестьянина и сарта.

Сартъ носить свою перепелку въ пазухѣ или въ рукавѣ и готовъ заплакать, когда она случайно выпорхнетъ у него изъ рукъ (это я наблюдалъ своими глазами); но бѣдныхъ курятъ и цыплятъ сартъ привозить на базаръ въ жалкомъ видѣ и кромѣ того на базарѣ, какъ бы долго ни пришлось ему продавать своихъ птицъ, онъ держитъ ихъ безъ корма и питья. Нужно видѣть также, какъ привозить сартъ куръ и цыплятъ на базаръ... Онъ связываетъ имъ ноги и затѣмъ подвязываетъ (иногда штукъ 10—20) къ сѣдлу за ноги, головой внизъ... Такъ куры и болтаются на бокахъ у лошади, съ распушенными крыльями, даже и не кричать... Въ мѣстной туземной газетѣ было обращено вниманіе на это еще въ 1888 г. (№ 32), и съ того времени, по крайней мѣрѣ на дворы къ русскимъ цыплятъ приносятъ въ корзинѣ.

Посмотрите также, какой грубый кормъ даетъ сартъ своему рогатому скоту зимой? Коровы у него всегда питаются объѣдками клевера, остающимся отъ лошади, а овцы—листьями. Поэтому весною вы встрѣтите жалкихъ на видъ коровъ. Къ лошади сартъ относится лучше, но и къ этому доброму животному сарты часто относятся безсердечно: въ базарные дни вы всегда можете встрѣтить сартовъ, сидящихъ вдвоемъ верхомъ на лошади и понукающихъ бѣдное жисотное еще бѣжать рысью. Я не одинъ разъ видѣлъ даже трехъ сѣдоковъ на одной лошади... Вьюкъ на лошадь сартъ часто кладетъ тяжелый—цѣлый батманъ ячменя (11 пуд.), или пшеницы, или муки, да еще самъ сидитъ на этомъ тяжеломъ вьюкѣ. Заднія ноги лошади подъ такою тяжестью шатаются въ обѣ стороны и бабки сильно сгибаются въ суставахъ. Ызда на молодыхъ жеребятихъ практикуется не только у киргизъ, но и у сартовъ, а между тѣмъ сартъ—большой охотникъ до лошадей. Вошикъ (арбакешъ) нерѣдко бьетъ нагайкой по головѣ свою лошадь, когда она затрудняется везти тяжелый возъ. Это особенно часто бываетъ въ началѣ весны и осенью, когда дорога дѣлается вязкою отъ грязи. Я видѣлъ, какъ разсердившійся на свою лошадь вошикъ-сартъ билъ ее сначала плетью по головѣ,

а затѣмъ взялъ палку, толщиною въ руку, и безжалостно ударялъ ею лошадь по задѣ и по бокамъ. Можетъ быть, и г. Миддендорфъ увидѣлъ бы образцы такого ненѣжнаго обращенія съ лошадью, если бы прожилъ въ Ферганѣ подольше¹⁾).

Во всякомъ случаѣ этнографъ долженъ быть правдивымъ и не дѣлать поспѣшныхъ и невѣрныхъ характеристикъ. Можно обращать вниманіе на то, что сартъ терпитъ ласточку, загрязняющую его жилище, или голубя-воркуна; но нельзя умолчать при этомъ о другихъ, иного рода, фактахъ. По видимому, сарты даже не особенно стѣсняются загрязненіемъ жилища своего пометомъ маленькой ласточки: во многихъ туркестанскихъ мечетяхъ, даже въ самыхъ знаменитыхъ, не маленькія только птички, а обыкновенные голуби спокойно выбрасываютъ пометъ на люстры и на плетенки, лежащія на полу. И я не думаю объяснять эту нечистоту въ домѣ молитвы особою нѣжностію сартовъ къ голубямъ: это просто—неряшливость, не имѣющая въ этомъ случаѣ извиненія. Точно также едва ли можно безошибочно утверждать о поэтической натурѣ сартовъ на основаніи того только, что они любятъ пѣніе и цвѣты; разведеніе цвѣтовъ часто вызывается у сартовъ обычаемъ ихъ женщинъ красить себѣ брови, ногти на рукахъ и зубы. Замѣчательно при этомъ, что сарты высшаго круга не проявляютъ особой нѣжности ни къ птицамъ, ни къ цвѣтамъ, а чистоту въ домѣ наблюдаютъ.

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ характера сартовъ, они отличаются религіозностію²⁾, честностію, трезвостію и умѣренностію въ жизни. Религіозность составляетъ основную черту ихъ воспитанія и поддерживается широко распространеннымъ среди населенія начальнымъ образованіемъ, отличающимся религіозно-нравственнымъ направленіемъ, а честность, трезвость и умѣрен-

¹⁾ Обществу покровит. животнымъ извѣстны такіе случаи.

²⁾ Одинъ почетный (ученый) сартъ однажды задалъ мнѣ вопросъ: „Признаютъ ли русскіе и вообще европейцы существованіе дьявола?“ — Я показалъ ему арабскій переводъ Библіи и далъ прочитать разсказъ о грѣхопадѣніи прародителей,—и сартъ замолчалъ. Этотъ вопросъ показываетъ, что сарты замѣчаютъ нашу, чиновничью, холодность къ религіи... Въ другой разъ тотъ же ученый сартъ, услышавъ, что я въ воскресенье хожу къ обѣднѣ, съ улыбкой недовѣрія сказалъ, что рѣдко слышитъ отъ русскихъ чиновниковъ, чтобы они считали необходимымъ ходить въ церковь по праздникамъ. Н. О.

ность составляют естественныя черты ихъ патріархальнаго быта. Всѣ эти качества весьма важны по ихъ благотворному вліянію не только на жизнь современнаго сартскаго населенія, но и на жизнь будущихъ поколѣній.

Религіозный индеферентизмъ и скептицизмъ пока не извѣстны сартамъ настоящаго времени и не отравляютъ ихъ душевнаго спокойствія¹⁾. Выраженіе „Такъ Богу угодно“ на языкѣ сарта, какъ мусульманина, не есть пустой звукъ: подъ вліяніемъ преданности волѣ Божіей (исламъ), сартъ терпѣливо переноситъ личное несчастье и общественное бѣдствіе. На Куйлюкѣ, въ приемномъ покоѣ, въ 1878 году, я видѣлъ сарта съ распоротымъ животомъ... Онъ тяжело вздыхалъ и при этомъ тихо произносилъ: „Эй Худа!“ (О, Боже). Я наблюдалъ также, что во время землетрясенія сарты спокойно оставались на мѣстѣ, а потомъ говорили: „отъ опредѣленія Божія никто не можетъ укрыться“.

Къ сожалѣнію, нужно замѣтить, что въ послѣдніе годы среди сартовъ въ большихъ торговыхъ центрахъ увеличилось число пьяныхъ, воровъ, мошенниковъ и даже грабителей, какъ это видно изъ дѣлъ мѣстныхъ мировыхъ судей и окружныхъ областныхъ судовъ, а также изъ извѣстій мѣстныхъ газетъ. Можно съ увѣренностью сказать, что второе поколѣніе сартовъ подъ русскимъ правленіемъ „эмансипировалось“ и утратило хорошія качества своихъ дѣдовъ и отцовъ. Дѣло въ томъ, что во время мусульманскаго владычества сарты жили подъ постоянною опекою хакима, казы-раиса, имама, аксакала, миршаба, власть которыхъ распространялась не только на общественную, но и на личную жизнь мусульманъ. Шаріатъ опредѣлялъ всѣ подробности религіозной, семейной и общественной жизни ихъ²⁾, а русская администрація ослабила авторитетъ шаріата и дала возможность болѣе свободному проявленію некультурныхъ инстинктовъ народа. Формы культурнаго общежитія не создаются сразу, а быстрая смѣна одного правительственнаго режима другимъ, противоположнымъ въ принципахъ и формахъ, способствуетъ упадку ста-

¹⁾ Исключенія въ этомъ отношеніи пока ничтожны. Ср. стр. 97.

²⁾ См. „Роль религіи и духовенства въ жизни туземнаго мусульманскаго населенія“ ст. В. Наливкина, напечат. въ Ташкентской газетѣ „Русскій Туркестанъ“ за 1906 годъ №№ 27—28.

раго строя, сопровождающагося рѣзкими уклоненіями отъ нормальныхъ государственныхъ и юридическихъ нормъ; тысячелѣтнее господство мусульманскаго деспотизма, ослабленное русскимъ управленіемъ, повело къ обнаруженію низменныхъ инстинктовъ человѣческой природы, деморализовало народные нравы и породило извѣстнаго рода нравственную распущенность. Кромѣ того, поколѣніе сартовъ, подъ вліяніемъ „осводительныхъ“ тенденцій русскихъ пролетаріевъ, начало проявлять чисто хулиганскіе нравы и выдѣляеть изъ себя замѣтное число „отбросовъ“ столь консервативнаго до прихода русскихъ въ Туркестанъ мусульманскаго общества. Не говоря о туземныхъ пролетаріяхъ¹⁾, среди сартовъ въ послѣднее десятилѣтіе встрѣчаются уже опытные и ловкіе мошенники, дерзкіе воры и грабители²⁾. Воровской типъ туземныхъ хулигановъ формируется изъ такъ называемыхъ „сибирчи“, т. е. изъ отбывшихъ въ Сибири наказаніе и возвратившихся на родину къ огорченію и ужасу своихъ односельчанъ. Такіе воры и грабители умѣютъ уже обращаться съ современными револьверами, иногда держатъ населеніе цѣлой области въ террорѣ и съ трудомъ бываютъ изловляемы даже русскими казаками³⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ въ большихъ городахъ края появились туземные кутилы-дебоширы, справляющіе пьяныя свои оргіи въ русскомъ городѣ. Такъ 16 марта 1907 года, въ пятницу, вечеромъ, изъ сартовской части Ташкента пріѣхали въ русскую гостинницу два сарта съ сартянкой, заняли номеръ и начали кутежъ, окончившійся тѣмъ, что сартянка валялась на полу окровавленной въ безсознательномъ состояніи отъ двухъ ранъ въ грудь и въ шею⁴⁾. 18 мая того же года, въ 5 ч. вечера, въ одной пивной той же русской части Ташкента собрались двѣ большія компаніи ташкентскихъ и самаркандскихъ сартовъ. Въ разгарѣ кутежа, въ пивную явились проститутки, принявшія благосклонно гостепріимство сартовъ. Во время дальнѣйшаго кутежа между двумя компаніями произошелъ споръ изъ-за обладанія

¹⁾ О туземномъ пролетаріатѣ см. ст. В. Наливкина, напечат. въ №№ 162, 163, 165, 170 и 173 ташкентской газеты „Русскій Туркестанъ“ за 1906 г.

²⁾ Такихъ случаевъ въ Туркестанскихъ судахъ извѣстно много.

³⁾ Подразумѣвается знаменитый Намазъ-бай, свирѣпствовавшій въ Самаркандской области болѣе года.

⁴⁾ „Туркестанскія Вѣдомости“ 1907 года № 41.

одною проституткой, которую каждая компанія желала имѣть у себя. Споръ вскорѣ перешелъ въ драку бутылками и ножами, причемъ были поранены шесть человѣкъ...¹⁾).

При всемъ этомъ мы, русскіе, должны помнить слѣдующіе стихи Лессинга:

«Нѣтъ; по-просту, какъ мы, людей хорошихъ
«Во всѣхъ странахъ ны истрѣтите не мало.
«Но только надо, чтобы одинъ другого
«Не порицалъ,—чтобъ терпѣливо выросъ.
«Кривыиъ сукъ сносила,—чтобъ верхушка
«Не надумала гордиться, что она
«Одна изъ-подъ земли не выросла.

Натанъ Мудрый (Дѣйств. II Явл. пятая).

Словомъ: сарты—народъ съ будущимъ; ихъ культурныя способности не должны подлежать сомнѣнію. Не должно также сомнѣваться, что и дурныя, несимпатичныя черты ихъ народнаго характера современемъ могутъ сгладиться и измѣниться къ лучшему подъ русскимъ вліяніемъ; но на насъ, завоевателей, лежитъ высокая историческая задача—послѣ покоренія оружіемъ, подчинить себѣ ихъ нравственно и облагородить. Средствъ къ этому у насъ достаточно, лишь бы сарты не чуждались лучшихъ сторонъ русской жизни и самой лучшей стороны общечеловѣческой культуры—*образованія*²⁾). Что же касается видимыхъ противорѣчій и неровностей въ характерѣ современныхъ сартовъ, то мы должны имѣть въ виду, что современные сарты могутъ быть сравниваемы съ нашими предками временъ Іоанна Грознаго, и что поэтому къ сартамъ можетъ быть примѣненъ отзывъ нашего историка С. М. Соловьева: „Мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся и въ какихъ воспитыва-

¹⁾ „Средне-Азіатская Жизнь“ 1907 г. № 111. При этомъ слѣдуетъ, кажется, имѣть въ виду замѣчаніе проф. Авг. Фореля, автора книги „Половой вопросъ“, констатирующаго неподлежащій сомнѣнію фактъ внесенія въ жизнь некультурныхъ народовъ распутства и безнравственности пришельцами, особенно подонками общества послѣднихъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, представители туземнаго образованія, хотя считаютъ русскіе школьныя порядки выше порядковъ мусульманскихъ школъ, но боятся за цѣлость ислама и его древнихъ формъ подъ напоромъ русскаго вліянія. Н. О

вались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые, по степени образованія своего, болѣе приближаются къ предкамъ¹⁾).

¹⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергѣя Соловьева. Томъ шестой. Изданіе третье. Москва, 1867, стр. 390.

III.

СБЛИЖЕНИЕ САРТОВЪ СЪ РУССКИМИ И РУССКОЕ ВЛІЯНІЕ НА САРТОВЪ.

„Кто смотритъ только въ телескопъ, тотъ не видитъ того, что можетъ показать микроскопъ. Разумное изученіе должно быть таково, чтобы узнать кое-что обо всемъ и все кое о чемъ“.

Эд. Дженкинсъ.

„Чѣмъ дольше общество жило особнякомъ, безъ рѣшительнаго сближенія съ другими народами, ... тѣмъ сильнѣе въ немъ боязнь потерять родную почву развитія, тѣмъ недовѣрчивѣе встрѣчаетъ оно новые порядки“...

А. Гилаховъ.

День 15-го іюня 1865 года былъ роковымъ днемъ въ жизни ташкентскихъ сартовъ: въ этотъ день Ташкентъ былъ взятъ русскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генераль-маіора М. Г. Черняева, а 17 іюня къ побѣдителю уже явились аксакалы и другіе почетные жители города и официально сдали ему городъ. Послѣ того рядомъ съ сартскимъ Ташкентомъ сталъ постепенно возникать другой, русскій городъ...

Проходили затѣмъ годы, происходили новыя завоеванія въ Туркестанскомъ краѣ и заводились новые порядки, введено Положеніе объ управленіи краемъ, жизнь туземцевъ становилась уже въ другія рамки,—и мало по малу стало сказываться на жизни туземцевъ русское вліяніе. Какъ и въ чемъ проявлялось это вліяніе, какіе дѣлало успѣхи, непосредственному наблюдателю туземной жизни не было видно; но теперь, черезъ 40 лѣтъ послѣ перваго вступленія русскихъ войскъ въ стѣны Ташкента, это вліяніе уже замѣтно сразу. Кто зналъ Ташкентъ временъ М. Г. Черняева и въ первое время управленія К. П. фонъ-Кауфмана, тотъ ясно видитъ теперь, что въ жизни туземцевъ совершилась перемѣна

и перемена значительная. Я лично могу засвидѣтельствовать, что жизнь туземныхъ жителей города Ташкента значительно измѣнилась уже съ конца 1877 года, т. е. на моихъ глазахъ. Наблюдая съ того времени за разными сторонами жизни ташкентскихъ сартовъ, позволяю себѣ утверждать, что ташкентскіе сарты, столкнувшись непосредственно съ жизнію русскихъ, вступили на неизбѣжный путь заимствованій и подражанія не только во внѣшнихъ формахъ жизни, но отчасти и во взглядахъ, въ нравахъ и обычаяхъ. Сарты,—народъ смысленный и живой, столько вѣковъ находившійся подъ строгимъ надзоромъ мухтасибовъ и курбашей, столько вѣковъ прожившій въ стѣнахъ своего города и не видѣвшій дотолѣ иныхъ формъ жизни,—вдругъ очутились на свободѣ, увидѣли новую жизнь другихъ людей, перестали видѣть раиса¹⁾ и при всемъ томъ почувствовали, что они спокойны за свою жизнь, за вѣру, семью и имущество и что достатокъ ихъ возрастаетъ. Сначала они недовѣрчиво осматривались кругомъ, не безъ боязни вступали въ черту русскаго Ташкента и неуверенно подходили къ русскому человѣку, а болѣе фантастичные не желали и видѣть лица русскаго человѣка; но мало по малу страхъ неизвѣстности прошелъ, религіозная нетерпимость ослабла²⁾, а увѣренность въ личной безопасности возрасла,—и теперь сарты настолько свободно ходятъ и ѣздятъ по улицамъ русскаго города, что вызываютъ удивленіе въ иностранцахъ, особенно въ

¹⁾ Я слышалъ о двухъ фактахъ, сопоставленіе которыхъ въ данномъ случаѣ очень любопытно. Нѣсколько лѣтъ назадъ татаринъ-переводчикъ при Россійскомъ Политическомъ агентствѣ въ Бухарѣ, проходя по базару нов. Бухары, закурилъ папирску. Его замѣтилъ раисъ Бухары и подвергъ установленному наказанію, не смотря на заявленіе виновнаго, что онъ—русскій подданный и что находится на службѣ у Россійскаго Политическаго Агента... Послѣ того переводчикъ въ свою очередь однажды сдѣлалъ замѣчаніе ташкентскому благоприличному сарту за то, что тотъ не исполнилъ одной изъ пяти ежедневныхъ молитвъ, вмѣстѣ съ другими мусульманами. Сартъ не принявъ этого замѣчанія къ исполненію, а грубо отвѣтилъ переводчику: „если ты на томъ свѣтѣ будешь переводчикомъ при самомъ Аллахѣ, то тогда я послушаю тебя“... Н. О.

²⁾ Авторъ напечатаннаго въ № 28 туземной газеты (отъ 14 іюля 1890 г.) стихотворенія, поэтъ Фиркатъ говоритъ въ самомъ началѣ: „Я гулялъ по русскому городу, но у меня были добрыя чувства“. Это значитъ, что онъ не чувствовалъ религіознаго отвращенія или презрѣнія къ невѣрнымъ, когда ходилъ по ихъ городу. Н. О.

англичанахъ, вступають въ непосредственныя близкія сношенія съ русскими людьми и постепенно сжились съ новыми формами жизни...

Такъ всегда бывало, когда входили въ близкое соприкосновение два народа разныхъ культуръ: всегда происходило вліяніе одного на другой и именно народа высшей культуры на народъ съ низшей культурой; какъ бы ни разнились народные характеры, какъ бы ни были различны основные принципы и условія народной жизни, болѣе высокая культура неизбѣжно оказывала вліяніе на низшую. Этому, конечно, много способствуетъ мягкій характеръ русскаго народа, свыкшагося въ теченіе столѣтій съ народами Азіи и всей своей исторіей доказавшаго свое предназначеніе вносить культуру въ среду сосѣднихъ азіатскихъ народовъ. Какъ совершается это на дѣлѣ, т. е. какъ передается вліяніе русскихъ на сартовъ, сказать невозможно, потому что всякія внутреннія перемѣны въ народной жизни происходятъ незамѣтно для глаза современнаго наблюдателя; но несомнѣнно, что со взятіемъ Ташкента русскимъ отрядомъ генерала Черняева, для туземнаго населенія этого города насталъ новый историческій періодъ, съ котораго началась новая историческая жизнь для сартовъ. Со времени управленія краемъ ген.-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана, формы старой жизни сартовъ хотя и продолжали держаться, но постепенно уступали новымъ вліяніямъ. Стоитъ представить, сколько новаго, невиданнаго дотолѣ, открылось и постепенно раскрывается предъ глазами ташкентскаго сарта: новыя начальствующія лица, новые административные порядки, неизбѣжныя встрѣчи и сношенія съ русскими людьми; никогда невиданныя дотолѣ религіозныя церемоніи (крестные ходы, погребальныя процессіи, торжественныя молебствія), военные парады, еженедѣльные приемы просителей у генераль-губернатора, губернатора и начальника города, генераль-губернаторскіе балы, выставки, движеніе по улицамъ города въ невиданныхъ экипажахъ, на велосипедахъ и въ вагонахъ конки, появленіе русскихъ на улицахъ туземнаго города, частныя сношенія съ русскими людьми, взаимныя посѣщенія русскихъ туземцами и туземцевъ русскими, торговля и русскіе суды и школы и многое другое, неуловимое для ежедневнаго наблюдателя, дѣйствовало

на душу туземца и несомнѣнно возбуждало его мысль и чувства'). Сильное впечатлѣніе на туземцевъ долженъ производить торжественный крестный ходъ, ежегодно совершаемый въ день взятія Ташкента (15 іюня) къ братской могилѣ воиновъ, убитыхъ во время штурма города. По окончаніи литургіи въ соборѣ, въ 8^{1/2} часовъ утра, крестный ходъ направляется сначала по русской части Ташкента, а затѣмъ, на протяженіи 2—3 верстъ, слѣдуетъ по туземнымъ улицамъ до самой братской могилы воиновъ. Множество православныхъ жителей Ташкента и войска сопровождаютъ крестный ходъ, въ которомъ нѣсколько разъ лично участвовали Туркестанскіе епископы, находившіеся въ этотъ день въ Ташкентѣ, а генераль-губернаторы встрѣчаютъ эту торжественную процессію на братской могилѣ. По всему длинному пути крестнаго хода бываютъ выставлены флаги, а на перекресткахъ разныхъ улицъ туземнаго города обыкновенно группируются большія собранія туземцевъ всѣхъ возрастовъ, при чемъ на крышахъ домовъ располагаются женщины и дѣти туземцевъ. Особенно туземнымъ женщинамъ этой отдаленной и глухой части города единственный разъ въ году приходится видѣть такую массу русскихъ мужчинъ и женщинъ разныхъ возрастовъ и состояній, и всѣ вообще туземцы, безъ сомнѣнія, съ удивленіемъ смотрятъ на такую религіозную процессію, для сопоставленія съ которой мусульманская религія не имѣетъ чего-либо подобнаго. Въ 1886 г., при совершеніи панихиды на братской могилѣ присутствовали и мусульманскіе гласные гор. Ташкента и посланцы Бухарскаго Эмира, находившіеся тогда въ Ташкентѣ. По окончаніи панихиды, Генераль-Губернаторъ Генераль-Адъютантъ Розенбахъ привѣтствовалъ оставшихся въ живыхъ русскихъ воиновъ, участвовавшихъ въ штурмѣ, а затѣмъ сказалъ гласнымъ-мусульманамъ: „этотъ край, двадцать одинъ годъ назадъ, находился въ постоянномъ волненіи; умершіе здѣсь и оставшіеся въ живыхъ герои русскіе были причиною мира и спокойствія во всемъ Туркестанѣ: поэтому и вамъ нужно чтить память погребенныхъ здѣсь“. Тогда

1) Ташкентскіе сарты охотно наблюдаютъ всѣ названныя церемоніи, а военные парады даже воспроизводятся у нихъ на представленіяхъ кукольнаго театра, во время шумныхъ ночей мѣсяца Рамазана, какъ замѣчено на стр. 73.

ташкентскій казій Мухаммедъ Мухитдинъ-ходжа, обратившись къ Его Высокопревосходительству, сказалъ на сартовскомъ языкѣ:

„Сегодня исполнился 21 годъ, какъ мы, мусульмане гор. Ташкента, находимся подъ покровительствомъ Бѣлаго Царя, Императора могущественнѣйшаго въ мірѣ государства, Россіи.

„День этотъ и для насъ, мусульманъ, туземцевъ г. Ташкента, долженъ быть памятенъ. Съ занятіемъ города, за нами признана наша религія исламъ, оставленъ и народный судъ по шариату; всюду полное спокойствіе и попеченіе о народѣ властей; намъ также даровано городское самоуправленіе. Вслѣдствіе всего этого, мы проводимъ жизнь свободно и спокойно, а торговля, промышленность и земледѣліе получили большое развитіе.

„Памятуя этотъ день и пользуясь настоящимъ случаемъ торжества, мы отъ имени всего населенія, дерзаемъ покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство, выраженіе нашихъ вѣрноподданическихъ чувствъ къ Государю Императору и молитву нашу о Его благоденствіи на многіе годы, какъ Покровителя сто-милліоннаго разноплеменнаго населенія Великой Россіи принять и, ежели Ваше Высокопревосходительство признаете это возможнымъ, повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества“.

Въ отвѣтъ на это генераль-адъютантъ Розенбахъ сказалъ: „Я очень радъ этому заявленію ташкентскаго населенія, выраженному такъ искренно и такъ сердечно, и представляю оное на Высочайшее воззрѣніе Монарха“.

Посланцамъ Бухарскимъ—Рахматуллѣ-бію и Мухаммедъ-Насырь-Мирахуру, поздравившимъ Его Высокопревосходительство отъ имени Его Свѣтлости Эмира съ настоящимъ торжествомъ, Его Высокопревосходительство сказалъ: „Я очень радъ, что Вы, представители Бухары, присутствуя здѣсь, видите то, что служитъ къ укрѣпленію союза дружбы русскаго населенія края съ мусульманскимъ населеніемъ. Вы видите, что во всемъ Туркестанскомъ краѣ каждый исполняетъ уставы своей религіи и проводитъ жизнь въ полномъ спокойствіи, безъ стѣсненія трудясь надъ своимъ благосостояніемъ. Видѣнное вы можете передать своимъ согражданамъ“.—Бухарцы отвѣчали, что рады были видѣть все происходившее.

А вотъ примѣры, нѣсколько разъясняющіе психическое настроеніе, какое переживалъ и переживаетъ сартъ при встрѣчѣ съ невиданными имъ дотолѣ явленіями. Осматривали однажды мужскую гимназію ташкентскіе казіи (народные судьи), а вмѣстѣ съ ними ученый преподаватель высшей мусульманской школы. Осмотръ гимназіи продолжался 2½ часа; много новаго они видѣли въ гимназіи, много слышали и—дивились. Преподаватель, увидѣвшій гимназію въ первый разъ, былъ сильно возбужденъ и, когда вышелъ на улицу, чтобы отправиться домой, то забылъ надѣть калоши... Это вызвало у казіевъ улыбку, а преподаватель серьезно замѣтилъ, что у него отъ осмотра гимназіи зикружилась голова. Туземный поэтъ Фиркатъ въ стихахъ своихъ¹⁾ высказалъ, что послѣ концерта 1 іюля 1890 г. онъ не могъ заснуть до самаго утра, подъ вліяніемъ волновавшихъ его новыхъ чувствъ, и рѣшилъ еще когда-нибудь побывать на русскомъ концертѣ.

И въ другихъ случаяхъ на туземцевъ производили сильное впечатлѣніе новыя, невиданныя ими дотолѣ предметы, факты и формы русской жизни: туземецъ дивился, многое сразу не понималъ, ко многому относился скептически; но *новое* производило свое дѣйствіе и продолжаетъ дѣйствовать на умъ и чувства туземца, прожившаго цѣлыя столѣтія однообразною жизнію. Были даже среди ташкентцевъ такіе оригиналы, которые, боясь осквернить себя, умышленно до сихъ поръ закрываютъ свои глаза отъ всего русскаго: они не ходили въ русскій городъ, избѣгая встрѣчъ съ русскимъ человѣкомъ и продолжали до смерти жить въ тѣсномъ кругѣ своихъ прежнихъ идей и чувствъ; но они умерли, не оставивъ послѣ себя подражателей... Теперь трудно туземцу, даже ишану, уберечься отъ встрѣчи съ русскимъ человѣкомъ, потому что сама жизнь извлекаетъ его

¹⁾ Турк. тузем. газета за 1886 г., № 22.

ساعت اون برغچه بزم آیتی لاری سونکره ایل اوز جایفه غزم ایتیلار
لیک مندین کیمیش ایردی عقل وهوش نه لحظه لحظه شوق اونى ایلاردی جوش
قیت کورماق ممکن اولسیدی دیان نه مضطرب دك ساکن اولسیدی دیان
الفرض اول کیچه ای احباب لاری تانفچه اوچی کوزمدین خواب لار
دلده باردور حالی هم بو آرزو کیمینه کورماک قیلورمن جستجو

изъ уединенія, а съ проведеніемъ желѣзной дороги проснулись и селенія сартовъ (*кишлакъ*), стоявшія въ сторонѣ отъ новаго движенія и отъ сближенія съ русскими... Жители ближайшихъ къ городамъ селеній на базарѣ уже входятъ въ непосредственныя сношенія съ русскими.

Торговый классъ ташкентскихъ сартовъ подчинился гораздо болѣе русскому вліянію. И это понятно, такъ какъ купцы гораздо чаще, чѣмъ другіе классы, вступаютъ въ общеніе съ русскими людьми и менѣе ученаго сословія стѣсняютъ себя узкими требованіями туземной обрядности. Нѣкоторые изъ нихъ расширили свой умственный кругозоръ торговыми поѣздками за предѣлы Туркестанскаго края, а большія выгоды отъ торговли съ русскими самымъ осязательнымъ образомъ даютъ имъ чувствовать необходимость и пользу непосредственныхъ сношеній съ русскими людьми.

Теперь уже покойный, купецъ Сеидъ-Азимъ-бай Мухаммадъбаевъ, еще до завоеванія Ташкента, имѣлъ торговыя сношенія съ русскими. Въ первое время русскаго управленія краемъ онъ, какъ человѣкъ умный и ловкій и вдобавокъ достаточно владѣвшій разговорнымъ русскимъ языкомъ, былъ вліятельнымъ лицомъ въ городѣ. Какъ бы ни объясняли руководившія имъ побужденія, несомнѣнно одно, что онъ ранѣе другихъ своихъ соотечественниковъ понималъ выгоды сближенія съ русскими и съ своей стороны пользовался каждымъ случаемъ, чтобы показать свое желаніе быть полезнымъ русской администраціи края. Въ 1867 г. онъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ и былъ тогда-же Всемилостивѣйше пожалованъ званіемъ потомственного гражданина. При этомъ Сеидъ-Азимъ-бай получилъ Высочайшую грамоту слѣдующаго содержанія:

„Божіею Милостію, Мы, Александръ Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій. И проч., и проч., и проч. Депутата Туркестанской области, Ташкентскаго почетнаго купца (бывшаго предсѣдателя мѣхкемъ), Сеида-Азима Мухамедбаева, который въ 1859 г. выкупилъ русскаго плѣннаго изъ Ташкента, первый освободилъ невольниковъ и, пользуясь своимъ вліяніемъ, содѣйствовалъ къ удержанію спокойствія въ Ташкентѣ передъ Ирджарскимъ дѣломъ, а въ память чудеснаго спасенія дней Нашихъ, 4-го Апрѣля 1866 года, выстроилъ на свой счетъ велико-

лѣпную мечеть,—за таковыя заслуги и преданность Россійскому Правительству, Мы указомъ Нашимъ, 1867 года Марта 24 дня Правительствующему Сенату даннымъ, Всемилоостивѣйше пожаловали въ званіе Потомственнаго Почетнаго Гражданина. Въ свидѣтельство чего повелѣли Мы сію грамоту Правительствующему Сенату подписать и государственною Нашею печатью укрѣпить. Дана въ Санктъ-Петербургѣ Марта 24 дня 1867 года“.

Грамота эта подъ стекломъ, въ золотой рамѣ съ Императорскою короною, до сихъ поръ красуется на стѣнѣ изящной гостиной (михманъ-хана) сына Сеидъ-Азимъ-бая, Сеидъ-Карима.

Вслѣдъ за этимъ, 31 марта 1878 года, новопожалованный потомственный почетный гражданинъ получилъ отъ училища глухонѣмыхъ Императорскаго Воспитательнаго Дома въ С.-Петербургѣ, на память посѣщенія этого училища, бюстъ Его Императорскаго Величества Императора Александра II, изготовленный глухонѣмымъ Горячевымъ. Этотъ бюстъ вмѣстѣ съ препроводительною бумагой отъ 31 марта 1867 г. за № 204 до сихъ поръ стоитъ на виду, на особой тумбочкѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, въ той же гостиной.

Въ 1871 г. онъ возбуждалъ вопросъ объ русской школѣ для ташкентскихъ сартовъ. Признавая, что народное благосостояніе въ краѣ подъ русскимъ управленіемъ начало возрастать, и благословляя тотъ день, когда русскіе освободили туземное населеніе отъ его притѣснителей, онъ высказалъ, что только языкъ, письменность и школа отдѣляютъ русскихъ отъ туземцевъ, такъ какъ русскіе и сарты живутъ рядомъ, ведутъ торговлю и поддерживаютъ дружбу между собою; туземцы работаютъ у русскихъ и управляются русскими властями, но живутъ обособленно, своей стародавней жизнію, не прочли ни одной книги русской, очень мало усвоили приемы русскихъ ремеселъ, не знаютъ законовъ русскихъ и потому вынуждены обращаться къ посредству чуждаго для сартовъ переводчика.

Въ тоже время Сеидъ-Азимъ-бай заявлялъ въ своей докладной, что въ туземныхъ школахъ у сартовъ преподаются съ давнихъ поръ однѣ и тѣ же науки, которыя поддерживаютъ въ туземцахъ ложное убѣжденіе, будто старинные законы и понятія еще не отжили свой вѣкъ, и потому предполагалъ для начала

преобразовать Ишанкульскую мусульманскую школу (мадраса) въ Ташкентѣ и ввести въ ней преподаваніе русской грамоты, съ примѣненіемъ ея къ чтенію и письму на туземномъ языкѣ, а также ознакомленіе съ русскими законами и съ шаріатомъ и, наконецъ, преподаваніе ариметики и ремеслъ¹⁾).

Русская администрація съ сочувствіемъ отнеслась къ заявленію и въ томъ же 1871 году образовала комиссію, которая полагала: а) примѣнить русскій алфавитъ къ сартскому языку и б) составить хрестоматію изъ самыхъ легкихъ разсказовъ на мѣстномъ нарѣчій, но въ русской транскрипціи. Проектируемое училище предполагалось помѣстить въ зданіи Ишанкульской школы, сдѣлавъ въ немъ есѣ нужныя приспособленія, но сохранивъ древній стиль зданія. Для потребностей новаго училища предполагалось воспользоваться также сосѣднимъ зданіемъ мусульманской школы Юнусъ-хана вмѣстѣ съ находящимся при ней большимъ садомъ для прогулокъ учащихся. Содержаніе проектируемаго училища имѣлось въ виду обезпечить вакуфами, принадлежащими разнымъ мусульманскимъ школамъ и особенно вакуфами Ходжа-Ахрарской школы, отъ которыхъ ожидалось до 6800 руб. ежегодно; кромѣ того, проектировалось взимать съ cadaго учащагося въ новомъ училищѣ по 20 р. въ годъ, какъ это дѣлается въ русскихъ школахъ. Всего, такимъ образомъ, на содержаніе проектированнаго училища ожидалось 7600 руб. въ годъ.

Но эта смѣлая для того времени и во всякомъ случаѣ свѣтлая мысль, заявленная Сеидъ-Азимъ-баемъ, не была приведена въ исполненіе, хотя тогда же русская администрація края входила въ сношеніе съ Попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и предлагала студентамъ факультета восточныхъ языковъ занять мѣста преподавателей въ этомъ училищѣ²⁾).

Этотъ смѣлый проектъ не утратилъ своего смысла, и теперь (1907 г.), потому что въ жизни высшей мусульманской

¹⁾ Очевидно, изложенный проектъ появился не безъ участія кого-либо изъ русскихъ чиновниковъ того времени; Сеидъ Азимъ-бай, какъ купецъ, понималъ значеніе и находилъ возможнымъ осуществленіе этого проекта, но не такъ смотрѣли на дѣло представители ислама, которые и до сихъ поръ не вводятъ въ своихъ мадрасахъ никакихъ преобразованій. Н. О.

²⁾ См. „Замѣтку о русской школѣ для туземцевъ г. Ташкента“ въ Туркест. Вѣдом. за 1875 годъ (№ 16 отъ 22 апрѣля).

школы существенныхъ перемѣнъ не послѣдовало, хотя объ этомъ много хлопотали представители учебнаго вѣдомства.

Сяидъ Азимъ-бай личнымъ опытомъ оцѣнилъ пользу знанія русскаго языка и потому двухъ сыновей своихъ (Сеидъ-Карима и Сеидъ-Гани) обучилъ русскому языку, пригласивъ къ себѣ въ домъ русскаго учителя. Въ настоящее время сыновья его хорошо владѣютъ русскимъ языкомъ и поддерживаютъ непосредственныя дѣловыя и частныя сношенія съ русскими людьми. Дома ихъ сартскаго типа, но отличаются хорошею отдѣлкою, имѣютъ окна со стеклами, двери, русскую мебель на мужской половинѣ, на случай приѣма русскихъ людей. Достоиню замѣчанія, что въ домѣ Сеидъ-Гани нашла себѣ помѣщеніе *первая* русско-туземная школа, открытая въ Ташкентѣ 13 декабря 1884 года, а въ недавнее время почтово-телеграфная контора, открывшая въ 1894 году для туземнаго города. Сеидъ-Гани со всѣмъ пыломъ впечатлительной молодости увлекался внѣшностію русской жизни, посѣщалъ театр, русскіе балы и обѣды въ клубѣ и даже въ костюмѣ своемъ сдѣлалъ уступку новому времени, замѣнивъ національный халатъ своеобразнымъ камзолomъ татарскаго покроя. Занимается онъ подрядами по ремонту дорогъ и по постройкѣ казенныхъ зданій внѣ города. Въ 1894 году онъ былъ назначенъ членомъ особаго комитета по постройкѣ церкви въ самомъ Ташкентѣ и въ этомъ званіи принималъ участіе въ засѣданіяхъ и дѣлахъ комитета¹⁾. Въ 1895 г. онъ назначенъ членомъ комитета по постройкѣ зданія для ремесленнаго училища. Въ тюремномъ комитетѣ онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ директоромъ и нерѣдко жертвовалъ въ пользу тюрьмы разные необходимые въ жизни ея предметы. Въ 1906 году онъ выставилъ свою кандидатуру во вторую Думу и получилъ большое число голосовъ...

Сеидъ-Каримъ много лѣтъ состоитъ гласнымъ Ташкентской городской Думы и членомъ управы; 7 февраля 1895 г. удо-

¹⁾ 16 іюня 1895 года, въ пятницу. Сяидъ-Гани вмѣстѣ съ другими членами комитета находился на постройкѣ, когда новостроющуюся церковь осматривалъ мѣстный Епископъ Преосвященный Никонъ, и естественно обратилъ на себя вниманіе епископа. На обращенные къ нему Епископомъ нѣкоторые вопросы онъ свободно отвѣчалъ, титулуя Епископа „Вашимъ Преосвѣщенствомъ“, но когда прислушался, какъ обращались къ Епископу русскіе члены комитета, то и самъ сталъ говорить „Ваше Преосвѣщенство“. Н.О.

стоился высокой чести представляться Ихъ Императорскимъ Величества въ Аничкиномъ Дворцѣ вмѣстѣ съ другими депутатами Туркестанскаго края, русскими и туземными. Поѣздка въ первый разъ въ Европейскую Россію, осмотръ по пути разныхъ городовъ Россіи, особенно Москвы и Петербурга и выше всего счастье представляться Ихъ Величества до такой степени подѣйствовало на молодого туземца, что онъ въ слѣдующемъ 1896 году ѣздилъ на всероссійскую выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ, чтобы получить болѣе широкое представление о промышленной и торговой жизни и вообще о прогрессѣ митрополіи Туркестанскаго края. Въ настоящемъ 1907 г. Сеидъ-Каримъ даже получилъ разрѣшеніе на изданіе особой туземной газеты и продолжаетъ выпускать № №.. Конечно, все это лишь внѣшняя сторона дѣла, но съ внѣшности обыкновенно и начинается переломъ въ народной жизни, какъ это извѣстно изъ исторіи.

Зять Сеидъ-Азимъ-бая, Арифъ-ходжа Азизъ-ходжинъ также хорошо говоритъ по-русски, выполняетъ большой казенный подрядъ (свыше 700 тыс. руб.) и живетъ уже въ русской части Ташкента. При этомъ заслуживаетъ вниманія, что домъ его даже своимъ внѣшнимъ видомъ и внутреннимъ устройствомъ напоминаетъ внимательному наблюдателю о совершающемся въ Ташкентѣ сближеніи двухъ народностей. Домъ Арифа-ходжи состоитъ изъ двухъ половинъ, русской и сартской. Русская половина занимаетъ угловую часть, выходитъ на двѣ улицы и устроена по образцу русскихъ домовъ. Хорошимъ крыльцомъ съ Петербургской улицы (входная дверь съ пружиннымъ звонкомъ) вы входите въ большую переднюю. Направо—большая пріемная, далѣе небольшая гостиная. Въ обѣихъ этихъ комнатахъ мебель русская: мягкіе диваны съ такими же креслами и въ обѣихъ вѣнскіе стулья. Дорогіе ковры застилаютъ полы этихъ комнатъ; такія же драпировки (ярко-желтаго цвѣта въ пріемной комнатѣ и малиноваго въ гостиной) украшаютъ двери и окна; тропическія растенія въ банкахъ стоятъ на окнахъ и въ углахъ комнатъ. На-лѣво изъ парадной—дѣловой кабинетъ хозяина съ письменнымъ столомъ и письменными принадлежностями. Кабинетъ глухой стѣной отдѣляетъ сартскую половину дома обращающаго на себя

вниманіе тѣмъ, что окна въ ней только намѣчены, и симметрія въ фасадѣ соблюдена; но крыша на этой половинѣ камышевая съ глиняной смазкой, тогда какъ надъ русской половиной устроена желѣзная крыша по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства... Такъ мирно и ютятся эти двѣ половины одного и того же дома, наглядно указывающія въ тоже время на различное положеніе женщины въ домѣ русскомъ и сартскомъ. Въ русской семьѣ женщина открыта, живетъ общою жизнію съ мужчинами; женщина сартовъ закрыта, не можетъ выглянуть, а тѣмъ болѣе вытти на улицу безъ разрѣшенія мужа. Фасадъ дома Арифа-ходжи какъ бы указываетъ, что *пока* въ одной половинѣ окна не пробиты, но мѣста для нихъ уже намѣчены: когда придетъ время, пробить ихъ будетъ нужно, хотя, можетъ быть, не сразу и не всѣ вдругъ.

Въ 1894 году Арифъ-ходжа ѣздилъ въ первый разъ въ Россію и былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ, особенно въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. 25 іюля онъ имѣлъ возможность видѣть торжественное народное гулянье въ Петергофѣ, въ день бракосочетанія Великой Княжны Ксении Александровны съ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ, а потомъ видѣлъ Высочайшій смотръ войскъ подъ Краснымъ Селомъ. Петербургская жизнь вообще настолько заинтересовала его, что онъ проѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ и Лондонъ. По поводу своей поѣздки въ Петербургъ, Арифъ-ходжа высказывалъ мнѣніе, что каждый состоятельный туземецъ долженъ хотя бы одинъ разъ въ жизни побывать въ этомъ городѣ и посмотрѣть тамошнія достопримѣчательности, потому что слышать о нихъ и видѣть ихъ своими глазами—не одно и тоже¹⁾. Въ февралѣ 1895 года Арифъ-ходжа вмѣстѣ съ Сяидъ-Каримомъ имѣлъ счастье представляться Ихъ Императорскимъ Величествамъ въ Аничкиномъ Дворцѣ. Въ настоящее время Арифъ-ходжа—одинъ изъ немногихъ сартовъ-богачей, имѣетъ много домовъ въ Ташкентѣ (между прочимъ пассажъ) и устроилъ для города скотобойню съ примѣненіемъ всѣхъ научныхъ усовершенствій.

Есть еще нѣсколько сартовъ въ Ташкентѣ, преимущественно торговаго класса, у которыхъ сближеніе съ русскими замѣтно

¹⁾ Туркест. Тучем. газ. 1894 г. № 28.

выражается въ ихъ знаніи разговорнаго русскаго языка, въ общеніи съ русскими людьми и въ обзаведеніи своихъ домовъ нѣкоторыми принадлежностями русскаго быта: стѣнными часами и зеркалами, столами и стульями, тарелками и салфетками, ложками, ножами и вилками. Въ приѣмныхъ комнатахъ у нихъ устроены русскія печи, а для освѣщенія комнатъ служатъ лампы. Въ русскіе праздники они пріѣзжаютъ къ русскимъ своимъ знакомымъ съ визитами; у нѣкоторыхъ съ этою цѣлю заведены даже визитныя карточки. Въ свою очередь русскіе въ мусульманскіе праздники поздравляютъ своихъ новыхъ соотечественниковъ въ азіатскомъ городѣ.

Что касается вообще распространенія русскаго языка среди торговцевъ, то въ этомъ каждый можетъ убѣдиться, побывавъ на Воскресенскомъ базарѣ, въ русской части Ташкента. А затѣмъ стоитъ обратить вниманіе и на то, что во многихъ русскихъ домахъ Ташкента въ настоящее время есть мужская прислуга изъ сартовъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ. Годъ съ годомъ число сартской прислуги въ русскихъ домахъ Ташкента и въ казенныхъ учрежденіяхъ увеличивается. Въ настоящее время много сартовъ, исполняющихъ обязанности разсылныхъ, сторожей, псарей и дворниковъ.

Послѣ торговаго класса ташкентскихъ сартовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на ташкентскихъ ремесленниковъ: каменьщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ, столяровъ и др. Всѣ они, работая подъ руководствомъ русскихъ инженеровъ и русскихъ мастеровъ, переняли не только русскіе приемы въ работахъ, но и дополнили свой инвентарь необходимыми инструментами, не бросая своихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, работая у русскихъ и на русскихъ, мастера-сарты не только получаютъ выгодный (неслыханный прежде, въ ханскія времена) заработокъ¹⁾, но и обогащаютъ себя практическимъ знаніемъ и въ то же время свыкаются съ русскими людьми. Въ настоящее время въ Ташкентѣ есть уже мастера-артельщики изъ сартовъ и подрядчики, которые принимаютъ

¹⁾ Каменьщикъ получаетъ въ день 2—3 р., плотникъ— не менѣе, а прежде мастера работали почти изъ-за пищи. При сдѣльной платѣ хорошій каменьщикъ зарабатываетъ 3 и болѣе рублей, потому что онъ пьетъ только чай и рабочій день считаетъ отъ ранняго утра до вечера.

и хорошо выполняют разнообразныя казенныя и частныя работы. Достаточно принять во вниманіе, что весь русскій Ташкентъ, не исключая церквей, выстроенъ мастерами-сартами. При этомъ, естественно, туземные мастера постепенно практически учатся русскому языку, а нѣкоторые и русской грамотѣ.

Не остаются въ отчужденіи отъ русскихъ и ученые сарты: казіи, имамы, муфтіи и нѣкоторые преподаватели мусульманскихъ высшихъ и низшихъ школъ г. Ташкента. Конечно, въ этой средѣ русское вліяніе замѣтно сравнительно менѣе, какъ потому, что ученые мусульмане имѣютъ меньше соприкосновенія съ русскими людьми, такъ и потому, что они настояшіе представители основъ туземной жизни, прожившіе цѣлые вѣка въ замкнутомъ кругѣ своихъ (мусульманскихъ) понятій и въ отчужденіи отъ другихъ народовъ. А извѣстно, что чѣмъ дольше общество жило особнякомъ, безъ рѣшительнаго сближенія съ другими народами, хотя и чувствуя потребности иной, болѣе просторной жизни, но только частными преобразованиями удовлетворяя этимъ потребностямъ, — тѣмъ сильнѣе въ немъ боязнь потерять родную почву развитія, тѣмъ недовѣрчивѣе встрѣчаетъ оно новые порядки, наступающіе со времени втораго (подражательнаго) періода, и тѣмъ упорнѣе готово отвергать ихъ¹⁾. Но и при всемъ томъ, нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, ташкентскіе ученые сарты понемногу сближаются съ нами и даже присматриваются къ русскимъ школамъ, прислушиваются къ русской рѣчи и не отстраняются отъ разныхъ научныхъ свѣдѣній, какія проникаютъ въ ихъ среду путемъ живыхъ бесѣдъ съ русскими людьми и чрезъ мѣстную туземную газету. Ташкентскія учебныя заведенія не рѣдко посѣщаются учеными сартами, мѣстными и пріѣзжими изъ другихъ городовъ Туркестанскаго края. Въ 1890 году туземный поэтъ изъ Ферганы Закиръ-джанъ (Фиркатъ) описалъ въ стихахъ свое первое посѣщеніе гимназіи и затѣмъ годичный актъ гимназіи, на которомъ снѣ присутствовалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими воспитанниками ташкентской высшей мусульманской школы. Ради интереса, представляемаго послѣдними стихами, первыми въ своемъ родѣ, они приводятся здѣсь въ русскомъ переводѣ.

¹⁾ Исторія русской словесности, древней и новой. Соч. А. Галахова. Изданіе второе. Томъ I, отдѣлъ 2-й, стр. 277. Спб. 1880.

„Направившій взоръ на эту страницу увидить нижеслѣдующія слова... Писаль я о гимназіи и составилъ для народа описаніе того, какъ было приготовлено засѣданіе Акта, чтобы начаться по русскому обычаю. Большая зала гимназіи была убрана на подобіе цвѣтника; она была украшена зеленью растеній, и въ углахъ ея были разставлены цвѣты. Въ залѣ было разставлено очень много стульевъ. Зеленъ отражалась на стульяхъ, и они имѣли цвѣтъ изумруднаго бархата... Ученики надушили свои волосы духами... Не то это была розовая вода, не то волосы ихъ пахучи, какъ розы... Въ залу прибыли отцы учениковъ и чадолюбивыя матери, а также гости — мужчины и женщины, — подобные Платону своею мудростію. Тамъ были и начальники разные... Не достанетъ времени подробно перечислять ихъ. По чинамъ занимали они стулья и сидѣли сосредоточенно, нисколько не разговаривали. Ученики были сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, какъ плеяды въ небесномъ пространствѣ. Преданный слуга Русскаго Государя, Генераль-Губернаторъ, представитель справедливости, достигшій особенной высоты, прибывъ, вошелъ въ собраніе, поздоровался со всѣми и занялъ самое главное мѣсто. По одну сторону его сѣлъ Главный Инспекторъ училищъ, а по другую сторону начальникъ гимназіи. Преподаватели всѣ сидѣли полукругомъ въ почтительномъ положеніи. Передъ Генераломъ находился большой столъ; ноги у стола изъ алое и сандала (такъ казалось поэту!) На столѣ лежали аттестаты зрѣлости и похвальные листы.

„Одинъ преподаватель прочиталъ своего сочиненія рѣчь, содержаніе которой заимствовалъ изъ исторій на разныхъ языкахъ. Онъ говорилъ объ Александрѣ Македонскомъ, какъ онъ приходилъ въ Туркестанъ, какъ пришелъ, куда ходилъ, что дѣлалъ. Когда онъ окончилъ свою рѣчь, другой началъ читать отчетъ по гимназіи. Тѣмъ ученикамъ, которые прилежно учились, были выданы награды, то есть похвальные листы. Девятнадцати ученикамъ были выданы аттестаты зрѣлости, и двумъ изъ нихъ за отличные успѣхи были назначены золотыя медали. При выдачѣ наградъ играли музыканты и веселили духъ. Сердце услаждалось звуками, восторгалось какъ въ дни праздниковъ. Ученики почтительно получали награды изъ рукъ Генерала. Они, хотя еще и

дѣти, но наука поставила ихъ въ высокое положеніе. Голосъ одобренія слышался въ собраніи отъ мала до велика. Были на актѣ и нѣсколько воспитанниковъ мусульманской мадрасы, скромные люди. Они стояли на одномъ мѣстѣ, смотрѣли и рѣшительно ничего не говорили, кромѣ словъ одобренія. Учебное дѣло съ такими порядками и правилами вызываетъ удивленіе и удобреніе. Какой удивительный обычай! Какой удивительный порядокъ! Отъ этого прилежаніе учащихся увеличивается. Говоря это, я хочу сказать, что и у меня самого усилилось стремленіе къ наукѣ... Вѣдь, у каждаго народа высоко цѣнится наука, и положеніе ученаго—самое высокое въ мірѣ: кто свѣдущъ въ наукахъ, тотъ цѣнится и уважается народомъ; кто бы какое бы дѣло ни дѣлалъ въ жизни, для болѣе легкаго выполненія его необходимо знаніе... Міръ освѣщается лучами знанія, сердце очищается чистотою знанія. У кого есть въ рукѣ свѣтильникъ, тотъ и въ темнотѣ не встрѣтитъ опасности на пути... Боже! Просвѣти темное сердце Фирката свѣтомъ знанія*.

Другіе стихи составлены тѣмъ-же поэтомъ по случаю посѣщенія имъ концерта, даннаго ташкентскимъ музыкальнымъ обществомъ 1 іюля 1890 года въ пользу бѣдныхъ учениковъ ташкентской гимназіи, окончившихъ въ томъ году курсъ. Вотъ эти стихи:

„Вы, проникательные друзья-ораторы, рѣдкостныя жемчужины въ морѣ совершенства! Вы, кони, скачущіе по ристалищу науки и отличающіеся знаніемъ! Послушайте,—я поведу свой рассказъ, буду излагать его въ стихахъ... Было первое іюля тысяча восемьдесятъ девяностого года. Я гулялъ по русскому городу, но въ душѣ имѣлъ добрыя чувства¹⁾... Получивъ въ этотъ день извѣстіе, я прошелъ къ ярмаркѣ и увидѣлъ величественное зданіе (театръ), служащее для развлеченія русскаго населенія. Я взялъ билетъ, вошелъ и сѣлъ; я видѣлъ устроенное тамъ развлеченіе. Въ большой залѣ горѣли многочисленныя лампы; передняя часть залы была устроена на подобіе сада. Когда я хорошенько всмотрѣлся, то это были разрисованныя занавѣсы (декораціи), а на занавѣсахъ были отпечатки рисунковъ. Много-

¹⁾ Т. е. не относился съ фанатическимъ презрѣніемъ къ русскому городу, какъ къ жилищу невѣрныхъ. Н. О.

численныя свѣчи освѣщали эту комнату; она была похожа на цвѣтникъ изъ свѣтильниковъ. Стулья были уставлены въ известномъ порядкѣ, т. е. съ высшей, средней и низшей платой. Такъ какъ на этомъ концертѣ были люди интеллигентные и простые, то мѣста были занумерованы. Прибыли туда большіе и малые, какъ русскіе, такъ и нѣмцы, и французы. Но большинство составляли начальствующіе и знатные,—чистая публика. Прибыло много мужчинъ и женщинъ, и всѣ сѣли на стулья. Всѣ прибывающіе съ цѣлю послушать концертъ сѣли на свои мѣста. Сначала одинъ мальчикъ и одна женщина исполнили свою музыкальную партію. Послѣ того пѣлъ одинъ пѣвецъ, а ему аккомпанировала дама. Потомъ вышла одна дама въ голубомъ платьѣ, солнцеликая... Я спросилъ, и мнѣ сказали, что это—супруга Громова. Задушевный ея голосъ привелъ въ восторгъ мое сердце. Ея выходъ былъ подобенъ появленію счастливой звѣзды: если бы и Пери увидѣла ея красоту, то позавидовала бы... Она держала въ рукѣ ноты и пѣла тихимъ голосомъ. Двое ей подыгрывали: одинъ на рояли, другой на віолончели. Музыка и пѣніе были одного тона, то есть вполнѣ согласны. Сердце услаждалось ихъ музыкой, душа наслаждалась ея голосомъ. За такую совершенную игру и пѣніе ихъ все собраніе аплодировало имъ въ знакъ одобренія; всѣ были въ восторгѣ... Она возвратилась съ почтительнымъ поклономъ и, какъ „полная луна“, скрылась за горизонтомъ (за кулисами). Но отвѣчая желанію публики продолжить наслажденіе ея голосомъ, она снова вышла и начала пѣть пѣсню, которая зажгла сердце, и сердце мое горѣло огнемъ наслажденія. Потомъ она съ почтительнымъ поклономъ удалилась за занавѣсъ, а публика продолжала аплодировать ей. Затѣмъ вышли молодой человекъ и дама; они играли и пѣли, доставляя удовольствіе. Они удовлетворили музыкально-вокальныя чувства слушателей и ушли за декорации. Вышли еще двѣ женщины; одна играла на рояли, а одна пѣла неподражаемую пѣсню. Одинъ мальчикъ опять игралъ на скрипкѣ; трое они (своимъ искусствомъ) отогнали болѣзнь, страданіе и печаль.—Спустя нѣсколько времени, поднялся занавѣсъ, и тѣ, которые встали было съ мѣстъ своихъ, быстро опять сѣли. Вышли болѣе пятнадцати дѣвицъ съ однимъ дирижеромъ. Всѣ они

начали пѣть хоромъ... Печень моя разошлась, какъ вода*).... Дирижеръ махалъ руками и тѣмъ дѣлалъ указанія пѣнію.... И эти нѣжныя существа начали пѣть то тихо, то громко. Голоса ихъ не выступали изъ мѣры и снова тронули сердце. Сколько ни было на концертѣ лицъ. пѣніе это очаровало ихъ. Отъ ихъ пѣнія мой умъ оцѣпенѣлъ, отъ музыки сердце мое разслабло. Я нигдѣ не слышалъ такихъ голосовъ; хорошо, что я не вышелъ изъ себя отъ восторга. Bravo такому пѣнію!... Когда всѣ эти дѣвицы вошли за кулисы, концертъ окончился.—Концертъ продолжался до одиннадцати часовъ, а потомъ всѣ возвратились по своимъ домамъ. У меня не было ума и памяти; у меня поминутно появлялся восторгъ. Я желалъ снова посмотреть, чтобы успокоить взволнованное сердце. Однимъ словомъ: эту ночь, друзья, до разсвѣта, я не могъ заснуть.... И въ настоящее время на сердцѣ у меня желаніе еще посмотреть*....

Ташкентскіе казіи и другія туземныя должностныя лица бываютъ въ русскихъ домахъ и у себя принимаютъ русскихъ. Я не говорю уже объ официальныхъ праздничныхъ приемахъ этихъ лицъ генераль-губернаторомъ, военнымъ губернаторомъ и начальникомъ города. Во время этихъ приемовъ, а также во время устраиваемыхъ для почетныхъ туземцевъ угошеній, послѣдніе чувствуютъ и цѣнятъ вниманіе, оказываемое имъ русскими начальниками. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія стихи того же поэта, своеобразно описавшаго свои личныя чувства и впечатлѣнія, вынесенныя имъ съ двухъ официальныхъ вечеровъ въ домѣ Генераль-Губернатора Барона А. Б. Бревскаго, 22 января и 10 февраля 1891 года.

I. Былъ новый, тысяча восемьсотъ девяносто первый годъ, конецъ января.

Къ двадцать второму января пришло къ намъ хорошее извѣстіе: Отъ Господина Генераль-Губернатора, чрезъ посланнаго начальника города, доставленъ намъ конвертъ (съ билетомъ).

Взявъ въ руки это милостивое письмо, мы тогда же почтительно Прочитали его. Въ немъ было милостивое приглашеніе на вечеръ.

*) Такой своеобразный оборотъ означаетъ, что слушатели пришли въ неописанный восторгъ отъ пѣнія. Н. О.

Въ короткихъ словахъ: я отправился въ назначенный день и, когда прибылъ, было девять часовъ (вечера).

По данному знаку, я пошелъ во внутреннюю часть (генералъ-губернаторскаго дома) и увидѣлъ отличное помѣщеніе.

Большой залъ былъ очень просторный и приготовленъ для гостей.

Вдоль стѣнъ рядами были разставлены стулья и всѣ ровные.

Въ каждой сторонѣ они стояли правильно: не было ни малыхъ, ни съ недостатками.

Къ потолку этой комнаты привѣшены пять люстръ, и въ каждой горѣли стеариновыя свѣчи.

Въ одной большой люстрѣ горѣло сто свѣчей, а всего было болѣе тысячи свѣчей.

Отъ нихъ пламени билъ въ глаза столь яркій свѣтъ, что и день передъ нимъ былъ тьмой....

Столь хорошо былъ убранъ этотъ залъ, что видѣвшіе его принимали его за цвѣтникъ.

По сторонамъ его было еще много комнатъ, много красивыхъ помѣщеній, и всѣ они были наполнены рѣдкими, какихъ мало, предметами.

Удивительнѣе всего одна комната со стеклами; она и въ зимнее время носить признаки цвѣтника:

Тамъ много распустившихся цвѣтовъ, которые не колятся, когда прикоснешься къ нимъ.

Каждая сторона обивается зеленью и на листья падаетъ вода, какъ роса.

Въ этомъ цвѣтникѣ билъ фонтанъ; его вода имѣла цвѣтъ бѣлой розы съ синимъ отливомъ.

Будетъ ли морозный день,—внутрь сада проникаетъ тепло изъ печи снизу.

Столь много было въ этотъ вечеръ свѣтильниковъ, что въ цвѣтникѣ было свѣтло, какъ днемъ.

Каждый свѣтильникъ былъ особаго цвѣта и казался глазамъ семицвѣтнымъ.

Много такихъ комнатъ, веселящихъ сердце, пріятныхъ; особенно двѣ въ высокой степени узорчатые....

Чтобы раскрасить ихъ, мастеръ клалъ на нихъ узоры меньше глазокъ соловьиныхъ.

А одна комната до вкуса мусульманъ: всѣ ея стѣны и потолокъ узорчатые.

А за нею еще большая комната: кто войдетъ въ нее, сразу чувствуетъ себя хорошо;

Всѣ ея стѣны гладки-чисты, какъ зеркало; отъ нея отражается свѣтъ.

Всѣ комнаты были наполнены благовоніями, какъ мускусъ и амбра...

На этотъ вечеръ прибыло много русскихъ, много и должностныхъ мусульманъ.

Прибыли хорошіе, почетные люди, — гости Генераль-Губернатора.

Собрались тамъ среброгрудыя*). танцующія дѣвицы съ глазками серны,

Дочери начальниковъ, всѣ красивыя лицомъ, стройныя станомъ, со лбомъ, какъ роза, и душистыми, какъ амбра, волосами.

А среди нихъ была невестка Генерала, красивѣе всѣхъ дѣвицъ.

Красота ея какъ красота бѣлой розы среди красныхъ розъ, — въ изяществѣ.

Заиграла музыка, вышли барышни, и начались танцы.

Ихъ движенія были въ тактъ музыкѣ; ступали онѣ соотвѣтственно правиламъ танцевъ.

Вмѣстѣ съ ними, держась за руки, танцовали мужчины.

Исполнивъ первый танецъ для знакомства, они потомъ сходились мало-по-малу.

Танцующія пары каждый разъ смѣнивались и знакомство ихъ укрѣплялось.

Каждый по своему желанію и всѣ одновременно танцовали.

Чтобы доставить удовольствіе гостямъ, хозяйки много разъ обращались къ нимъ

Съ выраженіями своего расположенія и приглашеніемъ танцевать.

Кромѣ невестки (Генерала), была еще одна барышня, радушно относившаяся къ гостямъ.

Когда невестка Генерала удалялась, эта барышня была ея замѣстительницей.

И Генераль-Губернаторъ прохаживался тутъ, смотря на веселящихся гостей.

Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ разговаривалъ и радовалъ ихъ сердца.

Былъ тамъ одинъ оживленный танецъ; всѣ гости восторгались.

Это былъ большой живой танецъ. Принесли къ танцующимъ подносы съ цвѣтами.

И, раздавъ дѣвушкамъ цвѣты, сдѣлали подобіе цвѣтника.

Барышни давали цвѣты, кому хотѣли, и тѣ мужчины были избранниками ихъ сердца.

*) Т. е. въ бѣлыхъ, серебристыхъ платьяхъ. Н. О.

Они парами танцевали: взявшись за руки, они на томъ же мѣстѣ дѣлали кругъ.

Подобно этому, всѣ тогда, каждая пара отдѣльно, дѣлали круги.

Этотъ танецъ вызывалъ высокое удивленіе, такъ что никто не вспоминалъ даже о танцахъ (Джамшида*).

Танцы продолжались въ эту ночь пять часовъ, и всѣ остались вполне довольны.

Послѣ того пригласили гостей въ другую залу, говоря: «сдѣлайте честь закускѣ».

Приготовлены были разные кушанья, всѣ чистыя, одно другого чище.

Гости подошли къ столу и кушали съ удовольствіемъ.

Кушанья клали на тарелки, а стаканы наполняли сладкими напитками.

Все помѣщалось на столахъ. Но многимъ кушаньямъ названій я не знаю.

Кому что нравилось, тотъ то и кушалъ безъ стѣсненія.

Много слугъ было тамъ, и каждый исполнялъ свою обязанность.

По окончаніи закуски, гости вышли оттуда, вошли въ другую залу, какъ будто изъ цвѣтущей долины въ розовый цвѣтникъ:

Всѣ имѣли въ виду уходить домой.... Получивъ позволеніе отъ Генерала,

Мы, шестнадцать человѣкъ, радостно настроенные, вмѣстѣ съ русскими, выразили искреннюю благодарность.

Происходящее развлеченіе кратко описано перомъ Фирката**).

II. Во второй разъ, десятого февраля, въ девять часовъ (вечера), какъ и въ первый разъ.

Были также у Господина Генералъ-Губернатора гости, и сердца ихъ веселились.

Въ этотъ вечеръ на небѣ луна открыла лицо свое и бросала на землю серебристые лучи....

Когда я шелъ по улицѣ и увидѣлъ (свѣтъ луны), сердце мое просіяло.

Домъ Генерала былъ такъ освѣщенъ, что легко было бы поднять упавшую иголку:

*) Время баснословнаго Джамшида славилось разнообразными танцами. Н. О.

**) Туркест. тузем. газета 1891 г. № 4.

Много горѣло свѣчей, разставленныхъ на изгороди вдоль всей усадьбы.

При входѣ стояли нѣсколько человѣкъ, чтобы принимать гостей.... То же помещеніе, тотъ же садъ, тотъ же залъ; но много рода былъ самый балъ....

Вышелъ Генералъ-Губернаторъ, обошелъ всѣхъ гостей, со всѣми одинаково поздоровался

И кланялся, говоря: «Добро пожаловать! Радъ видѣть васъ»^{*)}).

Но изъ чиновныхъ особъ было много новыхъ лицъ... Сосчитать всѣхъ было невозможно.

Также и въ числѣ дѣвицъ были еще болѣе красивыя и миловидныя, чѣмъ на первомъ балѣ.

Кромѣ дѣвицъ, вмѣстѣ съ ними было много и супругъ чиновниковъ.

На нихъ были высокой цѣны платья.

Граціозно выступали онѣ, какъ павы—разстилались ихъ шлейфы по полу.

Если скажу, что это былъ цвѣтникъ (то справедливо), потому что тамъ были розоликія;

Ихъ платья—пріятнаго цвѣта, какъ и розы, а ихъ уста,—какъ бутоны;

Если бы настоящая хна^{**)} вздумала поспорить съ цвѣтомъ ихъ губъ, то заслужила бы наказаніе—попраніе ногами.

Ихъ станы—какъ стройные кипарисы; ихъ волосы спускались на лица въ видѣ гіацинтовъ;

Въ (пріятныхъ) рѣчахъ имъ уступили бы даже индійскіе попугаи, а отъ ихъ (скромныхъ) взоровъ опустили бы свои глаза китайскія серны. Среди нихъ двѣ хозяйки оказывали гостямъ полное вниманіе.

Одна изъ нихъ—невѣстка Генерала и еще одна дѣвица.

Онѣ всѣмъ гостямъ говорили пріятныя рѣчи.

Въ этомъ (живомъ) цвѣтникѣ обѣ онѣ имѣли платья цвѣта фіалки. Подобныя *перси*, онѣ съ радушіемъ приглашали гостей въ гостиную. Если бы я сталъ описывать ихъ качества, то сколько бы ни писалъ, не кончилъ бы....

Дѣвицы и дамы всѣ танцовали; движенія ихъ были въ тактъ музыкѣ.

^{*)} Последнее выраженіе не буквально переведено съ подлинника, но смыслъ его тотъ.

^{**)} Красный цвѣтокъ, употребляемый женщинами сартовъ для черненія бровей.

И танцы въ этотъ разъ были иные, а не повторенные.

Прибывшіе (на балъ) развлекались, каждый по своимъ склонностямъ:

Одни стояли гдѣ-нибудь, другіе въ свое удовольствіе расхаживали по комнатамъ.

Одни сидѣли, другіе стояли и смотрѣли;

Одни были въ цвѣтникѣ*), другіе наслаждались чаепитіемъ;

Одни, взявшись рука-объ-руку съ друзьями, гуляли тамъ и сямъ.

Въ этихъ танцахъ всѣ находили большое удовольствіе; у всѣхъ исчезала печаль и тоска.

Этотъ балъ окончился въ два часа, и тотчасъ сѣли за столъ.

Въ томъ цвѣтникѣ, который служить для высшаго удовольствія, было особое мѣсто для мусульманъ (т. е. для нихъ приготовленъ былъ столъ въ зимнемъ саду).

По выходѣ изъ-за стола, всѣ собрались уходить.

Высокій хозяинъ благосклонно простился съ гостями и отпустилъ ихъ.

И я возвратился въ свое обиталище, какъ унылый соловей—въ свой прежній цвѣтникъ....

Я вспомнилъ тотъ цвѣтникъ, затосковалъ и, наконецъ, подобно соловью, зашѣлъ**)....

Эти стихи я написалъ кратко, но и при краткости исчерпалъ все,

Потому что, когда былъ первый балъ, я описалъ его подробно;

Если же и теперь я повторилъ нѣкоторыя слова, то на это есть причина:

Потому что я слышалъ благосклонныя слова, что сложилъ такіе стихи.

Невѣстка Генерала, хозяйка (бала), увидѣвъ меня тамъ, оказала мнѣ такую большую милость—

Сказала мнѣ нѣсколько ободрительныхъ словъ: всѣ слова ея были благосклонныя....

Я—бѣдный***) былъ очень обрадованъ; испуганное мое сердце успокоилось.

Я навсегда съ душевною благодарностью сохраняю и буду помнить такую милость.

*) Т. е. въ зимнемъ саду.

**) Т. е. сложилъ вышеприведенные стихи о первомъ балѣ.

***) Т. е. маленький человѣкъ.

Собственно это стихотвореніе—для мусульманъ, эти слова для разумѣющихъ.

Мнѣ представилось нужнымъ написать и объяснить пмѣ, чтобы и они, услышавъ, узнали и порадовались въ сердцѣ.

Такъ, мы мусульманскій народъ—большой народъ и нѣсколько лѣтъ живемъ среди русскихъ;

Въ домѣ Генералъ-Губернатора въ разное время балы бывали, но мы не видали, каковы они.

Хотя въ сторонѣ отъ Ташкента много живетъ мусульманъ, однако они не бывали среди русскихъ и не видывали такихъ развлеченій.

И въ газетахъ не читали и не слыхали, или не имѣли желанія получать газеты.

А развлеченіе это—въ томъ, что собираются въ большомъ залѣ. И танцуютъ тамъ нѣсколько часовъ молодые люди съ дѣвицами, женщины съ мужчинами.

Другъ съ другомъ они разговариваютъ и, открывая путь къ знакомству,

Проявляютъ хорошее обращеніе другъ съ другомъ, манеры пріятныя и хорошія;

Види многихъ людей, (присутствующие) берутъ въ нихъ примѣры, обращаютъ вниманіе на ихъ нравы

И этихъ пріобрѣтаютъ много опытности; и правила вѣжливости среди нихъ совершенствуются*)....

Конечно, русскій читатель найдетъ въ этихъ стихахъ много наивнаго, встрѣтитъ своеобразныя прикрасы и преувеличенія... Но все это естественно, если принять во вниманіе, что туземный поэтъ никогда ничего подобнаго не видалъ да и не могъ вообразить себѣ. Удивляться ли, что *блѣдный* въ буквальномъ смыслѣ слова поэтъ, который можетъ по праву сказать: *ompiā tēa tēsui roŋo*, поражается прежде всего цѣлыми рядами ровныхъ и неломанныхъ стульевъ и считаетъ, сколько свѣчей было заправлено въ люстрахъ?... Поэтъ съ своей точки зрѣнія отмѣтилъ, что кушанья на балу для столь большаго числа гостей были чисто приготовлены, потому что и у сартовъ собираются гости въ большомъ числѣ, но кушанья для нихъ ваяются среди двора, въ котлахъ....

*) Туркест. тузем. газ. 1891 г. № 7.

Вообще, надо хорошо знать быть туземца, чтобы понять ошеломляющее впечатлѣніе, производимое на него большимъ русскимъ баломъ. А затѣмъ надо принять въ соображеніе и то, что туземные поэты имѣютъ всегда въ запасѣ стереотипныя красивыя фразы и сравненія, которыя они и примѣняютъ потомъ къ дѣлу, какъ только представляется подходящій случай. Вотъ какъ самъ поэтъ объяснилъ свое положеніе (въ стихахъ же).

Я пишу о положеніи поэта, объясняю настоящее прошедшимъ.

(Поэтъ) что увидитъ хорошаго въ мірѣ, то излагаетъ, описываетъ въ хорошихъ выраженіяхъ;

Если гдѣ-нибудь будетъ хорошее мѣсто, красивое зданіе или вообще усадьба,

Или будетъ хорошій садъ съ отличнымъ мѣстомъ отдохновенія, въ которомъ каждый человѣкъ всегда радуется.

Или будетъ обширная площадь, при видѣ которой сердце приходитъ въ восторгъ.

Или будутъ люди, достигшіе совершенства, или человѣкъ отличающійся красотою,—

Какимъ образомъ поэтъ скажетъ объ этихъ предметахъ худо, не сказавъ хорошаго слова?

Хорошему человѣку свойственно хорошо говорить о хорошихъ предметахъ: дурная привычка—говорить дурныя слова.

У кого есть умъ и разумѣніе, тотъ самъ не позволилъ себѣ сказать дурное слово....

Напримѣръ: Саади, путешествуя, писалъ о многихъ видѣнныхъ имъ предметахъ.

Онъ нѣсколько лѣтъ путешествовалъ по міру; въ каждомъ городѣ онъ проводилъ по нѣскольку дней;

Развлекаясь въ этихъ городахъ, онъ оставался тамъ по нѣскольку дней,

Видѣлъ тамъ чуждые ему обычаи, а вмѣстѣ съ обычаями и религіозные обряды.

Удивившись, онъ писалъ объ этомъ то прозой, то длинными, то короткими стихами....

Если кто увидитъ что-нибудь невиданное и удивится, то удивительно удивленіе другаго безъ причины.

Напримѣръ мы—мусульманскій народъ, особенно нѣкоторые жители Ферганы*).

*) Авторъ—уроженецъ Ферганы, но временно жилъ въ Ташкентѣ. Н. О.

Отправившись въ русскій городъ и увидѣвъ тамъ невиданные обы-
чай и порядки,

Возможно, что мы удивились и изумились....

Если поэтъ, гуляя, увидить что-нибудь удивительное и напишетъ
объ этомъ стихи,—

Красота его стиховъ—въ высокому слогу, каковы бы ни были
слова его.

Напримѣръ: мусульманскіе поэты, очень искусные въ стихотворствѣ.
Были: Хафизъ, Саади, Фирдауси, Имена этихъ трехъ поэтовъ—
какъ знамена въ мірѣ....

Сколько возвышенныхъ словъ сказали они! И образованные люди
слова ихъ одобряютъ.

Фирдауси въ «Шахнамѣ» такъ восторженно рассказываетъ объ
одной большой битвѣ:

„Отъ пыли, поднятой лошадьми на полѣ битвы земля стала
шесть, а небо *восемь*“)...

Въ такихъ искреннихъ образахъ онъ высказалъ это.—

А когда же въ самомъ дѣлѣ небесъ было восемь, а земель шесть?!

И этотъ стихъ намъ нравится, потому что въ немъ много прелесть.

Однако наши стихи русскимъ людямъ не понятны,

Потому что они читаютъ и хорошо знаютъ своихъ поэтовъ—

Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Эти три поэта писали своеобразно и показали стихотворство въ
своихъ сочиненіяхъ,

Наши стихи не похожи на тѣ и образы наши не похожи на ихніе.

Неудивительно, если и не понравятся (наши стихи), неудивитель-
но, если не будутъ брать ихъ въ руки.

Это недовольство не безъ причины. Если (наши стихи) не нра-
вится, то не удивительно,

Потому что, что бы ни было, мы пишемъ соответственно своимъ
склонностямъ:

Мы пишемъ, когда сердце восторгается и когда оно погружается
въ печаль:

Каково состояніе (духа), соответственно тому будетъ и содержаніе
(стиховъ).

Вообще, мы пишемъ въ хорошихъ выраженіяхъ и (что видѣли)
объясняемъ своему народу**).

*) То есть „Отъ лошадиныхъ копытъ цѣлый слой земли поднялся къ
небу и образовалъ восьмой слой неба, а земля уменьшилась на одинъ слой“.

**) Туркест. тузем. газета 1891 г., № 6.

Среди почетныхъ туземцевъ г. Ташкента до 1892 г. (годъ смерти) обращалъ на себя вниманіе ишана Абуль-Касымъ-ханъ, считавшій своихъ послѣдователей (мюридъ) тысячами и вообще пользовавшійся особымъ почетомъ не только въ Ташкентѣ, но и въ окрестностяхъ. И онъ не уклонялся отъ представленій къ русскимъ начальствующимъ лицамъ и всегда находился давать умные и вмѣстѣ съ тѣмъ скромные отвѣты русскому началству. Я лично былъ свидѣтелемъ, съ какимъ тактомъ почтенный Абуль-Касымъ-ханъ поддерживалъ разговоръ съ Генераль-Адъютантомъ Н. О. Розенбахомъ во время завтрака, устроеннаго 13 іюля 1884 года для представителей туземнаго населенія гор. Ташкента и ташкентскаго уѣзда. Кромѣ того, я лично былъ два раза любезно принятъ Абуль-Касымъ-ханомъ въ его домѣ, имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ самаго разносторонняго содержанія и вынесъ изъ этого посѣщенія пріятное впечатлѣніе. Онъ просидѣлъ со мной два часа, разговаривая о разныхъ предметахъ. Будучи самъ ученымъ человѣкомъ и стараясь давать образованіе учащимся, онъ израсходовалъ около тридцати тысячъ рублей на устройство въ Бишъ-агачской части, противъ своего двора, хорошаго помѣщенія для школы (изъ жженаго кирпича) и даетъ содержаніе иногда ста пятидесяти, иногда ста ученикамъ, учащимся въ его школѣ, и кромѣ того имъ же выдаетъ ежегодно значительную сумму денегъ.

Разговаривая со мной о просвѣщеніи, онъ съ печалью высказался, что въ настоящее время среди мусульманъ не только нѣтъ такихъ великихъ ученыхъ, какіе были въ древнее время, какъ, напримѣръ; Имамъ Мухаммадъ Газзали, Мауляви Руми и подобные имъ, но и такихъ людей нѣтъ, которые бы читали и обсуждали ихъ сочиненія. Заговоривъ о преимуществахъ знанія, онъ сказалъ: „подобно тому, какъ люди умираютъ безъ пищи, и сердце человѣка безъ знаній мертво“. Разсуждая о новыхъ наукахъ, извѣстныхъ въ настоящее время въ Европѣ, онъ сказалъ: „отъ усвоенія знаній какого бы ни было народа получается только польза, такъ какъ каждый народъ, усвоивъ знанія другого народа, придаетъ новую силу своему собственному знанію“. Когда я рассказывалъ ему о томъ, что въ Ташкентѣ, 22 іюля 1885 г. съ разрѣшенія Господина Туркестанскаго Генераль-Губернатора

будетъ устроена выставка съ цѣлью показать лучшій уходъ за деревьями, плодами и цвѣтами этого края, онъ сказалъ, что занятіе земледѣліемъ вознаграждается милостію Господа Все-вышняго и прибавилъ: „покойный родитель мой денегъ мнѣ не оставилъ, но я, занимаясь земледѣліемъ, приобрѣлъ капиталъ, на который устроилъ упомянутую школу и изъ котораго даю содержаніе находящимся въ ней ученикамъ“*). Въ 1892 году, во время холерныхъ безпорядковъ въ г. Ташкентѣ, Абуль-Касымъ-ханъ былъ во главѣ представителей ташкентскаго туземнаго населенія, подававшихъ Генераль-Губернатору Барону А. Б. Вревскому петицію слѣдующаго содержанія:

«Прошло двадцать семь лѣтъ со времени подчиненія этого края Россійскому Государству, а до этого времени городъ (Ташкентъ), находясь подъ властью киргизъ и кыпчаковъ, видѣлъ разные безпорядки и волненія; но послѣ вступленія русскихъ въ эту страну городъ нашъ благоустроился, улицы исправлены, базаръ и жилища приняли красивый видъ; земледѣліе и торговля наши увеличились—и мы радовались наступленію спокойствія. Поэтому за Великаго Русскаго Государя Императора мы всегда совершали молитвы и исполняли предписанія назначаемыхъ губернаторовъ и другихъ старшихъ и младшихъ начальниковъ.— и радовались. Извѣстно, что, когда войска ходили въ бухарскіе предѣлы, а также во время смутъ въ Ферганѣ, и когда войска ходили въ Хивинское ханство, мы не отказывали въ помощи, зависѣвшей отъ насъ, и никакихъ безпорядковъ не производили, а показывали преданность нашу и пользовались отъ губернаторовъ довѣріемъ и вниманіемъ. Вполнѣ сознавая покровительство и попеченіе о насъ Великаго Императора, мы оружія не хранили и пребывали въ спокойствіи и во всякомъ благополучіи. Но двадцать четвертаго іюня сего года, когда большая часть городского населенія находилась въ стени и садахъ, празднуя день жертвоприношенія, нѣсколько безголовыхъ безумцевъ или, можетъ быть, подчинившіеся людямъ, интриговавшимъ изъ-за власти, отправились своевольно къ старшему аксакалу съ просьбою относительно покойниковъ; а въ этой средѣ могли быть злонамѣренные люди, которые, исполняя свой замыселъ, вошли въ домъ старшаго аксакала и забрали его имущество и даже имѣли дерзость отправиться въ управленіе начальника города и тамъ произвели смятеніе. Эти люди должны быть извѣстны старшему аксакалу и бывшему начальнику города, самому

*) Туркест. тузем. газета 1885 г., № 22.

полковнику Путинцеву, которыхъ они узнають, если увидятъ; и если былъ (въ этомъ дѣлѣ) подушатель, то и его должны знать.

«Доводи объ этомъ до свѣдѣнія Вашей милости, мы надѣемся на Васъ, что Вы съ великою милостью примите настоящее наше прошеніе, написанное слезами и съ полной искренностью, разслѣдуете происшедшій случай и, обнаруживши тѣхъ лицъ, которыя произвели такой безпорядокъ, подвергните ихъ наказанію, какъ виновныхъ, по закону. Эти злонамѣренные люди сконфузили въ глазахъ начальства все ташкентское населеніе. Но что касается всѣхъ вообще ташкентскихъ жителей, то у нихъ не было свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ и никто не сочувствовалъ поступку этихъ безголовыхъ людей, который они совершили вдругъ, по собственной своей волѣ, и потому сами отвѣтственны за совершенное ими дѣло, а прочіе люди не должны быть виноваты. Поэтому мы, склонивъ голову, съ покорностью обращаемся къ Вашему Высокопревосходительству, нашему Главному Начальнику, съ усерднѣйшей просьбой принять милостиво наше настоящее прошеніе и дать намъ возможность спокойно совершать богослуженіе наше въ мечетяхъ и ученіе въ мадресахъ и также спокойно, какъ было и прежде, совершать молитву за Великаго Государи и за главныхъ начальниковъ нашихъ» 1892 г. 29 іюня.

Выслушавъ и принявъ это прошеніе, Главный Начальникъ края, обращаясь къ депутаціи, сказалъ:

«Узнавъ въ Чимганѣ о происшедшихъ 24 іюня въ Ташкентѣ безпорядкахъ, я долженъ былъ донести объ этомъ. Великій Государь Нашъ, несомнѣнно, будетъ глубоко опечаленъ этимъ извѣстіемъ. Въ числѣ ста слишкомъ милліоновъ подданныхъ Нашего Великаго Царя заключается много разныхъ племенъ, въ томъ числѣ и туземцы Туркестанскаго края. Всѣхъ ихъ Его Императорское Величество одинаково любитъ, какъ Отецъ своихъ дѣтей, обо всѣхъ неусыпно заботится. Счастіе и благополучіе всѣхъ Его подданныхъ заключается въ безпредѣльной любви къ Нему и въ исполненіи Его высокой Воли и распоряженій поставленныхъ Имъ начальниковъ. За три года управленія моего краемъ я полюбилъ трудолюбивыхъ и преданныхъ порядку сартовъ. Увѣренъ, что въ происшедшихъ безпорядкахъ большинство населенія не участвовало и имъ не сочувствовало, но—здѣсь голосъ Его Высокопревосходительства сталъ строгимъ—знаю также, что въ этихъ безпорядкахъ принимали участіе влиятельныя лица и даже ишаны: они-то, эти дурные, злонамѣренные люди, и были главными виновниками; они и будутъ наказаны всего строже. Объясненія ваши принимаю. Я прикажу вывести сегодня войска изъ

города. Не сомнѣваюсь, что порядокъ, въ которомъ вы мнѣ поручили, болѣе не нарушится. Въ помощь начальнику города назначено особое лицо для ближайшаго управленія туземною частію города. Всѣ прежніе народные судьи и аксакалы, по приказанію моему, смѣнены за то, что во время безпорядковъ попятались, не имѣя достаточно мужества исполнить свои обязанности. Надѣюсь, что вновь назначенные окажутся соответствующими возлагаемымъ на нихъ должностямъ. Объявите населенію о томъ, что вы отъ меня слышали».

Выслушавъ рѣчь его высокопревосходительства, депутація удалилась. Вслѣдъ за этимъ военный губернаторъ отправился въ азіятскую часть города, гдѣ его ожидала та же депутація во главѣ собравшихся въ большомъ числѣ жителей. Обращаясь къ нимъ, генераль-лейтенантъ Гродековъ сказалъ, что милостивый пріемъ главнымъ начальникомъ края депутаціи и представленнаго ею прошенія составляетъ большое счастье для населенія, что генераль-губернаторъ въ отеческой снисходительности своей приказалъ вывести изъ города войска, что населеніе, конечно, оцѣнить эту милость и поэтому немедленно возвратится къ обычнымъ занятіямъ, въ точности исполняя распоряженія начальства*).

Почтенный Абуль-Касымъ-ханъ, потрясенный событіями послѣднихъ дней, которыя имѣли особенное вліяніе на него, при его преклонномъ возрастѣ, вскорѣ послѣ этого (4 іюля) умеръ отъ холеры. Любопытно, что ташкентскіе сарты приписали его смерти наставшее затѣмъ прекращеніе холеры. Они говорили, что смерть праведнаго человѣка всегда служить умиловленіемъ Божію гнѣва, вызваннаго грѣхами людей и проявившагося въ холерной эпидеміи....

Другимъ выдающимся сартомъ того времени былъ Мухитдинъ-ходжа, занимавшій во время холерныхъ безпорядковъ должность народнаго судьи въ Сибзарской части г. Ташкента и смѣщенный тогда съ должности. Онъ, сынъ послѣдняго въ Ташкентѣ кази-каляна, хорошо зналъ всѣхъ прежнихъ и современныхъ ему русскихъ начальствующихъ лицъ города, поддерживалъ знакомство съ русскими людьми и держалъ себя съ достоинствомъ. Командированный въ Москву на коронацію Государя Императора Александра Александровича, онъ былъ

*) Туркест. Вѣдом. отъ 7 іюля 1892 г. № 27.

удостоенъ Всемиловѣйшаго личнаго вниманія Его Величества и пожалованъ орденомъ св. Станислава 3-й степени и прекраснаго фіолетоваго цвѣта бархатнымъ халатомъ. Туркестанскіе генераль-губернаторы награждали его почетными халатами и медалями. Въ 1891 году онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Бывая въ домахъ русскихъ людей, онъ и въ своемъ домѣ завелъ нѣкоторыя принадлежности русскаго дома: стулья, тарелки, ложки, ножи и вилки, устроилъ въ одной изъ своихъ комнатъ русскую печку и въ сухую погоду ѣздилъ въ русскій городъ на собственной телѣжкѣ русскаго образца. Заслуживаетъ вниманія и его любознательность: нѣсколько разъ онъ былъ въ театрѣ (въ Москвѣ и Ташкентѣ), на концертахъ, а также на годовичныхъ актахъ, литературно-музыкальныхъ вечерахъ, на урокахъ преподавателей, и присутствовалъ при бракосочетаніи дочери бывшаго Туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Н. О. Розенбаха (бракосочетаніе совершалось въ домово́й церкви Ташкентской женской гимназіи, и Мухитдину-ходжѣ удобно было видѣть совершеніе брака изъ сосѣдняго съ церковью актовaго зала). Его домъ посѣщали: Министръ Финансовъ Н. А. Вышнеградскій, Министръ Земледѣлія С. А. Ермоловъ и тайный совѣтникъ Кобеко. Его посѣщали путешественники иностранцы.

Изъ разговоровъ съ нимъ можно было заключить, что онъ понималъ и цѣнилъ преимущества разныхъ сторонъ русской жизни и вообще не закрывалъ глазъ на все новое, совершавшееся вокругъ него. Выше, на стр. 96 приведена его рѣчь, которую онъ говорилъ 15 іюня 1886 годъ, въ день празднованія 21-й годовщины взятія Ташкента русскимъ отрядомъ и освященія памятника надъ могилою русскихъ воиновъ, павшихъ во время штурма. Черезъ два года, при открытіи 29 іюля 1888 года вновь отстроенной мечети Ходжа-Ахрара, Мухитдинъ-ходжа, обращаясь къ генераль-адъютанту Розенбаху, прочиталъ, при многолюдномъ собраніи, въ этой мечети, слѣдующій адресъ:

„Ваше Высокопревосходительство! Съ тѣхъ поръ, какъ Вы, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора прибыли управлять нами, Вы никогда не оставляли насъ Вашимъ милостивымъ вниманіемъ.

«Въ особенности въ настоящій день Вы оказали намъ чрезвычайную милость, удостоивъ насъ своимъ личнымъ посѣщеніемъ для передачи намъ мечети, отстроенной по милости Государя Императора, и тѣмъ доставили намъ безпредѣльную радость: мы не можемъ вполнѣ выразить словами свою благодарность за такую милость Вашу.

Ваше Высокопревосходительство! Вы—главный начальникъ для русскаго и для мусульманскаго населенія Туркестанскаго края; и хотя мы мусульманской религіи, но Вы, занимая высокій постъ, оказали и намъ, такое же покровительство, какое оказали русскимъ въ отношеніи ихъ религіи. Доказательствомъ этого служить то, что 11-го іюля, по Вашему благому намѣренію, былъ освященъ для русскаго населенія новый большой храмъ, а 29 іюля была открыта новая соборная мечеть, отстроенная для насъ—мусульманъ, по Высочайшей милости Государя Императора, при Вашемъ благосклонномъ участіи. Открытіе въ одинъ и томъ же мѣсяцъ двухъ храмовъ для двухъ разнѣрныхъ народовъ ясно даетъ намъ понять, что милостивое вниманіе Ваше одинаково къ обоимъ этимъ народамъ. Никогда не забывая Вашей милости и въ особенности настоящій день, мы прежде всего молились Богу Всевышнему за Государя Императора, за Государыню Императрицу и за весь Царствующій Домъ, а также молились и за Васъ, и никто не забудетъ такой милости Вашей.

«Повсемѣстно на земномъ шарѣ и во всѣ времена у образованныхъ народовъ наиболѣе почитаются два предмета: одинъ изъ нихъ—религія, а другой—знаніе, и каждый человѣкъ, оказывающій покровительство этимъ двумъ предметамъ, болѣе высокой милости оказать намъ не можетъ, а Ваше Высокопревосходительство всегда заботились объ успѣхахъ этихъ двухъ сторонъ нашей жизни, и мы обязаны всегда молиться за Васъ, хорошо сознавая значеніе милости Вашей.

«Господинъ военный губернаторъ всегда заботился о скорѣйшемъ и лучшемъ выполненіи этихъ двухъ дѣланій, согласно благихъ намѣреній Вашихъ, и дѣлалъ соотвѣтственныя къ тому распоряженія; поэтому мы молимся и за него. Для выполненія

распоряженій г. военного губернатора много постарался и начальникъ нашъ, полковникъ Путинцевъ, и мы остаемся много благодарны ему.

«Пользуясь настоящимъ случаемъ покорнѣйше просимъ Ваше Высочайшее превосходительство повергнуть къ стопамъ Государя Императора наши вѣрнопопданническія чувства и преданность»^{*)}).

30 августа 1890 года, въ память 25-тилѣтія русскаго управленія Ташкентомъ, въ этомъ городѣ, при большомъ числѣ русскихъ и туземныхъ жителей, была открыта сельско-хозяиственная и промышленная выставка, которая должна была содѣйствовать развитію естественныхъ богатствъ края. Казій Мухитдинъ-ходжа, принимавшій участіе въ этой выставкѣ, писалъ по этому поводу въ Туземную газету:

«Съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, по приказу господина Туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Барона Вревскаго, трудами господина военного губернатора генералъ-лейтенанта Гродекова, 30 августа, въ городѣ Ташкентѣ была открыта весьма полезная для всего населенія края выставка. Этотъ день былъ высокаторжественнымъ днемъ Тезоименитства Государя Императора Александра Александровича. Въ два часа пополудни, Его Высочайшее превосходительство изволилъ прибыть со всѣми начальствующими лицами въ садъ, въ которомъ была устроена выставка; вмѣстѣ съ ними были: глава русскаго духовенства—архіерей и много русскихъ священниковъ.

«По окончаніи богослуженія, въ саду выставки начали играть музыканты, а начальствующія лица отправились осматривать разставленные на выставкѣ предметы. По предложенію начальствующихъ лицъ, и я представилъ на выставку много книгъ рѣдкаго писъма, съ золоченіемъ и рисунками, родословную и документы древнихъ вѣременъ; такъ, напри-мѣръ, въ числѣ книгъ и документовъ были разложены въ навильонѣ рукописи, писанныя 500—600 лѣтъ назадъ.

Когда Его Высочайшее превосходительство входилъ въ навильонъ, я находился около дверей навильона и встрѣтилъ Генералъ Губернатора. Онъ обратилъ на меня свое милостивое вниманіе и подаль мнѣ руку, а я

*, См. Турк. тузем. газ. за 1888 г. № 30.

отъ лица мусульманскаго населенія поздравилъ Его съ высокаторжественнымъ днемъ Тезоименитства Государа Императора, затѣмъ со днемъ открытія выставки. Его Высочайшее Превосходительство ласково принявъ мое поздравленіе и, остановившись при входѣ, въ отвѣтъ на мое поздравленіе, поблагодарилъ меня и сказалъ: «здѣсь воздухъ благоуханный и орошеніе хорошее; въ такой благодатной странѣ всѣмъ необходимо трудиться для Бога и для себя; эти труды, безъ сомнѣнія, принесутъ пользу и счастье населенію. Особенное назиданіе можно вынести отъ предметовъ этой выставки».

Вошедши послѣ того внутрь помѣщенія, генералъ-губернаторъ разсматривалъ книги и другіе предметы и о каждой вещи предлагалъ мнѣ вопросы, а я отвѣчалъ; спросилъ генералъ о родословной моего отца, и я далъ отвѣтъ. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ переписать названія книгъ съ объясненіемъ ихъ содержанія и представить ему съ переводомъ, и я принялъ это приказаніе къ исполненію. Затѣмъ генералъ-губернаторъ осматривалъ другія зданія и предметы выставки, и я ходилъ вмѣстѣ. Все было имъ осмотрѣно.

«По-истинѣ, кто внимательно осмотритъ эту выставку, тотъ вынесетъ изъ нея много назидательнаго; не видавши глазами предметовъ, выставленныхъ тамъ, нельзя дать и объясненія имъ»).

Чтобы еще лучше охарактеризовать эту замѣчательную личность, приведемъ здѣсь, что было напечатано нами въ его некрологѣ:

«Въ субботу, 30 марта 1902 года, въ 1 часть дня, въ туземной части города Ташкента, при многолюднѣйшемъ собраніи мусульманъ различныхъ классовъ**) и возрастовъ, происходили торжественные похороны одного изъ самыхъ видныхъ представителей туземнаго населенія Ташкента — Мухитдина-ходжи Хакимъ-ходжи-ишанова.

«Сынъ послѣдняго ташкентскаго кази-каляна***) Хакимъ-ходжи ишана, покойный получилъ образованіе въ высшей мусульманской школѣ и былъ воспитанъ въ строго мусульманскихъ

*) Туркест. тузем. газета отъ 6 сентября 1890 г. № 35.

** Казіи, мударрисы, муфтіи, имамы, ишаны, учащіеся, торговцы и земледѣльцы.

***) Такъ называлась должность старшаго казія, которая была упразднена первымъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ въ русскихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ, но до сихъ поръ сохранилась въ Бухарѣ и другихъ мусульманскихъ странахъ.

вообще и отчасти въ ишанскихъ понятіяхъ и подготовлялся продолжать дѣятельность своего отца, отъ котораго перешло къ сыну и званіе ишана; но завоеваніе Туркестана русскими войсками и подчиненіе мусульманскаго Ташкента русской власти, постепенно вводившей новые порядки въ жизнь мусульманскаго населенія города, указали молодому Мухитдину-ходжѣ иную жизненную задачу—приспособляться къ новымъ условіямъ жизни, примирять въ своемъ умѣ положенія шаріата съ положеніемъ объ управленіи Туркестанскаго края, а требованія русскихъ властей съ вѣковыми обычаями туземцевъ. Родовитость и популярность среди коренного населенія еще болѣе усложняли для молодого туземца эту нелегкую задачу. Мухитдину-ходжѣ съ одной стороны нужно было удержать за собою вниманіе русскихъ властей, а съ другой—не порывать кровныхъ связей съ народной массой, которая также была для него внушительной силой при выборномъ началѣ, ослабившемъ древній родовой бытъ туземцемъ и отдавшемъ туземныхъ должностныхъ лицъ въ руки избирателей... Покойный успѣшно справлялся съ своимъ затруднительнымъ положеніемъ; поддерживая вниманіе къ себѣ русскаго начальства, онъ ладилъ и съ населеніемъ, которое всегда оказывало ему, какъ сыну бывшаго казы-каляна и ишана, видимые знаки почтенія. Избранный при первомъ Туркестанскомъ генераль-губернаторѣ на должность казія Сибзарской части стараго Ташкента, Мухитдинъ-ходжа удерживалъ и при слѣдующихъ выборахъ свое служебное положеніе и получалъ разныя награды до ордена св. Анны 3-й ст. включительно. Но разныя неблагопріятныя для него обстоятельства (недоброжелательство и интриги завистниковъ и личные промахи) пошатнули его служебную репутацію и повліяли на его здоровье... Въ послѣднее время вмѣсто прежняго величественнаго казія Мухитдина, предъ которымъ подобострастно вставали на ноги и слѣзали съ лошадей встрѣчные туземцы, мы видѣли угнетеннаго духомъ и физически осунувшагося старика. Съ прошлаго 1901 г. онъ сталъ серьезно недомогать, а послѣ выборовъ, происходившихъ въ началѣ 1902 г. и окончившихся не въ его пользу, онъ совсѣмъ слегъ на одрѣ предсмертной болѣзни; при своеобразномъ отношеніи къ русскимъ медикамъ, а можетъ быть, и подъ влия-

ніемъ своихъ неразвитыхъ родныхъ и знакомыхъ, онъ запустилъ свою болѣзнь, и уже не могъ освободиться отъ нея. Онъ умеръ по мусульмански, съ покорностью волѣ Божіей, оставивъ свою большую семью неустроенною, а хозяйство—запущеннымъ. Говорятъ, онъ остался должнымъ мѣстному земельному банку, въ которомъ заложена его земля, составляющая единственное его богатство, а молодые сыновья его не подготовлены къ самостоятельному веденію хозяйства.

«Не легко вообще дать безпристрастную характеристику покойнаго Мухитдина-ходжи, потому что разнообразныя теченія новой жизни, по которымъ ему приходилось направлять свою жизненную ладью, весьма осложняютъ эту задачу: съ одной стороны нельзя оправдывать покойнаго въ нѣкоторыхъ его служебныхъ промахахъ, а съ другой нельзя забывать, что Мухитдинъ, при всѣхъ своихъ положительныхъ качествахъ, былъ туземецъ, воспитанный въ старыхъ азіатско-мусульманскихъ понятіяхъ, и притомъ туземецъ родовитый, избалованный вниманіемъ къ нему русскихъ начальниковъ... Поэтому подробное описаніе жизни покойнаго могло бы служить хорошей иллюстраціей обычаевъ, усвоенныхъ туземцами Туркестанскаго края въ ихъ официальныхъ и частныхъ сношеніяхъ съ русскими властями, съ русскими людьми и между собою. Покойному пришлось испытать всѣ выгоды и невыгоды начинаній русскихъ правителей по устройству жизни туземцевъ на новыхъ началахъ, начинаній, къ которымъ всѣ туземцы перваго періода русскаго управленія краемъ относились частью съ недоувѣріемъ, а частью съ недостаточнымъ пониманіемъ истиннаго ихъ смысла.

«Природа надѣлила покойнаго своими дарами: онъ замѣтно выдѣлялся изъ среды ташкентскихъ сартовъ высокимъ ростомъ, стройнымъ станомъ, красивымъ лицомъ и несомнѣннымъ природнымъ умомъ. Онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, какъ человекъ, сознающій свое превосходство передъ другими туземцами. Роскошный бархатный халатъ съ широкими золотыми позументами, золотыя медали на шеѣ и два ордена, а на головѣ пышная чалма сразу обращали вниманіе посторонняго зрителя на этого родовитаго туземца, умѣвшаго быть пріятнымъ въ обхожденіи съ иновѣрцами, не нарушая принциповъ шаріата.

Къ чести его должно сказать, что онъ не позволялъ себѣ грубой азіатской лести и низкопоклонства, но въ тоже время онъ не забывалъ своихъ личныхъ интересовъ и импонировалъ на окружающихъ его туземцевъ хорошими отношеніями къ нему русскихъ начальствующихъ лицъ, у которыхъ старался быть на виду. Генералы: Кауфманъ, Колпаковскій, Абрамовъ, Черняевъ, Розенбахъ, Яфимовичъ, Вревскій, гр. Ростовцовъ, Духовской и Ивановъ, а равно и военные губернаторы области отличали его своимъ вниманіемъ. Какъ выдающійся туземецъ, Мухитдинъ-ходжа былъ въ числѣ депутатовъ отъ туркестанскаго туземнаго населенія въ Москвѣ на коронаціи Императора Александра III. На всѣхъ официальныхъ церемоніяхъ въ Ташкентѣ покойный стоялъ обыкновенно во главѣ туземныхъ депутатовъ и говорилъ отъ лица туземнаго населенія. Онъ удостоивался также приглашеній на официальные балы и на официальные обѣды въ генераль-губернаторскомъ домѣ, въ разные высокаторжественные дни. Въ числѣ весьма немногихъ туземцевъ онъ посѣщалъ собранія ученыхъ обществъ, происходившихъ въ присутствіи главныхъ начальствующихъ лицъ города, хотя русской рѣчи не понималъ, почему къ нему обращались, когда это было нужно, черезъ переводчика. Пріѣзжавшіе въ Ташкентъ въ разное время высшіе государственные сановники, а также русскіе и заграничные ученые путешественники, желавшіе знакомиться съ жизнью туземцевъ, посѣщали домъ Мухитдина-ходжи и пользовались его гостепріимствомъ; многія вновь прибывшія въ Ташкентъ начальствующія лица разныхъ вѣдомствъ также посѣщали домъ покойнаго (особенно въ мѣсяцъ Рамазанъ, вечеромъ), и гостепріимный домохозяинъ справедливо гордился передъ своими сородичами такимъ вниманіемъ къ нему представителей высшаго класса русскаго населенія города. Для приема русскихъ гостей покойный завелъ въ своемъ домѣ нѣкоторые предметы русской мебели, а въ послѣднее время устроилъ особую комнату со стеклами и русской печкой, имѣлъ запасъ чайной и столовой посуды и нѣкоторыя принадлежности туалета; но дальше этого въ своихъ уступкахъ русскимъ обычаямъ онъ не шелъ. Вообще, покойный былъ оч. остороженъ въ своей домашней жизни и мало поступался вѣковыми народными

обычаями, чтобы не уронить себя въ глазахъ туземнаго населенія. Онъ не только былъ далекъ отъ готовности открыть лицо своихъ женъ (къ которымъ не воображалъ входить русскимъ женщинамъ изъ семействъ своихъ знакомыхъ), но и къ изученію русскаго языка относился уклончиво; сознавая, что обученіе дѣтей туземцевъ этому языку не противорѣчитъ шаріату, онъ не рѣшался показать первый примѣръ въ этомъ дѣлѣ. Поэтому-то, когда была открыта въ Ташкентѣ первая русско-туземная школа, въ числѣ ея учениковъ не было сыновей Мухитдина, и старшій сынъ его остался необученнымъ русскою грамотою. Между тѣмъ потребность въ знаніи русской грамоты годъ отъ году становилась ощутительнѣе, а когда была открыта третья русско-туземная школа, то Мухитдинъ пожелалъ быть почетнымъ блюстителемъ ея и отдалъ въ нее втораго своего сына Махмудъ-хана, который затѣмъ обучался въ гимназіи, но полного курса окончить не могъ,

Этотъ сынъ его въ первый годъ являлся въ гимназію въ сартовскомъ нарядѣ, а въ слѣдующіе годы каждый день, передъ началомъ уроковъ, переодѣвался въ стѣнахъ гимназіи въ русскую форму, которую послѣ уроковъ снова оставлялъ у гимназическаго служителя и возвращался затѣмъ домой въ національномъ костюмѣ. Въ то же время консервативный Мухитдинъ не могъ помириться съ мыслью, что его сынъ не будетъ обученъ мусульманскимъ наукамъ, и потому заставлялъ сына, по возвращеніи изъ гимназіи, заниматься мусульманскимъ вѣроученіемъ и восточными языками. При такой двойственности во взглядѣ на образованіе, сынъ Мухитдина-ходжи и въ русскихъ наукахъ хорошихъ успѣховъ не имѣлъ, и специальныхъ мусульманскихъ знаній не пріобрѣлъ. Придерживаясь патріархальной старины, покойный женилъ своего 16-ти лѣтняго сына, послѣ чего образованіе его въ гимназіи, естественно, должно было прекратиться. Третій сынъ Мухитдина только въ прошломъ году окончилъ курсъ въ русско-туземной школѣ и приступилъ къ изученію мусульманскихъ наукъ. Сознаніе своей родовитости препятствовало также покойному пристроить своихъ сыновей писцами въ мѣстныя канцеляріи.

Самъ Мухитдинъ-ходжа, какъ человѣкъ способный отъ природы и образованный въ мусульманскомъ смыслѣ, смотрѣлъ на знаніе русскаго государственнаго языка съ болѣе широкой точки зрѣнія и не находилъ въ этомъ знаніи ничего предсудительнаго, но тѣмъ не менѣе—частью по своему возрасту, а частью и по излишней осторожности,—зналъ только русскій алфавитъ и нѣкоторыя отдѣльныя русскія выраженія. Чтобы не винить его и въ этомъ отношеніи, необходимо имѣть въ виду, что и всѣ его сотовариши по положенію также не знали ни русскаго языка, ни русской грамоты.

Уклончивыя отношенія покойнаго къ нѣкоторымъ распоряженіямъ русскихъ начальниковъ давали иногда поводъ къ обвиненію его въ неискренности; но, можетъ быть, и въ этомъ случаѣ онъ заслуживалъ укоризнъ не болѣе, чѣмъ другіе казіи города Ташкента. Если же принять во вниманіе своеобразный характеръ туземцевъ, готовыхъ винить въ послѣдствіяхъ какихъ либо мѣропріятій со стороны русскихъ властей какое-либо одно лицо, то будетъ понятно, почему Мухитдинъ-ходжа былъ такъ уклончивъ, или, лучше сказать, что онъ не позволялъ себѣ злоупотреблять своимъ вліяніемъ на туземцевъ, а завистниковъ и открытыхъ враговъ среди нихъ у покойнаго было много.

Наконецъ, въ частныхъ сношеніяхъ съ русскими людьми покойный умѣлъ быть хорошимъ знакомымъ и цѣнилъ безпристрастное къ нему отношеніе и сочувствіе...

Предчувствуя свою кончину, Мухитдинъ-ходжа просилъ черезъ своихъ сыновей мѣстное начальство о разрѣшеніи похоронить его на семейномъ кладбищѣ, въ городѣ, близъ могилы своего отца. Это ходатайство умиравшаго почетнаго туземца было уважено, а похороны его были почтены присутствіемъ начальника города, полиціймейстера, пристава и нѣсколькихъ чиновъ учебнаго вѣдомства.

Въ заключеніе мы считаемъ справедливымъ взглянуть съ особой точки зрѣнія на заслуги покойнаго русскому дѣлу въ краѣ. Какъ авторитетный и способный „народный судья“ ташкентскихъ сартовъ въ продолженіе многихъ лѣтъ перваго періода русскаго управленія краемъ, и при томъ въ мѣстопребываніи центральной власти края, Мухитдинъ-ходжа былъ офици-

альнымъ проводникомъ въ жизнь туземцевъ не только различныхъ распоряженій русской власти, но во многихъ случаяхъ посредникомъ между этой властью и народомъ. Личныя знакомства покойнаго съ русскими людьми давали ему возможность разъяснять населенію многія непонятныя стороны жизни побѣдителей и успокаивать недовѣрчивыхъ и малодушныхъ. Онъ въ числѣ немногихъ долженъ былъ являться первымъ исполнителемъ новыхъ законовъ и новыхъ порядковъ, при чемъ собственный примѣръ его поощрялъ и другихъ туземцевъ къ сближенію съ русскими.

Поэтому не будемъ требовательны къ покойному въ этомъ отношеніи: онъ дѣлалъ, что могъ въ своемъ исключительномъ положеніи. Ему можно поставить въ заслугу даже и то, что онъ не выказывалъ открытаго сопротивленія разнымъ новшествами и, какъ намъ извѣстно, нерѣдко подвергался порицаніямъ за это со стороны менѣе развитыхъ туземцевъ. Самый консерватизмъ, который былъ замѣтенъ въ его дѣйствіяхъ, помогъ ему удерживать родовой и профессиональный авторитетъ въ глазахъ туземцевъ и быть полезнымъ русскому правительству; въ противномъ случаѣ онъ, бесполезно для себя и для русскаго дѣла въ новозавоеванномъ мусульманскомъ краѣ, лишился бы того уваженія, съ какимъ относились къ нему туземцы. Намъ кажется, что лучшею мѣрою въ этомъ случаѣ можетъ служить сравненіе его съ какимъ-нибудь народнымъ фанатикомъ, или даже со степнымъ ишаномъ, не говоря уже о представителяхъ татарской учености. Въ этомъ сравненіи, несомнѣнно, перевѣсъ на сторонѣ покойнаго. Было бы справедливо поддержать его осиротѣлую многочисленную семью тѣмъ или другимъ способомъ*) въ глазахъ туземцевъ, не матеріально, а морально.

*) На пріемѣ Главнымъ Начальникомъ края представлявшихся и просителей 5 апрѣля, его высокопревосходительство выразилъ сыновьямъ Мухитдина-ходжи свое сожалѣніе о смерти отца ихъ и пожелалъ имъ заслужить лично такое-же уваженіе со стороны ихъ собственнаго народа и русскихъ, какимъ пользовался ихъ отецъ. Послѣ того Главный Начальникъ края спросилъ сыновей Мухитдина, чѣмъ они теперь намѣрены заняться, и приказалъ имъ подумать объ этомъ, обѣщая не забывать ихъ ради памяти ихъ отца.

Но вотъ еще одна ступень обрусенія изъ перваго періода Ташкента подъ русскимъ управленіемъ. Саттаръ-ханъ Абдуль-Гафаровъ, чимкентскій уроженецъ, бывшій кокандскій казій, потомъ коллежскій регистраторъ, затѣмъ переводчикъ Сыръ-дарьинской поземельной комиссіи и Туркестанской туземной газеты и наконецъ народный судья города Чимкента.

Это—первый туркестанскій сартъ, простиершій свое сближеніе съ русскими далѣ всѣхъ и рѣзче всѣхъ своихъ соплеменниковъ: онъ надѣвалъ русскій чиновничій мундиръ, когда являлся къ русскимъ начальникамъ; его жена ходила съ открытымъ лицомъ и бывала въ домахъ русскихъ знакомыхъ мужа своего; два сына его учились въ классической гимназіи доятаго класса и затѣмъ служили переводчиками, а третій сынъ окончилъ курсъ въ учительской семинаріи и учительствуетъ въ правительственной школѣ. Въ своей домашней жизни Саттаръ-ханъ позволялъ себѣ много рѣзкихъ отступленій отъ строгихъ требованій шаріата, былъ свободомыслящимъ человекомъ и за все это не былъ любимъ соплеменниками. Но и ему, читавшему и понимавшему русскихъ писателей (особенно онъ увлекался сочиненіями гр. Л. Толстаго) было трудно усвоить и приспособиться ко всѣмъ формамъ русской жизни, къ которымъ онъ стремился сознательно. Даже я, близко знавшій его много лѣтъ, былъ однажды удивленъ, когда увидѣлъ, что онъ поцѣловалъ руку у хозяйки дома, здороваясь съ нею*). Тѣмъ болѣе должны были изумляться туземцы, когда видѣли его пирующимъ съ русскими.

Въ „воспоминаніяхъ“, записанныхъ мною со словъ Саттаръ-хана и напечатанныхъ въ Туземной газетѣ за 1890 годъ, онъ разсказываетъ о своей жизни такъ:

«Въ городѣ Чимкентѣ до сихъ поръ съ уваженіемъ вспоминаютъ почтеннаго Муминъ-хана-ходжу ишана, моего дѣда. Онъ жилъ восемьдесятъ три года и умеръ за пять лѣтъ до взятія

*) Процессъ внутренней ломки, происходившей въ душѣ ученаго туземца, представляетъ глубокой психологическій интересъ и жаль, что въ рукахъ русскихъ пионеровъ не сохранилось подобныхъ матеріаловъ, относящихся къ другимъ туземцамъ новозавоеваннаго края.

Чимкента. т. е. въ 1859 году. Во время его жизни Чимкентъ, Ташкентъ и Кокандъ съ прилегающими къ нимъ землями составляли отдѣльныя владѣнія, часто враждовавшія между собою. Въ то время въ этихъ владѣніяхъ не было большого порядка и грамотныхъ людей вообще было мало. Сношенія жителей разныхъ городовъ между собою и торговля, вслѣдствіе взаимной вражды жителей и неустроенныхъ путей, были очень затруднительны. Отъ Чимкента до Ташкента (110 в.) не было стоянокъ для отдыха проѣзжающихъ и для пріобрѣтенія необходимаго корма своимъ животнымъ. Поэтому во время переѣзда изъ одного города въ другой, путешественники, опасаясь нападеній своевольныхъ киргизъ, выбирали для переѣзда самое хорошее время лѣта, собирались большими толпами и имѣли при себѣ тогдашнія оборонительныя принадлежности, въ родѣ кистеней и дубинъ. Но не смотря на это, дѣдъ мой отправился въ путь и добрался до Бухары для своего образованія. Проучившись тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ возвратился на свою родину, въ Чимкентъ, и былъ въ короткое время отличенъ жителями Чимкента, какъ человѣкъ ученый и благоразумный, способный подать полезный совѣтъ въ трудныхъ дѣлахъ, и былъ назначенъ на должность чимкентскаго казія. Въ этой должности дѣдъ мой былъ полезенъ чимкентцамъ не однимъ своимъ знаніемъ шаріата; онъ отечески заботился о благосостояніи своего роднаго города и его жителей и особенно о распространеніи грамотности среди его населенія. Однажды, зимой предводитель отряда кокадскаго войска, таджикъ Зухуръ Диванъ-беги осадилъ Чимкентъ и держалъ городъ въ осадѣ... Наконецъ, обѣ стороны помирились подъ условіемъ, чтобы чимкентцы приняли къ себѣ двѣсти человѣкъ изъ неприятельскаго отряда на жительство; тогда Зухуръ обѣщалъ снять осаду и возвратиться домой... Чимкентцы приняли это условіе и впустили въ цитадель двѣсти кокандскихъ воиновъ. Однажды дѣдъ мой, проходя, мимо кокандцевъ въ мечеть на молитву, услышалъ разговоръ ихъ между собою на персидскомъ языкѣ и понималъ, что они сговаривались произвести рѣзню въ Чимкентѣ и завладѣть городомъ. Объ этомъ дѣдъ мой тотчасъ же сообщилъ чимкентцамъ, а чимкентцы обезоружили кокадскихъ воиновъ и такимъ образомъ избавились отъ угрожавшей имъ бѣды.

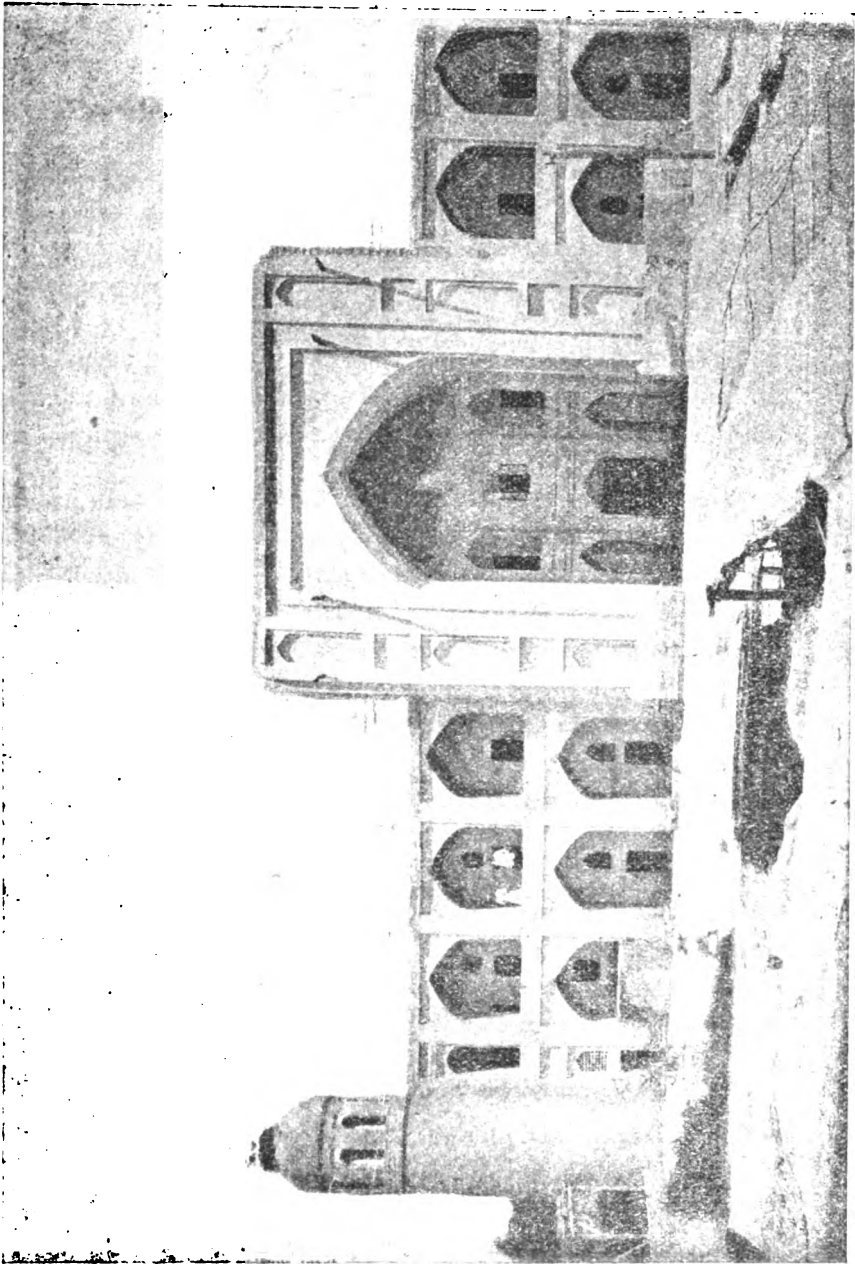
«Пробывши затѣмъ казіемъ много лѣтъ, дѣдъ мой приобрѣлъ себѣ уваженіе въ народѣ и получилъ званіе ишана. Однажды одинъ житель Чимкента, имѣвшій тяжёлое дѣло, принесъ мсему дѣду въ подарокъ нѣсколько аршинъ холста. Дѣдъ, на основаніи шаріата, воспрещающаго получать отъ тяжущихся какіе бы то ни было подарки, обязалъ однимъ концомъ принесшаго холстъ, а другимъ концомъ самого себя и въ такомъ видѣ водилъ чимкентца по городу, приговаривая: «таково наказаніе тому, о комъ думали, какъ о взяточникѣ», а принесшаго холстъ онъ заставилъ кричать: „таково наказаніе тому, кто приноситъ взятку!“ Обошедши такимъ образомъ нѣсколько городскихъ улицъ Чимкента, онъ отказался потомъ отъ должности казія.

«Услышавъ, что Перовскъ уже взятъ русскими войсками, дѣдъ мой еще тогда неоднократно высказывалъ, что весь Туркестанъ будетъ завоеванъ русскими. Слышавшіе это отъ дѣда моего до настоящаго времени считаютъ такія слова его какъ-бы предсказаніемъ. Я помню, какъ однажды онъ погладилъ меня (мнѣ было тогда 8—9 лѣтъ) по плечу и сказалъ: „вы будете жить уже подъ владычествомъ русскихъ“.

«Прежній правитель Ташкентской области, Мирза-Ахмадъ кушбеги*) построилъ въ г. Чимкентѣ соборную мечеть и при ней мадрасу съ нѣсколькими кельями для учащихся; на содержаніе мадрасы онъ назначилъ доходы съ караванъ-сарая и бани, а главнымъ преподавателемъ наукъ въ мадрасѣ опредѣлилъ моего дѣда. Но дѣдъ мой, достигши преклонныхъ лѣтъ, не могъ уже выходить изъ дома и потому это мѣсто занялъ мой покойный отецъ, Абдулъ-Гафаръ-ходжа-ишанъ. Мой отецъ сначала учился у своего отца (моего дѣда), а потомъ слушалъ лекціи въ Ташкентѣ, въ мадрасѣ „Ходжа-Ахраръ“, у главнаго преподавателя Дамуллы Салихъ-бека**). Возвратившись въ Чимкентъ, онъ былъ назначенъ имамомъ въ своемъ кварталѣ и хатыбомъ при соборной мечети; онъ же былъ учителемъ школы при мечети.

*) Кушбеги—первый министръ хана, а въ Бухарѣ и бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ—главнокомандующій надъ войскомъ. Послѣ, живя въ Ташкентѣ, Мирза-Ахмадъ не имѣлъ даже и тѣни прежняго величія и власти.

**) Онъ былъ высланъ изъ Ташкента ген. Черняевымъ. Н. О.

Наружный фасадъ въ Ташкентѣ.

Мирза Ахмадъ назначилъ моего отца казіемъ въ Сарьямъ (теперь селеніе Чимкентскаго уѣзда); но отецъ мой, по сознанию большой отвѣтственности, соединенной съ этою должностію, отказался, руководясь преданіемъ отъ Мухаммада: „Кто приметъ на себя должность казія, тотъ зарѣзанъ безъ ножа“, и примѣромъ Имамъ-Агзама*), который отказался отъ предложенной ему Гаруномъ ар-Рашидомъ должности казія, сказавъ: „Я лучше готовъ переплыть море, чѣмъ быть казіемъ“...

«Я родился въ 1259 г. гиджры (1843 г.) и мусульманской грамотѣ учился у своего дѣда, а когда достигъ 14 лѣтъ, то прибылъ въ Ташкентъ и поступилъ въ мадрасу «Шукуръ-ханъ», гдѣ учился только шесть лѣтъ. Достигши 20-ти лѣтняго возраста, я въ 1279 (1862) г. былъ назначенъ въ Чимкентъ муфтіемъ**).

«Въ то время ханы, согласно шаріату, назначали на должность муфтія людей ученыхъ и, смотря по городу, въ большіе города назначали большее число муфтіевъ, а въ меньшіе города — меньшее число. Обязанность муфтія состояла въ томъ, чтобы писать просьбы тяжущимся и дѣлать на этихъ просьбахъ надписи о томъ, подлежитъ ли написанная жалоба удовлетворенію по шаріату, или нѣтъ. Къ надписямъ муфтіи прикладывали свои печати. Кромѣ муфтіевъ, никто не могъ писать тяжущимся просьбы. Болѣе свѣдущіе въ шаріатѣ муфтіи назывались *амлам*. Большинство муфтіевъ, особенно во время разбирательства важныхъ дѣлъ, жили въ городѣ при казіи. Во время разбирательства тяжущихся сторонъ они выслушивали жалобы и отвѣты на нихъ и вмѣстѣ съ казіями обсуждали встрѣчавшіяся недоразумѣнія и сомнительные случаи. По выслушаніи высказанныхъ муфтіями мнѣній, казіи постановляли рѣшеніе по единогласному, или по большинству мнѣній. Казіи боялись оказывать тяжущимся противозаконное покровительство, а если казіи оказывали кому-нибудь такое покровительство, то ханъ или правитель подвергалъ его взысканію***).

* Самый авторитетный законовѣдъ суннитовъ (ум. въ 150 г. гиджры) Н. О.

** Очевидно, Саттаръ-ханъ не окончилъ полного курса мадрасы. Н. О.

*** Такъ, одному казію въ Кокандѣ ханъ Худояръ приказалъ выщипать половину бороды за неправильное рѣшеніе и за несознаніе въ своей неправотѣ. Н. О.

«Въ должности муфтія я оставался до взятія Чимкента русскими въ 1280 г. гиджры (1864 г.). Я зналъ свой шаріатъ, жилъ и разсуждалъ такъ же, какъ и всѣ мусульманскіе ученые. Я думалъ, что такимъ образомъ пройдетъ вся моя жизнь; но вотъ, по волѣ Божіей, пришли русскія войска и взяли нашъ городъ. Тогда въ городѣ было до 10 тысячъ войска и 43 пушки. При войскѣ находился главнокомандующій Мирза-Ахмадъ, и мы мало опасались угрожавшаго намъ нападенія со стороны небольшого русскаго отряда, тѣмъ болѣе что, нѣ ожиданіи нападенія русскихъ, городская стѣна была возобновлена и окружена глубокимъ и широкимъ ровомъ, а артиллеріей завѣдывали два афганца. Мы были совершенно спокойны за неприступность городской стѣны, и я 22 сентября 1864 г. отправился на поминки. Это было, сколько я запомнилъ, во вторникъ*)... Вдругъ я услышалъ, что нашъ чимкентскій Бай - Мухаммедъ - бекъ скачетъ на лошади по улицѣ и кричитъ: „Богъ наказалъ насъ! Богъ наказалъ насъ!“ Я вмѣстѣ съ другими бывшими на поминкахъ спросилъ: что значить этотъ крикъ?—Мнѣ сказали, что русскіе вошли уже въ городъ... Отъ страха я потерялъ присутствіе духа и бросился вмѣстѣ съ другими чимкентцами бѣжать по направленію къ Ташкенту. Какъ бѣжалъ я, я не знавалъ и пришелъ въ себя только тогда, когда былъ уже за р. Бадамомъ, на горѣ, вмѣстѣ съ толпой убѣжавшихъ чимкентцевъ. Добравшись до Ташкента, я прожилъ въ немъ около мѣсяца, пока не получилъ извѣстія, что мои родители и родственники остались въ живыхъ; но выбраться изъ Ташкента мнѣ было трудно, потому что по дорогѣ въ Чимкентъ были выставлены военные караулы, чтобы никого не выпускать изъ Ташкента. Поэтому я вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чимкентцами ушелъ по направленію къ чимганскимъ горамъ и черезъ горы добрался до Чимкента.

«Увидавшись съ родителями, я сталъ жить въ своемъ домѣ и продолжалъ отправлять обязанности муфтія. Такъ прожилъ я года три, думая и чувствуя по-прежнему. Хотя Ташкентъ

*) Вторникъ у мѣстныхъ мусульманъ считается несчастливымъ днемъ. Н. О.

былъ взять уже русскими въ 1865 г., но насъ не оставляла еще надежда на помощь Бухарскаго Амира, въ силу котораго мы вѣрили. Мы думали, что если Музаффаръ-ханъ напишетъ только письмо русскому генералу, то онъ тотчасъ же оставитъ нашу страну и удалится со своимъ войскомъ; но надежда наша не сбылась: русскіе остались въ Чимкентѣ, Несмотря на это, я еще не сознавалъ необходимости сближаться съ русскими, хотя и видѣлъ постоянно русскихъ въ Чимкентѣ. Тогда отдѣльнаго русскаго квартала въ Чимкентѣ еще не было, и потому русскіе офицеры и солдаты жили на квартирахъ у сартовъ; но мы мало интересовались ими и мало знали о нихъ. Свѣдѣнія мои о русскихъ ограничивались только рассказами другихъ сартовъ, что русскіе не ѣдятъ лошадинаго мяса, а ѣдятъ свинину; что вмѣсто нашей бузы они пьютъ свой особый напитокъ (водку), что они любятъ больше всего пильмени и что во время принятія пищи употребляютъ какіе-то страшные желѣзные крючки, называемые вилками... Но вотъ, наконецъ, я случайно познакомился съ однимъ офицеромъ изъ русскаго войска, мусульманиномъ, артиллеристомъ Еникѣевымъ, и съ того времени мои мысли о русскихъ начали постепенно измѣняться.

«Я продолжалъ исполнять обязанности муфтія въ Чимкентѣ, соблюдалъ въ точности требованія своего закона, а также и народныя обычаи, а людей въ русскомъ платьѣ избѣгалъ. Упомянутый офицеръ Еникѣевъ услышалъ обо мнѣ и разъ пришелъ ко мнѣ, чтобы познакомиться со мною, но я принялъ его недоувѣрчиво и обошелся съ нимъ грубо. Онъ понялъ, что сразу нельзя сблизиться со мною, потому что я былъ ревностнымъ исполнителемъ обрядовъ своей религіи; поэтому онъ просилъ меня читать Коранъ по умершимъ его родственникамъ и сталъ учиться у меня персидскому языку. За ученіе онъ предложилъ мнѣ деньги, но я не принялъ его денегъ, потому что у насъ получать деньги за ученіе считалось неприличнымъ. Тогда онъ предложилъ учить меня русской грамотѣ, и я послѣ нѣкотораго колебанія согласился. Во время уроковъ онъ рассказывалъ мнѣ о жизни русскихъ и о разныхъ другихъ народахъ, а также сообщалъ мнѣ разныя научныя свѣдѣнія. Сначала рассказы его смущали меня, а потомъ мало-по-малу я началъ соглашаться съ нимъ, что жить

въ отчужденности отъ русскаго народа нельзя. Я успокоился, когда подумалъ, что самъ Богъ послалъ русскихъ завоевать нашъ край, потому что все въ мірѣ дѣлается по Божію опредѣленію.

«У насъ въ Чимкентѣ, какъ и въ Ташкентѣ, былъ и до сихъ поръ есть обычай, называемый „джурри“. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько человѣкъ соглашаются поочередно собираться другъ у друга на вечернія бесѣды (*инъ*). И я съ Еникѣвымъ приходилъ на *джурри*, но бесѣдовали больше между собою, а въ разговорѣ прочихъ членовъ собранія участія не принимали. За это меня не хвалили мои земляки; но къ этому прибавилось еще одно тяжebное дѣло. Умеръ одинъ богатый чимкентецъ, Рахимъ-бай, оставившій послѣ себя трехъ женъ и пять шесть человѣкъ дѣтей. Опекуномъ былъ назначенъ сынъ его Муса. Муса мало заботился о сиротахъ, и мнѣ пришлось хлопотать за нихъ предъ казіемъ. Казій поддерживалъ Мусу, и я остался виноватымъ: на меня былъ предъявленъ искъ... А народъ сталъ чуждаться меня за то, что я обращался за помощію къ русскому судѣ. Я вынужденъ былъ два раза ѣздить въ Ташкентъ; въ первый разъ къ военному губернатору, генералу Головачеву, а во второй разъ—къ генераль-губернатору, генераль-адъютанту Фонъ-Кауфману.

«Такъ какъ я не зналъ русскихъ порядковъ и не умѣлъ еще говорить по-русски, то мнѣ очень трудно пришлось въ Ташкентѣ: спросить было некого; переводчики же плохо понимали меня, потому что я выражался по книжному, съ примѣсью арабскихъ и персидскихъ словъ. Съ большимъ трудомъ я могъ достигнуть цѣли своихъ желаній. Когда я представлялся военному губернатору и генераль-губернатору, то не могъ разсказать имъ ясно и толково свою просьбу. Я остался неоправданнымъ предъ судомъ казіевъ и заплатилъ 500 руб. Въ то же время я былъ отставленъ отъ должности муфтія. Черезъ нѣсколько времени потомъ меня защитилъ русскій чиновникъ (Ю—въ), пріѣзжавшій въ Чимкентъ; я былъ назначенъ казіемъ въ городѣ Чимкентѣ, но черезъ 9 мѣсяцевъ остался опять безъ должности. Тогда пріятель мой, офицеръ Еникѣвъ, посовѣтывалъ мнѣ подать прошеніе генераль-губернатору о предоставленіи мнѣ должности учителя въ русско-туземной школѣ, которую генераль-

адъютантъ Фонъ-Кауфманъ рѣшилъ открыть въ городѣ Чимкентѣ, Генераль-губернаторъ благосклонно принялъ мое прошеніе и непремѣнно обѣщалъ исполнить мою просьбу. Я сталъ заниматься русскимъ языкомъ, но учился только четыре мѣсяца, потому что мой учитель Еникѣевъ отправился въ Хивинскій походъ. По возвращеніи русскихъ войскъ изъ Хивинскаго похода, генераль-губернаторъ приказалъ открыть русскую школу въ Чимкентѣ. Учителемъ русскаго языка въ школѣ былъ назначенъ оренбургскій киргизъ Хасановъ, а я учителемъ мусульманской грамоты. Это была первая русско-туземная школа въ краѣ; въ ней обучалось до 40 мальчиковъ. Къ этому времени населеніе города Чимкента забыло свою вражду къ мнѣ; возникшая противъ меня несправедливость разъяснилась въ мою пользу, и я имѣлъ вліяніе на своихъ знакомыхъ чимкентскихъ жителей, чтобы они отдавали своихъ сыновей въ русскую школу.

«Учителемъ въ школѣ я былъ года два. Въ этомъ положеніи меня узналъ полковникъ Корольковъ, пріѣзжавшій въ Чимкентъ на ревизію. Когда онъ б. назначенъ начальникомъ Коканда, то вызвалъ меня въ Кокандъ на должность казія. Прослуживъ на этой должности три мѣсяца, я былъ отправленъ, по приказанію господина генераль-губернатора, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мусульманами Туркестанскаго края (Джура-Бекъ, Ширъ-Мухаммадъ и Абдулла Ніязовъ) въ С.-Петербургъ, на съѣздъ ориенталистовъ. Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, я представлялся генераль-губернатору, былъ очень ласково принятъ имъ и получилъ отъ него почетный халатъ въ награду за службу и два дорогихъ халата (парчевый и китайскій шелковый) въ даръ лично отъ ген.-губернатора. При этомъ генераль-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ собственноручно подписалъ свидѣтельство о награжденіи меня почетнымъ халатомъ. Это было 22 іюля 1876 г.

«Поѣздка въ Петербургъ доставила мнѣ возможность въ первый разъ увидѣть разные города и обѣ столицы Россіи и сравнить ихъ съ нашими туркестанскими городами. Въ Оренбургѣ я въ первый разъ увидѣлъ особенности русскаго города и удивлялся красотѣ и большимъ размѣрамъ каменныхъ домовъ, ширинѣ и прямизнѣ улицъ, чистотѣ дорогъ и т. д. Городъ Самара произвелъ на меня еще лучшее впечатлѣніе, и я еще болѣе

удивлялся хорошим порядкамъ русскихъ городовъ. Въ Самарѣ я увидѣлъ самую большую рѣку Россіи—Волгу и любовался величиною ея и красотою ея береговъ. Сотни пароходовъ быстро бѣжали по Волгѣ въ разныя стороны. И я на пароходѣ доѣхалъ до Сызрани. О парохсдахъ я до того времени не имѣлъ понятія и тогда въ первый разъ узналъ ихъ устройство. До этого времени я видѣлъ паръ только во время кипяченія воды въ самоварѣ и во время приготовленія пищи на кухнѣ, но никакъ не могъ подумать, чтобы этотъ же самый паръ можно, при помощи науки, заставить двигать огромныя колеса у парохода и тащить пароходъ съ большою скоростью, даже противъ теченія. Но еще болѣе я удивился, когда сѣлъ въ Сызрани въ вагонъ желѣзной дороги. Сначала мнѣ казалось непонятнымъ, какъ могутъ эти огромныя телѣги (вагоны) двигаться безъ лошадей; но еще болѣе изумился, когда машина, при помощи того же пара, потащила за собою множество огромныхъ телѣгъ, съ быстротою тридцати верстъ въ часъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и быстрѣе. На первыхъ же станціяхъ я старался узнать устройство паровой машины, и мое небольшое знаніе русскаго языка помогло мнѣ въ этомъ случаѣ. Я свободно обращался къ своимъ сосѣдямъ по вагону во время дороги съ разными вопросами относительно желѣзной дороги, и образованные сосѣди мои охотно отвѣчали на всѣ мои вопросы. Во время этихъ разговоровъ я болѣе и болѣе убѣждался, что мы, туркестанскіе мусульмане, жили однообразною жизнью, мало видѣли свѣтъ, мало знали людей другихъ государствъ и очень отстали во всѣхъ отношеніяхъ отъ русскаго народа.

«Такъ мы доѣхали наконецъ до Москвы, этой древней столицы Русскаго государства. Въ этомъ огромномъ городѣ я совершенно терялся, но желаніе посмотрѣть такой замѣчательный городъ заставило меня вытти изъ квартиры, и я долго ходилъ по улицамъ. И въ этомъ случаѣ снова помогло мнѣ небольшое знаніе русскаго языка: въ разныхъ мѣстахъ я останавливался, прочитывалъ вывѣски на магазинахъ и обращался къ проходившимъ людямъ съ вопросами. Мнѣ любезно давали отвѣты на мои вопросы. Эта черта въ характерѣ русскихъ людей мнѣ очень понравилась: я удивился, что русскіе люди не обра-

щали вниманія на мою туркестанскую одежду и безъ всякой гордости разговаривали со мною.

«Изъ Москвы я вмѣстѣ со своими спутниками отправился въ С.-Петербургъ. Когда мы прибыли въ эту столицу, то явились къ предсѣдателю съѣзда оріенталистовъ, русскому профессору В. Ъ. Григорьеву. Онъ сообщилъ намъ время засѣданій съѣзда. Первое засѣданіе происходило въ университетской залѣ 20 явгуста 1876 г. Профессоръ Григорьевъ въ своей рѣчи, обращенной къ ученымъ съѣзда, сказалъ, что „среди разъяренного моря разнузданныхъ страстей есть одно спокойное убѣжище — наука, къ которому стремятся ученые всѣхъ странъ и народовъ“. Въ доказательство этого онъ указалъ на присутствовавшихъ ученыхъ разныхъ государствъ Европы и Азии. Эти ученые знали разные восточные языки: китайскій, еврейскій, арабскій, персидскій, монгольскій, турецкій и разные другіе; всѣ эти ученые имѣли одну цѣль—стремленіе къ истинѣ“. Вмѣстѣ съ учеными на съѣздѣ были разные инородцы: китайцы, турки, персы и проч. Мнѣ было удивительно и пріятно видѣть, какъ наука сближаетъ людей разныхъ племенъ и разныхъ вѣръ. Ученые европейцы говорили въ засѣданіяхъ на разныхъ языкахъ рѣчи, содержанія которыхъ я, къ сожалѣнію, не могъ самъ понимать; меня знакомили только съ главными мыслями ихъ рѣчей. Наконецъ, на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій съѣзда было и мнѣ предложено сказать нѣсколько словъ. Я затруднялся выбрать предметъ для своей рѣчи... Подумавъ о цѣли этихъ собраній, я сказалъ на персидскомъ языкѣ нѣсколько словъ о томъ, что до завоеванія Туркестана русскими мы, туркестанскіе мусульмане, жили обособленно, въ отжужденіи отъ образованныхъ европейскихъ народовъ; но, по волѣ Божіей, теперь мы, при посредствѣ русскаго народа, можемъ вступить въ общеніе съ европейскими народами и сдѣлаемся, такимъ образомъ, участниками общечеловѣческой жизни и научнаго прогресса. Русскій профессоръ Григорьевъ отвѣчалъ на мою рѣчь также по персидски и сказалъ, что завоеваніе русскими Туркестана не имѣетъ цѣлью только обладаніе мусульманскимъ Туркестаномъ,—общее благо двухъ сосѣднимъ народовъ, русскаго и туркестанскаго, и что покоренное русскими туркестан-

ское населеніе присоединится къ общей жизни человѣчества.

Моя рѣчь и отвѣтъ профессора Григорьева были выслушаны всѣми членами засѣданія и вызвали одобреніе.

«Во время происходившихъ засѣданій сѣзда и послѣ я много думалъ о томъ, какъ образованные народы заботятся о наукѣ и общими силами стараются объ увеличеніи знаній и о распространеніи ихъ между всѣми народами. Я своими глазами увидѣлъ теперь ученыхъ людей разныхъ странъ и узналъ, что эти ученые дѣйствительно имѣли основательныя познанія въ исторіи и языкахъ вышеупомянутыхъ восточныхъ народовъ. Правительства образованныхъ государствъ съ своей стороны доставляютъ ученымъ возможность путешествовать по разнымъ странамъ, изучать языки разныхъ народовъ, ихъ нравы и обычаи, сравнивать жизнь разныхъ народовъ и разъяснять все, что есть непонятнаго въ исторіи. Свои знанія европейскіе ученые не оставляютъ при себѣ только, а печатаютъ ихъ для общаго свѣдѣнія. Эти сочиненія переводятся потомъ на языки разныхъ народовъ, и такимъ образомъ знанія каждаго европейскаго ученаго распространяются во всѣхъ образованныхъ государствахъ. Кромѣ того, ученые разныхъ странъ по очереди собираются въ разныхъ государствахъ и обмѣниваются своими мыслями. Такое отношеніе европейскихъ ученыхъ и ихъ правительствъ къ наукѣ вызвало у меня уваженіе къ нимъ.

«Засѣданія происходили сначала по два раза въ день, а потомъ—по одному разу. 26, 29 и 30 августа засѣданій не было, такъ какъ эти дни были праздничные. Въ эти дни члены сѣзда осматривали достопримѣчательности С.-Петербурга и окрестности этой столицы. Въ музеяхъ мы осматривали разные рѣдкіе предметы, касающіеся восточныхъ народовъ, а въ Публичной Библіотекѣ—многочисленныя восточныя рукописи. Кромѣ того, намъ показали старинныя географическія карты азіатскихъ странъ. Ничего подобнаго я раньше не видѣлъ и съ уваженіемъ отнесся къ собиранію и храненію русскимъ правительствомъ разныхъ древнихъ предметовъ.

«26 августа, въ день коронаціи (нынѣ покойнаго) Государя Императора, мы ѣздили на военномъ пароходѣ въ Петергофъ. Во время этой дороги я въ первый разъ познакомился съ

устройствомъ военного судна; офицеры парохода оч. любезно намъ все показывали и рассказывали. Въ Петергофѣ мы катались по замѣчательнымъ во всемъ мѣрѣ садамъ и любовались необыкновенными и многочисленными фонтанами, потомъ осматривали дворцы. Въ 7 часовъ вечера мы собрались въ Большомъ Дворцѣ и сначала осмотрѣли его, а затѣмъ сѣли за столъ. Обѣдъ былъ превосходный: не только кушанья, но и самая посуда отличались великолѣпиемъ.

«29 августа мы отправились въ Царское Село по желѣзной дорогѣ, а со станціи поѣхали въ придворныхъ экипажахъ въ Дворцовый Арсеналь. Осмотръ сокровищъ Арсенала продолжался очень долго, и мы дивились богатству его. Здѣсь мы видѣли разные подарки Кокандскаго Хана и Бухарскаго Амира, присланные Русскому Государю Императору. Затѣмъ, послѣ прогулки по дворцовымъ садамъ, мы обѣдали въ Большомъ Дворцѣ. Этотъ обѣдъ также былъ великолѣпенъ. Послѣ обѣда мы снова въ придворныхъ экипажахъ отправились на прогулку въ Павловскъ, а вечеромъ, въ 10^{1/2} часовъ, возвратились по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.

«Утромъ 30 августа, мы катались на пароходахъ по рѣкѣ Невѣ и позавтракали на пристани. Рѣка Нева—широкая и величественная. Своимъ величіемъ она соотвѣтствуетъ столицѣ могущественной Россіи.

«31 августа происходило послѣднее засѣданіе оріенталистовъ. Ученые разныхъ странъ говорили прощальныя рѣчи. Профессоръ Григорьевъ благодарилъ всѣхъ ученыхъ гостей за то, что они почтили Петербургскій съѣздъ своимъ присутствіемъ, а французскій ученый де-Рони высказалъ, что бывшіе на съѣздѣ иностранные гости никогда не забудутъ оказаннаго имъ радушнаго приѣма и той пользы, какую этотъ съѣздъ принёсъ наукѣ. Въ заключеніе онъ высказалъ, что въ памяти гостей и въ ихъ сердцахъ останется навсегда почтительная благодарность къ Его Императорскому Величеству, Государю Императору Россіи за высокое покровительство наукѣ.

«Этою рѣчью, въ 2^{1/2} часа дня, собраніе закончилось, и съѣздъ былъ объявленъ закрытымъ. Послѣ того всѣ гости были приглашены на прощальный обѣдъ. На этомъ обѣдѣ нѣкоторые

ученые говорили рѣчи. Послѣднюю сказалъ рѣчь на латинскомъ языкѣ ученый профессоръ изъ Финляндіи, Лагусъ. Онъ пожелалъ, чтобы Востокъ и Западъ находились въ постоянномъ сближеніи между собою.

«По окончаніи сѣзда, я и земляки мои, туркестанцы (Джура-бекъ, Ширъ-Мухаммадъ и Абдулла Ніязовъ), оставались еще нѣкоторое время въ Петербургѣ. Въ свободное время мы гуляли по городу и бесѣдовали въ своей квартирѣ о видѣнномъ и слышанномъ. Предметомъ нашего разговора иногда служило также деликатное обращеніе съ нами разныхъ русскихъ лицъ. Такъ, однажды, идя по Невскому проспекту, мы увидѣли идущаго на встрѣчу къ намъ военнаго генерала и задали себѣ вопросъ: неужели у русскихъ и высокопоставленныя лица одинаково вѣжливы и отзывчивы къ людямъ, даже незнакомымъ имъ? А намъ нужно было спросить, какъ прямѣе пройти на улицу, на которой мы жили. Я былъ смѣлѣе своихъ спутниковъ и рѣшился спросить о томъ идущаго навстрѣчу къ намъ генерала... Удивленію нашему не было границъ, когда почтенный русскій генералъ остановился и ласково объяснилъ намъ, по какой улицѣ мы должны были возвращаться на свою квартиру. Въ другой разъ мнѣ была надобность явиться къ оберъ-полиціймейстеру, генералъ-адъютанту Трепову, и я былъ весьма ласково принятъ и выслушанъ его превосходительствомъ. Всѣ низшіе чины петербургской полиціи были къ намъ предупредительны и внимательны, такъ что, думалъ я, русская столица, Петербургъ, служить примѣромъ вѣжливости для всей обширной Россіи.

«На возвратномъ пути изъ Петербурга въ Ташкентъ, я въ каждомъ городѣ сталъ замѣчать, что эти города кажутся мнѣ уже другими, а не такими, какими я ихъ нашель во время первой своей дороги въ Петербургъ. Даже Москва послѣ Петербурга показалась мнѣ уже не тою, а хуже: Самара и Оренбургъ вызвали у меня даже удивленіе сравнительно съ двумя столицами Россіи; когда же мы возвратились въ Ташкентъ, то онъ показался мнѣ бѣдной и неустроенной деревней...

«Такъ бываетъ со всѣми людьми, когда они живутъ только въ своей странѣ и не видятъ, какъ живутъ другіе народы, даже ихъ близкіе сосѣди. Мы, туркестанцы, жили цѣлыя столѣтія въ

своей странѣ и думали, что лучше, умнѣе и сильнѣе насъ никого нѣтъ на свѣтѣ. Отъ такого взгляда на себя у насъ являлось самомнѣніе, а самомнѣніе вело къ застою. И мы оказались въ положеніе чуть не малыхъ дѣтей. Я помню, какъ нѣкоторые туркестанцы и бухарцы, ѣздившіе въ Россію при посольствахъ, по возвращеніи на родину желали увѣрить себя и своихъ соотечественниковъ, что Россія хуже Туркестана и Бухары.

«Теперь, друзья-соотечественники, надѣюсь, никто изъ васъ не сомнѣвается болѣе въ могущество и благоустройство Россійской Имперіи. Особенно же для насъ поучительно, что Россія достигла такого своего могущества и благоустройства просвѣщеніемъ и близкими дружественными сношеніями съ соѣдными образованными народами Европы.

«По возвращеніи изъ Петербурга въ Ташкентъ, мы представлялись Туркестанскому генераль-губернатору, ген.-адъютанту фонъ-Кауфману и были благосклонно приняты его высокопревосходительствомъ. На вопросъ господина генераль-губернатора, какъ понравился намъ Петербургъ, я отвѣтилъ, что мнѣ и во снѣ не могло присниться все то, что я видѣлъ на-яву. Обласканный вниманіемъ его высокопревосходительства, я отправился въ Кокандъ къ исполненію своихъ казійскихъ обязанностей, которыя и исполнялъ до 1881 г. При отправленіи обязанностей казія, я болѣе всего встрѣчалъ затрудненій, а иногда и непріятностей со стороны переводчика. Дѣло въ томъ, что переводчики, пользуясь знаніемъ русскаго языка и русскихъ административныхъ порядковъ, держали себя передъ казіями и передъ населеніемъ съ важностію, по-начальнически; я же самъ зналъ русскій языкъ достаточно и въ крайнихъ случаяхъ могъ лично доложить о дѣлѣ и объясниться съ уѣзднымъ начальникомъ. Это переводчику не нравилось, и у насъ выходили непріятности, окончившіяся доносомъ на меня, что и побудило меня просить начальство освободить меня отъ обязанностей казія. Но г. военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Абрамовъ, принимая во вниманіе, что, по произведенному уѣзднымъ начальникомъ дознанію, я оказался совершенно правымъ и что ни одно изъ указанныхъ въ доносѣ обвиненій не подтвердилось, не

видѣлъ причины уволить меня отъ должности казія и предложилъ уѣздному начальнику предписаніемъ убѣдить меня*) оставаться въ должности и не обижаться доносомъ, ибо, писалъ онъ, дурныхъ людей, способныхъ на доносы, вездѣ много. Я успокоился, но не могъ оставаться въ должности Кокандскаго казія. Не мало огорченій я получалъ также отъ вліятельныхъ и богатыхъ туземцевъ. Послѣдніе пользовались услугами казія для того, чтобы держать въ своей зависимости меньшую братію, и достигали этого большею частію на счетъ правосудія. Врагами моими были также фанатичные ишаны и ученые муллы. Они враждебно относились ко всему, что было чуждо для нихъ по своей новизнѣ; они не входили въ разборъ того, хорошо или плохо было русское нововведеніе**), и часто видѣли опасность тамъ, гдѣ ея вовсе не было, и смущали темный народъ. Мнѣ приходилось опровергать ложныя опасенія мусульманскаго населенія...

«Въ 1881 г. я оставилъ Кокандъ и прибылъ въ Ташкентъ. Время, проведенное мною въ должности кокандскаго казія, я вспоминаю до сихъ поръ съ особеннымъ удовольствіемъ: русское начальство относилось ко мнѣ всегда ласково и награждало меня, а я съ своей стороны старался оправдать вниманіе

*) Такъ написано въ предписаніи г. военного губернатора Ферганской области отъ 12/13 декабря 1880 г. за № 9333 начальнику Кокандскаго уѣзда.

**) Однажды русскою администраціей Ферганской области было предложено, въ видахъ санитарныхъ, наблюдать за чистотой въ городѣ и на кладбищахъ, а на будущее время рекомендовалось отвести для кладбища особое мѣсто за городомъ. Мусульмане гор. Чуста не поняли этого предложенія и прислали за разъясненіемъ въ Кокандъ, къ тамошнимъ мусульманамъ. Но кокандскіе мусульмане сами недоумѣвали и вмѣстѣ съ чувскими посланными извратили совершенно мыслъ русскаго предложенія... Стали уже говорить, что русскіе хотятъ потревожить кости покойниковъ-мусульманъ.. Положеніе становилось опаснымъ, такъ что изъ Н.-Маргелана пріѣзжалъ въ Кокандъ военный губернаторъ области, генераль-лейтенантъ Абрамовъ и арестовалъ нѣсколькихъ фанатиковъ, распускаявшихъ въ народѣ нелѣпыя слухи.

И до сихъ поръ, по словамъ Саттаръ-хана, хитрые фанатичные муллы пользуются случаемъ, чтобы смутить народъ, пользуясь иногда самыми простыми обстоятельствами, напримѣръ: въ открытіи русско-туземныхъ школъ видятъ желаніе русскаго правительства готовитьъ учениковъ этихъ школъ къ поступленію въ военную службу; въ одобреніи порядковъ русской школы видятъ измѣну своей вѣрѣ и т. п. Н. О.

ко мнѣ начальства и быть полезнымъ ему въ сношеніяхъ съ туземнымъ населеніемъ, которому я не одинъ разъ разъяснялъ разныя распоряженія русской власти въ краѣ. Между прочимъ мнѣ постоянно приходилось внушать туземцамъ, что мы обязаны изучить для собственной нашей пользы русскій языкъ, какъ языкъ русскаго правительства и русскаго народа. Въ мое время туземные жители гор. Коканда очень мало понимали это важное дѣло и потому въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 г. инспекторъ народныхъ училищъ Ферганской области ходатайствовалъ о назначеніи меня почетнымъ смотрителемъ Кокандскаго городского училища*). Господинъ Туркестанскій генераль - губернаторъ изволилъ согласиться съ означеннымъ ходатайствомъ и въ представленіи своемъ Господину Министру Народнаго Просвѣщенія высказалъ мнѣніе въ пользу моего назначенія почетнымъ смотрителемъ Кокандскаго училища**).

*) Въ представленіи Инспектора Народныхъ училищъ отъ 8 февраля 1879 года за № 100 было написано, что казіи Абду-Саттаръ, какъ человекъ, понимающій высокое значеніе европейскаго образованія, своимъ служебнымъ и нравственнымъ авторитетомъ, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать успѣху русской школы среди Кокандскаго населенія. Н. О.

**) Въ отношеніи отъ 28 февраля 1879 г. за № 468 Г. Туркестанскій Генераль-Губернаторъ между прочимъ писалъ: «Въ виду того, что въ Высочайше утвержденномъ 31 мая 1872 года Положеніи о городскихъ училищахъ нѣтъ никакихъ указаній о томъ, могутъ или не могутъ лица вообще нехристіанскаго вѣроисповѣданія и магометанскаго въ особенности занимать должности почетныхъ смотрителей при городскихъ училищахъ, имѣю честь просить Ваше Сіятельство о разъясненіи вышеозначеннаго вопроса для руководства, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и на будущее время.

„При этомъ имѣю честь присовокупить, что, по моему мнѣнію, было бы весьма полезно утвердить Абду-Саттаръ-ходжу, какъ человека вліятельнаго среди туземцевъ, въ должности почетнаго смотрителя при Кокандскомъ городскомъ училищѣ. Своимъ авторитетомъ Абду-Саттаръ-ходжа могъ бы въ этомъ званіи поддержать и распространить среди туземцевъ мысль о необходимости для нихъ европейскаго образованія и о благотворномъ вліяніи его на умственную, нравственную и вообще бытовую жизнь мусульманъ, что въ свою очередь имѣло бы большое значеніе для успѣховъ русской правительственной школы среди туземнаго населенія Ферганской области и къ чему я постоянно стремлюсь и принимаю всѣ зависящія отъ меня мѣры. Въ то же время я не вижу никакихъ основаній опасаться за то, чтобы Абду-Саттаръ-ходжа, какъ мусульманинъ, могъ оказать какое-либо вредное вліяніе на направленіе учебнаго дѣла въ училищѣ, потому что обязанности почетнаго смотрителя § 33 Положенія о городскихъ училищахъ ограничены „постояннымъ содѣйствіемъ его благоустройству училищъ въ матеріальномъ отношеніи“. Н. О.

«3-го мая 1879 года Графъ Д. А. Толстой увѣдомилъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана (отнош. за № 4841), что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его (г. Министра), въ 30 день апрѣля сего года, Высочайше соизвоилъ на утвержденіе меня въ званіи почетнаго смотрителя Кокандскаго городского училища. Въ этомъ почетномъ званіи я оставался до 1 августа 1886 года. Пока я жилъ въ Кокандѣ, завѣдушій училищемъ, кандидатамъ факультета восточныхъ языковъ, г. Юраш-кевичъ приглашалъ меня на засѣданія педагогическаго совѣта для обсужденія мѣръ къ привлеченію дѣтей кокандскихъ мусульманъ въ русскую школу.

«Въ 1883 году я былъ назначенъ переводчикомъ Туркестанской туземной газеты, а съ августа 1884 года репетиторомъ-практикантомъ сартскаго и персидскаго языковъ при Туркестанской Учительской Семинаріи и занималъ послѣднюю должность по 1 марта 1889 г., послѣ чего я былъ назначенъ переводчикомъ поземельно-податной комиссіи при Сыръ-дарьинскомъ Областномъ Правленіи.

«Заканчивая свои воспоминанія, я почитаю долгомъ признательности сказать, что Туркестанскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, 22 іюля 1876 г. наградилъ меня почетнымъ халатомъ, 10 авг. 1877 г.—малою серебряною медалью для ношенія на груди на Станиславской лентѣ, а 7 ноября того же года—большою серебряною медалью для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ; 14 авг. 1880 г. я былъ награжденъ большою золотою медалью для ношенія на шеѣ на Анненской лентѣ; въ 1884 г. ген.-адъютантъ Розенбахъ наградилъ меня золотыми часами съ надписью: *«Отъ Туркестанскаго Генераль-Губернатора»*.

«Наконецъ, съ особенною благодарностью я вспоминаю ходатайство бывшаго Туркестанскаго генераль-губернатора генераль-адъютанта Розенбаха, по представленію котораго я былъ удостоенъ Высочайшей милости Государя Императора: Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 11-го февраля 1889 года за № 2, я былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора».)»

*.) Официальныя свѣдѣнія о службѣ Саттаръ-хана Абдуль-Гафарова заимствованы, съ разрѣшенія Главнаго Инспектора училищъ, изъ дѣла Управл. Учеб. Завед. Туркест. края, по описи 1879 г., № 30. Н. О

На этомъ „Воспоминанія Саттаръ-хана“ окончились.

Послѣ того какъ Саттаръ-ханъ былъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, а затѣмъ, по закрытіи поземельно-податной комиссіи въ Ташкентѣ, остался за штатомъ, безъ officialной должности, онъ возвратился въ г. Чимкентъ, гдѣ былъ избранъ населеніемъ на должность народного судьи (казій), какую должность занималъ нѣсколько лѣтъ. И въ этомъ случаѣ Саттаръ-ханъ былъ единственнымъ туземцемъ въ должности народного судьи, числясь отставнымъ губернскимъ секретаремъ.

Въ напечатанныхъ воспоминаніяхъ своихъ онъ былъ кратокъ, и причина этого понятна: многое, касающееся пережитыхъ Саттаръ-ханомъ душевныхъ состояній, едва ли совершенно ясно для него самаго. Да эти подробности и не входятъ въ программу настоящаго краткаго очерка. Съ своей стороны я нахожу умѣстнымъ сказать здѣсь, что сближеніе Саттаръ-хана съ русскими, какъ началось случайно, такъ и продолжалось случайно: разныя обстоятельства его жизни ставили его въ различныя, иногда совершенно неожиданныя для него, условія, которыя и опредѣляли дальнѣйшую его судьбу, какъ это видно даже изъ краткихъ его воспоминаній. Не говоря о многоразличныхъ случайныхъ встрѣчахъ его съ русскими людьми самыхъ разнородныхъ взглядовъ и положеній. Саттаръ-ханъ не одинъ разъ оказывался безъ опредѣленныхъ занятій и безъ надежды на будущее, а между тѣмъ свои естественныя связи съ единовѣрцами онъ порвалъ и, кромѣ того, не имѣлъ постоянного опытнаго руководителя на новомъ и скользкомъ для него жизненномъ пути. Я не одинъ разъ слышалъ, что нѣкоторые русскіе и многіе мусульмане осуждали Саттаръ-хана: мусульмане—за то, что онъ отъ своихъ отсталъ, а русскіе—за то, что къ русскимъ не присталъ... Но кто не знаетъ, въ какихъ странныхъ положеніяхъ оказывались нѣкоторые русскіе люди въ эпоху преобразованія Россіи, (отчасти даже въ предшествующую эпоху) и вообще въ XVIII вѣкѣ!...*).

*) „Большинство русскихъ людей поняли тогда европ. образованіе чисто внѣшнимъ образомъ, какъ умѣнье одѣваться и жить по-европейски, пользоваться всѣми удобствами и пріятностями жизни, добытыми европейскою наукой и цивилизаціей, нисколько не заботясь объ усвоеніи самой

Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что Саттаръ-ханъ первые шаги своего сближенія съ русскими дѣлалъ въ самые первые годы русскаго управленія Туркестанскимъ краемъ и былъ невольнымъ участникомъ неустроенной русской жизни въ Туркестанѣ... Онъ увлекался новою жизнію, за что подвергался осужденію соплеменниковъ и, кромѣ того разстроилъ свое здоровье.

Въ 1883 году я встрѣтилъ Саттаръ-хана въ Ташкентѣ безъ опредѣленныхъ занятій, безъ денежныхъ средствъ и безъ нравственной поддержки... Съ тѣхъ поръ я не оставлялъ его и считалъ долгомъ *русскаго* человѣка поддерживать его, сколько у меня было средствъ къ тому. Нѣкоторое время Саттаръ-ханъ носилъ мундиръ русскаго чиновника, что также сильно отдѣляло его отъ массы туземнаго населенія, и онъ въ большіе мусульманскіе праздники стѣснялся бывать въ мусульманской части города Ташкента, потому что весьма многіе ташкентскіе сарты не жаловали его своимъ вниманіемъ за рѣзкую перемѣну въ образѣ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ мало развитой сартъ хладнокровно смотрѣть на бывшаго муфтія и казія, сына и внука чимкентскихъ казіевъ, а потомъ русскаго чиновника, который выстроилъ себѣ русскій домъ, завелъ въ немъ русскую мебель, обрядилъ жену свою въ русское платье, а трехъ сыновей ея обучалъ въ русской гимназій. Ѣлъ русскую пищу, пилъ вино и вообще мало отличался отъ русскихъ...

Приходилось слышать несочувственные отзывы мусульманъ о Саттаръ-ханѣ и за нѣкоторыя его мысли, какія онъ высказывалъ устно, при встрѣчахъ съ мусульманами, и печатно—въ туземной газетѣ. Но въ правѣ ли мы порицать его за это? Вотъ что между прочимъ печаталось отъ его имени въ туземной газетѣ за 1885 г., въ №№ 8 и 11:

„Я взялъ на себя смѣлость высказать въ нѣсколькихъ словахъ свои мысли относительно *знанія*, хотя эти мысли не

науки и цивилизаціи. При этомъ стараясь сдѣлаться европейцами, они стали съ презрѣніемъ относиться ко всему отечественному; перенимая европейскіе обычаи, бросили всѣ благочестивые русскіе обычаи; вмѣсто хорошихъ качествъ часто усвоивали одни европейскіе пороки и, наконецъ, изучая иностранные языки, особенно французскій, начали отвыкать отъ своего родного языка» (Порфирьевъ, Ист. рус. слов. Ч. II, отд. I, стр. 116. Казань, 1881 г.).

новыя и не мною самимъ выдуманы, а были высказываемы и древними учеными и высказываются нѣ настоящее время.

„Дѣйствительно, всякое знаніе пріобрѣтается; люди не рождаются съ готовымъ знаніемъ, а когда возрастаютъ, согласно своей природѣ, то умъ ихъ со дня на день развивается въ своихъ способностяхъ, при помощи зрѣнія и слуха, и пріобрѣтаетъ разныя познанія. Но каждый человѣкъ, по мѣрѣ развитія своего ума, долженъ прежде всего узнать, кто онъ такой, долженъ познать самого себя. Для человѣка нѣтъ предмета болѣе близкаго, кромѣ его самого, а цѣль его появленія на землѣ—познать премудрость своего Господа и исполнять всѣ Его опредѣленія. Откуда же человѣкъ узнаетъ самый первый свой долгъ—принести пользу своему ближнему, если не будетъ знать самого себя? И если знаніе самого себя будетъ состоять (только) въ томъ, что у насъ есть наружные органы: руки, ноги, глаза и другіе, посредствомъ которыхъ мы чувствуемъ голодъ и жажду, то такое знаніе будетъ недостаточно. Если мы скажемъ, что знаемъ себя только въ этомъ отношеніи, то это будетъ только заблужденіе и ошибка, такъ какъ такимъ знаніемъ обладаютъ и животныя, и насѣкомыя; и если мы будемъ довольствоваться только этимъ, тогда мы ничѣмъ не будемъ отъ нихъ отличаться. А между тѣмъ въ Коранѣ сказано: „Мы (Богъ) предпочли сыновъ Адама“, и мы не можемъ преступить указанную этими слѣвами границу. Намъ необходимо изучать себя, то есть изслѣдовать: каковы мы, откуда произошли и куда пойдемъ, зачѣмъ прибыли на эту стоянку (земная жизнь) и для чего мы сотворены, въ чемъ заключается наше счастье...А ключемъ къ этимъ вопросамъ служить знаніе. Знаніе служитъ рѣшительнымъ средствомъ къ уразумѣнію всего этого и къ достиженію основныхъ нашихъ желаній и цѣлей. Родовъ знанія много, напримѣръ: шаріатъ, математика, медицина, астрономія и другія науки. Съ пріобрѣтеніемъ этихъ знаній, люди будутъ по возможности постигать твореніе своего Создателя и Его совершенное могущество. И мы говоримъ, что пріобрѣтеніе знаній необходимо, а цѣль такого пріобрѣтенія состоитъ въ томъ, чтобы различать истину отъ лжи и своевременно пользоваться истиною для блага своихъ ближнихъ и дѣлать имъ добро. Тогда только мы исполнимъ всѣ опредѣленія

нашего всемогущаго Владыки (Бога) и познаемъ самихъ себя, а не тогда, когда приобрѣтемъ знанія и не будемъ приводить ихъ въ дѣло, не будемъ никому приносить посредствомъ ихъ пользы: такое знаніе противно главной цѣли человечества, и такіе люди, будучи хуже животныхъ и оставаясь въ заблужденіи, не заслужатъ почтенія на этомъ свѣтѣ и милости Божіей въ будущей жизни.

«Въ прошломъ (8) № газеты мы сказали, что родовъ знанія много и приобрѣтать его необходимо. Этого положенія никто надѣмся, не будетъ отрицать: не можетъ быть относительно этого никакого сомнѣнія. Каждому извѣстно, что въ отношеніи свѣтскихъ значій, мы, въ сравненіи съ другими народами, находимся на самой низкой ступени. Если же мы, пробудившись отъ сна забвенія, откроемъ свои глаза и посмотримъ кругомъ во всѣ стороны, то увидимъ, что европейскіе народы, при помощи свѣтскихъ наукъ, привели въ исполненіе столь полезныя дѣла. Напримѣръ: они изобрѣли всѣмъ извѣстную паровую машину, телеграфъ и разныя другія машины, посредствомъ которыхъ люди избавились отъ большихъ трудовъ. При помощи пара десятидневное разстояніе проходитъ въ одинъ день; извѣстія, которыя раньше получались черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, телеграфъ доставляетъ теперь въ нѣсколько часовъ; работы, для исполненія которыхъ требовались мѣсяцы, исполняются теперь въ короткое время. Результаты такихъ изобрѣтеній достигли и до нашего края, послѣ подчиненія его одному изъ европейскихъ народовъ,—русскому. Когда были устроены мосты на Ходжентской рѣкѣ и на Чирчикѣ, жители избавились отъ опасности переправъ черезъ большую воду. Подобныхъ этому полезныхъ дѣлъ много... Поэтому намъ необходимо научиться свѣтскимъ наукамъ у русскаго народа и стараться прилагать ихъ къ дѣлу, а самымъ главнымъ средствомъ къ изученію этихъ наукъ служить знаніе русскаго языка, безъ котораго нѣтъ возможности достигъ научнаго знанія. Для этого не нужно испытывать трудности путешествій въ внутренніе города Русской Имперіи, такъ какъ, по волѣ Божіей, мы стали подвластны русскому народу и вмѣстѣ съ нимъ живемъ. Русскіе стали нашими властителями и, по особеному своему сочувствію къ намъ,

заботятся о наученіи насъ русскому языку, открыли, какъ вамъ, почтенные читатели газеты, извѣстно, въ городѣ Ташкентѣ школы и тѣмъ посяяли сѣмена знанія. И если мы оцѣнимъ такую милость ихъ къ намъ и будемъ готовы усвоить такія знанія, то и сами получимъ много пользы и заслужимъ благодарность отъ своихъ потомковъ, когда они воспользуются научными знаніями,—и духъ нашъ будетъ покоенъ и доволенъ*.

Просимъ читателей нашего изданія не удивляться разсужденіямъ теперь уже покойнаго Саттаръ-хана. Придетъ время, когда его вспомнить добрымъ словомъ историкъ водворенія въ мусульманскомъ Туркестанѣ русской гражданственности. Покойный Саттаръ-ханъ былъ до нѣкоторой степени жертвой столкновенія вѣковаго мусульманскаго уклада жизни среднеазиатскихъ туземцевъ съ новыми требованіями и запросами, внесенными русскими въ завоеванный, неподвижный до того край... Первое поколѣніе туземцевъ, типичнымъ представителемъ котораго былъ казіи Мухитдинъ, оставалось до смерти консервативнымъ; второму поколѣнію туземцевъ — дѣтямъ Саттаръ хана и ихъ сверстникамъ было гораздо легче приспособляться къ новой жизни. И въ этомъ глубокомъ переломѣ жизни сартовъ русскаго Туркестача сослужили немалую службу туземная газета и русско-туземныя школы края, которымъ посвящаются слѣдующія главы.

Саттаръ-ханъ Абдулгафаровъ.

Туркестанская туземная газета.

„Просвѣщать постепенно инородцевъ, сближать ихъ съ русскимъ духомъ и народомъ составляетъ задачу величайшей государственной важности“.

Гр. Д. А. Толстой.

Туркестанская туземная газета издается въ Ташкентѣ съ 1870 года. Первоначально она составляла особое приложеніе къ Туркестанскимъ Вѣдомостямъ и издавалась на небольшихъ полулистахъ, подъ заглавіемъ: *ترکستان ولایتی نی کزتی*. Она имѣла цѣлію распространеніе между туземцами Туркестанскаго края свѣдѣній о распоряженіяхъ русскаго правительства и мѣстной администраціи. Съ 1871 г. эти „Приложенія“ печатались на листахъ малаго формата (четверть листа) и выходили *четыре* раза въ мѣсяцъ: два раза на сартовскомъ языкѣ и два раза на киргизскомъ. Къ редакціи Туркестанскихъ Вѣдомостей названныя „Приложенія“ не имѣли никакихъ другихъ отношеній, кромѣ денежныхъ расчетовъ, такъ какъ расходъ по изданію этихъ „Приложеній“ покрывался изъ общаго кредита, ассигнованнаго на изданіе Туркестанскихъ Вѣдомостей и находившагося въ вѣдѣніи редактора этой газеты. Въ такомъ положеніи „Приложенія“ находились тринадцать лѣтъ, до 1883 года. Изданіемъ ихъ сначала завѣдывалъ состоявшій при генераль-губернаторѣ переводчикъ Ш. Ибрагимовъ, а потомъ переводчикъ генераль-губернаторской канцеляріи Х. Чанышевъ. Съ начала 1883 г. редакція этихъ „Приложеній“, по приказанію Туркестанскаго генераль-губернатора, ген.-лейтенанта Черняева, была передана мнѣ. При этомъ мнѣ было приказано главнымъ начальникомъ Тур-

кестанскаго края прекратить изданіе Приложеній на киргизскомъ языкѣ и начать еженедѣльное изданіе небольшой газеты на сартовскомъ языкѣ (приказъ по военно-народному управленію отъ 30 января 1883 года за № 29). На расходы по изданію этой газеты въ 1883 г. было отпущено въ мое распоряженіе 2640 руб., и газета печаталась въ количествѣ 500 экзempl. Въ концѣ 1884 г. я получилъ отъ генераль-адъютанта Розенбаха предложеніе издавать туземную газету, съ начала 1885 года, съ буквальныймъ русскимъ переводомъ сартскаго ея текста, вслѣдствіе чего долженъ былъ увеличиться и размѣръ листа газеты*).

Что касается характера туземной газеты, то онъ опредѣлялся назначеніемъ ея, главнымъ образомъ, для туземныхъ должностныхъ лицъ Туркестанскаго края, съ цѣлю ознакомленія ихъ съ распоряженіями мѣстной администраціи и распространенія среди нихъ полезныхъ свѣдѣній, преимущественно изъ исторіи и географіи. Съ начала 1887 года Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ было разрѣшено самостоятельное изданіе Туземной газеты по слѣдующей программѣ:

I. Высочайшія повелѣнія, Высочайшія телеграммы, Высочайшія награды и пожертвованія, касающіяся туземнаго населенія; краткія сообщенія о высокаторжественныхъ дняхъ.

II. Распоряженія Туркестанскаго генераль-губернатора и военныхъ губернаторовъ, имѣющія отношенія къ туземному на

*) Въ № 1 газеты за 1885 годъ было по этому поводу напечатано:

„Господинъ Туркестанскій Генераль-Губернаторъ, Генераль-Адъютантъ Розенбахъ, назначенный Высочайшимъ приказомъ Его Величества Государя Императора на должность Генераль-Губернатора въ этомъ краѣ, по прибытіи въ край въ минувшемъ 1884 г., извоилилъ обратить свое высокое вниманіе на чрезвычайную пользу изученія населеніемъ этого края русскаго языка и грамоты. Съ этою цѣлю онъ нѣсколько разъ указывалъ на это почетнымъ представителямъ туземцевъ-мусульманъ, а для того, чтобы сдѣлать болѣе легкимъ изученіе дѣтьми мусульманъ русскаго языка и грамоты, Его Высокопревосходительство приказалъ открыть въ Ташкентѣ особую школу.

„Кромѣ того, усиленно заботясь о томъ, чтобы выходящая на сартскомъ языкѣ газета приносила жителямъ этого края больше пользы, Его Высокопревосходительство всегда осѣдомлялся о томъ, какія свѣдѣнія и о какихъ происшествіяхъ печатаются въ этой газетѣ... и приказалъ издавать эту газету въ будущемъ году съ русскимъ переводомъ“.

селенію края; приговоры русской судебной власти, касающіеся туземцевъ, и общія правительственныя распоряженія, распространяемыя на Туркестанскій край.

III. Краткіе разказы изъ жизни русскихъ государей. Замѣчательныя событія въ жизни русскаго народа и въ жизни другихъ государствъ, представляющія интересъ для туземцевъ. Мѣстныя извѣстія, касающіяся промышленности и сельскаго хозяйства, и разныя извѣстія.

IV. Объявленія Почтово-Телеграфнаго округа и другихъ правительственныхъ учрежденій Туркестанскаго края и частныя объявленія.

Эту программу туземная газета выполняла и выполняетъ до настоящаго времени. При общемъ, сффициальномъ, характерѣ газеты, въ ней печатались: краткія сообщенія изъ жизни Всероссийскаго Императорскаго Дома: высокаторжественные дни всегда отмѣчались въ газетѣ съ поясненіемъ событій, лежащихъ въ основѣ этихъ торжествъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ печатались и Высочайшіе манифесты.

Съ цѣлью ознакомленія туземнаго населенія съ исторіей русскаго народа, въ газетѣ за 1886 г. были помѣщены краткія свѣдѣнія о русскомъ государствѣ, съ основанія его до настоящаго времени; кромѣ того, въ газетѣ печатались отдѣльные разказы изъ жизни русскихъ государей: Петра Великаго, Елизаветы Петровны, Екатерины Великой, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III. О путешествіи Императорской фамиліи на Кавказъ въ 1888 г. и о событіи 17 августа 1888 г. было своевременно напечатано въ газетѣ. Упоминалось въ газетѣ и о приѣздахъ въ Россію царствующихъ особъ Западной Европы для свиданія съ Русскимъ Государемъ Императоромъ. Въ 1894 г. печатались въ газетѣ свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни Императора Александра III и стихи на кончину Его. О вступленіи на престолъ Императора Николая Александровича было напечатано въ нѣсколькихъ №№ газеты. Въ 1895 году печатались сообщенія о русскомъ посольствѣ въ Бухару и Хиву по случаю вступленія на Всероссийскій престолъ Императора Николая II, Въ слѣдующіе годы печатались извѣстія о войнѣ съ Японіей, а въ послѣдніе—о Государственной Думѣ и вообще о современномъ состояніи Россіи.

Приказы и другія распоряженія Туркестанскаго генераль-губернатора, а также приказы и распоряженія военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области и начальника гор. Ташкента, касающіеся туземцевъ, печатались въ газетѣ или въ переводѣ подлиннаго текста, или въ извлеченіи. Сюда-же относятся разъясненія разныхъ распоряженій русской администраціи края, касающихся туземцевъ, а также общія правительственныя распоряженія, имѣющія отношеніе къ Туркестанскому краю, и приговоры русской судебной власти по дѣламъ туземцевъ, О поѣздкахъ генераль-губернатора по краю, о пріемахъ представителей туземнаго населенія генераль-губернаторомъ и военнымъ губернаторомъ Сыръ-Дарьинской области, о посѣщеніи начальствующими лицами туземнаго города и экзаменовъ въ русско-туземныхъ школахъ въ газетѣ своевременно дѣлались сообщенія.

Въ „Разныхъ извѣстіяхъ“ печатались краткія свѣдѣнія о выдающихся фактахъ изъ жизни разныхъ странъ, при чемъ болѣе подробныя замѣтки касались Россіи и Азіи. Извѣстія, касающіяся Туркестанскаго края въ его настоящемъ положеніи, помѣщались въ газетѣ предпочтительно предъ другими. Сюда относятся не только официальные, но и частныя извѣстія, извлеченія изъ отчетовъ военнаго губернатора Сыръ-дарьинской области, амбулаторныхъ лѣчебницъ разныхъ городовъ края, ссудныхъ кассъ, свѣдѣнія о русско-туземныхъ школахъ, и о русскихъ школахъ, въ которыхъ обучаются дѣти туземцевъ и пр.

Чтобы познакомить туземцевъ съ исторіею древнихъ и новыхъ народовъ, въ газетѣ, кромѣ краткихъ очерковъ Индіи, Китая и Египта, были напечатаны: рассказы изъ жизни Чингизъ-хана и Тимура, описаніе древностей Самарканда и др. городовъ края, а также извѣстія о разныхъ современныхъ народахъ. Съ цѣлью ознакомленія туземцевъ съ выдающимися явленіями природы, въ газетѣ помѣщались краткія статьи о солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ и о землетрясеніяхъ. Общія географическія свѣдѣнія, касающіяся всего земнаго шара, были помѣщены въ газетѣ за 1884 и 1887 гг.

Приэтомъ нужно имѣть въ виду, что небольшой размѣръ туземной газеты, при двойномъ текстѣ, не позволялъ помѣщать въ каждомъ № ея много матеріала.

Нѣкоторыя статьи, печатавшіяся въ газетѣ, высылались въ отдѣльныхъ оттискахъ бесплатно подписчикамъ. Въ разные годы было издано такимъ образомъ нѣсколько брошюръ. путемъ переверстки изъ разныхъ №№ газеты, именно: въ 1884 г.—О вредномъ дѣйстви опіума, кукнара, гашиша, анаши, водки и тому подобныхъ веществъ (35 стр.); О дифтеритѣ и скарлатинѣ—ст. областного врача; въ 1885 г. О хлопководствѣ (31 стран.); въ 1886 г. была издана карта всѣхъ частей свѣта съ мусульманскими надписями важнѣйшихъ городовъ; въ 1887 г. изданъ переводъ разсказа Гр. Л. Н. Толстаго „*Чѣмъ люди живы?*“ (38 стран.); въ 1888 г.: О бѣшенствѣ собакъ и о заболѣваніи людей водобоязнію (7 страницъ); въ 1889 году: Краткая исторія Египта съ приложеніемъ гравюръ (44 стран.) и Десятидневная пѣздка Туркестанскаго Генералъ-Губернатора Ген.-Адъютанта Николая Оттоновича Розенбаха въ Ферганскую область въ маѣ мѣсяцѣ 1889 года (44 стр.); въ 1890 году: Разсказы изъ физической Географіи, по сочиненію профессора А. Гейки. Вып. 1-й (стр. 1—46). Въ 1889 году при газетѣ было разосланы подписчикамъ ея краткое наставленіе объ уходѣ за шелковичными червями (7 стр.), а въ 1890 гсду подробное объявленіе о Туркестанской сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ въ гор. Ташкентѣ (35 стр.). Кромѣ того, были напечатаны: разсказъ о жизни о. Даміана среди прокаженныхъ и пересказъ очерка Лѣскова изъ жизни на мусульманскомъ востокѣ: „Аскалонскій злодѣй“, въ которомъ характерно описана личность вѣрной и добродѣтельной жены и матери дѣтей.

Въ 1895 г. въ газетѣ было напечатано подробное извлеченіе изъ отчета Россійскаго консульства въ Джеддѣ относительно мусульманскихъ богомольцевъ (русскихъ подданныхъ) въ Меккѣ и Мединѣ и разъясненіе туземцамъ о подготовлявшейся въ Россіи всеобщей переписи. Въ разные годы въ газетѣ печатались разъясненія относительно археологическихъ находокъ и о разныхъ научныхъ открытіяхъ, особенно въ области медицины. Съ открытіемъ Государственной Думы, въ Туземной газетѣ давались описанія засѣданій Думы и разъясненія главныхъ вопросовъ съ замѣчаніями, касающимися словъ и дѣй-

ствій крайнихъ партій. Отмѣчались въ газетѣ, нѣкоторыя статьи татарскихъ газетъ, затрогивавшія общіе мусульманскіе вопросы и въ частности жизнь Туркестанскихъ туземцевъ.

При газетѣ издается ежегодно, въ видѣ бесплатнаго приложенія, стѣнной календарь, съ Россійскимъ государственнымъ гербомъ, на большомъ печатномъ листѣ, и содержитъ слѣдующія свѣдѣнія: годъ отъ Рождества Христова и годъ Гиджры, число дней въ текущемъ году, съ обозначеніемъ высокоснаго или невысокоснаго года, годъ отъ основанія Русскаго государства и годъ царствованія Государя Императора, въ особыхъ рамкахъ, и—годъ отъ сотворенія міра. Въ календарѣ на 1890-й г. былъ выставленъ и 1865 годъ, съ указаніемъ исполнившагося въ тотъ годъ 25-тилѣтія со дня взятія Ташкента и времени открытія Ташкентской выставки. Кромѣ мѣсяцевъ и дней христіанскаго и мусульманскаго времячисленій, въ календарѣ означаются высокаторжественные дни съ краткимъ поясненіемъ событій, лежащихъ въ основѣ русскихъ торжествъ, а также русскіе не-присутственные дни, дни двухъ главныхъ мусульманскихъ праздниковъ, поименовываются должности, чины и фамиліи начальствующихъ лицъ Туркестанскаго края: генераль-губернаторъ, военные губернаторы всѣхъ областей и начальникъ Аму-Дарьинскаго Отдѣла и нѣкоторыя другія русскія должностныя лица. Въ календарѣ указывались также дни солнечныхъ и лунныхъ затмѣній. Наконецъ, въ календаряхъ помѣщались рисунки: С.-Петербургскаго Зимняго Дворца, парохода, желѣзной дороги, видъ Нижегородской всероссійской выставки, вокзалъ желѣзной дороги въ Ташкентѣ и Таврическій дворецъ въ С.-Петербургѣ.

Словомъ, Туземная газета разъясняла туземному населенію Туркестанскаго края распоряженія мѣстной администраціи, знакомила туземцевъ съ Россіей и русскимъ народомъ, указывала имъ на пользу изученія русскаго языка и русской грамоты, примѣнительно къ понятіямъ сартовъ, большинство которыхъ еще и теперь считаетъ русское образованіе несомѣстимымъ съ мусульманскимъ вѣроученіемъ и міровоззрѣніемъ*). Не

*) Въ этомъ случаѣ сказалось также вліяніе татаръ, доказавшихъ свою подозрительность и тенденціонность особенно послѣ изданія правилъ объ инородческихъ училищахъ, выработанныхъ особою комиссіей въ 1905 г. при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія (Н. Вр. 1907 г. № 11,340).

должно поэтому удивляться характеру изложенія въ Туземной газетѣ, особенно въ первые годы ея изданія, на двухъ языкахъ — сартскомъ и русскомъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ отрывковъ:

„Въ №№ 8 и 11 нашей газеты мы съ удовольствіемъ дали мѣсто словамъ одного почтеннаго мусульманина изъ сартскаго народа о знаніи. Съ своей стороны мы прибавимъ къ этимъ словамъ, что Творецъ всѣхъ людей—одинъ Господь и что по этой причинѣ у народовъ, жившихъ въ прежнія времена и у живущихъ въ настоящее время въ разныхъ странахъ, душа и разумъ одинаковы. Каждый народъ въ разныя времена прибрѣталъ такія знанія, какія ему были доступны по его силамъ. Сущность знанія составляетъ истина, а истина у всѣхъ народовъ одна и таже. Разница только въ томъ, что одинъ народъ узнаетъ истину прежде, а другой послѣ. Напримѣръ: въ настоящее время у европейскихъ народовъ много разныхъ знаній, а у мусульманскихъ народовъ мало: и нѣтъ стыда и ничего предосудительнаго для нихъ (мусульманъ) учиться у русскаго народа знаніямъ, какими обладаютъ европейцы, такъ какъ въ минувшія времена у мусульманскихъ народовъ было много разныхъ знаній. и европейскіе народы учились у нихъ разнымъ наукамъ, не считая этого стыдомъ и предосудительнымъ для себя. И если въ настоящее время, на-оборотъ, мусульманскій народъ, не считая для себя стыдомъ и предосудительнымъ, будетъ учиться у европейскихъ народовъ разнымъ наукамъ, то это будетъ хорошо. А для изученія этихъ наукъ необходимо знать русскій языкъ, какъ сказалъ упомянутый почтенный Мулла Абдула. Мы съ своей стороны будемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, печатать въ газетѣ полезныя свѣдѣнія о разныхъ наукахъ и ремеслахъ, а въ настоящемъ № приводимъ нѣсколько изреченій, высказанныхъ древнимъ греческимъ мудрецомъ, Солономъ. Съ этими изреченіями нельзя не согласиться, а изъ этого слѣдуетъ, что цѣль знанія во всѣ времена была одна—истина.

„Изреченія этого мудреца слѣдующія:

„Богу поклоняйся; родителей почитай; законамъ повинуйся; добродѣтели хвали; твердо держись истины; подавляя свой гнѣвъ;

избѣгай дурныхъ людей; никому не завидуй; будь далекъ отъ удовольствія, доставляющаго печаль.

„Не хули отошедшихъ изъ этого міра людей; не спѣши выбирать себѣ какого-нибудь человѣка въ друзья и не бросай его послѣ того, какъ сдѣлалъ его другомъ (своимъ).

„Каково значеніе желѣза въ времени бигвы, таково значеніе честнаго слова въ жизни.

„Слушать совѣтъ умнаго друга тоже, что принимать лѣкарство изъ золотой чаши.

„Совѣты хорошаго друга подобны молоку и меду*).

Въ такомъ же тонѣ Саттаръ-ханъ писалъ въ туземной газетѣ въ 1887 году, въ видахъ привлеченія дѣтей мусульманъ въ русско-туземныя школы:

„Конечно, внѣшнее усовершенствованіе наше не возможно безъ усовершенствованія внутренняго; внутреннее же усовершенствованіе совершается посредствомъ знанія, а знаніе пріобрѣтается обученіемъ и чтеніемъ; обученіе же и чтеніе, на какомъ бы языкѣ ни происходило, на языкѣ ли мусульманъ или христіанъ, на еврейскомъ, или на какомъ другомъ—все равно. И получаемое такимъ образомъ научное знаніе не только не противорѣчитъ ученію ислама, но дѣлаетъ его болѣе яснымъ для нашего ума и способствуетъ намъ лучше исполнять въ жизни предписанія религіи. Напримѣръ, въ богословіи нашемъ сказано, что Богъ премудръ, и мы вѣримъ этому; но если мы не знаемъ анатоміи, астрономіи, физики, химіи и другихъ свѣтскихъ наукъ, то мы не будемъ ясно понимать, въ чемъ заключается Божія премудрость. Кромѣ того, при помощи этихъ свѣтскихъ наукъ, мы и себѣ, и ближнимъ своимъ будемъ въ состояніи больше приносить пользы. Но у мусульманъ свѣтскихъ знаній вообще мало; поэтому намъ необходимо пріобрѣсти у русскаго народа эти знанія и употреблять ихъ въ свою пользу. А такъ какъ въ нашихъ мадрасахъ такихъ знаній нѣтъ и такъ какъ мы не устраивали особыхъ школъ для пріобрѣтенія мірскихъ знаній, то да воздастъ Богъ добромъ господину генераль-губернатору нашему за то, что онъ открываетъ для нашей

*) Избранныя изреченія другихъ древнихъ греческихъ мудрецовъ печатались въ Туземной газетѣ за 1885—1887 г.г.

пользы такія школы. Намъ необходимо пробудиться отъ сна забвенія и стараться о пріобрѣтеніи такихъ знаній. И наши почтенные ученые и казіи должны говорить, разъяснять и располагать къ этому нашъ простой народъ. Между тѣмъ, напротивъ, слышно, что нѣкоторые наши мусульмане говорятъ, что учиться русскому языку не нужно... Такія слова ихъ неосновательны, потому что выше было сказано, что для пріобрѣтенія знанія всякій языкъ, какой бы ни былъ, все равно. Доказательства своимъ словамъ мы изложимъ въ слѣдующимъ № газеты.

„Въ прошломъ № 6 газеты было сказано, что знаніе, на какомъ бы языкѣ ни пріобрѣталось,—все равно. Доказательства: въ книгѣ „Джамину-р-рамізъ“, въ главѣ „о молитвѣ“, сказано, что—„обязательную часть молитвы составляетъ чтеніе стиха Корана. Въ объясненіи же этого текста сказано: „и правильно мнѣніе: если читать изъ Корана по списку, написанному Ибнъ-Мас'удомъ и Ибнъ-Аббасомъ, то такая молитва, хотя не считается испорченною, но не засчитывается молящемуся, а напротивъ, если читается стихъ изъ Таурата (Закона Моисея) и Инджилъ (Евангелія), то молитва засчитывается, если смыслъ прочитаннаго заключается въ Коранѣ“. Всѣмъ мусульманскимъ ученымъ извѣстно, что Тауратъ и Инджиль были написаны не на арабскомъ языкѣ, а на еврейскомъ и греческомъ языкахъ, а также, что арабскій языкъ до Мухаммеда былъ языкомъ язычниковъ, не знавшихъ ислама; поэтому, если бы было грѣшно говорить о вѣрѣ и о житейскихъ дѣлахъ на языкѣ иновѣрнаго народа и изучать этотъ языкъ, то Богъ Всевышній не ниспослалъ бы священный Коранъ на арабскомъ языкѣ. И еще: турки и персы существовали до появленія среди нихъ ислама и были язычниками; но они даже до настоящаго времени разговариваютъ о вѣрѣ на своихъ языкахъ, и это не считается грѣхомъ. На этихъ же языкахъ они составляютъ разныя книги, которыя читаются и изучаются въ нашихъ мадрасахъ и мактабахъ. Эти языки, и послѣ принятія турками и персами ислама, остаются такими же, какими были и до ислама. Даже болѣе: до подданства нашего Туркестанскаго края Русскому государству, мы персовъ продавали въ рабство и до сихъ поръ считаемъ ихъ невѣрными; но несмотря на это, написанныя на перс. языкѣ книги

очень много читаемъ и разговариваемъ на этомъ языкѣ. Точно также, самый главный изъ мусульманскихъ государей, Его Величество Турецкій Султанъ изучаетъ разные языки европейскихъ народовъ и разговариваетъ на этихъ языкахъ, а для изученія этихъ языковъ стамбульскими мусульманами открытъ въ городѣ Стамбуль особое училище.

„Еще: развѣ до подданства нашего Туркестана Русскому государству нѣкоторые наши торговцы-мусульмане, отправляясь во внутреннюю Россію, не научались и не разговаривали на русскомъ языкѣ? Въ то время и наши мусульманскіе государи и ученые не считали грѣхомъ и не запрещали говорить на этомъ языкѣ. И не только торговцы, но и руководитель нашихъ хановъ и большинства мусульманскихъ ученыхъ, всѣмъ извѣстный, покойный *Миянъ-Ханъ*, отправившись посломъ въ Россію, научился русскому языку и, кромѣ того, разговаривалъ также съ здѣшними индійцами, на ихъ языкѣ, хотя они до сего времени остаются идолопоклонниками. Разговоръ его съ индійцами на индустанскомъ языкѣ я слышалъ собственными ушами.

„Вышесказанныя мысли я написалъ для того, чтобы почтенные читатели этой газеты сами обсудили доказательства того, что изучать русскій языкъ нисколько не противорѣчить нашему религіозному закону (шариату)*.

Много разъ приходилось мнѣ говорить съ Саттаръ-ханомъ о причинахъ косности мусульманъ, и онъ высказывалъ, что одна причина этого кроется въ отсутствіи образованія, а другая— въ ишанахъ*). Въ этомъ отношеніи сарты перваго періода по завоеваніи Туркестана напоминаютъ русскихъ XVII и начала XVIII вв., говорившихъ: „Аще кто ти речетъ: всѣ ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ (!) астрономъ не читалъ, ни съ мудрыми философы не бывалъ— учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ**)... Извѣстно, также что учрежденіе южно-руссами школъ съ новыми, не преподававшимися дотоле, предметами было недружелюбно встрѣчено нѣкоторыми

*) Объ ишанахъ см. ниже особую главу.

**) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣд. П. Пекарскаго. Томъ I, стр. 3. С.-Петербургъ. 1862.

ревнителями православія съ консервативнымъ образомъ мыслей. „Сила духа—говорили они—не въ художествѣ вышняго наказанія и философскаго постиженія обрѣтается, но вѣрою смиренномудрія даруется. Хитрорѣчіемъ простота и буяя премудрость Божія безчестится, крестъ Христовъ поругаиъ бываетъ. Латинская мудрость—прямая дорога къ аду. Реторики, діалектики и прочія поганскія (латинскія) хитрости и руководства суть изобрѣтенія діавола, ведущаго борьбу съ словянскимъ языкомъ, какъ съ сильнымъ, плодоноснѣйшимъ и самымъ пріятнѣйшимъ Богу“. Подобные взгляды на образованія служили немалою преградой къ расширенію объема преподававшихся въ юго-западныхъ русскихъ школахъ наукъ,—тѣмъ болѣе что подобныя взгляды и наставленія зачастую исходили отъ лицъ, извѣстныхъ своею приверженностью къ православію и пользовавшихся сильнымъ вліяніемъ въ средѣ южно-русскаго народонаселенія*). Болѣе того: даже въ предисловіи къ русской грамматикѣ нужно было написать, что она не противна православію, потому что и святые отцы учились грамматикѣ (Пекарскій, 1, 258).

Подобно этому, и туркестанскіе туземцы недовѣрчиво относились къ разнымъ нововведеніямъ русской администраціи, особенно касающимся образованія туземцевъ. Подъ вліяніемъ татаръ и фанатичныхъ ишановъ, среди сартовъ до сихъ поръ появляются иногда нелѣпыя опасенія, что ихъ дѣти, обучающіяся русскому языку, будутъ взяты въ солдаты или будутъ окрещены по русскому обряду.

Поэтому, чтобы установить правильный взглядъ на туземную газету, должно имѣть въ виду, что она издается для сартовъ (и киргизовъ), о которыхъ только-что было замѣчено, что они въ отношеніи умственнаго своего развитія напоминаютъ собою русскихъ XVII и начала XVIII вв. Русское управленіе въ краѣ неизбежно вывело сартовъ на новый жизненный путь, на путь преобразования ихъ быта, которое происходитъ естественно, безъ особыхъ принудительныхъ мѣръ. Поэтому и вопросъ о томъ, какой смыслъ и какое

*) Ст. Голубева „Школы до-Могилянскія въ Юго-Западной Руси и основаніе Могилянской коллегіи“. Историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи русской словесности. Вып. III. Составилъ В. Покровскій. Москва, 1888 г. стр. 241.

значение имѣла и имѣетъ туземная газета для сартовъ, самъ собою разъясняется указаніемъ соотвѣтствующей параллели въ жизни русскихъ. Въ «Исторіи Россіи» С. Соловьева, по поводу изданія первыхъ „Вѣдомостей“ говорится: „Послѣ шкслъ и книгъ третьимъ могущественнымъ средствомъ для умственного развитія, для расширенія умственной сферы русскаго человѣка, могущественнымъ средствомъ для уничтоженія прежней замкнутости и застоя было сообщеніе свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ Россіи и въ другихъ земляхъ. До Петра знать, что дѣлалось у себя и въ чужихъ странахъ, было привиллегією правительства: извлеченія изъ иностранныхъ газетъ (куранты) составлялись для царя и немногихъ приближенныхъ особъ и бережно хранились, какъ тайна*). Петръ хотѣлъ, чтобъ всѣ русскіе люди знали, что дѣлается на свѣтѣ. 17-го декабря 1702 года великій Государь указалъ: *по вѣдомостямъ и о воинскихъ и всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ печатать куранты, и для печати тѣхъ курантовъ вѣдомости, въ которыхъ приказатъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать въ Монастырскій приказъ, откуда тѣ вѣдомости отсылать на Печатный дворъ. Указъ былъ исполненъ, и съ 1703 г. начали издаваться въ Москвѣ куранты, подъ заглавіемъ: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ“**).*

Первыя русскія вѣдомости печатались въ количествѣ 1000 экзмп. и выходили въ неопредѣленные сроки, вѣроятно, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ***). Печатались первыя вѣдомости

*) Подобное этому до настоящаго времени дѣлается въ Бухарѣ и въ Хивѣ. Бухарскій эмиръ только въ прошломъ году издалъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки въ С.-Петербургъ, которыя, однако, въ народную массу не поступили. Н. О.

**) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочин. С. Соловьева. Томъ пятнадцатый. Изданіе второе. Москва. 1873 г. Стр. 96—97. Ср. соч. Пекарскаго, Т. II.

***) Въ продолженіе перваго 1703 г. было напечатано всего 39 №№, объемомъ отъ 2 до 7-ми стран., въ 8-ю долю, съ отдѣльною нумераціей, а иногда и вовсе безъ помѣтки страницъ. (Пекарскій, Т. II). Туркестанская туземная газета въ концѣ 1907 году печаталась въ количествѣ 2600 экзмп., при 2-хъ недѣльныхъ №№, безъ русскаго перевода, и высылалась въ разные города и уѣзды Туркестанскаго края и внутренней Россіи.

сначала церковно-славянскимъ шрифтомъ, а потомъ то церковнымъ, то гражданскимъ. О содержаніи первыхъ №№ Москов. Вѣдомостей извѣстно, что впереди печатались русскія извѣстія, излагавшіяся вообще довольно безпристрастно. Такъ, напримѣръ, въ № отъ 2 января 1703 года, вслѣдъ за сообщеніемъ объ отлитіи въ Москвѣ „пушекъ мѣдныхъ и гаубицъ и мартировъ“, помѣщено извѣстіе о московскихъ школахъ, доказывающее, между прочимъ, что школы составляли для Императора Петра I предметъ большой заботливости: „Повеленіемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человекъ слушаютъ философію и уже діалектику окончили“. „Въ математической штурманской школѣ больше 300 человекъ учатся, и добръ науку приемяютъ“.

Затѣмъ слѣдовали извѣстія о томъ, что „на Москвѣ ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужского и женскаго полу 386 человекъ“. Или: „Изъ Сибири пишутъ: Въ китайскомъ государствѣ іезуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а инныя изъ нихъ и смертію казнены“.

За русскими извѣстіями слѣдовали извѣстія заграничныя, получавшіяся изъ европейскихъ газетъ и изъ официальной переписи русскихъ дипломатическихъ чиновниковъ; потому заграничныя извѣстія начинались выраженіемъ: „Изъ Львова, Стокгольма (Стокгольма), изъ Парижа, изъ Персіи и т. п.—пишутъ**).

„С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ 1778 году было напечатано 104 нумера, въ количествѣ 1,162 экземпляровъ; каждый годовой экземпляръ состоялъ изъ 290 листовъ; казенныя извѣстія составляли большую ихъ половину. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1779 году было напечатано 105 номеровъ, въ количествѣ 1.200 экземпляровъ, причемъ каждый годовой экземпляръ состоялъ изъ 312 $\frac{1}{4}$ листовъ**).

Указанная параллель между современными сартами и русскими XVII—XVIII вв. можетъ служить лучшимъ доказательствомъ той мысли, что принятая туземною газетою программа

*) Очерки исторіи русской литературы. Соч. Г. Караулова. Т. I. Изданіе третье. Москва, 1888 г., стр. 257; ср. соч. Пекарскаго, т. II.

**) Русская Старина 1906 г. Декабрь, стр. 564, примѣчаніе.

является самою естественною Если русскіе XVIII ст. не сразу привыкли къ газетѣ, то *какъ* требовать этого отъ сартовъ, изъ которыхъ не многіе только грамотны. Извѣстно также, что и въ Индіи туземныя газеты долгое время оставались простыми „акбарами“ (извѣстіями), ограничивавшимися сообщеніемъ современныхъ новостей; если-же въ нихъ говорилось о предметахъ болѣе возвышенныхъ, то кругъ читателей ихъ не простирался далѣе главныхъ городовъ каждаго президентства, гдѣ только и могли понимать ихъ*). Современные индусы и наши татары **) оч. подвинулись въ своемъ политическомъ развитіи, но о туркестанскихъ туземцахъ пока этого сказать нельзя... Мысль ихъ еще не освоилась съ формамъ европейской жизни.

Любопытную также справку къ нашему вопросу далъ Историческій Вѣстникъ (іюль 1895 г.). Въ 1859 году въ Ригѣ былъ сдѣланъ первый опытъ изданія русской газеты „Остзейскій Вѣстникъ“, которая просуществовала всего съ 3 января 1859 года по 4 апрѣля того же года. Редакторъ надѣялся на успѣхъ своего изданія и на то, что русское рижское купечество поддержитъ его „Вѣстникъ“. Однако редактору не удалось придать своей газетѣ мѣстнаго интереса; онъ мѣнялъ программу газеты, стараясь угодить русской купеческой публикѣ, но успѣха не имѣлъ: у него было всего 140 подписчиковъ и притомъ собственно въ Остзейскомъ краѣ 111 челов., между тѣмъ какъ общее число жителей Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній простиралось до 1,666,400 чел., и № 39-й газеты былъ послѣднимъ ея №-мъ. Причиною такого неуспѣха газеты было главнымъ образомъ равнодушіе публики, съ которымъ черезъ 10—12 лѣтъ затѣмъ подобнымъ-же образомъ боролся „Рижскій Вѣстникъ“, поддержанный въ первые годы своего существованія московскимъ, а не мѣстнымъ купечествомъ***). Въ такомъ же положеніи находятся и нѣкоторыя татарскія газеты въ Россіи.

Приведенныя историческія параллели и послѣдняя справка могутъ въ значительной степени оправдать и Туркестанскую

*) Англійская Индія въ 1843 году. Соч. Гр. Э. Варрена, Изд. В. Голубкова. (Москва, 1845 г.) ч. 3, стр. 379.

**) См. Турк. Вѣдом. 1907 г. и Н. Вр. № 11381.

***) Ст. Вѣтринскаго: „Первая русская газета въ Прибалтійскомъ краѣ“, стр. 152—159.

туземную газету со стороны содержанія и малаго распространенія среди туземцевъ, кторые естественно не могутъ прежде всего не думать, что и 3 руб. (годовая плата) большія деньги. разныя извѣстія, особенно интересныя, они умѣютъ передавать другъ другу при помощи базара быстро и даромъ. Сколько можно судить на основаніи 25-ти лѣтняго опыта, современныхъ сартовъ болѣе всего занимаютъ извѣстія, касающіяся личнаго ихъ благосостоянія. Научнаго интереса въ европейскомъ смыслѣ они еще не имѣютъ и мало придають значенія даже современнымъ открытіямъ науки, если изъ этихъ открытій не могутъ извлечь положительной выгоды. Извѣстія о наградахъ туземцевъ, похвалы и одобренія русскаго начальства пріятно затрогиваютъ ихъ самолюбіе, а неблагопріятныя для личной чести сообщенія, хотя бы безъ указанія имени, обижаютъ ихъ и даютъ пищу разговорамъ на базарахъ. Вотъ два выдающіеся случая: когда въ 1894 г. въ газетѣ была напечатана замѣтка, въ разъясненіе новой инструкции, данной въ руководство туземнымъ школамъ (мадраса), причемъ были указаны недостатки внутренней жизни этихъ школъ, то представители ташкентскихъ мадрасъ обидѣлись и собирались жаловаться начальству на автора статьи и на редактора. Вскорѣ послѣ того редакторъ получилъ отпускъ для поѣздки въ Россію, и газета была пріостановлена на время его отсутствія, по распоряженію генераль-губернатора; тогда нѣкоторые обиженные лица старались распространять на базарѣ нелѣпный вымыселъ, что редакторъ уѣхалъ и что газета больше издаваться не будетъ, именно изъ-за той статьи. Но редакторъ ранѣе срока возвратился изъ отпуска и закончилъ печатаніе статьи, непріятной для учащихся (мударрисы) и учащихся (муллы) въ туземныхъ школахъ.—Другой случай касался выборовъ должностныхъ лицъ. По поводу подкуповъ и ссоръ среди Омскихъ киргизъ предъ выборами, въ газетѣ была помѣщена въ 1895 г. замѣтка туземца о томъ, что и въ Ташкентѣ выборы сопровождаются интригами и подкупами*). Одно должностное лицо (казій), принявшее на свой счетъ эту рѣзкую замѣтку, заявило свою личную обиду начальству, и редактору пришлось давать объяс-

*) См. Киргизскую газету за 1906 годъ и № 23, 1900 г.

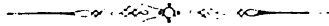
неніе по этому поводу и. д. генераль-губернатора. Между тѣмъ въ другихъ случаяхъ тотъ же казій (Раимъ-ходжа) пользовался въ газетѣ постояннымъ вниманіемъ: благодарности и одобренія русскаго начальства этому лицу печатались постоянно, причемъ и самое лицо называлось по имени, что вызывало у другихъ казіевъ непріятныя чувства.

Въ заключеніе, редакторъ газеты считаетъ позволительнымъ заявить, что къ нему не разъ предъявляемы были со стороны русскихъ и туземцевъ трудно выполняемыя требованія, и онъ незаслуженно подвергался осужденію, а также*) печатнымъ насмѣшкамъ, тогда какъ образованные иностранцы (Бастіанъ, Мориссонъ, Ленсдель), посѣщавшіе Ташкентъ и разсуждавшіе съ редакторокъ о туземной газетѣ, высказывали ему непритворное свое удивленіе, что важное дѣло ведется при ничтожномъ бюджетѣ и при невозможности имѣть сотрудниковъ. Сотрудники изъ туземцевъ почти невозможны, потому что они не понимаютъ условій печати и не могутъ отрѣшиться въ своихъ сообщеніяхъ отъ личныхъ разсчетовъ, а русскіе корреспонденты совсѣмъ не заинтересованы въ этомъ изданіи. Немалое затрудненіе для редактора Туземной газеты заключается въ ея маломъ размѣрѣ, вслѣдствіе чего №№ ея часто бываютъ наполнены только свѣдѣніями officialнаго характера, а остающееся свободное мѣсто въ газетѣ приходится замѣщать съ большимъ разборомъ, какъ того требуютъ программа газеты и уровень развитія ея читателей, среди которыхъ есть простые, едва грамотные только туземцы. Да и ученые туземцы, по складу своего образованія, многихъ современныхъ положеній не способны понимать; говорить же въ газетѣ о предметахъ мусульманской учености не входило въ задачу газеты. Между тѣмъ туземцы не понимаютъ этого и при каждомъ случаѣ готовы заявить о своемъ недовольствѣ, какъ это было съ киргизской газетой въ Омскѣ**).

*) Восточное Обозрѣніе 1883 г. № 52 (Отв. въ Туркест. Вѣдом. 1884 году № 5) и Окраина 1885 г. № 5 (Фельетонъ) и татарскія газеты.

**) „Киргизская Степная Газета“ издавалась въ г. Омскѣ съ русскимъ переводомъ. Въ № 49 отъ 24 декабря 1895 г. было напечатано письмо одного киргиза, въ которомъ онъ статьи русскихъ сотрудниковъ Киргизской газеты считаетъ бесполезными для киргизъ, вслѣдствіе незнанія русскими

Не смотря на всѣ изложенныя обстоятельства, теперь сарты начинают цѣнить печатное слово выше базарныхъ разговоровъ, а это уже служить ручательствомъ за возможность успѣха для газеты, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Особенно перемѣна во взглядахъ туземцевъ на газету стала замѣчаться съ 1906 года, когда появились въ разныхъ городахъ Россіи татарскія газеты съ крайнимъ направленіемъ, въ которыхъ затрогивалась косность туркестанскихъ туземцевъ и непривычное для консервативныхъ сартовъ посягательство на вѣковые устои ихъ семейнаго быта (многоженство) и на схоластическое направленіе мусульманскихъ школъ (мадраса и мактабъ). Въ туземной газетѣ давалось мѣсто отвѣтамъ самихъ туземцевъ на такіе вопросы, а въ крайнихъ случаяхъ редакторъ возражалъ крайнимъ татарскимъ газетамъ по существу, съ русской государственной точки зрѣнія.

нравовъ и быта киргизъ. Далѣе авторъ письма упрекаетъ сотрудниковъ-киргизъ въ томъ, что они хвалятъ въ газетѣ распоряженія начальства и при этомъ подписываютъ свое имя, чтобы обратить на себя вниманіе того же начальства. Наконецъ, авторъ письма выражаетъ недовольство свое и на то, что одинъ изъ сотрудниковъ-киргизъ обвиняетъ въ газетѣ своихъ сородичей въ пристрастіи къ конокрадству.

Русско-туземныя школы.

Первая организованная русско-туземная школа въ Туркестанскомъ краѣ была открыта въ Ташкентѣ 19-го декабря 1884 года*). Прямая задача этой школы состояла въ томъ, чтобы дать туземному населенію азіатской части города возможность обучать своихъ дѣтей русской грамотѣ и русскому языку. Эта часть города расположена въ сторонѣ отъ русской части и населена почти исключительно сартами, среди которыхъ только нѣсколько человѣкъ знали русскій языкъ, а между тѣмъ настоятельная нужда такого знанія съ каждымъ годомъ давала себя чувствовать. Отношенія къ русской администраціи и суду, промышленности и торговля дѣла съ русскими ясно указывали туземцамъ на пользу и необходимость знанія русскаго языка. Затрудненіе на первыхъ порахъ представилось въ отысканіи подходящаго дома и учителя; но то и другое было устранено. При посѣщеніи азіатскаго Ташкента главнымъ начальникомъ края, генер.-адъют. Н. О. Розенбахомъ, туземецъ Сеидъ-Азимбаевъ обратилъ на себя вниманіе своею правильною русскою рѣчью. Изъ разговора выяснилось, что молодой человѣкъ-сартъ своимъ знаніемъ русскаго языка обязанъ покойному своему отцу Сеидъ-Азимбаю и въ память своего покойнаго отца предложилъ даровое помѣщеніе въ своемъ богатомъ домѣ подѣ училище. Намѣченъ былъ и первый учитель для этой своеобразной школы, г. Наливкинъ, основательно изучившій жизнь сартовъ, ихъ языкъ, нравы и сбычаи. Только такой учитель, особенно въ новомъ дѣлѣ, могъ пользоваться авторитетомъ со стороны туземцевъ.

*) Школа въ Чимкентѣ, о которой упомянуто на стр. 140, не оставила послѣ себя замѣтнаго слѣда.

Открытіе училища состоялось, въ присутствіи военнаго губернатора генер.-маіора Н. И. Гродекова*), начальника города и городского головы—полковника Путинцова, директора учительской семинаріи Ю. О. Крачковскаго, директора мужской гимназіи Н. П. Остроумова, гласныхъ думы и представителей туземнаго населенія, а также родителей тѣхъ дѣтей, которые поступили въ школу. Множество туземцевъ разнаго возраста и званія съ любопытствомъ окружали училищное зданіе. Ко времени открытія училища собралось 39 мальчиковъ, которые, по мусульманскому обычаю, всѣ сидѣли на разостланныхъ коврахъ и ватныхъ одѣялахъ, съ книгами въ рукахъ. Никакой классной мебели въ школѣ не было, такъ какъ это не въ обычаѣ у туземцевъ, и на первыхъ порахъ нужно было дѣйствовать очень осторожно, чтобы разными мелочными, ничтожными на нашъ взглядъ, нововведеніями не подорвать довѣрія туземцевъ къ школѣ. Поздравивъ собравшихся туземцевъ съ открытіемъ перваго у нихъ русскаго училища, генераль-маіоръ Н. И. Гродековъ замѣтилъ, что учрежденіемъ этого училища, по мысли главнаго начальника края, дается туземцамъ возможность изучить языкъ того государства, гражданами котораго они состоятъ и съ жителями котораго ведутъ такія обширныя торговыя и промышленныя предпріятія. Настоящее взрослое поколѣніе сознаетъ уже необходимость этого знанія; тѣмъ болѣе потребуется знаніе русскаго языка отъ подростостающаго поколѣнія.—На слова губернатора, переданныя присутствующимъ туземцамъ переводчикомъ, послѣдніе говорили, что радуются настоящему событію, съ полнымъ сочувствіемъ принимаютъ и постараются воспользоваться школой для блага своихъ дѣтей. Указавъ затѣмъ на пользу ученія вообще и совѣтуя не смущаться тѣмъ, что въ началѣ каждое пріобрѣтеніе дается съ трудомъ, начальникъ области указалъ на результаты этого дѣла. „Счастливы для васъ этотъ день вашей жизни! Да будетъ же благословенъ и тотъ часъ, когда послѣдовало у васъ открытіе этого училища!“, заключилъ онъ свою рѣчь, обращаясь къ присутствовавшимъ туземцамъ. Просивъ затѣмъ подробно каждаго ученика, кто онъ и чѣмъ

*) Въ 1907 году Туркестантскій генераль-губернаторъ.

занимаются его родители, генераль-маіоръ Гродековъ многихъ дѣтей заставлялъ читать по туземному и пожелалъ имъ крѣпнуть физически и успѣвать въ изученіи русскаго языка на радость своимъ родителямъ и на пользу нашего общаго Русскаго государства.

Потомъ начальникъ города, полковникъ Путинцевъ, обращаясь къ генераль-маіору Гродекову, указалъ на центральное положеніе Ташкента въ русскихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ и на большое значеніе для его обывателей русской грамотности, а въ тоже время и на отсталость его въ этомъ отношеніи. Затѣмъ онъ продолжалъ, что и въ Ташкентѣ потребность въ русской грамотности сознавалась, хотя и не высказывалась явно; но для удовлетворенія этой потребности принимались мѣропріятія, которыя, къ сожалѣнію, не достигли цѣли отчасти потому, что хотѣли обучать дѣтей туземцевъ въ нашихъ русскихъ училищахъ, гдѣ ихъ дѣти лишены были бы возможности обучаться своему вѣроученію. Другимъ препятствіемъ въ этомъ дѣлѣ служила отдаленность русскихъ училищъ отъ туземной части города и неудовлетворительное состояніе городскихъ дорогъ, особенно весною и осенью, т. е. въ самое учебное время. И въ русской части города приходится часто слышать жалобы родителей на дальность разстоянія школы и на неудовлетворительное состояніе улицъ, что нерѣдко служитъ причиною неаккуратнаго посѣщенія дѣтьми учебнаго заведенія; но это нежеланное явленіе въ русскомъ Ташкентѣ не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ Ташкентомъ азіатскимъ, и каждый, можно быть увѣреннымъ, по этому одному уже будетъ къ туземцамъ снисходителенъ. Съ открытіемъ училища въ азіат. части Ташкента, въ самомъ ея центрѣ,—съ обученіемъ дѣтей туземцевъ русской грамотѣ и мусульманскому вѣроученію, устраняются прежнія препятствія. Затѣмъ не малое значеніе, особенно для начала, имѣетъ выборъ непосредственнаго руководителя школы: необходимо, чтобы дѣти и ихъ родители относились къ такому руководителю съ полнымъ довѣріемъ. Только такая увѣренность гарантируетъ успѣхъ учащихся и спокойствіе населенія. Сказавъ о назначеніи г. Наливкина въ школу учителемъ, полковникъ Путинцевъ замѣтилъ, что населеніе города отнеслось къ

таксму назначенію съ полнымъ довѣріемъ и спокойствіемъ; имѣющія дѣтей почетныя лица—казіи, аглямы, аксакалы, гласные думы, торговый классъ отдали своихъ дѣтей въ открываемое училище, чтобы тѣмъ положить начало дѣлу и послужить примѣромъ для всѣхъ другихъ.

Оставляя другія подробности открытія первой русско-туземной школы въ Ташкентѣ, приведемъ взглядъ представителя учебнаго вѣдомства на ея значеніе:

„Это, повидимому, скромное и малое дѣло, если всмотрѣться въ него ближе и внимательнѣе, является великимъ, дѣломъ первой государственной важности. Край въ свое время такъ или иначе заоеванъ и онъ становится не малю частицею нашего обширнаго отечества. Сліяніе, ассимиляція съ метрополіей здѣсь само собою подразумѣвается. Но какъ достигнуть этого? Одно и главнѣйшее условіе—возможно широкое распространеніе отечественнаго языка. Если бы туземцы,—сарты и киргизы,—свободно заговорили по-русски, то русское дѣло въ краѣ можно было бы считать утвердившимся. Фактъ общеизвѣстный, что мы—духовныя дѣти того государства, того народа на языкѣ котораго говоримъ. Съ этой точки зрѣнія слова ген.-маіора Н. Н. Гродекова, что „день открытія русскаго училища въ азіатскомъ Ташкентѣ долженъ быть счастливѣйшимъ днемъ въ жизни туземцевъ, что долженъ быть благословенъ часъ его открытія“,—слова эти имѣютъ глубокой исторической смыслъ и славную будущность. Вновь открытое училище будетъ прототипомъ всѣхъ другихъ подобныхъ училищъ; оно являеться такимъ образомъ маленькимъ зерномъ, роскошные и желанные всходы котораго должны все болѣе и болѣе покрывать дикіе духовныя пустыни и дебри. А все это вмѣстѣ должно повести къ сліянію Азіи съ Европой, къ удаленію нравственнаго и духовнаго застоя и вступленію на путь истинной культуры, истиннаго прогресса“*).

Въ циркулярѣ по учебному вѣдомству Туркестантскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Н. О. Розенбахъ (отъ 30 сентября 1886 года) писалъ начальникамъ областей края:

„Однимъ изъ ближайшихъ поводовъ къ моему ходатайству объ открытіи русско-мусульманскихъ школъ для туземцевъ

*) Туркест. Вѣдом. отъ 8 января 1895 г. № 1.

послужили какъ заявленія объ этомъ со стороны ихъ самихъ (наприм., лучшихъ представителей мѣстнаго общества въ азіатской части г. Ташкента), такъ и главнымъ образомъ—желаніе мое способствовать зарожденію и укрѣпленію русскаго духа въ этомъ населеніи и развитію его въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. Подобно воспитанію отдѣльныхъ личностей, и воспитаніе цѣлыхъ человѣческихъ обществъ не должно быть предоставляемо на волю случая. Возможно, что и юныя общества, лишенныя всякихъ высшихъ благотворныхъ попеченій, возрастутъ и окрѣпнутъ, благодаря вліянію только одной благотворной среды, мощному темпераменту и счастливымъ обстоятельствамъ. Но если вообще такой ростъ является очень рѣдкимъ исключеніемъ и совершается притомъ медленно и съ большимъ трудомъ, то въ данномъ случаѣ на него никакъ нельзя рассчитывать. До принятія Туркестантскаго края Всемилюстіяѣйшимъ Монархомъ въ подданство, мирные жители страны не знали мира. На ихъ трудовыхъ нивахъ не высыхала кровь, проливаемая постоянными заводчиками междоусобной смуты. Никто не зналъ своей собственности. Закономъ служила нерѣдко преступная воля случайно возвысившагося мятежника, противъ котораго въ свою очередь готовился уже заговоръ. Лесть, коварство, измѣна царили на каждомъ шагу. Вездѣ господствовало общее недоувѣріе. Таковы грустныя страницы прошедшей исторіи бывшихъ здѣсь ханствъ; и не среди этого нравственнаго убожества возможно было зародиться мощному народному характеру, открытой прямотѣ, смѣлой честности; не при такихъ условіяхъ могла развиваться здѣсь сельско-хозяйственная промышленность, процвѣтать торговля. Нашъ долгъ теперь состоитъ въ томъ, чтобы юное, обезличенное общество туземцевъ поставить въ наиболѣе выгодныя условія для развитія его естественныхъ способностей, сгладить ему путь, предоставить средства и всѣ необходимыя и полезныя орудія прогресса для его нравственнаго и матеріальнаго роста.

„Лучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ этому должны послужить вновь открываемыя школы. Онѣ ближайшимъ и самымъ вѣрнымъ путемъ объединять бытовые и экономическіе интересы всѣхъ народностей, населяющихъ Туркестантскій край, съ обще-

государственными, и такимъ образомъ легче всего посодѣйствуютъ къ прочному и окончательному сліянію всѣхъ этихъ народностей съ великой семьей кореннаго русскаго народа въ нашей могущественной метрополіи. Еще при открытіи первой русско-мусульманской школы въ азіатской части гор. Ташкента, почти два года тому назадъ (19 декаб. 1884 г.) сказалось въ туземцахъ сознаніе того, что русская государственная власть—родная для нихъ власть, что русскій языкъ долженъ сдѣлаться роднымъ ихъ языкомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ это сознаніе значительно развилось, окрѣпло. Почти во всѣхъ городахъ Туркестанскаго края пришлось открыть при училищахъ вечерніе курсы для взрослыхъ туземцевъ, чтобы облегчить имъ возможность усвоенія русской рѣчи, а въ Ташкентѣ, кромѣ того, многіе туземцы изучаютъ русскій языкъ и частнымъ образомъ. Вновь открываютъ двери для всякаго, желающаго изучить русскую грамоту, не устраниая въ то же время туземцевъ отъ усвоенія ими религіозныхъ воззрѣній и грамоты. Вводимая въ открываемыхъ школахъ система образованія не имѣетъ въ виду лишить послѣднихъ религіознаго характера. Напротивъ, для успѣха русско-мусульманской школы считается необходимымъ, чтобы въ ней преподавался туземцамъ законъ ихъ вѣры ихъ же муллой. Введеніе такой мѣры имѣетъ двоякую цѣль: во-первыхъ, гарантируя туземцамъ свободу религіозныхъ убѣжденій, оно лишаетъ всякаго основанія продолжающее гнѣздиться еще кой-гдѣ опасеніе, что русская школа стремится къ уничтоженію среди туземцевъ ихъ религіознаго міровоззрѣнія. И во-вторыхъ, лишая почвы пріютившійся подъ благовиднымъ предлогомъ въ мусульманскихъ школахъ сепаратизмъ, она постепенно поведетъ къ ихъ сліянію съ открываемыми вновь русскими школами грамотности въ туземныхъ селеніяхъ и аулахъ. Черезъ это откроется возможность установить дѣйствительный и постоянный контроль за направленіемъ мусульманскихъ школъ вообще, дѣлать имъ необходимыя указанія, помогать въ ихъ нуждахъ, а въ случаѣ—и противодѣйствовать злонамѣреннымъ проповѣдникамъ, которые среди кочеваго населенія проводятъ обманныя идеи и неправильно истолковываютъ распоряженія правительственной власти.

„Въ видахъ возможно болѣе близкаго приноровленія открываемыхъ школъ къ мѣстнымъ требованіямъ и бытовымъ условіямъ среды, для которой онѣ предназначаются, мною предположено дать имъ, въ главныхъ чертахъ, слѣдующее устройство:

1. По отношенію учебной программы ограничить преподаваніе сообщеніемъ основныхъ началъ русской грамотности, т. е. приученіемъ къ правильному чтенію, письму и счету (арифметикѣ) въ предѣлахъ, строго-необходимыхъ для элементарныхъ потребностей инородческаго быта, а главнымъ образомъ—направить усилія къ возможно болѣе совершенному усвоенію туземцами русской рѣчи и къ наибольшему навыку въ употребленіи обыкновеннаго русскаго разговорнаго языка.

2. По отношенію матеріальной обстановки—ограничиться самымъ необходимымъ въ такой мѣрѣ, чтобы школы эти въ мѣстностяхъ, занятыхъ кочевымъ населеніемъ, имѣли возможность безъ затрудненій слѣдовать за передвиженіемъ ауловъ въ ихъ періодическихъ перекочевкахъ; вообще же дать всѣмъ имъ недорого стоящую постановку, которая бы не производила слишкомъ замѣтной розни съ примитивнымъ складомъ домашней жизни инородцевъ. Образцомъ въ этомъ отношеніи должна послужить русско-мусульманская школа въ Ташкентѣ, съ обстановкой которой и вообще съ веденіемъ въ ней дѣла и должны познакомиться всѣ, назначаемые на должности учителей во вновь открываемыя школы.

3. Въ отношеніи школьнаго управленія, возложить веденіе дѣла на одного только учителя, съ тѣмъ условіемъ, чтобы независимо отъ педагогической подготовки, онъ обладалъ знаніемъ нарѣчія той народности, для которой предназначено данное училище.

«Небольшое, сравнительно, на первое время число (18) школъ, проектируемыхъ на счетъ казны, несомнѣнно заслужитъ довѣріе туземцевъ и будетъ постепенно увеличиваться на ихъ собственный счетъ.

«Такое увеличеніе и возможно широкое распространеніе русско-мусульманской школы тѣмъ болѣе желательно, что оно должно привести къ плодотворнымъ результатамъ. Повторяю, что судьба народа, его процвѣтаніе или упадокъ зависятъ въ

послѣдней инстанціи отъ направленія и состоянія его школъ. Народъ, имѣющій самыя лучшія училища—это первый народъ: если онъ не первый сегодня, будетъ имъ завтра*).

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что сарты отнеслись къ новооткрытымъ школамъ съ расположеніемъ и довѣріемъ**). Самое открытіе школъ, особенно внѣ Ташкента, происходило при значительномъ давленіи сверху: главный начальникъ края генераль-адъютантъ Н. О. Розенбахъ желалъ провести свой взглядъ возможно шире, а одинъ уѣздный начальникъ проявилъ усердіе свое чрезъ мѣру. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя русско-туземныя школы были открыты преждевременно и были пополняемы *наемными* дѣтьми бѣдняковъ; образовалась негласно новая повинность, извѣстная въ народѣ подъ именемъ «школъ-пули»—

*) Туркест. Вѣдом. отъ 14 октября 1886 г. № 40.

**) Въ древней Россіи было тоже самое, когда въ Россіи XVII в., явилась настоятельная необходимость въ сближеніи съ Европою, ради ея матеріальной культуры, ради тѣхъ техническихъ успѣховъ, безъ усвоенія которыхъ Московское царство, не смотря на свою внутреннюю самобытность, не могло бы отстоять своей внѣшней самостоятельности. Сначала московскіе люди отнеслись къ дѣлу спокойно и осторожно: хотѣли воспользоваться только практическими необходимыми знаніями и умѣніями Запада, результатами матеріальной культуры,—безъ всякаго духовнаго общенія. Но скоро явился трудный вопросъ—о языкѣ; нельзя перенять чужого искусства, не зная чужого языка. Уже при царѣ Борисѣ, духовенство воспротивилось основанію школъ для обученія русскихъ разнымъ языкамъ. Говорили, что великая Россія едина по вѣрѣ, языку и нравамъ: «будетъ много языковъ,—встанетъ смута въ землѣ». Тѣмъ не менѣе практическая потребность взяла верхъ, и пришлось согласиться, по крайней мѣрѣ, на посылку за границу молодыхъ людей «для науки разнымъ языкамъ и грамотамъ»,—только съ условіемъ: «беречь накрѣпко, чтобы они не оставили своей вѣры и своихъ обычаевъ».

„Это сопоставленіе вѣры и обычаевъ, какъ чего-то равнозначительнаго, очень характерно, и въ немъ заключалось главное затрудненіе. Уже дядя царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ не сумѣлъ соблюсти поставленной границы и дошелъ до того, что сшилъ себѣ платье иноземнаго покроя для охотничьихъ поѣздокъ. Святѣйшій патріархъ, радѣя о душевномъ спасеніи добраго боярина, выпросилъ себѣ на время, подъ благовиднымъ предлогомъ, опасные костюмы и изрѣзалъ ихъ на куски. Ножницы партіарха, рѣжушія иноземный кафтанъ, предавали ножницы Царя, обращенныя на русскія бороды. Что лучше—объ этомъ можно спорить; но ясно, что одно вызывало другое, и что поступокъ патріарха былъ уже началомъ послѣдовавшей затѣмъ борьбы“. С. Петерб. Вѣдом. 1897 г. № 74.

деньги на школу, которыя шли на наемъ подставныхъ дѣтей бѣдняковъ взаменъ дѣйствительныхъ сыновей вліятельныхъ сартовъ. Разумѣется, такія школы не привились къ населенію, и ихъ пришлось перевести въ другіе пункты. Были и злонамѣренные люди, страшавшіе сартовъ нелѣпою выдумкою, что вновь открытыя школы имѣютъ цѣлію подготовить дѣтей ихъ къ отбыванію воинской повинности и даже къ крещенію. Это безсмысленное запугиваніе шло, очевидно, отъ татаръ, такъ какъ внутри Россіи подобные же страхи татары распространяли среди другихъ инородцевъ Поволжья и сами противились введенію въ своихъ школахъ русскаго языка. Наконецъ, и сами сарты не могли такъ скоро проникнуться мыслию о необходимости сближенія съ русскимъ управленіемъ, съ русскими законами и съ самимъ русскимъ народомъ. Торговцы въ городахъ сами-собою учились русскому языку: это было выгодно имъ и давалось легко. Не то было съ учеными представителями сартскаго населенія: казіи, мударриссы, аглямы, муфтіи, аксакалы и пр., если и сознавали про себя очевидную выгоду знанія русскаго языка, то лицемѣрно скрывали это сознаніе предъ народомъ, чтобы не прослыть отступниками отъ народныхъ взглядовъ и измѣнниками своей вѣрѣ (по мусульманской логикѣ это выходитъ послѣдсѣательно). Даже въ Ташкентѣ туземныя должностныя лица, за исключеніемъ двухъ-трехъ, до сихъ поръ русскаго языка не знаютъ и русской грамотѣ не научились; въ туземныхъ школахъ (мадраса и мактабъ) о русскомъ языкѣ и помину нѣтъ. Поэтому въ туземной газетѣ не разъ печаталось разъясненіе относительно неосновательности предубѣжденія сартовъ противъ русскаго языка и грамоты; въ тѣхъ же видахъ газета съ 1885 года до 1906 года печаталась съ русскимъ текстомъ.

Въ концѣ 1891 года Туркестанскій генералъ-губернаторъ Баронъ А. Б. Вревскій, въ циркулярѣ своемъ на имя военныхъ губернаторовъ областей края, писалъ: „При близкомъ и подробномъ ознакомленіи съ русско-туземными школами, существующими въ крѣпѣ шестой годъ, оказывается, что школы этн заняли среди туземнаго населенія устойчивое положеніе. Мѣстные жители относятся къ нимъ безъ противодѣйствія и безъ

фанатической непріязни. Наиболѣе здравомыслящіе сарты и киргизы довѣрчиво помѣщаютъ въ эти школы своихъ дѣтей и довольны успѣхами ихъ въ знаніи русскаго языка, въ умѣньи говорить, читать, писать и считать по-русски. Разказы о вербованіи сартовскихъ дѣтей въ русско-туземныя школы принудительными, будто бы, мѣрами или подкупаніемъ отошли въ область преданій. Тѣмъ не менѣе настоящимъ положеніемъ русско-туземныхъ школъ довольствоваться нельзя и оставлять ихъ въ такомъ положеніи не слѣдуетъ. Число учащихся въ каждой школѣ незначительно, даже въ городахъ и кишлакахъ съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Ученики посѣщаютъ русскую школу крайне неаккуратно, и многіе, не утвердившись въ знаніяхъ, перестаютъ учиться, когда хотятъ. Результаты отъ такого ученія, за немногими исключеніями, ничтожны и не соотвѣтствуютъ затратѣ значительныхъ суммъ (свыше 23000. руб. въ годъ), которыя расходуются на содержаніе туземныхъ школъ изъ государственнаго казначейства и изъ сбора съ мѣстнаго населенія.

Причина неудовлетворительнаго состоянія русско-туземныхъ школъ очевидна. До сихъ поръ туземцы, за исключеніемъ, можетъ быть, торгующихъ съ русскими или на русскихъ базарахъ, не могутъ понять того, какое значеніе имѣетъ для ихъ дѣтей обученіе по-русски, какую пользу можетъ приносить имъ знаніе русскаго языка, какъ разговорнаго, такъ особенно книжнаго, ради чего должны они посылать дѣтей своихъ въ русскую школу, изъ которой если и выносятся полезныя знанія, то нигдѣ и ни къ чему не приложимыя. Этого мало. Усердныя къ ученію юноши, обучившись русскому языку и не находя въ жизни никакого приложенія своихъ знаній къ дѣлу, легко и скоро забываютъ то, чему учились, тѣмъ болѣе, что въ домашнемъ быту не имѣютъ ни возможности говорить, ни потребности читать и писать по-русски.

Предполагать и надѣяться, что жители Туркестанскаго края сами сознаютъ пользу и восчувствуютъ удовольствіе отъ изученія русскаго языка, отъ тѣхъ знаній, которыя сообщаются въ русско-туземныхъ школахъ, значило бы оставлять дѣло въ обычной косности, надолго задерживать обрусѣніе или духовное об-

щеніе средне-азіатской окраины съ русскою народностію и тѣмъ самымъ задруднять сліяніе этой окраины съ имперіей. Съ другой стороны, привлеченіе туземныхъ дѣтей въ школу только черезъ посредство волостныхъ управителей и аксакаловъ не приводитъ къ желательной цѣли: дѣти, приступая къ ученію не по желанію родителей или родственниковъ, а по внѣшнему поужденію, учатся неохотно, подневольно и безуспѣшно. Способъ этотъ не соотвѣтствуетъ достоинству русской школы и русскаго правительства.

.Настало время поставить дѣло такъ, чтобы въ русской и только въ русской школѣ туземцы видѣли носительницу и насадительницу знаній, необходимыхъ для всякаго рода общественной службы и дѣятельности, чтобы знали о неприложимости къ настоящему государственному и общественному строю ихъ быта тѣхъ знаній, которыя выносятся изъ мадрасы и мактаба. Быть этотъ самъ соборъ, силою неотразимыхъ обстоятельствъ, предъявляетъ требованія на такія знанія и умѣнья, которыхъ не даютъ и не могутъ дать школы мусульманскія. А туземцы, какъ и всѣ простые люди, прежде и больше всего интересуются утилитарной стороною книжнаго ученія, его приложимостію къ практическимъ цѣлямъ.

.Мѣстные мусульмане, знающіе русскій языкъ, могутъ и должны пользоваться имъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, не только при отправленіи обязанностей казиевъ, биевъ, волостныхъ управителей, аксакаловъ и состоящихъ при сихъ лицахъ мирзъ, а также сельскихъ старшинъ, всѣхъ полицейскихъ служителей въ русскихъ частяхъ каждаго города и, по крайней мѣрѣ, старшихъ въ частяхъ туземныхъ, не только при этихъ обязанностяхъ, но и при другихъ разнообразныхъ службахъ и занятіяхъ въ волостныхъ правленіяхъ, судахъ, казначействахъ, банкахъ, почтовыхъ конторахъ, при работахъ по садоводству и особенно по ирригаціи. Для подготовки къ послѣднимъ занятіямъ, ученикамъ русско-туземныхъ школъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, слѣдуетъ сообщать гавнѣйшія свѣдѣнія и умѣнья, необходимыя для выполненія культурныхъ работъ и для правильнаго наблюденія за ними.

„Сообщая о вышеизложенномъ, имѣю честь просить Ваше Превосходительство неотложно принять настоятельныя мѣры къ тому, чтобы отнынѣ туземцы, знающіе русскій языкъ, избирались и назначались на указанныя и другія должности и службы, предпочтительно предъ незнающими его, и чтобы сущность настоящаго распоряженія возиожно чаще была оповѣщаема и уясняема населенію вѣреннаго мнѣ края* *).

Но и обѣщанныя въ циркулярѣ поощренія не могли сразу измѣнить положенія дѣла частію потому, что обучавшіяся въ русско-туземныхъ школахъ дѣти туземцевъ, и по выходѣ изъ школы, оставались еще въ большинствѣ случаевъ несовершеннолѣтними и потому не могли выступать въ дѣятельной роли должностныхъ лицъ. Были и другія препятствія, зависѣвшія иногда отъ личнаго усмотрѣнія тѣхъ начальниковъ, которые могли бы поощрить обучавшихся въ этихъ школахъ туземцевъ... Но изложенный въ циркулярѣ взглядъ поддерживался въ населеніи; сарты съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе убѣждаются въ необходимости и пользы обученія своихъ дѣтей русскому языку и русской грамотѣ: къ 1 января 1896 года въ 14 русско-туземныхъ школѣхъ Сыръ-Дарьинской области обучались 402 туземныхъ мальчика, да въ 6 город. училищахъ 104 мальчика; въ Ферганской и Самаркандской областяхъ, въ русскихъ и русско-туземныхъ школахъ обучалось 309 мальч.; на вечер. курсахъ при разныхъ школахъ обучалось 100 взрослыхъ туземцевъ. Въ 1907 году въ Туркестанскомъ краѣ было 83 русско-туземныхъ школы, въ которыхъ обучались 2700 мальчиковъ.

Цифры эти значительны, особенно если принять во вниманіе недавнее существованіе русско-туземныхъ школъ въ краѣ (съ конца 1884 г.) и своеобразный взглядъ туземцевъ на образованіе вообще и на предметъ обученія языку иноплеменихъ и иновѣрныхъ побѣдителей. Слѣдуетъ припомнить, что и русскіе временъ Петра I всѣми мѣрами противились новымъ, заводимымъ Преобразователемъ Россіи школамъ. Достаточно сказать, что указъ 1708 г. объ обученіи дѣтей священнослужителей въ

*) Тузем. газета 1892 г. № 3. Этотъ циркуляръ былъ подтвержденъ въ 1897 г. См. Турк. Вѣд. 1890 г. № 73 (циркуляръ генераль-губернатора).

школахъ греческому и латинскому языкамъ сопровождался неоднократными подтвержденіями обязательности такого обученія и, несмотря на это, герой современной Петру I интермедіи сначала давалъ подъячимъ взятки, чтобы его дѣтей не брали въ семинарію,*) а когда и взятки не помогли, онъ говорилъ слѣдующія горькія слова:

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, сберитесь сюда,

Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!

Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,

И въ проклятую семинарію,**) на муку отбираютъ.

О, мои дѣтушки сердечные,

Не на ученіе васъ берутъ, но на мученіе безконечное.

Лучше намъ не родится на сей свѣтъ, а хотя и родится,

Того же числа киселемъ задавится и въ воду утопится.

О, мой милые дѣтушки,

И бѣлые лебедушки,

Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,

Нежели въ семинарію на муку отдалъ!

Прощайте, мои дѣтушки, ужъ мнѣ васъ не видать,

И съ вами ужъ никогда не живатъ***).

Въ видахъ поощренія дѣтей турк. туземцевъ къ изученію русскаго языка, туркестанскимъ начальствомъ устраивались экскурсіи для учащихся въ русско-туземныхъ школахъ во внутреннюю Россію. Устраивая такія экскурсіи, учебное начальство правильно разсуждало, что косное невѣжество и фанатизмъ турецкихъ туземцевъ въ значительной степени поддерживаются отъ незнанія ими Европейской Россіи, вслѣдствіе чего среди нихъ легко распространяются нелѣпыя представленія о жизни русскаго народа внутри Имперіи. Поѣздка взрослыхъ туземцевъ въ разные города Евр. Россіи, по распоряженію генераль-губернатора, и учебно-образовательныя экскурсіи ихъ дѣтей, обучав-

*) Буквально тоже самое наблюдалось и среди сартовъ: нѣкоторые изъ нихъ откупали своихъ сыновей отъ русской школы и нанимали учиться дѣтей бѣдняковъ, какъ объ этомъ сказано выше.

**) Т. е. семинарію.

***) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ. Спб. т. I. 1862 года стр. 448, 454.

щихся въ русско-туземныхъ школахъ, должны были разсѣивать предубѣжденія и ложныя представленія ихъ о Россіи: во время такихъ путешествій, хорошо обставленныхъ, юные туркестанскіе туземцы лично знакомились съ разнообразными невиданными дотоѣ картинами природы, съ обширною торговлею и промышленностью Россіи, съ ея фабриками и заводами и съ благоустройствомъ встрѣчавшихся на пути большихъ городовъ, особенно столицъ государства. На молодыхъ экскурсантовъ должны были производить хорошее впечатлѣніе наблюденія за мирною жизнью въ предѣлахъ Россіи многочисленныхъ разноплеменныхъ инородцевъ, не стѣсняемыхъ ни въ вѣрованіяхъ, ни въ обычаяхъ повседневною семейной и общественной жизни, ни въ языкѣ родномъ. Эти драгоцѣнныя впечатлѣнія и разнообразныя свѣдѣнія, получаемыя во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, особенно во время остановокъ въ большихъ городахъ, тѣмъ болѣе въ столицахъ, должны были глубоко запастъ въ молодыя души туземныхъ мальчиковъ и сохраниться на всю жизнь, а со словъ живыхъ очевидцевъ распространяться и въ туземной средѣ. Въ этихъ соображеніяхъ, маршрутъ экскурсій тщательно обдумывался и опредѣлялся слѣдующими пунктами: Ташкентъ-Красноводскъ по желѣзной дорогѣ, Каспійское море, Астрахань-Саратовъ—на пароходѣ, Саратовъ-Москва-Петербургъ—по желѣзной дорогѣ; на обратномъ пути ст. Бологое-Рыбинскъ, далѣе—по Волгѣ, съ остановками въ Н.-Новгородѣ, Казани, Астрахани и Баку; отъ Баку по Каспійскому морю въ Красноводскъ и по желѣзной дорогѣ чрезъ Самаркандъ домой.

На пути слѣдованія и во время остановокъ экскурсантами оказывали всякое содѣйствіе военныя и гражданскія власти и учебное начальство. Юные экскурсанты осматривали достопримѣчательности городовъ и обѣихъ столицъ и присутствовали на Высочайшемъ парадѣ войскъ въ Красносельскомъ лагерѣ. При заботливомъ уходѣ со стороны завѣдывавшаго экскурсіей г. Кузнецова, всѣ дѣти были спокойны, здоровы и веселы.

Къ сожалѣнію, эти экскурсіи не могли продолжаться. вслѣдствіе большихъ расходовъ и наступившей скорѣ затѣмъ войны съ Японіей.

Экскурсанты 1901 года.

Не имѣя возможности дѣлать большія выписки изъ интереснаго описанія упомянутой поѣздки молодыхъ туземцевъ въ 1901 году, ограничимся слѣдующими строками:

„Около семи часовъ утра 16-го іюля экскурсія выѣхала въ Красное село. Здѣсь, на вокзалѣ, ее ждали придворныя линейки. На военномъ полѣ экскурсія была поставлена такъ, что могла видѣть построенія ученья, ѣзду и атаки юнкеровъ. Быстрота, ловкость и другія выполненія военныхъ упражненій молодыми русскими воинами, сверстниками многихъ изъ туземцевъ, поразили послѣднихъ. Лишь только экскурсанты замѣтили Государя во время объѣзда Имъ линіи военныхъ училищъ, какъ ими овладѣло необычайное волненіе. Словно, желая ободрить юныхъ туземцевъ, къ нимъ подъѣхалъ сначала и. д. военного министра г. л. Сахаровъ, освѣдомился, всѣ ли экскурсанты здѣсь въ сборѣ и спросилъ, изъ какихъ они мѣстъ. Затѣмъ экскурсію удостоилъ своимъ вниманіемъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Подъѣхавъ къ нимъ, Великій Князь спросилъ, всѣ ли здоровы, и шутливо замѣтилъ, что путешественники въ такомъ жару, навѣрно, чувствуютъ себя здѣсь, какъ дома. (А жара тогда въ Петербургѣ на самомъ дѣлѣ не уступала Туркестанскій). На привѣтствіе Великаго Князя и ген.-лейтенанта Сахарова ученики дружно отвѣтили. Но вотъ, послѣ атаки, произведенной кавалерійской сотней, Государь повернулъ коня и направился къ Туркестанской экскурсіи, въ сопровожденіи Государыни Императрицы Александры Θεодоровны, находившейся въ шарабанѣ вмѣстѣ съ Греческою Королевою. Экскурсанты благоговѣнно воззрились на приближающагося къ нимъ Царственного Всадника. Слезы подступили къ глазамъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ обратились къ руководителю съ вопросомъ: „Не будетъ ли бѣдой, если мы не удержимся и заплачемъ отъ радости?“ — Государь остановился противъ руководителя экскурсіи, учителя Кузнецова, и полковника Гескета, стоявшихъ на правомъ флангѣ. На привѣтствіе Его Величества ученики хоромъ отвѣтили: „Здравія желаемъ, Ваше Императорское величество!“ Затѣмъ Монархъ милостиво сталъ спрашивать руководителя Кузнецова, другіе ли это экскурсанты, или тѣже, что были въ Петербургѣ въ прошломъ году, изъ какихъ

школь, откуда именно, изъ сколькихъ училищъ, сколько лѣтъ самому маленькому, давно ли экскурсія въ Петербургъ и все ли въ немъ видѣла... Потомъ Государь объѣхалъ линію экскурсантовъ и соизволилъ благосклонно сказать: „Очень радъ васъ видѣть. Прощайте. Счастливаго пути. Кланяйтесь своимъ“.

Во время распросовъ Государя объ экскурсіи, Государыня Императрица, экипажъ которой останавливался въ отдаленіи, саженьяхъ въ 10-ти отъ партіи, сфотографировала группу экскурсіи. Невозможно описать душевное состояніе экскурсантовъ во время пріема ихъ Державнымъ Вождемъ Россіи. Умиленно-восторженное настроеніе ихъ усугублялось еще улыбкой, ласковостію и добротою, которыми свѣтилось лицо и звучалъ голосъ Государя при обращеніи Его къ экскурсіи.

„Удивительное дѣло“, говорили послѣ туземцы своему руководителю: „при видѣ Царя лицо у каждого изъ насъ плакало, а глаза смѣялись“. Просто мы не понимали, что дѣлалось съ нами тогда; мы были въ такомъ состояніи, словно возносились съ земли на небо.“ Свѣдущіе люди увѣряли, что такой пріемъ, какой былъ оказанъ Государемъ нашимъ туземцамъ, не всегда выпадаетъ на долю иностранныхъ посольствъ. Другіе говорили, что многіе русскіе люди готовы пожертвовать громадными деньгами, чтобы только какъ-нибудь увидѣть Государя, и это имъ не удается. Безъ сомнѣнія, высокаторжественная минута пріема туркестан. экскурсантовъ Повелителемъ многихъ христіанскихъ и мусульманскихъ народовъ навѣки запечатлится въ памяти юныхъ туземцевъ и, какъ счастливейшій моментъ въ ихъ жизни, впослѣдствіи будетъ передаваться между ими отъ отца и къ дѣтямъ, переходя изъ рода въ родъ*).

Образовательные результаты этой экскурсіи руководитель г. Кузнецовъ видитъ въ этомъ, что изъ осмотра обѣихъ столицъ и приволжскихъ городовъ съ ихъ достопримѣчательностями, сопровождавшагося необходимыми объясненіями, юные туземцы познакомились въ извѣстной степени съ художественной, исторической, торгово-промышленной, этнографической и бытовой жизнью Россіи. Осмотръ дворцовъ, соборовъ и музеевъ, гдѣ блестятъ

*) Стр. 13—15 отдѣльной брошюры.

золото, серебро, зеркала, паркетъ, гдѣ великолѣпная разнообразная мебель изъ цѣннаго дерева обита дорогими матеріями, гдѣ, наконецъ, иконы, картины, статуи такъ чудно исполнены,—осмотръ этихъ зданій съ ихъ убранствомъ переносилъ экскурсантовъ, по ихъ мнѣнію, во что-то сказочно-волшебное. По различнаго рода памятникамъ туземцы отчасти познакомились съ выдающимися русскими царями, полководцами и писателями прошлаго. Видѣнные экскурсантами фабрики и заводы дали имъ понятіе о технической силѣ Россіи, объ ея промышленности. Такіе пункты, какъ Баку съ его нефтью и керосиномъ, Нижній Новгородъ съ его ярмаркой, гостинные дворы, пассажи и рынки въ столицахъ и другихъ городахъ нѣсколько познакомили туземцевъ съ торговлей Россіи.

Во время поѣздки ученики приходили въ соприкосновеніе съ туркменами въ Закаспійской области, персами тамъ же, въ Баку и Петровскѣ, съ татарами въ Казани и Астрахани, съ калмыками и киргизами. Изъ этого соприкосновенія экскурсанты вынесли, во-первыхъ, свѣдѣнія объ инородческомъ населеніи восточной части Европейской Россіи, а во-вторыхъ — убѣжденіе, что и въ самой Россіи мирно и счастливо живутъ не только ихъ братья по языку и вѣрѣ — мусульмане, а даже и язычники (калмыки). Кромѣ того, юные туземцы обратили вниманіе на то, что въ Казани и Астрахани татары живутъ въ такихъ же домахъ, какъ и русскіе, что у многихъ и обстановка русская, и что женщины-татарки ходятъ тамъ съ открытыми лицами. Разстояніе отъ Ташкента или Андижана до Петербурга дало туземцамъ представленіе о величинѣ Россіи въ одномъ направленіи, а по видѣннымъ въ пути и во время остановокъ городамъ, станицамъ, селамъ и деревнямъ экскурсанты могли составить себѣ понятіе о числѣ народонаселенія Россіи. Каспійское и Балтійское моря, Дагестанскія горы, рѣки Донъ и Волга, лѣса дали экскурсантамъ понятіе о природѣ этой части Россіи, по которой они проѣзжали. Желѣзные дороги, пароходы, электрическіе трамваи, конки, электрическое освѣщеніе и многочисленныя грандіозныя зданія наводили путешественниковъ на мысль о культурныхъ удобствахъ жизни въ Россіи. Благодаря экскурсіи, юные туземцы на себѣ убѣдились въ радушіи и доб-

ротѣ русскаго народа, въ чисто братскимъ сердечномъ отноше-
ніи его къ другимъ національностямъ. Не говоря уже о всеоб-
щемъ вниманіи къ молодымъ туземцамъ со стороны интелли-
гентной части русскаго общества, люди изъ простыхъ классовъ
народа также вездѣ съ участіемъ относились къ нимъ, распра-
шивали ихъ, дѣлились своими свѣдѣніями, совѣтами, желали
счастливаго путешествія и т. д...

„Короче говоря, совершенная туземцами поѣздка дала имъ
въ извѣстныхъ предѣлахъ общее всестороннее знакомство съ
Европейской Россіей, показала имъ величіе и мощь Россіи и,
конечно, разсѣяла ложныя, самоувѣренныя представленія, будто
они, мусульмане Средней Азіи, послѣ турокъ Стамбула, самый
образованный народъ въ мірѣ, а остальные народы—варвары*).

Къ сожалѣнію, скажемъ отъ себя, наступившая потомъ неудач-
ная война Россіи съ Японіей и послѣдовавшая затѣмъ внутренняя
смута, коснувшаяся и Туркестана, ослабили благопріятное впе-
чатлѣніе, вынесенное экскурсантами изъ описанной поѣздки...

*) Стр. 22—24 отд. брошюры.

Первыя поѣздки взрослыхъ туземцевъ въ Евр. Россію и въ З. Европу.

На стр. 140 сказано, что первый Туркестантскій Генераль-Губернаторъ, ген.-ад. К. П. фонъ-Кауфманъ командировалъ въ 1877 году нѣсколько туземцевъ въ С.-Петербургъ, на конгрессъ ориенталистовъ. Послѣ такія же командировки устраивались по случаю Высочайшихъ торжествъ св. Коронованія Русскихъ Государей Императоровъ Александра III и Николая Александровича. Внѣ всякаго сомнѣнія, что необыкновенныя по своей величественности торжества производили на Туркестантскихъ туземцевъ невыразимо сильныя впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, по непривычкѣ и неумѣнью записывать свои впечатлѣнія, а также и изъ боязни своихъ косныхъ и неразвитыхъ соплеменниковъ, даже такой видный представитель Ташкентскихъ сартовъ, какимъ былъ казіи Мухитдинъ (см. его портретъ), не рѣшилъ выступить въ печати съ своими откровенными мыслями и чувствами, вызванными у него поѣздками въ столицу Русскаго Государства и лично видѣнными необыкновенными торжествами, сопровождавшимися для него Высочайшими наградами. Такъ были непривычны и подавляющи первыя соприкосновенія Среднеазиатскихъ сартовъ съ другой, невиданной ими дотолѣ жизнью. Но отголоски рассказовъ объ этихъ поѣздкахъ оставляли свой слѣдъ въ туземской массѣ, и черезъ 10 лѣтъ Самаркандскій торговецъ, 2-й гильдіи купецъ, Мирза Бухаринъ, по личному почину, отправился въ Евр. Россію, на сельско-хозяйственную выставку, устроенную въ октябрѣ 1887 года въ Харьковѣ.

Казій Мухитдинъ-ходжа..

По окончаніи выставки, онъ отправился въ Москву и Петербургъ, и 18 декабря, въ пятницу, былъ удостоенъ представленія Государю Императору, въ Гатчинскомъ Дворцѣ Его Величества. Возвратившись въ Москву, Мирза Бухаринъ составилъ описаніе своего путешествія и прислалъ мнѣ рукопись для напечатанія въ Туземной газетѣ. Рукопись была исправлена мною и напечатана въ №№ 4—7 газеты за 1888 годъ въ слѣдующемъ видѣ:

. По пріѣздѣ моемъ въ городъ Харьковъ, я остановился въ гостинницѣ и на другой день явился къ членамъ комисіи сельско-хозяйственной выставки въ своемъ почетномъ халатѣ, имѣя на шеѣ двѣ золотыя медали. Члены комисіи очень заинтересо-

вались моей одеждой: мой халатъ былъ обшитъ галуномъ въ два ряда. Они обратили также вниманіе свое и на двѣ золотыя медали мои. До этого времени въ г. Харьковѣ изъ туземцевъ Туркестанскаго края въ такой одеждѣ еще никто не былъ. Кроме того, въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ было напечатано, что „въ кустарномъ отдѣлѣ выставки находится интересный экспонентъ—туземецъ изъ Туркестанскаго края, Мирза Бухаринъ, въ своемъ мѣстномъ костюмѣ, что онъ прибылъ изъ Самарканда и привезъ съ собой шелковыя матеріи, которыя успѣли обратить на себя вниманіе бывшей на выставкѣ публики. Привезенныя имъ шелковыя матеріи очень скоро были распроданы, и онъ получилъ за эти матеріи вторую награду—медаль“.

Далѣе Мирза Бухаринъ рассказываетъ, что когда онъ гулялъ по улицамъ города Харькова, то на него обращали вниманіе всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ, а нѣкоторые даже останавливали его на дорогѣ и спрашивали: откуда вы пріѣхали? гдѣ получили двѣ золотыя медали? „Когда зайдешь, говоритъ Бухаринъ, въ магазинъ что-нибудь купить, то русскіе купцы, видя меня въ почетномъ халатѣ и при медаляхъ, оказывали мнѣ большое вниманіе и разговаривали со мной очень вѣжливо. Былъ со мной русскій приказчикъ, тоже самаркандскій житель, Василій Ефимовичъ Жуковъ. Онъ знаетъ нашъ туземный языкъ, и мы во время покупки товара разговаривали съ нимъ по туземному. Слыша нашъ разговоръ, русскіе приказчики магазина смотрѣли на насъ съ удивленіемъ, а послѣ разговора спрашивали меня: кто это съ вами? Скажешь имъ, что это русскій приказчикъ, они не вѣрятъ и говорятъ: должно быть, и онъ—туркестанскій туземецъ. А нѣкоторые говорили даже: это—вашъ сынъ... Когда я проѣзжалъ рано утромъ изъ квартиры на выставку, то обыкновенно надѣвалъ чалму и ѣхалъ по городу черезъ базаръ съ своимъ приказчикомъ. На базарѣ бывало народу всякаго очень много, и всѣ удивлялись, что у меня на головѣ такая большая чалма. Особенно дивились надо мной простолюдины, пріѣхавшіе на базаръ съ своими произведеніями для продажи ихъ. На выставку иной приходилъ что-нибудь купить, а другой приходилъ посмотрѣть на меня. Я спрашиваю: что вамъ угодно купить? А онъ отвѣчаетъ: мнѣ ничего не надо; я

пришелъ только посмотрѣть на васъ Въ городѣ Харьковѣ я видѣлся съ полковникомъ Шпицбергомъ, который прежде былъ у насъ въ Самаркандѣ начальникомъ уѣзда. Онъ принялъ меня очень хорошо. Зная, что туркестанскіе жители очень любятъ „палау“, онъ ежедневно посылалъ ко мнѣ въ лавку нашу пищу, и мы кушали съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ въ дорогѣ отъ города Мерва до города Харькова этого любимого кушанья мы не видѣли.

„По дорогѣ въ Харьковъ, первымъ русскимъ городомъ былъ городъ Баку. Я очень удивился, какая большая въ этомъ городѣ русская торговля; напримѣръ: въ нижнихъ этажахъ находится нѣсколько лавокъ, а въ верхнихъ этажахъ, надъ лавками, помѣщаются всѣ жильцы, такъ что въ этихъ домахъ живетъ очень много людей. Дома тамъ есть въ 5—6 этажей, и часто бываетъ, что живущіе въ одномъ домѣ другъ друга не знаютъ.

„Въ слѣдующемъ за Баку городѣ—Тифлисѣ я увидѣлъ еще болѣе для меня удивительныя постройки, какъ по величинѣ своей, такъ и по красотѣ. Постройкамъ я удивлялся и въ Харьковѣ. Въ этомъ городѣ я осматривалъ музей и былъ въ циркѣ, гдѣ видѣлъ интересныя представленія. Но когда я пріѣхалъ въ древнюю столицу Русскаго государства, въ Москву, то еще болѣе былъ удивленъ, нежели въ Харьковѣ. Въ Москвѣ я увидѣлъ много достопримѣчательныхъ построекъ и предметовъ. Я былъ въ Кремлѣ и видѣлъ Грановитую Палату, гдѣ древніе русскіе Государи принимали иноземныхъ пословъ и давали церемоніальные обѣды. Потомъ, въ Оружейной Палатѣ я видѣлъ разныя старинныя и драгоценныя вещи прежнихъ государей: короны, золотую и серебрянную посуду, разныя одежды и украшенія, разное оружіе, древніе царскіе экипажи и всего такъ много, что трудно вспомнить. Видѣлъ я древній и новый дворцы Государя Императора и храмъ, въ которомъ короновались Ихъ Величества. Все это посмотрѣть нашимъ туземцамъ оч. интересно; есть что рассказать теперь моимъ единоплеменникамъ-туземцамъ, какъ коронуются русскіе государи, какой тронъ устроенъ для Его Величества, и много-много удивительнаго... Я видѣлъ, напримѣръ, во дворцѣ люстру вѣсомъ въ 400 фунтовъ; въ нее заправляется до двухъ тысячъ свѣчъ. Какія

замѣчательныя комнаты во дворцѣ и какія дорогія украшенія! Съ древнихъ временъ у русскихъ сохраняются бережно всѣ древнія достопримѣчательныя вещи: у насъ же отъ ханскихъ временъ ничего подобнаго не сохранилось для памяти: по смерти хановъ разныя вещи переходили въ частныя руки, и никто не заботился о сохраненіи этихъ предметовъ для будущаго времени.

„Еще я былъ въ галереѣ Третьякова и видѣлъ тамъ очень много картинъ разныхъ временъ и народовъ. Въ числѣ этихъ картинъ есть очень большія; онѣ писались много лѣтъ. Одна картина стоитъ 50 тысячъ рублей. Вся картинная галерея Третьякова стоитъ три милліона. И дѣйствительно, стоитъ посмѣрѣть эти картины. Я видѣлъ картины, на которыхъ очень хорошо и натурально нарисованы мадраса, туркестанскій базаръ, битвы генерала Скобелера подъ Плевной и многое другое. Удивительно, какъ хорошо нарисовано,—точно все живое стоитъ передъ глазами.

„Еще я былъ въ Политехническомъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Тамъ тоже есть разныя картины; на картинахъ изображены народы прежнихъ временъ, въ какой одеждѣ они ходили, что дѣлали. Каждый стоитъ съ своимъ рукодѣльемъ. Изъ нашего Туркестанскаго края тамъ есть изображеніе сарта съ женой. Бывалъ я много разъ въ циркахъ и видѣлъ тамъ замѣчательныя представленія: обученныя лошади подъ музыку пляшутъ, такъ же и другія животныя: слонъ, собака, кошки, медвѣдь и даже птицы... Видѣлъ я тоже, какъ человѣкъ летаетъ по воздуху.

„Когда я возвращусь въ свой край, домой, то, конечно, будутъ спрашивать меня, и я расскажу, какія рѣдкія и драгоценныя вещи я видѣлъ. Я думаю, моему рассказу нѣкоторые даже не повѣрятъ. Я самъ, еще до поѣздки въ Россію, много слышалъ о томъ, что во внутренней Россіи, особенно въ городахъ Москвѣ и Петербургѣ, много разныхъ достопримѣчательностей, а теперь я уже видѣлъ самъ лично и хочу употребить всѣ силы свои, чтобы рассказать объ этомъ туземцамъ.

„Изъ Москвы я поѣхалъ въ главный городъ Русскаго государства, въ Петербургъ, и на другой день отправился къ профессору Н. И. Веселовскому. Онъ пріѣзжалъ въ Самаркандъ въ 1885 г., познакомился со мной и теперь радушно встрѣтилъ

меня. Я заходилъ къ нему часто, и онъ показывалъ мнѣ замѣчательныя въ Петербургѣ зданія и находящіяся въ нихъ рѣдкости. Прежде всего онъ показалъ мнѣ замѣчательный во всей Европѣ Исакиевскій соборъ. Этотъ соборъ имѣетъ огромную величину, строился сорокъ лѣтъ и стоилъ двадцать три миліона рублей. Вышина его внутри, отъ пола до верха купола, сто тридцать два аршина, ширина снаружи болѣе ста тридцати аршинъ, въ каждую сторону. Внутри собора много большихъ колонъ, обложенныхъ малахитомъ, а двѣ колонны изъ ляписъ-лазури, имѣющія въ вышину около семи аршинъ и въ толщину около одного аршина. Стѣны обложены разноцвѣтнымъ мраморомъ и украшены картинами, выпуклыми изображеніями и позолотой. На позолоту внутри собора употреблено три пуда золота. Громадный куполъ имѣетъ вѣсъ сто тридцать шесть тысячъ пудовъ; крыша его позолочена лучшимъ золотомъ; на позолоту ея пошло двѣсти сорокъ семь фунтовъ золота. Съ трехъ сторонъ собора устроены великолѣпныя литыя бронзовыя двери съ разными изображеніями. Кромѣ того, въ соборѣ висятъ огромныя лстры бронзовыя, вызолоченныя; въ одну люстру заправляются 1800 свѣчей. Эта люстра вѣситъ 60 пуд. Вообще нужно только удивляться такому искусству европейскихъ ученыхъ мастеровъ: они, при помощи науки, выстроили такое огрсмное и красивое зданіе, на которомъ, кромѣ того, подвѣшены огромные колокола. Одинъ колоколъ вѣситъ 1800 пудовъ, другой 900 пудовъ и одинъ 1000 пудовъ. Если смотрѣть съ купола этого зданія внизъ, то люди кажутся маленькими, какъ мухи.

На другой день профессоръ г. Веселовскій повелъ меня въ Эрмитажъ. Мы ходили три дня и были тамъ съ утра и до вечера: въ одинъ день нельзя осмотрѣть хранящіеся тамъ многочисленные предметы. Эрмитажъ—громадное зданіе въ четыре этажа, и во всѣхъ его помѣщеніяхъ находятся замѣчательныя рѣдкости разныхъ странъ. Я видѣлъ тамъ такіе предметы, что только удивлялся. Тамъ есть разная посуда древнихъ народовъ, разная одежда, разныя картины, разныя статуи, разныя золотыя и серебряныя монеты и медали всѣхъ странъ и народовъ, а также разныя древніе предметы, полученные изъ земли во время раскопокъ. Есть въ Эрмитажѣ много мраморныхъ статуй, не-

обыкновенно дорогихъ. Мнѣ показывали всѣ драгоцѣнныя вещи члены Эрмитажа: Иванъ Ивановичъ Графъ Толстой и Николай Ивановичъ Веселовскій. Безъ ихъ вниманія ко мнѣ, я никогда бы хорошо не разсмотрѣлъ всѣ находящіеся въ Эрмитажѣ многочисленные предметы и не понялъ бы ихъ значенія. Удивительно, что въ четвертомъ этажѣ этого зданія устроенъ громадный садъ: въ немъ растутъ очень большія деревья и толстыя, на подобіе нашего кайрагача. Есть тамъ картина „Мухили-Шарифъ“. На ней нарисованно, какъ везутъ на верблюдѣ покрывало для Каабы, а арабы поддерживаютъ его плечами; одни ведутъ верблюда подъ уздцы, а другіе дѣлаютъ большіе поклоны. Эта картина очень замѣчательна и интересна, и русскіе хранятъ ее въ Эрмитажѣ. Затѣмъ я былъ въ Петербургскомъ пассажѣ. Тамъ также есть небольшой музей; я видѣлъ тамъ великана-татарина Уфимской губерніи; ростъ его 3 аршина 6 вершковъ. Послѣ того г. Веселовскій возилъ меня въ Императорскую Публичную Библіотеку. Это большой каменный домъ, въ которомъ сохраняются нѣсколько сотъ тысячъ древнихъ и новыхъ книгъ и рукописей разныхъ народовъ. Тамъ хранится и нашъ Самаркандскій алкоранъ, подаренный въ Библіотеку Туркестан. ген.-губернаторомъ фонъ-Кауфманомъ. Этотъ алкоранъ написанъ на кожѣ куфическими буквами рукой Чаръ-яръ Хазраты-Усмана Дзы-нурайни. Кромѣ того, я видѣлъ въ Библіотекѣ нѣсколько разныхъ книгъ, писанныхъ золотыми буквами, на-примѣръ: книгу Миръ Али-Шира, Шахъ-нама, Искандаръ-нама, Новаи-тариhi, Таварихъ раузат-ус-сафа, Зафаръ-нама Шарафетдина Язди, Касас-уль анбія, Сіару-Шарифъ, Ходжа-Хафизъ, Мауляви Джами, Хамсаи-Низами, Хамсаи-Ахиръ-Шарки и ярлыки прежнихъ нашихъ хановъ. Ярлыки написаны золотыми буквами. Кромѣ того, я видѣлъ разные словари: арабскіе, персидскіе, турецкіе и много другихъ книгъ на разныхъ языкахъ. Удивительно, какъ русскіе собираютъ всѣ древности и тщательно берегутъ ихъ. Напримѣръ: нашъ алкоранъ хранится очень бережно, точно новый лежитъ, весь въ золотой отдѣлкѣ, въ футлярѣ подъ стекломъ.

„Въ первый день декабря я былъ въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества, гдѣ видѣлъ многихъ уче-

ныхъ, которые знаютъ языки разныхъ мусульманскихъ народовъ, а также языки: монгопскій, китайскій, индустанскій и изучаютъ древности разныхъ народовъ. При мнѣ ученый В. В. Радловъ, отлично знающій тюркскіе языки и древнее уйгурское письмо, объяснялъ два ярлыка: одинъ—Тохтамышъ-хана, другой—Тимуръ-Култука. Очень пріятно мнѣ было слышать, какъ въ отдаленномъ Петербургѣ русскіе ученые люди изучаютъ исторію прежнихъ нашихъ хановъ и знаютъ, что происходило при нихъ. И мнѣ пришлось бесѣдовать съ этими учеными: у меня спрашивали объясненія нѣкоторыхъ словъ, и я, что зналъ, объяснилъ. Другой ученый, профессоръ Георгіевскій, читалъ, какъ живутъ теперь люди въ Китаѣ и объяснилъ, что есть у нихъ хорошаго.

„Послѣ всего того, осмотрѣвъ достопримѣчательности С.-Петербурга, я пожелалъ угостить г. Веселовскаго обѣдомъ и пригласилъ къ обѣду петербурглаго ахунда Муллу Баязитова и аванца Ша-Джамалиддина, который путешествовалъ по Европѣ и получилъ тамъ хорошее образованіе. Онъ владѣетъ французскимъ и арабскимъ языками. Я читалъ о немъ въ Туркестанской туземной газетѣ, а ранѣе не зналъ его. Мнѣ было очень пріятно поговорить съ нимъ. Мулла Баязитовъ тоже человѣкъ образованный, знаетъ хорошо поперсидски и потурецки. За обѣдомъ мы пріятно провели время, бесѣдуя о разныхъ предметахъ. Всѣхъ насъ было пять человѣкъ, и каждый отличался отъ другихъ происхожденіемъ и образованіемъ, но всѣ мы сближались въ столицѣ Русскаго государства.

„26-го ноября и 6-го декабря 1887 г. въ Петербургѣ были большіе военные парады, Первый парадъ былъ передъ Зимнимъ дворцомъ Его Императорскаго Величества, а второй парадъ, 6-го декабря, въ манежѣ. На этихъ парадахъ я видѣлъ Государя Императора и прочихъ лицъ Царской Фамиліи. При этомъ я, туркестанецъ, испытывалъ особенно высокое чувство, пот. что видѣлъ Государя великой Россіи. У меня въ это время пробивались на глазахъ слезы удовольствія. На парадѣ были разныя войска, какія только находятся въ Петербургѣ: я видѣлъ разныя одежды военныхъ, очень красивыя, такъ что засмотришься, глядя на войска, когда они проходятъ церемоніальнымъ маршемъ. Посмотрѣть парадъ въ Петербургѣ каждому очень интересно.

„13-го декабря мнѣ было дано знать о Высочайшемъ разрѣшеніи представиться Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. 18-го декабря, въ пятницу, въ Гатчинскомъ дворцѣ Его Величества, я былъ представленъ Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и Наслѣднику Цесаревичу и былъ удостоенъ отъ Ихъ Величествъ нѣсколькихъ вопросовъ, на которые я далъ почтительные отвѣты. Послѣ представленія Ихъ Императорскимъ Величествамъ, для насъ въ особой комнатѣ дворца былъ накрытъ столъ, и мы обѣдали вдвоемъ съ русскимъ приказчикомъ Жуковымъ. Обѣдъ былъ такой, что я не имѣю словъ рассказать объ этомъ. Какъ во дворецъ, такъ и изъ дворца мы ѣхали въ каретѣ.

„21-го я былъ удостоенъ представленія Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владимиру Александровичу и Супругѣ Его Высочества Великоѣ Княгинѣ Маріи Павловнѣ. Послѣ представленія я удостоился обѣдать во дворцѣ и былъ отправленъ изъ дворца въ каретѣ.

„По возвращеніи въ Москву, я сказалъ туркестанскимъ купцамъ о томъ, что удостоился представиться Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику и Великому Князю Владимиру Александровичу и Супругѣ Его Высочества Маріи Павловнѣ. И всѣ дивились моему счастью*.)

Въ 1900 году, Ташкентскій купецъ Таджи-Мухаммедъ Иса-Мухаммедовъ, торговавшій въ разныхъ городахъ Евр. Россіи шелковыми матеріями, пользуясь желѣзной дорогой до Красноводска, по личному почину, ѣздилъ въ Парижъ, на устроенную въ этомъ городѣ всемірную выставку, а по окончаніи выставки проѣхалъ въ Лондонъ. О своихъ впечатлѣніяхъ отъ этой поѣздки онъ кратко напечаталъ въ Туземной газетѣ**).

Живые рассказы о такихъ необыкновенныхъ поѣздкахъ и Туземная газета расположили и другихъ состоятельныхъ тузем-

*) Мирза Абдуллинъ не согласился однако израсходовать нѣсколько рублей на отдѣльные оттиски перевода его брошюры, печатавшагося въ Тузем. газетѣ. Н. О.

**) №№ 44 и 45 туземной газеты за 1900 годъ.

цевъ къ такимъ путешествіямъ. Въ августѣ 1902 года авторъ встрѣтилъ въ вагонѣ Ср.-Аз. ж. дороги Наманганскаго купца, возвращавшагося изъ пѣздки на Нижегородскую ярмарку, а также въ Парижъ, Вѣну и Берлинъ. Туземецъ съ интересомъ рассказывалъ автору свои дорожныя впечатлѣнія, но просилъ его не печатать подробности его рассказовъ въ газетѣ, чтобы Наманганскому богатому сарту не было стыдно предъ согражданами и прелъ собственнымъ сыномъ, который еще не знаетъ, какъ живутъ и веселятся въ большихъ городахъ Россіи и З. Европы.

Впечатлѣнія, полученныя Туркестанскими туземцами перваго періода во время своихъ путешествій по городамъ Россіи и З. Европы, напоминаютъ намъ о такихъ же впечатлѣніяхъ первыхъ русскихъ путешественниковъ эпохи Петра Великаго, отправленныхъ за границу, съ тою разницей, что русскіе путешественники того времени были болѣе развиты, чѣмъ сарты конца истекшаго столѣтія. Покойный А. Н. Пыпинъ въ 1897 году писалъ, что въ заграничныхъ путешествіяхъ русскихъ людей временъ Петра Великаго „отразился историческій процессъ, который переживало тогда русское общество. Всѣ эти путешественники еще стоятъ одной ногой въ Московской старинѣ: они еще говорятъ языкомъ той страны, у нихъ невольно сказываются ея привычки и понятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ европейская жизнь видимо ихъ поражаетъ богатствомъ своей культурою. На первый разъ они только удивляются ей, но еще многого не понимаютъ, какъ на примѣръ, не понимаютъ произведеній искусства и содержанія науки... Иногда путешественники не умѣли понять явленій современной жизни, потому что не видали ничего подобнаго дома... Но все это было зачатки; въ слѣдующемъ поколѣніи, которое выросло подъ вліяніемъ новыхъ настроеній, возникаетъ уже сознательное отношеніе къ европейской наукѣ*).

При этомъ в. интересно, что Туркестанскіе сарты иногда до буквальности въ выраженіяхъ повторяли такихъ же своихъ русскихъ предшественниковъ. Наши сарты вездѣ поражались внѣшностью: величиной и внутреннимъ убранствомъ домовъ, изрядствомъ каретъ и уборомъ богатымъ на лошадяхъ, ткаными

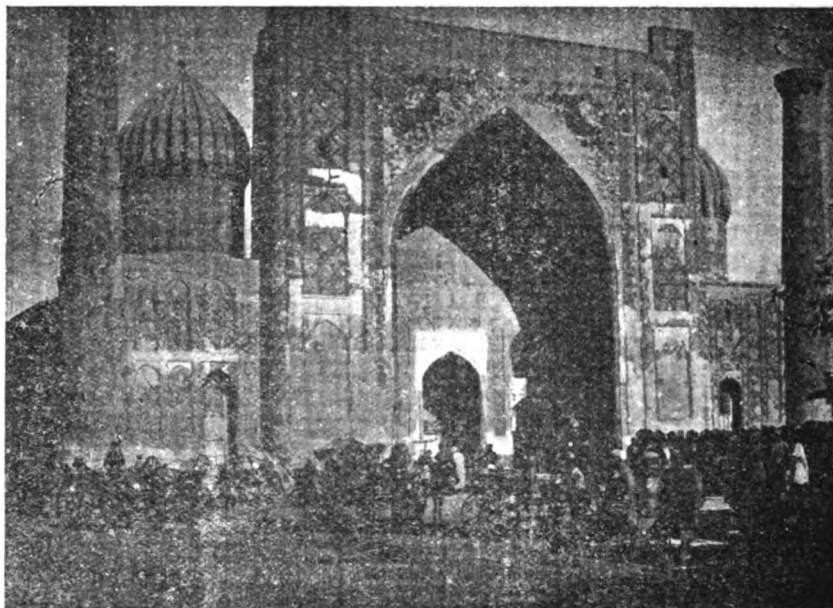
*, Вѣстникъ Европы, октябрь 1907 г., стр. 740—741 ст. А. Пыпина.

коврами, большими зеркалами, часами и люстрами, разными изваяніями и т. под. Даже гр. Андрей Матвѣезъ (1666—1728 г.), сынъ знаменитаго современника Царя Алексѣя Михайловича, записалъ между прочимъ: „чистота столовъ и уборства порядокъ въ ѣствахъ, вкусъ сладостей ихъ и богатство сервизовъ, или посуды серебряной“... (что онъ видѣлъ во Франціи), поразили его не менѣе, чѣмъ туземнаго поэта Фирката, описывавшаго балы въ ген.-губернаторскомъ домѣ и другія торжественныя собранія, видѣнныя имъ въ первый разъ въ Ташкентѣ*). Что бы почувствовалъ этотъ даровитый стихотворецъ при видѣ Петербургскихъ и Московскихъ дворцовъ и происходившихъ въ нихъ коронаціонныхъ торжествъ!...

Въ числѣ мѣръ ко ознакомленію ученыхъ туземцевъ съ современною наукой, въ Ташкентской мужской гимназіи, а затѣмъ въ народной читальнѣ устраивались популярныя чтенія съ картинами волшебнаго фонаря. Въ гимназіи неоднократно были показаны наиболѣе эффектные опыты изъ области электричества, которые производили на ташкентскихъ ученыхъ мусульманъ сильное впечатлѣніе. Затѣмъ редакторомъ Туземной газеты были сдѣланы переводы и составлены вновь нѣсколько брошюръ, чтеніе которыхъ предлагалось слушателямъ. Особеннымъ успѣхомъ сопровождалось одно такое чтеніе въ Самаркандѣ, о которомъ очевидецъ писалъ такъ:

„Въ самый разгаръ мусульманскаго праздника—Курбанъ-байрамъ, 18 марта 1901 г., въ 8 час. вечера, въ мадрасѣ Ширъдоръ, происходило первое здѣсь народное чтеніе съ туманными картинами, устроенное Самаркандскимъ „кружкомъ народныхъ чтеній“. И теперь, спустя 15 часовъ послѣ чтенія, я не могу отдать себѣ яснаго отчета объ этомъ вечерѣ, не могу спокойно говорить о томъ, чему былъ свидѣтелемъ въ первый разъ въ моей жизни, потому что и теперь еще нахожусь подъ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ отъ необычнаго по своей феорической обстановки прошлаго вечера. Да, это было, по силѣ и яркости картины, нѣчто по истинѣ незаурядное и въ нашей русской, а тѣмъ болѣе въ монотонной жизни туземцевъ Самар-

*) См. выше стр. 106—117.

Мадраса „Ширъ-доръ“ въ Самаркандъ.

Мадраса Ширъ-Доръ

канда. Я увѣренъ, что, со времени Тамерлана и Улугъ-бека, мадрасы на Ригистанѣ еще не видѣли въ своихъ стѣнахъ такой многолюдной аудиторіи, какова была вчера въ Ширъ-дорѣ!

„Аудиторія—обширный четырехугольный, мощный мраморными плитами дворъ мадрасы, окруженный высокими двухэтажными помѣщеніями съ многочисленными балконами и арками въ мавританскомъ стилѣ, сплошь покрытыми чудными, неувядаемыми отъ вѣковъ изразцами временъ Тамерлана. Экранъ для туманныхъ картинъ, освѣщаемый сильнымъ свѣтомъ недавно полученнаго кружкомъ народныхъ чтеній ацетилиноваго фонаря, помѣщался настолько удобно, что картины на немъ были видимы съ любого пункта аудиторіи.

Читалось въ первый разъ произведеніе Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“, въ хорошемъ переводѣ на сартовскій языкъ*). Читалъ молодой мулла Махмудъ. Не легко ему достались заслуженные лавры перваго чтеца на этомъ вечерѣ. Онъ читалъ съ половины 8-го до половины 10-го часа и за это время разъ пять уступалъ свое мѣсто другимъ, чтобы набраться новыхъ силъ. Онъ читалъ такъ громко, какъ только можетъ читать молодой съ самыми здоровыми легкими мулла, призывающій своимъ зычнымъ голосомъ, вмѣсто колокола, многотысячную паству свою на молитву! И тѣмъ не менѣе, обширность такой открытой къ небу аудиторіи, ея неподходящія для чтенія акустическія условія и трудно сдерживаемый шопотъ нѣсколькихъ тысячъ возбужденныхъ слушателей были для чтеца настолько неблагоприятны, что звуки его громкой и выразительной рѣчи почти замирали въ заднихъ рядахъ слушателей, а тѣ изъ нихъ, что заполняли сплошь всѣ парапеты и балконы, вѣроятно вовсе не слыхали надрывающагося чтеца; но зато послѣдніе вознаграждены были такимъ чуднымъ зрѣлищемъ общей картины съ птичьяго полета, которое не могло войти въ кругъзоръ слушателей внизу.

„Какъ была велика и полна аудиторія, можно судить потому, что площадь ея равняется, приблизительно, 400 кв. саженьямъ и что вся она была вплотную занята сидѣвшими или сто-

*) Перев. Н. П. Остроумовъ.

явшими на заднемъ планѣ взрослыми и дѣтьми (послѣднія—впереди); можно поэтому, безъ преувеличенія, сказать, что въ ней помѣшалось по меньшей мѣрѣ до 4000 человекъ, а съ тѣми, что были на балконахъ,—и до 5000. Массу слушателей составляли, какъ и надо было ожидать, горожане, мусульмане, туземные-евреи, персіане, русскіе и армяне.

„Предъ началомъ чтенія воен. губернаторъ поздравилъ туземцевъ-магометанъ съ праздникомъ ихъ, предложилъ здравицу за Государя Императора и высказалъ надежду, что туземцы оцѣнятъ устраиваемыя для ихъ пользы народныя чтенія и послѣ будутъ относиться къ чтеніямъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и теперь. Слова начальника области были покрыты долгимъ и оглушительнымъ „ура“ многотысячной аудиторіи.

„За часъ до начала чтенія игралъ сначала на Ригистанѣ, а потомъ въ аудиторіи духовой оркестръ... Какими дивными и мощными звуками гремѣла наша русская музыка въ древнихъ стѣнахъ Ширъ-дора и какое сильное и радостное настроеніе она вызывала въ этой многотысячной чалмоносной аудиторіи!

„Поняли-ли и какъ туземцы то, что имъ читалъ мулла Махмудъ, что такъ живо и наглядно иллюстрировалось хорошими картинами мастерской Карелина по картинамъ Ге? Узнали-ли туземцы „чѣмъ люди живы“? Судя потому, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ и интересомъ слушали и смотрѣли, точно зачарованныя, впереди сидѣвшія сотни туземцевъ, думаю, что они поняли и узнали, что разсказалъ имъ такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ художественно нашъ великій писатель-мыслитель“. (Рус. Турк. 1901 г. № 38).

Но дальнѣйшему развитію нашихъ сартовъ не благоприятствуютъ съ одной стороны вліяніе своеобразнаго и могущественнаго института ишановъ, а съ другой стороны школьное образованіе, какое получаютъ туземцы въ своихъ школахъ—мактабахъ и мадрасахъ; современное мусульманское образованіе не подготавливаетъ и не располагаетъ дѣтей туземцевъ къ сближенію съ чуждой имъ культурой.

МУСУЛЬМАНСКІЕ ИШАНЫ*).

Въ русской литературѣ до сихъ поръ очень немного было извѣстно о мусульманскихъ ишанахъ, частью потому, что весьма немногіе интересовались этимъ вопросомъ, а главнымъ образомъ потому, что русскому человѣку трудно и разобратъ въ этомъ вопросѣ. Ишанство представляетъ собою своеобразное явленіе въ мусульманствѣ и можетъ быть правильно описано и истолковано только мусульманиномъ, которому приходилось лично сталкиваться съ ишанами и наблюдать ихъ дѣятельность въ разное время и при различной обстановкѣ. Вотъ почему я**), какъ уроженецъ Туркестанскаго края, рѣшаюсь высказать нѣсколько своихъ наблюденій надъ туркестанскими ишанами.

Названіе «Ишанъ» есть персидское слово, означающее мѣстоименіе третьяго лица множественнаго числа, т. е. *они*. Такое названіе получилось частью изъ почтенія мусульманъ къ ишанамъ, а частью изъ обычая мусульманъ не называть людей почтенныхъ по имени не только въ глаза, но и за-глаза. Къ этому мѣстоименію „они—ишанъ“ обыкновенно туземцы прибавляютъ еще нарицательное имя „хазратъ“, т. е. господинъ, имѣющее оттънокъ не мірской вѣжливости, а религіознаго почтенія.

Ишаны суть духовные наставники мусульманъ, руководители ихъ въ религіозно-нравственной жизни. По отношенію къ своимъ послѣдователямъ, они называются также „старцами“ („пиръ“), хотя не всѣ ишаны имѣютъ преклонный возрастъ.

*) Эта глава составлена изъ статьи Саттаръ-хана, напечатанной въ Православномъ Собесѣдникѣ (сент. 1895 г.), съ дополненіями изъ официальныхъ документовъ. Н. О.

**) Т. е. Саттаръ-ханъ Абдулгафаровъ

Послѣдователи ишана называются *муридами*, т. е. учениками, послушниками, буквально: „стремящимися къ цѣли, желающими спасенія“. Отсюда происходит извѣстное въ русской литературѣ выраженіе *муридизмъ*.

Ишанами бываютъ люди книжные, знакомые съ ученіемъ *тариката**) и иногда отличающіеся строгою жизнью; но чаще всего ишанами бываютъ люди немудрые въ отношеніи книжной учености, а среди киргизъ встрѣчаются и совсѣмъ неграмотные. Чаще всего ишанами бываютъ простецы, пользующіеся своимъ положеніемъ среди невѣжественнаго народа и при помощи разныхъ хитростей эксплуатирующіе простыхъ людей. Но въ Туркестанскомъ краѣ есть ишаны *наслѣдственные*, потомки знаменитаго Имама Раббани, жившаго въ Гератѣ лѣтъ 400 тому назадъ и отличавшагося при жизни ученостію и строгою жизнію. Его потомки—ишаны по наслѣдству—живутъ въ Бухарѣ, Кокандѣ и Ташкентѣ. Существуетъ среди мусульманъ преданіе, будто бы Раббани сказалъ, что въ его потомствѣ должны быть непремѣнно святые; это дало поводъ смотрѣть на его потомковъ, какъ на природныхъ ишановъ. Наслѣдственные ишаны большею частью бываютъ люди набожные, воздержные, знающими Коранъ наизусть, но и очень хитрые.

Задумавшій сдѣлаться ишаномъ такъ начинаетъ свою карьеру: предварительно онъ отправляется къ одному изъ извѣстныхъ ишановъ, преимущественно изъ потомковъ Имама Раббани и выбираетъ для этого городъ, отстоящій подальше отъ своего мѣстожительства, хотя бы *ишанъ* находился и въ его родномъ городѣ. Для путешествія выбирается время, совпадающее съ днемъ смерти Мухаммеда, или съ постомъ *чилья*, который предшествуетъ великому посту мусульманъ, въ мѣсяцъ Рамазанъ, и вмѣстѣ съ этимъ постомъ образуетъ сорокадневный постъ. Настоящій ишанъ все это время проводитъ въ мечети, а будущій ишанъ старается расположить въ свою пользу товарищей своего путешествія и угощаетъ ихъ во время пути, платитъ за нихъ и за ихъ лошадей въ караванъ-сараяхъ.

*) Такъ называется ученіе о жизни ишановъ-суфиевъ. Таковъ былъ ишанъ Хальфа Абдуль-Разыкъ, скончавшійся 12 декабря 1898 г. въ Самаркандѣ. На похоронахъ его было до 15 тыс. почитателей. (Турк. Вѣдом. 1898 г. № 1). Н. О.

Прибывъ въ намѣченный городъ и явившись къ тамошнему ишану, неопитъ подноситъ ему цѣнные подарки и старается обратить на себя вниманіе. Неопитъ рассказываетъ ишану что-нибудь въ родѣ того, что ему во снѣ явился умершій отецъ, или извѣстный святой, или самъ пророкъ и говорилъ ему, чтобы онъ обратился къ тому-то ишану (къ которому онъ пришелъ) и записался его муридомъ. Ишанъ, самъ когда-то начинавшій такимъ же образомъ свою карьеру, притворяется, что вѣрить рассказу своего новаго мурیدا, самодовольно улыбается и даетъ согласіе на принятіе его въ число своихъ учениковъ. Новый муридъ даетъ руку ишану и при этомъ говоритъ: „я вамъ далъ свою руку“. Это значитъ, что муридъ во всемъ подчиняется руководительству ишана. Ишанъ отвѣчаетъ: „Кайся во всѣхъ своихъ грѣхахъ большихъ и малыхъ“. Новый муридъ сстается при ишанѣ въ продолженіе сорокадневнаго поста и вмѣстѣ съ нимъ предается духовнымъ упражненіямъ. Ишанъ назначаетъ муриду, кромѣ опредѣленныхъ, еще другія молитвы, напримѣръ, проносить имя Аллаха тысячу, двѣ тысячи разъ въ теченіе дня.

Во время поста бѣднѣйшіе муриды получаютъ пищу отъ ишана, а самому ишану пищу доставляютъ жители. Послѣ сорокадневнаго поста ишанъ угощаетъ всѣхъ своихъ муридовъ. Если нашъ муридъ, (будущій ишанъ) понравится своему ишану и обратить на себя его вниманіе, то ишанъ собираетъ справки о немъ и о его жизни черезъ другихъ муридовъ и попутчиковъ нашего муріда: онъ спрашиваетъ, каковъ человѣкъ ихъ товарищъ, пользуется ли онъ значеніемъ и уваженіемъ въ своемъ городѣ и т. под. Попутчики, будучи задобрены своимъ спутникомъ, даютъ о немъ самый лестный отзывъ. Затѣмъ будущій ишанъ обращается къ своему „пиру“ съ просьбой дать ему свидѣтельство на право поучать другихъ. Ишанъ сразу не соглашается и, отправляя въ обратный путь новаго муріда, совѣтуетъ ему еще подождать и лучше подготовиться, поработать нѣсколько надъ собою, а затѣмъ притти въ другой разъ для полученія просимаго. Наконецъ, ишанъ даетъ новому муриду грамоту, такъ называемую хати-иршадъ, что значитъ письмо или разрѣшеніе направлять другихъ. Иногда, и помимо просьбы муріда, ишанъ даетъ ему грамоту на ишанство, если

онъ видить въ своемъ муридѣ вліятельнаго и достойнаго чело-
вѣка.—бѣлую тибитейку, таксй же халатъ, чалму и четки. Бѣ-
лый халатъ, бѣлая тибитейка и четки составляютъ принадлеж-
ности каждаго ишана.

Возвратившись въ свой городъ съ грамотой на ишанство, новый ишанъ начинаетъ съ тѣхъ, что ведетъ воздержную жизнь, молчить, много молится, носить плѣхую одежду, и во всякомъ случаѣ не шелковую, избѣгаетъ увеселеній, держится подальше отъ дурныхъ людей и отчитываетъ больныхъ людей и бездѣтныхъ женщинъ. О томъ, что онъ получилъ грамоту на ишанство, онъ не говоритъ; говорятъ объ этомъ тѣ его товарищи-муриды, кото-
рые съ нимъ вмѣстѣ путешествовали къ „пиру“. Новый ишанъ заявляетъ, что хотя онъ и не достоинъ быть пиромъ, но ишанъ, его пиръ, призналъ его достойнымъ. Новый ишанъ приглашаетъ къ себѣ своихъ сосѣдей и пріятелей и угощаетъ ихъ щедрѣе, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ онъ подкупаетъ ихъ въ свою пользу, а тѣ отплачиваютъ за угощеніе—распространяютъ о новомъ ишанѣ всевозможныя небылицы, наприкладъ, что онъ творить чудеса, что больные, которыхъ онъ отчитывалъ, выздоравливаютъ, а бесплодныя женщины дѣлаются матерями. Конечно, бывали случаи выздоровленія больныхъ, которыхъ отчитывалъ ишанъ; но вѣдь, случаи такіе могли имѣть мѣсто и безъ отчитываній ишана. Объ этомъ муриды не разсуждаютъ, а приписываютъ все чудодѣйствующей силѣ ишана. Къ ишану обращаются за талисманами противъ болѣзней, оговоровъ, чаръ*) и пр.

*) Такъ называемыхъ бѣсноватыхъ (джинни) также отчитываетъ ишанъ и при этомъ употребляетъ особыя рѣшительныя средства. Одинъ изъ мѣстныхъ сартовъ, почувствовавъ приближеніе періодически повторяющихся съ нимъ припадковъ (очевидно, нервнаго свойства), обратился за помощью къ ишану, извѣстному своимъ искусствомъ въ дѣлѣ изгнанія злыхъ духовъ. Первый сеансъ состоялъ въ чтеніи надъ больнымъ молитвъ и заклинаній, но на другой день явившійся къ больному ишанъ уже не ограничился молитвами, а въ видахъ болѣе сильнаго, по его словамъ, воздѣйствія на нечистую силу, нанесъ своему пациенту 101 ударъ ногойкой по обнаженной спинѣ. Результатъ оказался для ишана нѣсколько неожиданный, такъ какъ пострадавшій обратился съ жалобой къ полиціи. При разслѣдованіи дѣла русскимъ чиновникомъ, ишанъ съ полною откровенностью сознался въ нанесеніи имъ пациенту ударовъ ногойкой, будучи убѣжденъ въ полной цѣлесообразности этого героическаго средства. (Турк. Вѣд. № 32 отъ 24 февраля 1906 г.).

Особенно часто обращаются къ ишану женщины, безплодныя или не пользующіяся почему-либо расположеніемъ своихъ мужей. Просительницамъ ишанъ даетъ талисманъ, заключающій въ себѣ стихи изъ Корана или молитвы, или же кусочекъ хлѣба, соли или сахару, надъ которыми онъ читаетъ молитвы и которыя должны быть даны мужу. Такія же средства употребляются для пріобрѣтенія любви любимого человѣка. На талисманахъ всего чаще выписываютъ стихи, находящіеся будто бы въ Коранѣ, но никому, кромѣ самихъ ишановъ, неизвѣстныя. Стихи эти, по повѣрью, имѣютъ такую силу, что кто ихъ носить, того всѣ желанія исполняются. Если съ врагомъ ишана случится какое-либо несчастье, то оно истолковывается въ смыслѣ наказанія Божія за враждебное отношеніе его къ ишану. Каждый ишанъ, подобно другимъ своимъ товарищамъ, старается привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ и могущихъ быть ему полезными. Если на нихъ нельзя дѣйствовать прямо, то ишанъ дѣйствуетъ черезъ ихъ женъ, матерей сестеръ и дочерей. Женщины у сартовъ невѣжественны и суевѣрны и потому легче мужчинъ поддаются вліянію ишана.

Но болѣе всего ишанъ бываетъ обязанъ своею славой и возвышеніемъ своимъ ученикамъ (муридзмъ); безъ муридовъ ишанъ немислимъ. Муриды рассказываютъ о своемъ пирѣ или ишанѣ чудесныя вещи; они презносятся его добродѣтели; они приписываютъ своему ишану такія рѣчи и такія дѣйствія, о которыхъ самъ ишанъ не знаетъ и даже не догадывается. Муриды вербуютъ своему ишану новыхъ послѣдователей; тѣ въ свою очередь привлекаютъ другихъ и т. д. Ревностнѣе другихъ дѣйствуютъ тѣ муриды, которые почему-либо заинтересованы въ славѣ и популярности своего пира. Это тѣ муриды, которые, будучи бѣдны, находятъ кусокъ хлѣба около ишана, или тѣ, кои, желая играть видную роль въ обществѣ и быть обезпеченными матеріально, присоединяются къ ишану въ качествѣ первыхъ его учениковъ и раздѣляютъ славу и корысть со своимъ пиромъ. Такимъ муридомъ былъ муфтіи Мингаджиддинъ у ишана Ахмадъ-Хальпы. Онъ былъ человѣкъ способный и по-мусульмански ученый. Первоначально муфтіи былъ злѣйшимъ врагомъ ишана Ахмада; онъ занималъ хорошее положеніе, былъ обезпеченъ и не нуждался въ

ишанъ. Но вотъ надъ муфтіемъ стряслось несчастье: его выслало русское правительство въ ссылку въ Казалинскъ на 5 лѣтъ. Вернувшись изъ ссылки, онъ не могъ уже занять прежняго положенія и потому остался безъ средствъ: тогда онъ идетъ съ повинною къ ненавистному когда-то ему ишану Ахмаду, просить у него прощенія и умоляетъ принять его въ число муридовъ. Мингаджиддинъ каится, что прежде ненавидѣлъ ишана, но что теперь узналъ истину и общается быть самымъ ревностнымъ его послѣдователемъ; онъ считаетъ свою ссылку наказаніемъ за враждебное отношеніе къ ишану. Ишанъ принимаетъ его ласково, говоря, что Богъ хотѣлъ показать свою мудрость и доброту, обративъ на путь истины заклятаго врага ишана и сдѣлавъ вѣрнѣйшимъ его муридомъ. Узнавъ объ обращеніи муфтія Мингаджиддина, многіе вѣровавшіе въ ишана Ахмада сдѣлались муридами послѣдняго, разсуждая такимъ образомъ, что если, молъ, такой заклятый врагъ ишана и при томъ такой ученый, какъ муфтіи Мингаджиддинъ, сдѣлался послѣдователемъ Ахмадъ-ишана, то значить—Ахмадъ дѣйствительно человекъ святой и великій. Новый муридъ, желая выслужиться передъ ишаномъ, разсказывалъ и писалъ объ немъ просто чудесныя вещи; онъ написалъ объ Ахмадъ-ишанѣ цѣлую книжку, содержащую біографію ишана, полную чудесъ и невѣроятныхъ разсказовъ. Ишанъ отплачивалъ своему ревностному ученику тѣмъ, что повсюду бралъ его съ собою, давалъ ему первое мѣсто возлѣ себя и дѣлалъ его участникомъ своего торжества и своихъ сборовъ. Если бы этотъ муридъ не умеръ раньше своего пира, то, навѣрное, занялъ бы мѣсто послѣдняго.

Когда начинающій ишанъ вознѣсится надъ уровнемъ обыкновенныхъ людей, популярность его растетъ все шире и шире. Даже люди, имѣющіе хорошее положеніе и не вѣрующіе вовсе въ ишановъ, поступаютъ муридами къ знаменитому ишану съ тѣмъ разчетомъ, чтобы при случаѣ опереться на вліяніе и силу своего ишана. Ишанъ, напримѣръ, можетъ имѣть большое вліяніе на выборы казіевъ, волостныхъ управителей и другихъ должностныхъ лицъ, приказывая своимъ муридамъ подавать голоса въ пользу того или другаго кандидата. Нерѣдко ишаны имѣли большое вліяніе на бековъ и на хановъ. Такъ, коканд-

скій ишанъ Міянъ-Фазлій-Ахадъ давалъ у себя убѣжище отъ ханскаго гнѣва государственнымъ преступникамъ, и ханъ, изъ уваженія къ ишану и по его ходатайству, прощалъ такихъ преступниковъ. Ишанъ является патрономъ своихъ муридовъ, и ходатайствуетъ за нихъ передъ властями и передъ судомъ. Саттархану въ бытность кокандскимъ казіемъ, случалось часто получать письма отъ ишановъ съ рекомендаціей того или другаго изъ тяжущихся и съ просьбою помочь его дѣлу.

Въ каждомъ городѣ Туркестанскаго края есть по крайней мѣрѣ одинъ ишанъ, а въ большихъ городахъ нѣсколько и среди ихъ бывають знаменитые. Знаменитые ишаны имѣють муридовъ во всемъ краѣ не исключая и Бухары. Муриды набираются изъ всѣхъ народностей изъ сартовъ и еще болѣе изъ киргизъ. Самую благопріятную почву для начинающихъ и для мелкихъ ишановъ представляютъ киргизскія степи Сыръ-Дарьинской, Тургайской, Акмолинской и Семирѣченской областей. Каждый годъ изъ городовъ Туркестанскаго края стремятся въ киргизскія степи толпы ишановъ и возвращаются оттуда со стадами верблюдовъ, лошадей и барановъ и съ деньгами. Изъ киргизъ попадаютъ тоже ишаны, но рѣдко, и при томъ не пользующіеся широкою извѣстностью *). Въ Чимкентскомъ уѣздѣ былъ ишанъ изъ киргизъ, по имени Сатубалды Абдуллиновъ. Онъ каждый годъ уѣзжалъ за сборами къ тургайскимъ киргизамъ и возвращался домой далеко не съ пустыми руками. Прежде онъ пользовался большою популярностью и среди чимкентскихъ киргизъ; но, когда они ближе узнали его, то не стали больше считать его своимъ пиромъ. Всего легче начинать карьеру ишана въ Наманганѣ. Жители этого города отличаются наивностью, простотою нравовъ и необыкновенно суевѣрны. Тамъ нѣтъ ни одного жителя, который бы не былъ муридомъ какого-либо ишана. Одинъ чимкентскій товарищъ Саттархана по училищу, мулла Закиръ, по совѣту чимкентскаго казія Ай-Мухаммада, отправился въ Наманганъ и тамъ объявилъ себя ишаномъ. Черезъ 5 лѣтъ онъ очень пополнѣлъ, на немъ была хорошая

*) Татары также очень часто принимаютъ на себя роль ишановъ и избирають простодушныхъ киргизъ въ степяхъ. См. „Досуги Туркестана“ соч. Г. А. Арендаренко. Н. О.

одежда и въ карманѣ порядочныя деньги. Саттаръ-ханъ спросилъ его, откуда у него взялось все это, и онъ отвѣтилъ, что богатство и довольство дало ему ишанство въ Наманганѣ.

Иногородніе муриды по крайней мѣрѣ однажды въ годъ посѣщаютъ своего пира. Они пріѣзжаютъ къ нему за сотни верстъ, чтобы посмотрѣть на ишана и помолиться вмѣстѣ съ нимъ. Для посѣщенія пира выбирается мѣсяцъ Рамазанъ, когда у мусульманъ бываетъ постъ. Муриды проводятъ этотъ постъ съ своимъ пиромъ. При посѣщеніи пира, муриды подносятъ ему подарки не только отъ себя, но и отъ своихъ отсутствующихъ земляковъ, тоже муридовъ: дарятъ верблюдовъ, лошадей, барановъ, деньги, халаты, хлѣбъ и пр. Сартовская пословица говорить: „Усердіе мурида узнается по его подавкамъ“*). Мѣстные жители каждый день приносятъ ишану пищу, которой достаетъ и для бѣдныхъ муридовъ, состоящихъ при ишанѣ. Нѣкоторые муриды исполняютъ для ишана разную работу, не получая за то никакого вознагражденія. Они считаютъ для себя счастьемъ служить ишану. Другіе муриды, кои по бѣдности не могутъ давать ишану подарковъ, стараются наwerbenъ своему пиру богатыхъ муридовъ, подарки коихъ восполнили бы недостатокъ ихъ самихъ. При этомъ бѣдные муриды не остаются безъ вознагражденія за свое посредничество; они получаютъ подаванія какъ отъ ишана, такъ и отъ новообращенныхъ муридовъ. Этимъ еще больше поощряется ихъ усердіе. Нѣкоторые муриды жертвуютъ ишанамъ все свое имущество при жизни или завѣщаютъ таковое на случай смерти. Благодаря такой щедрости муридовъ, ишаны обладаютъ большимъ богатствомъ и живутъ роскошно. Нѣкоторые бываютъ въ одно и тоже время муридами у разныхъ ишановъ, а сами ишаны состоятъ муридами другъ у друга.

Время отъ времени ишаны предпринимаютъ путешествія для посѣщенія могилъ святыхъ и для сбора подаваній. Объ ихъ пріѣздѣ въ городъ или кишлакъ заранѣе узнаютъ мѣстные жители и спѣшатъ къ ишану для полученія отъ него талисмана.

*) Къ своему пиру муридъ подходитъ съ большимъ почтеніемъ и робостію и даже цѣлуетъ у него руку, какъ это я самъ видѣлъ въ домѣ умершаго въ 1892 г. ишана Абдулъ-Касымъ-хана. Н. О.

Въ одной сартовской книжкѣ «Адабу-с-салихинъ» *) находится слѣдующее ученіе о муридахъ и ихъ отношеніяхъ къ пиру, или ишану: „Муридь долженъ сидѣть продалъ отъ пира, на самомъ низкомъ мѣстѣ, и вести себя самымъ приличнымъ образомъ, т. е. не шевелиться, не кашлять, не плевать и—Боже упаси!—курить; не разговаривать громко, не употреблять нюхательнаго табаку (насвай), не сидѣть съ грязными ногами въ калошахъ, не быть съ открытою грудью, не имѣть на головѣ чалмы и у пояса четокъ, не быть наряженнымъ, не имѣть на себѣ шелковой одежды и быть готовымъ въ каждую минуту совершить молитву съ омовеніемъ. Если пиръ прикажетъ муриду занять высшее мѣсто, даже выше тѣхъ, кои по своему положенію имѣютъ преимущество передъ нимъ, то онъ, муридь, долженъ безпрекословно подчиниться волѣ пира. Самъ пиръ долженъ сидѣть, имѣя позу мслящагося мусульманина, на колѣняхъ, съ подогнутыми подъ себя ногами. Прикажетъ-ли пиръ сдѣлать то или другое, или велитъ не дѣлать того или другого, муридь съ душою и сердцемъ обязанъ слушать и исполнять. Съ кѣмъ бы ни говорилъ пиръ и о чемъ бы онъ ни говорилъ, муридь долженъ внимательно слушать и стараться не проронить ни одного слова изъ разговора пира. Если пиръ отдастъ одному изъ муридовъ остатки отъ своей пищи, то этотъ муридь долженъ самъ съѣсть эту пищу, не предлагая другимъ; въ противномъ случаѣ можно будетъ гредполагать, что онъ брезгаетъ остатками пищи ишана и радъ бы отъ нихъ отдѣлаться, уступивъ другимъ. Если муридь желаетъ заговорить съ пиромъ, то обязанъ предварительно убѣдиться, есть ли къ тому свободное время у пира, не занятъ ли пиръ чѣмъ-нибудь. Муридь долженъ обращаться къ пиру тихо, но не шопотомъ, съ разстановкой, и по возможности кратко и сдержанно, притомъ съ мягкостію, нѣжно. Вообще же муридь долженъ въ при-

*) Авторъ этого „домостроя“—Мухаммедъ Садыхъ Кашгарскій составилъ свою книгу по приказанію Мирзы-Усмана, сына Мирзы Захидъ-бека, выбравъ помѣщенные въ ней правила изъ разныхъ достойныхъ вниманія сочиненій, чтобы читающіе извлекали изъ нея пользу для себя. Съ подлинника сдѣланъ переводъ на русскій языкъ Н. С. Лыкошинымъ, напечатанный въ Ташкентѣ въ 1895 году, подъ заглавіемъ „Кодексъ приличій на мусульманскомъ востокѣ“. Н. О.

судствіи пира соблюдать молчаніє. Сидя передъ пиромъ, муридъ долженъ сосредоточиться; ибо, какъ вода, подверженная волненію, не отражаетъ въ себѣ образа человѣка, такъ и муридъ, держащій себя разсѣянно, лишаетъ пира возможности читать на его лицѣ и видѣть, что дѣлается въ его душѣ. Если пиръ намѣревается куда-либо итти, муридъ не долженъ спрашивать, куда онъ идетъ. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ, какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ, муридъ долженъ спрашивать совѣта у своего пира, даже относительно пищи, питья и одежды. Не посовѣтовавшись съ пиромъ, муридъ не долженъ предпринимать никакихъ дѣлъ. Если самъ пиръ будетъ спрашивать совѣта у своего мурида насчетъ своихъ мірскихъ дѣлъ, то такой муридъ не долженъ тотчасъ-же высказывать свое мнѣніе, а обязанъ скромно отвѣтить: „Вы сами хорошо знаете, какъ вамъ пстунить“. Если же пиръ будетъ настаивать, тогда муридъ долженъ высказать свое мнѣніе въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Въ комнату, такъ называемую „хильватъ-хана“, гдѣ пиръ совершаетъ молитвы и занимается своими дѣлами наединѣ, безъ его позволенія входить нельзя. Не должно занимать мѣста, на которомъ обыкновенно сидитъ ишанъ*). Никто изъ муридовъ не долженъ надѣвать на себя одежду и обувь пира. Въ одномъ мѣстѣ съ пиромъ не должно спать; если же ишанъ позволить муриду спать въ одной комнатѣ съ собою, то муридъ не долженъ спать крѣпкимъ сномъ, а настолько чутко, чтобы быть всегда готовымъ по первому зову пира встать и исполнить его приказаніе. Съ пиромъ не должно позволять себѣ шутокъ и съ другими не шутить въ его присутствіи и даже избѣгать разговоровъ. Передъ пиромъ муридъ не долженъ выставлять на видъ свои превосходства: умъ, богатство, добродѣтели и т. п. Если пиръ высказываетъ какое-либо мнѣніе, не должно его спрашивать, почему это такъ, гдѣ такое мнѣніе содержится. Не надо вынуждать пира прибѣгать къ хитрости, какъ напимѣръ: если муридъ совершилъ въ присутствіи пира какую-либо неловкость и пиръ не замѣтилъ объ этомъ муриду, послѣдній пусть не думаетъ, что пиръ ничего не видалъ; нѣтъ,

*) У себя дома пиръ всегда сидитъ на опредѣленномъ мѣстѣ.

пирь видѣлъ, но только притворяется, что не замѣтилъ; это хитрость со стороны пира. И такая хитрость служить знакомъ неудовольствія пира по отношенію къ своимъ ученикамъ. Напротивъ, если пирь замѣтилъ дурной поступокъ, то муридъ долженъ радоваться, такъ какъ это доказываетъ, что пирь имъ доволенъ. Муридъ долженъ составить себѣ о пирѣ такое мнѣніе, что его пирь стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Муриды должны быть убѣждены, что пирь знаетъ всѣ ихъ дѣйствія, тайныя и явныя. Муридъ, имѣющій такое убѣжденіе, старается избѣгать дурныхъ дѣлъ. Въ присутствіи и въ отсутствіи пира муридъ долженъ воображать себѣ, что пирь сидитъ у него въ головѣ между бровями и видитъ все, что онъ дѣлаетъ, что мыслить. Если пирь въ дурномъ расположеніи духа, значитъ, онъ борется съ своими страстями и въ это время его нужно оставлять одного и уходить. Всѣ свои тайны муридъ долженъ открывать передъ пиромъ, а всѣ тайны пира скрывать. Если муридъ хочетъ совершить чудо, то долженъ обратиться за позволеніемъ къ ишану. Во всѣхъ духовныхъ вопросахъ муриды не должны полагаться на свои знанія. Кто не любитъ или порицаетъ пира, того должно избѣгать и не вести съ нимъ знакомства. Не должно позволять себѣ смотрѣть прямо въ лицо пиру, а должно сидѣть передъ нимъ съ опущенными глазами. Сидя передъ пиромъ, надо думать только о немъ и имѣть его въ своемъ сердцѣ. Если муридъ видѣлъ чудеса отъ пира, то можетъ сказать пиру, что видѣлъ такія-то его чудеса, но не долженъ спрашивать пира, какимъ образомъ онъ совершилъ чудо. Если муридъ желаетъ посѣтить ишана, онъ долженъ это дѣлать не потому, что привыкъ къ обществу ишана, а потому, что онъ думаетъ почерпнуть что-нибудь поучительное отъ ишана, что онъ желаетъ очистить свою совѣсть отъ всѣхъ грѣховъ. Вообще же должно избѣгать всѣхъ дурныхъ поступковъ и мыслей, которые могли бы не понравиться пиру. Не надо критиковать слова и поступки пира, кои муриду кажутся неодобрительными; муридъ не долженъ даже допускать подобной мысли, а обязанъ стараться убѣдить себя, что въ поступкѣ пира таится что-нибудь такое, чего онъ, муридъ, не знаетъ и что оправдываетъ поступокъ пира. Чтобы быть пріят-

нымъ пиру, муридъ долженъ держать въ чистотѣ свое тѣло и одежду, избѣгать прикосновенія съ предметами нечистыми, чистить зубы, не употреблять луку, чесноку и т. п. веществъ.

Изъ ишановъ, принадлежащихъ къ потомкамъ имама Раббани, въ Кокандѣ, во время Худояръ-хана, былъ Міянь-Фазлій Ахадъ, а въ Ташкентѣ Міянь-Халиль. Къ числу знаменитѣйшихъ ишановъ, не принадлежащихъ къ потомкамъ имама Раббани, слѣдуетъ отнести: въ Ташкентѣ Ахмеда-Хальпу, а въ Кокандѣ—Алтыша и Тальки-Суфи-Бадаля.

Приведемъ нѣкоторые факты изъ жизни ишановъ Міянь-Фазлія-Ахада и Ахмеда-Хальпы. Какъ-то однажды прибылъ въ Чимкентъ ишанъ Міянь-Фазлій. Это было до прихода русскихъ. Ишанъ остановился въ Чимкентѣ проѣздомъ въ Туркестанъ, къ могилѣ имама Хазрета. По дорогѣ онъ посѣщалъ могилы другихъ имамовъ и ишановъ. Для этой цѣли онъ остановился и въ Чимкентѣ. Могила ишана находится среди могилъ обыкновенныхъ смертныхъ. Остановившись около одного кладбища, которое не имѣло еще могилы святого, пріѣзжій ишанъ сказалъ: „Здѣсь тоже есть могила святого, именно Саибъ-Баба“. Затѣмъ, принявъ видъ *муракаби*, т. е. человѣка созерцающаго, онъ наклонилъ голову и опустилъ глаза. Постоявъ нѣкоторое время въ такомъ положеніи, ишанъ сказалъ: „Я ошибся; здѣсь нѣтъ тѣла такого святого, о которомъ я говорилъ; святой этотъ только проходилъ черезъ мѣстность, гдѣ расположено кладбище“. Такое мѣсто у мусульманъ носить названіе *кадамъ-джай*. Всѣ присутствующіе удивились такой прозорливости ишана и приписали это чуду.

Объ этомъ случаѣ рассказывалъ Саттаръ-хану отецъ его, въ полномъ убѣжденіи, что упомянутый ишанъ обладалъ даромъ узнаванія прошлаго и будущаго. На мѣстѣ, указанномъ ишаномъ, теперь стоитъ жердь, увѣшанная тряпками,—знакъ, что мѣсто это *священно*.

Ишанъ Міянь-Фазлій пользовался огромнымъ вліяніемъ въ столицѣ кокандскаго ханства, но Ханъ *Мадали* былъ недоволенъ имъ за то, что послѣдній давалъ у себя убѣжище государственнымъ преступникамъ и присваивалъ себѣ ихъ имущество, подлежащее конфискаціи. Мадали-ханъ велѣлъ ишану убраться

за предѣли ханства, и тогда Міянъ-Фазлій уѣхаль въ Мекку. Въ это время бухарскій эмиръ напалъ на кокандское ханство, взялъ въ плѣнъ самого Мадачи-хана и казнилъ его. Всѣ стали толковать этотъ случай въ смыслѣ наказанія Божія за изгнаніе ишана Міянъ-Фазлія-Ахада. Муриды послѣдняго, раздѣлявшіе съ нимъ изгнаніе, рассказывали впослѣдствіи, что ишанъ въ день и часъ казни *Мадахи*-хана сказалъ: «Въ этотъ часъ мой врагъ наказанъ; пойдемъ назадъ въ Кокандъ». Знать это онъ могъ, какъ разсуждалъ народъ, по своей святости.

Лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ Чимкентъ пріѣхаль изъ Коканда ишанъ, совершавшій чудеса. По приказанію отца, С—нъ отправился къ ишану съ двумя сзoими сверстниками. Ишанъ въ это время совершалъ въ саду эмовеніе. Онъ былъ въ бѣломъ халатѣ и въ такой же тибитейкѣ. С. сказалъ своимъ товарищамъ, что это, вѣроятно,—ишанъ. Его окружали нѣсколько чело-вѣкъ: кто держалъ рукомойникъ, кто полотенце, кто стоялъ безъ дѣла, готовый исполнить всякое приказаніе ишана.

Разговѣръ Саттаръ-хана съ товарищами слышали муриды окружающіе ишана и бывшіе около помѣщенія ишана. Когда ишанъ вошелъ въ свое помѣщеніе, С. и товарищи его почти-тельно подошли къ нему и подали ему руки. Ишанъ ска-залъ тогда, обращаясь къ С.: „Вы говорили между собою обо мнѣ (ишанъ указалъ на себя) что это, вѣроятно, ишанъ“. Этимъ онъ хотѣлъ удивить насъ и показать, что онъ, не слыша, знаетъ, что мы говорили. Присутствующіе легковѣрные муриды при-няли это за чудо; но С—нъ былъ убѣжденъ, что его слова къ товарищамъ были переданы ишану кѣмъ-либо изъ лицъ, его окружавшихъ.

Къ этому ишану стали обращаться бездѣтныя женщины въ надеждѣ получить талисманъ противъ безплодія. Ишанъ велѣлъ собраться къ нему безплоднымъ женщинамъ и ночевать въ его помѣщеніи. Женщинъ собралось числомъ, около 10 чело-вѣкъ, и всѣ онѣ остались ночевать у ишана. Между ними была сосѣдка С—на, Рузыджанъ, жена Алибая. Переночевавъ у ишана, женщины вернулись домой. Тогда Алибай спра-шиваетъ свою Рузы-джанъ: „Нѣтъ ли намъ какой надежды на дѣтей?“—„Мы несчастны, отвѣчала ему жена, а счастливы

Аимъ-джанъ и ея мужъ Рузыбай; у насъ нѣтъ надежды на дѣтей... Дѣло происходило такъ, продолжала Рузы-джанъ: когда мы, женщины, пришли къ ишану, послѣдній оставилъ насъ ночевать у себя и объявилъ намъ, что онъ не Богъ, что всѣмъ не можетъ дать дѣтей, но что онъ будетъ молиться Богу, и Богъ пришлетъ своего ангела ночью въ образѣ его, ишана; ангелъ Божій будетъ насъ обнимать и будетъ спать съ избранною. Ишанъ велѣлъ намъ приготовиться къ принятію ангела и не тушить свѣчи. Мы ожидали ангела съ нетерпѣніемъ, и каждая изъ насъ лелѣяла мысль, что ее осчастливить своимъ посѣщеніемъ ангелъ Божій. Ночью, когда мы всѣ лежали, явился ангелъ, похожій на ишана, въ его одеждѣ, и сталъ разсматривать насъ по-одиночкѣ. Онъ оставовился на женѣ Рузыбая Аимджанъ и съ нею спалъ». (Нужно замѣтить, что Аимджанъ, жена Рузыбая, была красавица).

Алибай сталъ смѣяться, говоря: «Я очень радъ, что Богъ не послалъ своего ангела къ моей женѣ». Онъ пошелъ въ мечеть и разсказалъ обо всемъ этомъ сосѣдямъ. Одни вѣрили, а другіе считали это вымысломъ, но репутація ишана ничего не потеряла въ глазахъ его муридовъ; многіе изъ нихъ, вѣря разсказу Алибая и его жены, признавали дѣяніе ишана за чудо*).

Въ другой разъ этотъ же ишанъ пріѣхалъ въ Чимкентъ, подъ предлогомъ посѣтить чимкентскаго ишана, котораго одного онъ считалъ хорошимъ ишаномъ. Когда пріѣзжій находился въ гостяхъ у чимкентскаго ишана, вдругъ во время угощенія гость-ишанъ какъ бы очнулся и сказалъ: „За городомъ есть могила святаго Кочкаръ-ата; тамъ горятъ двѣ свѣчи, одна для меня, другая для васъ“, т. е. для ишана, у котораго онъ находился въ гостяхъ; „духъ святаго, продолжалъ ишанъ, приглашаетъ меня и васъ къ себѣ“. Послѣ этихъ словъ оба ишана и ихъ муриды отправились на могилу святаго Кочкаръ-ата и дѣйствительно нашли тамъ двѣ горѣвшія свѣчки. Всѣ сочли это за великое чудо, и послѣ этого чуда нашему ишану посыпались сбилъные подарки.—Ишанъ просто схитрилъ, но толпа не умѣ-

*] 23 іюля 1898 г. сартъ Кукчинской части г. Ташкента М. З. заявилъ полиціи, что въ этотъ день неизвѣстно куда скрылась его жена 16-лѣтъ. Пропавшая была найдена въ Бишагачской части у ишана, куда она ушла для отчитыванія себя (№№ 56 и 58 Турк. Вѣд. 1893 г.).

ла понять его хитрости и сочла то за чудо. Впослѣдствіи ханъ Худояръ приказалъ повѣсить ишана за подобные фокусы.

Въ Бухарѣ при Насрулла-ханѣ (1827 г.) былъ ишанъ, который одному изъ своихъ муридовъ приказалъ притвориться хромымъ, а другому слѣпымъ. Эти муриды нѣсколько лѣтъ выдавали себя предъ народомъ: одинъ за хромого, другой за слѣпого. Однажды отъ ишана потребовали чуда, и онъ притворныхъ своихъ муридовъ, на глазахъ у всѣхъ, исцѣлилъ: слѣпой сталъ смотрѣть, а хромой пересталъ хромать...

Одинъ только эмиръ Насрулла не вѣрилъ въ чудеса ишана. Онъ послалъ къ ишану раиса*) съ приказаніемъ доставить ишана къ нему, эмиру. Посланный раисъ почтительно слѣзъ передъ ишаномъ съ лошади и не зналъ, въ какихъ словахъ сбѣявить ишану приказъ эмира. Онъ боялся, что ишанъ чудеснымъ образомъ ниспослетъ на него небесную кару. При этомъ ишанъ выразилъ сожалѣніе надъ участіемъ эмира, котораго неминуемо ждетъ наказаніе за неуваженіе къ нему. Раисъ вернулся къ эмиру ни съ чѣмъ. Тогда эмиръ послалъ другаго своего приближеннаго, и тотъ, не смотря на угрозы ишана, привелъ его къ эмиру. Послѣдній тотчасъ же велѣлъ его повѣсить.

Въ Ташкентѣ, при Худоярханѣ и въ первое время влзѣнія страну русскими, славился ишанъ Ахмадъ-Хальпа. Онъ жилъ то въ Шейхантаурской, то въ Бишагачской части г. Ташкента. Онъ былъ очень богатъ, имѣлъ много садовъ и земель въ Ташкентѣ и уѣздѣ; у него было нѣсколько женъ и огромное семейство. Ахмадъ-ишанъ обладалъ образованностію ученаго мусульманина, но въ религіи онъ былъ большимъ либераломъ, толковалъ Коранъ по своему и не считалъ его божественной книгой. Въ самоувѣренности онъ дошелъ до того, что сталъ величать себя пророкомъ. „Хотя Мухаммадъ и сказалъ“,—говсрилъ Ахмадъ-ишанъ,—„что онъ (Мухаммадъ) послѣдній изъ пророковъ, но это неправда: пророки должны являться и послѣ Мухаммада отъ времени до времени“. Онъ находилъ и другія противорѣчія въ Коранѣ. Такъ, напримѣръ: въ одномъ мѣстѣ Корана самъ

*) Раисомъ у мусульманъ называлось особое должностное лицо, наблюдавшее за благочиніемъ въ городѣ и за нравами жителей. Н. О.

Богъ клянется луною, солнцемъ и землею, а въ другомъ мѣстѣ Корана тотъ же Богъ повелѣваетъ, чтобы люди не клялись ни луною, ни солнцемъ, ни чѣмъ-либо другимъ*).

За такія вольныя мысли и слова ташкентскіе ученые мусульмане негодовали на Ахмадъ-ишана, а самый вліятельный въ то время Ташкентскій ишанъ Абуль-Касымъ просилъ бухарскаго эмира исходатайствовать у русскаго правительства высылку изъ края Ахмадъ-ишана за его противорелигіозныя рѣчи. Но народная толпа очень любила и уважала Ахмадъ-ишана. Онъ имѣлъ муридовъ во всемъ краѣ, не исключая и Бухары, и многочисленныхъ послѣдователей въ Ташкентѣ, Коканѣ, Самаркандѣ и въ киргизской степи.

Незадолго до своей смерти, Ахмадъ-ишанъ, по обычаю мусульманъ, ѣздилъ въ Мекку. Ташкентцы провожали его многочисленною толпою до Чиназа, а нѣкоторые до Самарканда. Самаркандскіе муриды вышли встрѣчать своего ишана на первую станцію и дожидались тамъ его нѣсколько дней. Они разбили дорогія палатки, землю устлали коврами и приготовили всевозможныя яства и дорогіе подарки. Самаркандскій уѣднй начальникъ былъ такъ пораженъ такими приготовленіями къ встрѣчѣ какого-то Ахмада-Хальпы, что телеграфировалъ къ начальнику города Ташкента, спрашивая его, что за личность выѣхала изъ Ташкента въ Мекку, для которой готовится столь торжественная встрѣча? Ахмадъ-ишанъ умеръ въ 1889 году и оставилъ наслѣдникомъ своего ишанства своего сына, который не пользуется славой и популярностію своего отца; для этого ему не достаетъ ума, хитрости и краснорѣчія.

Ахмаду-ишану много приписывается чудесъ. О его чудесахъ и замѣчательныхъ дѣяніяхъ написалъ цѣлую книгу его преданнѣйшій муридъ, бывшій муфтіи Мингаджиддинъ. Онъ превозносилъ ишана до небесъ и приписывалъ ему такія дѣянія, къ которымъ вовсе не былъ причастенъ самъ ишанъ.

Однажды Ахмадъ-ишанъ отправился на поклоненіе къ могилѣ святаго Хазретъ-султана въ Туркестанѣ и по пути остановился въ Чимкентѣ у своего муриды Саибджана. Эти путеше-

*) О противорѣчіяхъ въ Коранѣ см. въ моей книгѣ „Коранъ и прогрессъ“ стр. 139—159. Н. О.

ствія и остановки дѣлались имъ для сбора приношеній въ провинціи. Проживъ въ Чимкентѣ нѣсколько дней, Ахмадъ-ишанъ вдругъ объявилъ, что онъ считаетъ излишнимъ продолжать путь въ Туркестанъ къ Хазрету, ибо духъ святаго Хазрета самъ пришелъ къ нему на встрѣчу, въ Чимкентъ, и остановился на мѣстѣ, которое Ахмадъ-ишанъ указалъ окружающимъ. Ему повѣрили и въ ознаменованіе встрѣчи духа Хазрета съ Ахмадъ-ишаномъ поставили шесть съ значкомъ на святомъ мѣстѣ.

Вотъ еще случай изъ жизни ишановъ. Разъ пріѣхалъ изъ Коканда въ Чимкентъ какой-то ишанъ и познакомился съ однимъ чимкентскимъ ишаномъ Анарь-Мухаммадъ-аглямомъ. Они сговорились ѣхать въ Ауліэтинскій уѣздъ къ степнымъ киргизамъ съ цѣлью собирать пожертвованія. Такъ какъ обоихъ тамъшніе киргизы не знаютъ, то чимкентскій ишанъ предложилъ кокандскому такое условіе: „я тебя буду хвалить тамъ, какъ замѣчательнаго и знаменитаго ишана, а все вырученное будемъ дѣлить пополамъ“. Кокандскій ишанъ согласился на такое условіе, и они поѣхали. Собравъ у киргизовъ подарки и раздѣливъ ихъ пополамъ, ишаны воротились и начали разбѣзжать по окрестнымъ селеніямъ Чимкента. Собравъ въ окрестностяхъ Чимкента пожертвованія, они пріѣхали въ Чимкентъ. На требованіе чимкентскаго ишана—раздѣлить пополамъ всѣ собранныя пожертвованія, кокандскій ишанъ отвѣчалъ, что не намѣренъ дѣлиться, потому что пожертвованія были собраны тамъ, гдѣ всѣ хорошо его знаютъ. Тогда чимкентскій ишанъ пригрозилъ, что подастъ жалобу казію, а если и казіи не рѣшитъ дѣла въ его пользу, то напишетъ въ Кокандъ ко всѣмъ родственникамъ и знакомымъ кокандскаго ишана и осрамить послѣдняго. Тогда кокандскій ишанъ, испугавшись угрозы со стороны своего друга по ремеслу, самъ отправился къ бывшему чимкентскому казію Султанъ-Ахмадъ-Хану, рассказалъ ему всѣ обстоятельства дѣла и просилъ помирить его съ ишаномъ Анарь-Мухаммадъ-аглямомъ. Послѣдній, получивъ извѣстную часть пожертвованій, согласился на примиреніе.

Таковы факты из частной жизни ишановъ, среди своихъ муридовъ. Въ мусульманскомъ обществѣ ишани являются представителями созерцательнаго благочестія (*тасиввууфъ*) и называются также *суфійами*, т. е. людьми чистой жизни и охранителями мусульманскаго благочестія*). Поэтому къ нимъ обращаются мусульмане не только въ обыкновенныхъ случаяхъ своей духовной жизни за наставленіями и руководствомъ, но и особенно въ случаяхъ исключительныхъ. Если въ странахъ мусульманскихъ ишаны (шейхи) считаются главными руководителями духовной жизни народа, то въ странахъ, подвластныхъ иновѣрному правительству, они становятся во главѣ каждаго политическаго движенія и даже предводительствуютъ толпой политическихъ бунтовщиковъ. Въ Туркестанскомъ краѣ не было ни одного народнаго возстанія безъ участія ишановъ: послѣднее (Ферганское) возстаніе, въ 1898 году, подготовлялось при участіи также ишана Мухаммадъ-Али-Сабырова, о которомъ извѣстны слѣдующія біографическія свѣдѣнія.

Ферганскій ишанъ Мухаммедъ-Али Сабыровъ**), или просто «Дукчи-ишанъ», родился въ 1852—53 г. въ селеніи Чиміонъ Маргеланскаго уѣзда отъ жителя того-же кишлака, по имени Уста-Мухаммедъ-Сабыра***) и сартянки изъ селенія Алты-Арыка, по имени Асаль-Биби-Артукъ-Баевой. Отецъ ишана занимался изготовленіемъ веретенъ, которыя продавалъ на ближайшихъ базарахъ; въ 1857 г., когда сбытъ его издѣлій ослабѣлъ, онъ перѣхалъ со своей семьей въ кишлакъ Мингъ-Тигъ Маргеланскаго уѣзда, гдѣ продолжалъ заниматься тѣмъ-же ремесломъ. Сынъ его Мухаммедъ-Али, хотя и былъ хорошо сложенъ физически, но умственнымъ развитіемъ не отличался и значительно отставалъ

*) Объ алжирскихъ ишанахъ (дервишахъ) см. въ кн. Ренна „Марбуты и Хуаны“ (Алжиръ, 1884) Рус. пер. изъ этой книги о заповѣдяхъ дервишей напечатанъ въ Сборникѣ матеріаловъ по мусульманству (Ташкентъ 1899, стр. 73—84).

**) Портретъ его приложенъ къ ст. И. П. Ювачева въ Истор. Вѣстникъ за 1907 г. (декабрь, стр. 967).

***) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, отецъ ишана былъ вольноотпущенный рабъ—персъ. Типъ лица ишана смѣшанный, приближающійся къ узбекскому. См. Турк. Вѣд. 1899 г. №№ 2, 4, 8. 16 ст. Н. Ф. Ситняковского „Минтубинскій ишанъ“. Н. О.

Въ Мингъ-Типя Мухаммедъ-Али занимался хозяйствомъ и жилъ отшельникомъ, за что многіе считали его дуваной (юр-дивимъ). Разсказываютъ также, что онъ съ дѣтства чуждался женщинъ.

Digitized by Google

что топка подъ котлами производилась изъ другого помѣщенія, а труба была выведена на женскій дворъ. Почитатели новаго ишана, не видя сгня и дыма, удивлялись и говорили, что Мухаммедъ-Али чудотворецъ, ибо варить пищу безъ огня. Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ построилъ минаретъ*) около свсей мадрасы, но строилъ его странно: нижніе ряды на 4 арш. выложилъ изъ сырцоваго кирпича, а слѣдующіе затѣмъ изъ жженнаго, и сдѣлалъ на минаретѣ надпись „Чудо“... Но въ 1897 г. этотъ минаретъ, вслѣдствіе такой непрочности фундамента, упалъ и придавилъ нѣсколькихъ мальчиковъ, а нѣсколькихъ зашибъ. Убитыхъ мальчиковъ похоронили, часть раненыхъ приняли къ себѣ родственники ихъ, а часть ихъ осталась у Мухаммедъ-Али для лѣченія. Мѣстный казіи, боясь отвѣтственности, говорилъ народу, что нужно донести русскимъ властямъ о случившемся несчастіи, но мѣстные жители не рѣшались доносить на ишана. Тогда казіи уговорилъ посторонняго сарта изъ Андижанскаго уѣзда донести о случившемся, но доносчикъ послѣ того заболѣлъ и умеръ. Тогда среди населенія начали ходить слухи, что его отравилъ ишанъ черезъ своихъ приверженцевъ. Ишанъ вызвали повѣсткой въ городъ Н. Маргеланъ**) по этому поводу, но онъ не явился. Вытребованный чрезъ уѣзднаго начальника ишанъ хотѣлъ было остановиться въ городѣ у сарта Каримъ-Берды, но послѣдній отвѣчалъ, что такому святому человѣку, какъ Мухаммедъ-Али, неудобно останавливаться въ домѣ, близъ котораго находятся русскіе кабаки. Ишанъ поблагодарилъ за совѣтъ и остановился у сарта Ахмадъ-Али Кабулова.

На судѣ ишана не обвинили, такъ какъ нашлись ложные свидѣтели, показывавшіе въ пользу ишана. По окончаніи судебного разбирательства, ишанъ сѣлъ на ишака, котораго вели подъ уздцы два конюха и, въ сопровожденіи огромной толпы, отправился на базаръ. На дорогѣ онъ былъ остановленъ полиціи-мейстеромъ города и на вопросъ: «кто это такой?» народная толпа отвѣчала: «нашъ святой». Полицеймейстеръ велѣлъ сойти ишану съ сѣдла и заставилъ его вести своего осла...

*) Такъ называется башня, съ которой мусульмане призываютъ народъ въ мечеть на молитву. Н. О.

**) Нынѣ—Скобелевъ.

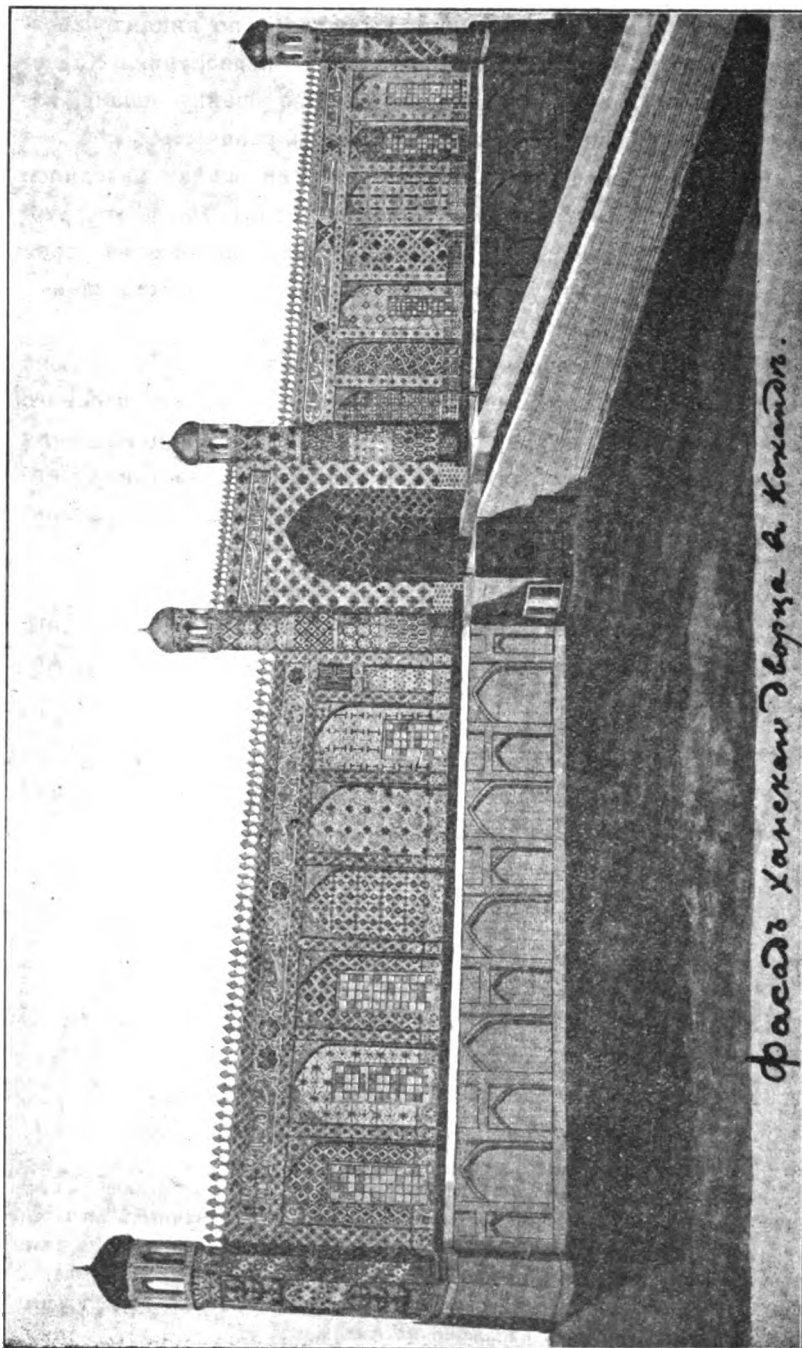
Полицейскому было приказано выпроводить ишана за городъ съ тѣмъ, чтобы онъ въ Маргеланѣ больше не появлялся.

Вернувшись домой, ишанъ сталъ принимать народъ еще съ большимъ гостепріимствомъ; принималъ также больныхъ и лѣчилъ ихъ. Иногда больные выздоравливали. Сумашедшихъ онъ держалъ въ чуланахъ на цѣпяхъ, приходилъ къ нимъ, каждый день, читалъ надъ ними разныя заклинанія на непонятномъ языкѣ и плевалъ имъ въ лицо. Были случаи, что и такіе больные выздоравливали... Мало-по-малу слава ишана Мухаммеда-Али распространилась по всему Туркестанскому краю: приходившіе къ нему на поклоненіе разсказывали о чудесахъ его.

Наблюдая народную жизнь, Дукчи-ишанъ замѣчалъ среди мусульманъ отступленія отъ требованій шаріата, ослабленіе семейныхъ узъ и вообще порчу нравовъ. Поэтому онъ нерѣдко выходилъ на базарную площадь и обличалъ народъ иногда до изступленія... Тогда его на рукахъ уносили домой. За годъ до возстанія, т. е. въ 1897 году, ишанъ написалъ письмо турецкому султану, прося у него совѣта, какъ сдѣлать мусульманъ Ферганы болѣе религіозными, и въ 1898 году получилъ грамоту якобы отъ самого Халифа-Абдулъ-Гамида*) и халать съ его плеча. Послѣ этого ишанъ двинулся въ Андижанъ. Его сопровождала большая толпа, а женщины поднялись на кровли домовъ и ждали, когда для него спустится съ неба бѣлый конь и мечъ..

На дорогѣ къ толпѣ присоединились нѣсколько вліятельныхъ лицъ прежняго ханскаго времени; были перерѣзаны телеграфныя проволоки и убитъ джигитъ, посланный приставомъ съ донесеніемъ о шайкѣ Андижанскому уѣздному начальнику. На дорогѣ же къ ишану подъѣхалъ бывший волостной Гаибъ-Назаръ съ отрѣзанной головою убитаго русскаго мѣшанина Бычкова и положилъ ее предъ ишаномъ; затѣмъ онъ же продернулъ въ уши этой головы веревку и привязалъ голову къ своему сѣдлу сзади. Около Андижана къ ишану присоединилась другая толпа. Такимъ образомъ превышавшая тысячу чело-вѣкъ толпа, вооруженная палками и батиками, напала въ ночь 18 мая на спящій лагерь двухъ ротъ 20 Туркестанскаго линейно-

*) Этотъ документъ писанъ мѣстнымъ почеркомъ на бумагѣ кокандскаго издѣлія, но имѣлъ на верху золотую монограмму турецкаго султана. Н. О.

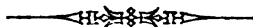

кадроваго баталіона, истерзала до смерти 16 человекъ нижнихъ чиновъ, такъ что замученныхъ солдатъ по лицамъ невозможно было узнать. Благодаря мужеству подпоручика Карсера, другіе солдаты обратили въ бѣгство шайку ишана, которая успѣла подобрать своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Во время нападенія на лагерь впереди шайки находился на лошади мулла и все время читалъ Коранъ, пока отъ русской пули не свалился съ лошади. Припавъ лицомъ къ своей священной книгѣ, онъ умеръ на мѣстѣ, а предводитель шайки „Дукчи-ишанъ“ бѣжалъ*).

На третій день ишана поймали, потомъ судили и 12 іюня 1898 г. повѣсили за городомъ Андижаномъ, противъ военного лагеря, на который онъ произвелъ нападеніе. Съ нимъ были повѣшены пять его сообщниковъ, но главные два участника всего этого сложнаго дѣла успѣли скрыться и остались не розысканными. (Турк. Вѣд. 1898 г. № 44).

Къ тексту прилагается фасадъ ханскаго дворца въ Кокандѣ, какъ памятника политической независимости Ферганы, (до 1876 г.) возстановленіе которой было конечною цѣлью Андижанскаго возстанія.

*; Въ экземплярѣ Корана убитаго муллы было найдено воззваніе къ священной войнѣ. На этомъ документѣ находилось 12 именныхъ печатей сотрудниковъ ишана. Какъ потомъ оказалось, заговорщики предполагали начать свое нападеніе осенью 1898 года одновременно на Маргеланъ, Наманганъ, Андижанъ и Ошъ; но вслѣдствіе открытія ихъ заговора, ишанъ былъ принужденъ ускорить нападеніе на Андижанъ.

Мальчики-бачи въ сартовскомъ обществѣ.

Цитированный выше (на стр. 84-й) ученый изслѣдователь Ферганской долины Миддендорфъ ставитъ въ упрекъ русскимъ завоевателямъ Кокандскаго ханства, что они принесли съ собою въ эту страну европейскую проституцію, вслѣдствіе чего открытое лицо женщины сдѣлалось въ глазахъ сартовъ вывѣскою порока, а все честное закуталось еще плотнѣе прежняго*). Это—гсрская правда, тѣмъ болѣе горькая, что сарты видятъ въ русскихъ городахъ не только открытые дома терпимости, но и распущенность русскихъ нравовъ вообще и потому съ гримасой на лицѣ выслушиваютъ упреки многоженству мусульманъ.

Съ другой стороны справедливость требуетъ сказать, что среди тѣхъ же туземцевъ не только въ Ферганѣ, но и въ другихъ областяхъ Туркестанскаго края съ осѣдлымъ населеніемъ, извѣстенъ съ давнихъ поръ еще болѣе отвратительный порокъ—педерастія, удовлетворенію котораго и служатъ такъ-называемые *бачи*, т. е. молодые мальчики, не вышедшіе изъ отроческаго возраста, хотя иногда свою отвратительную профессію бачи продолжаютъ и въ юношескомъ возрастѣ.

Этотъ порокъ извѣстенъ міру съ самыхъ древнихъ временъ, но для нашей цѣли достаточно замѣтить, что педерастія названіемъ своимъ приближается къ туземному слову «бачебазлыкъ», отъ персид. *бача*—греч. *найсъ*. Нѣкоторые думаютъ, что въ Персію порокъ этотъ былъ занесенъ войсками Александра Македонскаго; но можно допустить и обратное.—что древніе греки познакомились съ педерастіей отъ древнихъ персовъ и, несомнѣнно, что наши сарты переняли этотъ порокъ именно отъ

*) Очерки Ферганской долины, стр. 365.

персовъ, съ которыми находились въ непосредственномъ соприкосновеніи, такъ какъ и своимъ происхожденіемъ обязаны имъ*).

Этотъ порокъ извѣстенъ даже въ отдаленномъ отъ Персіи Китаѣ**) и, къ стыду современной европейской культуры, встрѣчается иногда среди образованныхъ классовъ европейскаго населенія. Но въ Европѣ педерастія презирается и преслѣдуется закономъ, тогда какъ въ Азіи развлеченія съ бачами допускаются народными нравами и обычаями, а ухаживанія за бачами подлежатъ шаріатскому суду только въ случаяхъ крупныхъ столкновеній соперниковъ на почвѣ ревности и мести. Другое различіе Европы отъ Азіи въ отношеніи къ этому пороку составляетъ то, что въ Европѣ педерастія является слѣдствіемъ извращенія полового инстинкта, преимущественно среди изнѣженныхъ и богатыхъ классовъ, а въ Азіи бачебазами бываютъ не только люди со средствами, но и простые рабочіе, почему въ Средней Азіи мальчики-бачи появляются открыто въ чайныхъ лавкахъ (чай-хана) и служатъ неизбѣжнымъ дополненіемъ и украшеніемъ общенародныхъ развлеченій, или же живутъ самостоятельно на средства своихъ поклонниковъ.

Первый типъ бачей содержится хозяиномъ чайной лавки для привлеченія большаго числа посѣтителей, которымъ они расточаютъ свои ласки во время угощенія ихъ чаемъ. Это низшій сортъ бачей, въ родѣ трактирныхъ дѣвицъ. Среди нихъ бываютъ взрослые уже парни, переходящіе на самостоятельную роль содержателей чай-ханы.

Второй типъ бачей составляютъ маленькіе мальчики-плясуны, которые появляются на открытыхъ народныхъ увеселеніяхъ и на частныхъ пиршествахъ богатыхъ людей, устраивающихъ для своихъ гостей угощенія по разнымъ случаямъ семейной жизни: обрѣзаніе сына, женитьба сына или выдача дочери за мужъ, отправленіе сына въ первый разъ въ торговое путешествіе***) и

*) Сарты и таджики въ этнографическомъ отношеніи представляютъ смѣшанный типъ, происшедшій отъ сліянія тюрковъ съ иранцами.

**) См. Вѣстникъ Европы. Декабрь 1907 г. стр. 594—596. Статья „Пекинъ зимой“.

***) Это пиршество, извѣстное подъ названіемъ „Тяна-такаръ“ рѣдко теперь устраивается.

по случаю праздниковъ, а также на такъ называемыхъ „джура.“ (см. стр. 72). Это, такъ сказать, профессиональные плясуны, въ родѣ европейскихъ балеринъ.

Наконецъ, третій, высшій разрядъ бачей составляютъ мальчики, промышляющіе своей красотой и кокетствомъ въ одиночку. Они живутъ на счетъ своихъ поклонниковъ, которые тратятъ на нихъ иногда большія деньги и считаютъ за особую гордость пользоваться ихъ вниманіемъ, находиться вблизи ихъ и хотя бы проѣхаться въ кортежѣ бачи по улицѣ, а тѣмъ болѣе по базару, на глазахъ у народа.

Въ Бухарѣ изъ-за бачей нерѣдко происходятъ, по словамъ Крестовскаго*), цѣлыя драмы и разстраивается семейное счастье: люди состоятельные впадаютъ въ нищету, а иногда, въ порывѣ ревности, соперники наносятъ ножами одинъ другому смертельныя раны... Все это бываетъ и въ Туркестанскомъ краѣ. Какъ здѣсь, такъ и въ Бухарѣ, любимцы-бачи не только живутъ, но и шеголяютъ на счетъ своихъ богатыхъ почитателей, иногда держать кровныхъ лошадей, посѣщаютъ другъ друга, принимаютъ гостей у себя. Въ Бухарѣ ихъ обществомъ (иногда втихомолку) не брезгаютъ, по словамъ того же писателя, даже высшіе сановники Бухары, причемъ эти мальчишки нерѣдко оказываютъ тому или другому чиновнику даже покровительство по службѣ и берутъ съ нихъ за это хорошія взятки... Говорятъ, что бачи состоятъ и въ придворномъ штатѣ и что вообще въ Бухарѣ ловкій и красивый бача можетъ сдѣлать себѣ хорошую жизненную карьеру. Въ Туркестанскомъ краѣ это послѣднее невозможно, потому что утвержденіе на служебныхъ должностяхъ отъ самихъ туземцевъ не зависитъ; но тѣмъ не менѣе соблазнъ бачами великъ и въ Туркестанскомъ краѣ...

Въ послѣдніе годы, съ проведеніемъ желѣзной дороги, въ Туркестанскій край стали заѣзжать разные предприниматели съ пѣвицами и цирковыми дѣвицами, и потому мода на туземныхъ бачей значительно ослабѣла. Но еще не такъ давно на улицахъ какого-нибудь большаго города можно было встрѣтить своеобразно-пышную кавалькаду, подобную описаннымъ г. Кре-

*) Въ гостяхъ у Бухарскаго эмира, стр. 308.

товскимъ. Женственно красивый мальчикъ лѣтъ 14-ти, въ бѣлой кисейной чалмѣ и парчевомъ халатѣ, подпоясанный широкимъ поясомъ съ богатою серебряною и бирюзовою отдѣлкой, сидитъ на хорошемъ конѣ, сбруя котораго также блеститъ богатымъ уборомъ. Бачу окружаетъ конная свита, состоящая изъ взрослыхъ и болѣе скромно одѣтыхъ поклонниковъ, среди которыхъ встрѣчаются даже пожилые люди. Двое очищаютъ путь мальчику среди толпы базарныхъ зѣвакъ, а остальные подобострастно тѣснятся около своего идола, внимательно слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ взглядомъ, за каждымъ словомъ и всѣ спѣшатъ предупредить малѣйшее желаніе капризного любимца. Встрѣчные зѣваки, при видѣ бачи, пріятно улыбаются, дружески киваютъ ему головами и дѣлаютъ рукой привѣтственные жесты...

Такъ тѣшатъ бачу его одурѣвшіе почитатели въ Бухарѣ: они возятъ его на базаръ, чтобы развлечь его и показать толпѣ, заслужить его благосклонность... и удовлетворить свое тщеславіе. Что бы ни пожелалъ любимецъ,—все къ его услугамъ: богатый халатъ, кашмирская чалма, золотыя украшенія, мыло, духи и всякія лакомства и бездѣлушки... Стоитъ избалованному бачѣ указать на какую-нибудь вещь, какъ сейчасъ же кто-нибудь изъ его поклонниковъ достаетъ деньги и платитъ иногда большія суммы, и считаетъ себя вдвойнѣ удовлетвореннымъ: угодилъ бачѣ и шикнулъ на глазахъ зѣвающей толпы, которой ухаживанія за мальчуганомъ сродно или во всякомъ случаѣ понятно*).

Туркестанскіе сарты въ этомъ отношеніи скромнѣе, можетъ быть, потому что русскія власти не поощряютъ такого извращенія человѣческаго чувства, а отчасти потому что развратники находятъ удовлетвореніе въ питейныхъ домахъ и въ притонахъ разврата. Въ рѣдкихъ случаяхъ, однако, случаются и въ предѣлахъ края прогулки молодыхъ сартовъ съ бачами

*) Крестовскій, стр. 304—307. Интересно при этомъ вспомнить, что сердаръ Абдурахманъ (впослѣдствіи Афганскій эмиръ), при посѣщеніи Ташкентскаго городскаго училища въ 1878 г., обратилъ вниманіе, что учитель самыхъ маленькихъ учениковъ держитъ около себя, какъ бачей. Н. О.

за чертой города, какъ объ этомъ можно говорить на основаніи судебныхъ разбирательствъ дракъ и убійствъ изъ-за бачей.

Пляски бачей у богатыхъ сартовъ продолжаются еще и теперь, въ лѣтнее и осеннее время, въ теплые вечера, по разнымъ поводамъ. Иногда такія развлечения устраиваютъ даже по заказу, чтобы доставить заѣзжему путешественнику или вновь пріѣзжему въ край челоѣку возможность видѣть оригинальное препровожденіе времени въ Азіи. По тѣмъ же собиженіямъ въ Бухарѣ покойному Крестовскому показали пляску бачей. О томъ, какъ сарты въ своемъ однородномъ обществѣ развлекаются съ бачами, можно судить по слѣдующему простому разсказу киргизскаго корреспондента: „Въ довольно помѣстительной комнатѣ было много сартовъ, среди которыхъ были и пожилые, украшенные бѣлой большой чалмой и сѣдой бородой. Всѣ сидѣли на полу. Въ срединѣ комнаты, на шелковомъ коврикѣ сидѣлъ мальчикъ; на немъ былъ роскошный и оригинальный женскій костюмъ. Съ головы до ногъ онъ былъ украшенъ серебряными и золотыми монетами. Передъ нимъ на подносѣ стояли большой чайникъ и маленькая китайская чашка. Я догадался, что этотъ мальчакъ не кто иной, какъ бача. Бача налилъ чаю изъ чайника въ чашку, и всѣ присутствующіе впились въ него глазами. Когда онъ подалъ чаю одному богато одѣтому юношѣ, юноша моментально соскочилъ съ мѣста и, приложивъ руку къ груди, чтобы выразить уваженіе, покорность и готовность услужить мальчику,—подошелъ къ бачѣ и низко поклонился. Юноша сѣлъ на колѣняхъ передъ мальчикомъ и принялъ отъ него чашку чаю. Когда чай былъ выпитъ, юноша возвратилъ бачѣ чашку, положивъ въ нее цѣлую горсть монетъ. Удостившись цѣлованія рукъ и лица бачи, юноша при крикѣ публики: „Ты счастливъ!“ сѣлъ на мѣсто. Потомъ бача изъ тойже чашки угощалъ и остальныхъ своихъ поклонниковъ. Каждый изъ нихъ, возвращая чашку, дарилъ мальчику монеты; но никто изъ обожателей не удостоился той милости, какой заслужилъ первый поклонникъ бачи. Когда по окончаніи чаепитія, унесли чайникъ и чашку, всѣ принялись курить гашишъ. Воздухъ наполнился дымомъ, и трудно было дышать. Изъ рта курильщиковъ бѣжала слюна: они сидѣли неподвижно, наклонивъ свои головы въ одну сторону

и не сводя глазъ съ своего кумира. Они были въ какомъ-то особенномъ состояніи... Когда бача всталъ, вдругъ всѣ оживились: кто ударилъ въ бубенъ, кто заигралъ въ сыбызгы (родъ флейты), кто затрубилъ... Бача то и дѣло дикими скачками кружился въ комнатѣ. По временамъ онъ останавливался возлѣ кого-нибудь и строилъ при этомъ различныя гримасы и кривлянія. Каждый сартъ въ то время, когда возлѣ него останавливался бача, старался поцѣловать полы его одежды, руки и башмаки; иной прикасался къ его одеждѣ или башмакамъ, а потомъ цѣловалъ свою руку, съ умиленіемъ приговаривая: „Я готовъ быть твоимъ агнцемъ приноси меня въ жертву“.

„Долго продолжались танцы, скорѣе сказать, скачки бачи. Отъ дыма гашиша у меня заболѣла голова, и я долженъ былъ оставить сартовъ. Что дальше было въ саилѣ, я не знаю“...

По словамъ того же киргиза, и въ настоящее время нѣкоторые богатые сарты держатъ у себя тайно бачей, выдавая ихъ за своихъ приказчиковъ*).

Цитированный писатель В. Крестовскій, сопровождавшій посольство Турк. генераль-губернатора къ Бухарскому эмиру въ 1883 году, въ подробномъ и картинномъ описаніи своего путешествія**), въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминаетъ о развлеченіяхъ съ бачами-плясунами, которыя устраивали для нихъ бухарскіе высшіе сановники, а на стр. 398—400 приводитъ въ вольномъ переводѣ смыслъ романсовъ, распѣваемыхъ бачами, не лишенныхъ своеобразнаго чувства***).

*) Киргизская Степная газета отъ 11 февраля 1896 г. № 6.

**) Въ гостяхъ у Бухарскаго эмира С.-П. Б. 1887 г. стр. 1—431.

***)) Глаза твои, какъ у газели,

А нось, какъ гордый Араратъ,

Уста твои лишь для улыбокъ

И поцѣлуевъ созданы,

А зубы—чтобы жевать кишмишъ,

Что подають къ столу у шаха.

Одну улыбку и больше мнѣ не надо!

Всего одну лишь и больше не надо!

О, соловей, любимецъ розы...

Пой громче свою пѣсню,

Чтобы разбудить сердце милаго.

Я жажду умереть въ его объятыхъ...

Развлеченія съ бачами продолжаются и въ наши дни. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ своеобразный балетъ въ Бухарѣ:

„Легкіе цвѣтные халаты мальчиковъ (въ возрастѣ отъ 10 до 16 лѣтъ) туго охвачены въ стройной таліи толстымъ поясомъ изъ мягкихъ китайскихъ матерій*); на ногахъ у нихъ красивые, на высокихъ подборахъ, бухарскіе сапоги—то блестящіе черные, то изъ цвѣтного сафьяна. Длинные, темные волосы ихъ пышно растрепаны и распущены по плечамъ. Выбритая макушка головы покрыта легкою тюбетейкою, вышитою бисеромъ и серебромъ.

„Для исполненія особаго рода танцевъ, волосы иногда заплетаются во множество мелкихъ, какъ нити, косичекъ съ вплетенными въ нихъ черными шнурками и цвѣтными ленточками, къ концамъ которыхъ привѣшиваются разныя блестящія и побрякушки изъ бисера, бусъ, нитокъ мелкихъ кораловъ.

„Сначала бачи выступаютъ какъ бы нехотя... Смугловатая нѣжная, худощавая лица апатичны и безжизненны; только изъ-подъ накрашенныхъ бровей блестятъ и свѣтятся густо подведенные, томные глаза плясуновъ.

По бокамъ сцены расположились музыканты, пожилые здоровые сарты со своими инструментами—съ бубнами, барабанами, рожками и свирѣлями. Около нихъ на землѣ расположенъ цѣлый рядъ глиняныхъ банокъ разной величины съ широкими отверстіями, туго обтянутыми бычачьимъ пузыремъ. Когда по этой перепонкѣ часто забьютъ деревянными палочками, инструментъ издаетъ сильныя, гудящія звуки. Это туземный барабанъ (нагара). Тутъ же, передъ группою музыкантовъ, въ желѣзной жаровнѣ, или прямо на землѣ, дымится разведенный очагъ, надъ которымъ музыканты отъ времени до времени подогрѣваютъ свои бубны и барабаны, отчего растянутая кожа, подсыхая, дѣлается болѣе упругою, и подогрѣтый инструментъ звучитъ съ особеннымъ гуломъ.

Бачи, похожіе на женщинъ, кокетливо прохаживаются по сценѣ, плавно и медленно поднимаютъ кверху руки и начинаютъ постукивать по воздуху каменными пластинками, похожими

*) Любимецъ богатаго бачебаза носить широкій, отдѣланный серебромъ кожаный или бархатный поясъ. Н. О.

на кастаньеты (обточенные плитки черной рѣчной гальки).

„Вотъ завизжала тонкая свирѣль; заигралъ веселый рожокъ; загрохотали задорныя бубны; загремѣлъ-загудѣлъ унылый барабанъ.

„Бачи все еще тихо и плавно двигаются по сценѣ рядкомъ, слабо и медленно постукиваютъ они въ тактъ музыки своими кастаньетками и съ нѣжными тѣлодвиженіями лѣчииво выдѣлываютъ несложныя фигуры нехитраго танца.

„Темпъ музыки постепенно ускоряется. Все сильнѣе, все пронзительнѣе поетъ-заливается жалобная свирѣль; все выше, все раскатистѣе, гудитъ надрываючися веселый рожокъ; все задорнѣе, все чаще и громче дребезжать и грохочутъ звонкія бубны; а заунывно гудѣвшій, тяжелый барабанъ разсыпался мелкою дробью и лихо охватываетъ частый отбой быстрого такта.

„На сценѣ—бѣшенный танецъ; бачи замелькали въ воздухѣ. Они высоко вскидываютъ руки и быстро работая тонкими пальцами, усиленно и часто стучать кастаньетками. То стрѣлою несутся они по сценѣ, то стучать и прыгаютъ, присѣдая на корточки, то кувыркаются въ воздухѣ; то, растопыривъ руки, на одной ногѣ, волчкомъ вертятся на мѣстѣ; то, вихремъ кружась, несутся въ разныя стороны съ неимовѣрной быстротою. Легкіе халаты ихъ, вздуваясь отъ движенія, кружатся въ воздухѣ распущеннымъ зонтикомъ. Размѣтавшіеся волосы взбились къверху, осѣняя лицо танцора. словно вѣнкомъ, вьющимся надъ головою кружкомъ растрепанной прически.

„Вдругъ музыка обрывается. Бачи, какъ по командѣ, сразу останавливаются, кокетливо встряхиваютъ сбившіеся волосы и, тяжело дыша, съ раскраснѣвшими лицами, медленно расхаживють взадъ и впередъ передъ толпою.

„Увлекающіеся балетоманы—„бачебазы“ — примостились передъ самою сценою; сидя на корточкахъ, они пьютъ крѣпкій зеленый чай, курятъ душистый табакъ изъ кальяна, подзываютъ бачей и угощаютъ ихъ конфетами, леденцами, сахаромъ, орѣхами, сушеными фруктами; поятъ ихъ чаемъ, даютъ имъ покурить кальянъ. Болѣе щедрые зрители покупаютъ для нихъ прохладительное мороженое, приготовленное изъ дынной патоки, смѣшанной съ мелкими стружками скобленого льда.

„Бача у туземцевъ пользуется особою симпатіей. И если онъ особенно ласково принимаетъ отъ кого-либо лакомства, или выпьетъ съ кѣмъ изъ одной чашки чаю, или дастъ кому изъ своихъ рукъ горсточку кишмиша или кусочекъ сахару,—за такую ласку ему дарятъ нѣсколько мѣдныхъ, или серебряныхъ монетъ.

„Но не всѣ бачи одинаково популярны. Не имѣющіе успѣха въ публикѣ остаются безъ угощенія и утоляютъ свою жажду холодной водою изъ вонючаго бурдюка грязнаго „суячи“ (водоноса), разносящаго воду въ кожаномъ мѣшкѣ изъ цѣльной шкуры съ большого козла. Услужливый „суячи“ постоянно появляется тутъ съ полнымъ бурдюкомъ; за счетъ хозяина томаши—устрителя зрѣлища—время отъ времени онъ понемногу орошаетъ изъ своего бурдюка танцевальную площадь, чтобъ меньше поднималось пыли, и тутъ-же утоляетъ жгучую жажду неудачливыхъ бачей*).

По видимому, это развратное развлеченіе есть только развлеченіе мужчинъ, скучающихъ отъ разобщенности полъ въ мусульманскаго средне азіатскаго общества; на самомъ дѣлѣ развлеченія съ мальчиками захватываютъ гораздо глубже психику среднеазіатскаго мусульманина и доводятъ его нерѣдко до полного раззоренія и разрушенія семейной жизни, а иногда оканчиваются убійствомъ, какъ замѣтимъ это Крестовскій относительно Бухары. Вотъ еще нѣсколько случаевъ этого рода.

Въ ночь на 23 ноября 1906 г. въ Кокандѣ звѣрски зарѣзанъ въ своемъ домѣ туземецъ Мама-джанъ Мадъ-Мусаевъ, 27 лѣтъ отъ роду. На трупѣ оказались четыре колотыя раны ножомъ, при чемъ вскрытъ его животъ и перерѣзано горло. Въ совершеніи убійства подозрѣвался нѣкій Мадали-ходжа, который состоялъ съ Мадъ-Мусаевымъ въ преступной связи и неоднократно у него ночевалъ**).

Въ концѣ апрѣля 1901 года, въ Ташкентѣ, молодой сартъ Муса-Аминъ, 19 лѣтъ, китайскій подданный (изъ Хотана) убилъ

*) Турк. Вѣдом. 1901 г. № 91. Ст. „Бухарскій балетъ“. Ср. описаніе пляски батчей въ кн. Вс. Крестовскаго „Въ гостяхъ у Бухарскаго эмира“, стр. 305—309.

**) Турк. Вѣд. 1906 г. № 183.

съ особымъ остервененіемъ*) своего 37-лѣтняго хозяина, содержавшаго на базарѣ харчевню. Убійство было совершено изъ мести. На судѣ молодой убійца безпечно отвѣчалъ на вопросы и смѣялся въ ожиданіи приговора. А приговоръ состоялся серьезный: ссылка въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ и преимуществъ**). Въ томъ же году въ Ташкентѣ были зарѣзаны два молодыхъ туземца, двоюродные братья изъ-за бачи Саидъ-Кары, на котораго убійца тратилъ деньги, а бача оказывалъ свои ласки другимъ***). Интересно, что ревнивый убійца убилъ ножомъ своего соперника, а бачу оставилъ невредимымъ.

Читатель въ правѣ спросить: какъ отнеслась русская администрація Туркестанскаго края къ описываемому пороку туземцевъ? Какъ было сказано на стр. 74—75, русская администрація еще въ 80-хъ гг. обратила вниманіе на развлечения съ бачами, и професіональные мальчишки-плясуны какъ будто бы совершенно исчезли одно время въ Ташкентѣ. Тѣмъ не менѣе привычки и склонности, способствовавшія развитію бачебазства, не могли такъ быстро исчезнуть въ народной душѣ, и потому русской власти приходилось имѣть дѣло съ возникавшими на этой почвѣ кровавыми преступленіями. Собственно бачебазство русскими законами не предусмотрено, и наказанія за него могутъ быть налагаемы русскимъ судомъ только при обнаруженіи преступника, примѣнять-же въ данномъ случаѣ административныя взысканія при болѣе строгомъ отношеніи къ 64 статьѣ Положенія объ управленіи Туркестанскаго края

*) Пенись убитаго б. отрѣзанъ и вставленъ въ ротъ его. Дѣло это слушалось въ судѣ при закрытыхъ дверяхъ. Н. О.

**) Русск. Туркестанъ 1901 г. № 120.

***) Турк. Вѣд. 1906 г. № 39. Сравни: въ 1907 году въ Дижонѣ нѣкто Жадю убилъ отца и сына Жабаръ. Убійца былъ въ противоестественныхъ отношеніяхъ съ молодымъ Жабаромъ. Въ продолженіе года отецъ ничего не замѣчалъ и подъ влияніемъ сына даже предполагалъ выдать свою дочь замужъ за Жадю. Совершенно случайно выяснилась вся грязь, и Жадю выгнали изъ дому. Желая отомстить и въ то же время изъ ревности къ молодому Жабару, который ему измѣнилъ, Жадю двумя выстрѣлами покончилъ съ обоими Жабарами. (Нов. Вр. 1907 г. № 11289).

стало довольно затруднительно. Какъ это ни странно, но освободительное движеніе въ данномъ случаѣ было истолковано туземною массою по своему, и за послѣднее время бачебазство въ Ташкентѣ стало снова проявляться въ давно уже невиданныхъ размѣрахъ. Въ частности умножились случаи нанесенія ранъ изъ-за бачей. Русская администрація, не имѣя возможности подвергать участниковъ кровавыхъ дракъ изъ за-бачей взысканію передавала ихъ народному суду, который ограничивался наложеніемъ на виновныхъ арестовъ на срокъ отъ одного мѣсяца до двухъ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда дѣло до драки не доходитъ, поклонники бачей остаются совершенно безнаказанными, и растушій соблазнъ приводитъ степенную часть туземнаго общества въ негодованіе. До осени 1905 года администрація не позволяла держать при чайханахъ мальчишекъ, занимавшихся непотребствомъ, но теперь ловкіе «самоварчи» придумали обходъ этого распоряженія и выбираютъ торговые свидѣтельства на право содержанія чайханы на имя бачей. Полицій-мейстеръ стараго города официально запросилъ по этому поводу казіевъ, съ какого времени допустима хозяйственная самостоятельность юношей. Получился отвѣтъ, что совершеннolѣтіе можно считать съ того момента, когда мслодой чело-вѣкъ можетъ «съ пользою распорядиться деньгами»,—отвѣтъ туманный и не дающій опоры для борьбы съ указ.нымъ злоупотребленіемъ*).

Въ виду самаго послѣдняго придворнаго скандала въ Германіи, а также усилившагося естественнаго и противоестественнаго разврата въ Россіи**), что могутъ сказать европейскимъ моралистамъ наши сарты?—Врачу, исцѣлился самъ!

*) Турк. Вѣд. 1905 г. № 39 и Туземная газета № 12.

**) См. въ газетѣ „Русь“ отъ 24 декабря 1907 года ст. „Оцѣживаніе комара и поглощеніе верблюда“, при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду большую распространенность въ Россіи въ послѣдніе годы порнографическихъ изданій.

Народная школа у сартовъ.

(Мактабъ *)

Подобно тому, какъ у древнихъ евреевъ начальная школа существовала при синагогахъ, а у древнихъ христіанъ при церквахъ, и у сартовъ, въ Туркестанскомъ краѣ, мактабы обыкновенно существуютъ при мечетяхъ, хотя въ богатомъ кварталѣ-приходѣ можетъ быть и частная школа*). Въ томъ и другомъ случаѣ мактабъ является *приходскою* школою мусульманской грамоты, которая, при исключительно релігіозномъ направленіи, не даетъ своимъ питомцамъ надлежащаго духовнаго развитія.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить прежде всего отсутствіе гигиеническихъ условій въ помѣщеніи мактаба. Это обыкновенная постройка не представляющая учащимся самыхъ минимальныхъ удобствъ, такъ какъ не даетъ имъ свѣта, чистаго и сухого воздуха, а въ зимнее время—достаточнаго тепла. Проходя по улицѣ, можно догаться о мѣстѣ школы только по гулу дѣтскихъ голосовъ, выкрикивающихъ уроки, при чемъ не сразу можно найти входъ въ школу. Къ счастью для учащихся въ мактабѣ дѣтей сартовъ, туркестанскій климатъ даетъ имъ возможность свободно дышать воздухомъ подъ открытой съ двухъ и даже съ трехъ сторонъ террасой, съ ранней весны до поздней осени (съ марта-апрѣля до октября-ноября). Въ осеннее и зимнее время учащіеся дѣти сидятъ въ закрытомъ помѣщеніи и испытываютъ недо-

*) Название „Мактабъ“ арабское и буквально означаетъ мѣсто обученія грамотѣ.—Свѣдѣнія о мактабахъ заимствованы изъ моей статьи, напечатанной въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1906 г. № 2, стр. 127-141. Въ кн. А. Шишова „Сарты“ Часть 1, стр. 427-436 встрѣчаются неточности, особенно на стр. 429—440 Н. О.

**) Всѣхъ мактабовъ въ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областяхъ Туркестанскаго края, считается не менѣе семи тысячъ, а число учащихся въ нихъ дѣтей болѣе семидесяти тысячъ.

статокъ свѣта, за отсутствіемъ оконъ, а за неимѣніемъ топки въ комнатѣ—холодъ и сырость. При этомъ грязь отъ обуви и пыль отъ войлочныхъ подстилокъ, на которыхъ сидятъ ученики, еще болѣе увеличиваютъ недостатки обстановки мактаба въ гигиеническомъ отношеніи и обусловливаютъ наличность глазныхъ и накожныхъ болѣзней у многихъ учащихся дѣтей. Осенью и зимой свѣжія, здоровыя дѣтскія лица рѣдко встрѣчаются въ мактабахъ. Этому способствуетъ также посадка учениковъ въ мактабъ съ поджатыми подъ себя ногами и раскачиванія туловища учащихся во время бессмысленнаго затверживанія ими непонятныхъ словъ учебника на чужомъ языкѣ.

Учителемъ школы (дамулла) обыкновенно бываетъ приходскій имамъ, часто самъ мало свѣдушій и мало образованный человѣкъ. За отказомъ имама, обученіемъ въ мактабѣ занимается суфи (азанчи), который еще менѣе ученъ и менѣе развитъ, чѣмъ имамъ. Учителемъ можетъ быть также грамотный человѣкъ изъ другого приходъ. Во всѣхъ случаяхъ это не педагоги, такъ какъ никакой педагогической подготовки эти лица не получаютъ и педагогію понимаютъ исключительно съ точки зрѣнія вынужденнаго заработка скуднаго пропитанія себѣ. Состоятельные туземцы обученіемъ грамотѣ не занимаются, хотя бы и были къ тому способны.

Методическихъ руководствъ по начальному обученію у мусульманъ нѣтъ. Единственное сочиненіе въ этомъ родѣ, на персидскомъ языкѣ, подъ названіемъ „*Матляу-ль-улюмъ*“, не каждому учителю мактаба извѣстно и доступно и само по себѣ не вноситъ большого свѣта въ устарѣлую рутину, хотя составитель Али Ханъ Маджмали далъ своему сочиненію громкое заглавіе „Восходъ знаній“, напоминающее „Возрожденіе наукъ“. „Наука о воспитаніи дѣтей, говоритъ Маджмали въ предисловіи, самая благородная. Это—великолѣпный брильянтъ всѣхъ наукъ. Это—высшее искусство, и потому его не нужно смѣшивать съ ремеслами, ибо между ремесломъ и искусствомъ такая же разница, какъ между небомъ и землей. Эта наука выводитъ обладателя своего изъ невѣжества, лѣни, несчастія, гордости и грубости и возводитъ его до благородства, трудолюбія, счастья и милосердія... Родители должны воспитывать своихъ дѣтей съ малолѣтства,

такъ какъ наиболѣе сильное вліяніе на дѣтскую натуру можно оказать въ ранніе годы". Въ подтвержденіе этого Маджмали приводитъ изреченіе великаго персидскаго поэта и мыслителя Шейха-Саади: „Палка можетъ гнуться, только когда она еще сыра; но какъ только она высохнетъ, то ее уже нельзя согнуть, и тогда она годна только на дрова* *). Маджмали убѣждаетъ родителей не потакать дѣтямъ въ шалостяхъ и дурныхъ поступкахъ вообще, но взыскивать съ нихъ безъ всякой жалости, такъ какъ пусть лучше будетъ ребенокъ бить, пусть лучше плачетъ, чѣмъ останется дурнымъ. Для вящаго поощренія родителей, которые щедро раздаютъ своимъ дѣтямъ шлепки, оплеухи и подзатыльники, авторъ говоритъ, что тѣ мѣста тѣла, по которымъ родители били своихъ дѣтей, на томъ свѣтѣ возсіяютъ небеснымъ свѣтомъ, если это дитя попадетъ въ рай, и во всякомъ случаѣ не будутъ горѣть, если даже дитя очутится въ аду. Въ то же время Маджмали убѣдительно проситъ родителей, чтобы они не запугивали своихъ дѣтей разными чудовищами, такъ какъ трусость можетъ остаться у дѣтей на всю жизнь, а между тѣмъ „храбрость и энергія, по выраженію автора,—не малыя добродѣтели". Особенно убѣждаетъ Маджмали родителей обращать вниманіе на искорененіе въ ребенкѣ пороковъ, ибо пороки, не искореняемые съ дѣтства, будутъ развиваться въ ребенкѣ все болѣе и болѣе и поведутъ, наконецъ, къ тому, что изъ ребенка выйдетъ человѣкъ, имѣющій сходство съ человекомъ только по внѣшности. Только хорошій нравственный человѣкъ можетъ называться человекомъ. Что толку, если человѣкъ много знаетъ, когда душа его черна, какъ уголь? (Ср. взгляды Песталоцци и Пирогова).

Далѣе авторъ говоритъ о томъ, какъ трудно найти книгу, которая могла бы научить ребенка въ дѣтствѣ читать, а въ юности и зрѣлыхъ лѣтахъ познакомить его съ науками и искусствами. Предлагая для этихъ цѣлей свою собственную книгу, скромный авторъ выражаетъ сомнѣніе, подойдетъ ли трудъ его къ требованіямъ, которыя онъ самъ ставитъ въ своей энциклопедіи, и продолжаетъ: „Размышляя однажды о приемахъ препода-

*) Гюлистанъ.

дованія, какія существуютъ въ Персіи, я пришелъ къ заключенію, что пріемы эти имѣютъ большіе недостатки, ибо наши учащіеся дѣти долгіе годы учатся въ мадрасахъ, убиваютъ свою драгоценную жизнь надъ изученіемъ разныхъ книгъ, и въ концѣ концовъ все это напрасно... Въ видахъ устраненія этихъ недостатковъ въ дѣлѣ нашего преподаванія, я задумалъ составить такую книгу, которая состояла бы изъ двухъ частей, изъ коихъ одна заключала бы въ себѣ пріемы преподаванія вообще, а другая—статьи о разныхъ наукахъ, и все это я рѣшилъ изложить наглядно и по возможности кратко, чтобы учащіеся въ короткое время и безъ особыхъ усилій могли войти въ „сокровищницу наукъ“. И хотя дѣло это весьма серьезное и трудное, тѣмъ не менѣе я, ввѣряя себя милосердію Всевышняго Бога, приступилъ къ составленію сей книги, начиная съ 20-го числа мѣсяца Зиль-Кагда 1261 года гиджры* (20-го ноября 1845 года по Р. Хр.).

Въ первой главѣ авторъ даетъ такое наставленіе школьному учителю:

„Приступая къ обученію грамотѣ, учитель долженъ показать учащимся буквы персидскаго алфавита, сперва каждую букву порознь, а потомъ въ соединеніи съ другими буквами. Одновременно съ прохожденіемъ буквъ алфавита, необходимо показать учащимся особенности буквъ алфавита точно также, т. е. сперва отдѣльныя буквы, а затѣмъ соединенія ихъ. Это будетъ весьма полезно для чтенія учащимися Корана и прочихъ книгъ на арабскомъ и персидскомъ языкахъ.

„Да будетъ извѣстно, что тажидъ (удвоеніе буквъ) въ персидскомъ письмѣ не употребляется, а если иногда и встрѣчается, то въ видѣ исключенія. Но въ арабскомъ языкѣ тажидъ въ большемъ употребленіи. А такъ какъ въ персидскій языкъ вошло много арабскихъ словъ, то необходимо познакомить учащихся и съ тажидомъ“. Затѣмъ Маджмали совѣтуетъ учителю заставить учащихся выучить наизусть, вмѣстѣ съ значеніями-различныя персидскія слова, состоящія изъ двухъ, изъ трехъ, четырехъ и пяти буквъ. Затѣмъ заучиваются персидскія предложенія, состоящія изъ двухъ, трехъ словъ. Далѣе слѣдуетъ такъ называемый *абджадъ*, т. е. искусственно сложенные въ порядкѣ

буквенной нумераці слова, склоненіе и спряженіе и чтеніе статей въ стихахъ и прозѣ *).

Не касаясь второй части названнаго методическаго руководства **), нужно сказать, что и для тѣхъ немногихъ учителей мактабовъ, которые могутъ читать это сочиненіе, оно мало полезно, или лучше, совершенно бесполезно, такъ какъ не способствуетъ успѣшности обученія. Поэтому, упомянувъ о сочиненіи Маджмали только для свѣдѣнія, продолжимъ свой рассказъ о мактабѣ въ Туркестанскомъ краѣ.

Занятіе должности учителя въ мактабѣ зависитъ отъ жителей квартала, въ лицѣ его представителей, при чемъ никакихъ особыхъ формальностей не бываетъ. У киргизъ и туркменъ обыкновенно приходъ договаривается съ учителемъ относительно годового вознагражденія за его занятія въ школѣ, а въ большихъ городахъ учитель, приглашенный къ занятіямъ въ школѣ, тѣмъ самымъ получаетъ право на пріемъ частныхъ приношеній отъ родителей учениковъ, при опредѣленіи ихъ въ школу и въ продолженіе ихъ обученія. Если мактабъ находится при мечети, пользующейся опредѣленнымъ факуфомъ, то учитель получаетъ изъ этого вакуфа свою небольшую часть дохода. Обыкновенно же, наприм., въ Ташкентѣ, каждый отецъ, при опредѣленіи сына въ мактабъ, приноситъ учителю, смотря по состоянію, 1—2 руб., или 50 коп., а затѣмъ посылаетъ съ сыномъ временныя приношенія, въ зависимости отъ установившагося въ данной мѣстности обычая и въ связи съ ходомъ учебныхъ занятій сына въ школѣ. Въ общемъ школа бѣднаго квартала можетъ дать такихъ приношеній учителю 50 руб., а въ богатомъ кварталѣ 100 и немного болѣе рублей въ годъ ***).

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ богатыхъ городахъ края (Кокандъ, Андижанъ и др.) стали появляться татарскія школы съ сбученіемъ грамотѣ по новому (звуксому) методу ****), и учитель такой школы назначаетъ помѣсячную плату съ каж-

*) См. „Турк. Вѣд.“ № 151 отъ 12 окт. 1905 г. Ст. „Мусульманская энциклопедія“.

**) Желающіе могутъ читать объ этомъ въ № 142 „Тур. Вѣд.“ за 1905 годъ.

***) Учащихся въ мактабѣ бываетъ отъ 10—20 до 60 и болѣе.

****) Усули-джадидъ, состав. по указаніямъ г. Гаспринскаго.

даго учащагося въ 2—3 руб., что при 20-ти учащимися можетъ дать учителю болѣе пятисотъ рублей въ годъ. Однако, новометодныя мактабы составляютъ исключительное явленіе послѣднихъ десятилѣтій, когда стали дѣйствовать въ краѣ русско-туземныя школы, показавшія туземцамъ выгоды обученія въ организованной школѣ, какъ въ отношеніи времени, такъ и въ смыслѣ развитія учащихся. Тогда именно, въ 80—90 гг. истекшаго столѣтія, подъ вліяніемъ г. Гаспринскаго, стали открываться среди туземнаго населенія въ нѣкоторыхъ городахъ края частныя школы, чтобы парализовать авторитетъ правительственныхъ школъ. *) Были случаи, когда частныя школы съ новымъ методомъ обученія открывались среди туземнаго населенія безъ надлежащаго разрѣшенія со стороны русской власти въ краѣ и дѣйствовали тайно; но манифестъ 17 го октября устранилъ это явленіе, предоставляя большую свободу въ открытіи инородческихъ школъ.

Когда учитель умираетъ, или по другимъ причинамъ оставляетъ занятія въ приходской школѣ, на его мѣсто первымъ кандидатомъ является взрослый и грамотный сынъ учителя, а если такового нѣтъ, то приглашается постороннее лицо.

Классную обстановку мактаба составляютъ подстилки (камышевыя или войлочные) на полу для сидѣнья учениковъ. смотря по времени года, и невысокія, длинныя и узкія скамьи, на которыя дѣти кладутъ свои книги во время заучиванія уроковъ. Учитель также сидитъ на полу у стѣны, противоположной ко входной двери, и имѣетъ при себѣ три палки (кальтакъ) разной длины, соотвѣтственно длинѣ и ширинѣ комнаты, и толщиной въ большой палецъ. Ученики располагаются передъ учителемъ рядами, лицомъ къ нему, образуя полукругъ или букву П, обращенную къ учителю. Ближайшіе ряды занимаютъ старшіе ученики, заучивающіе одну книгу, а младшіе—съ другими книгѣми сидятъ за ними. Надъ головами учениковъ прикрѣпляется къ перекладинѣ деревянный блокъ (галтакъ), къ которому подвязываютъ провинившихся учениковъ во время наказанія, или веревка съ петлей.

*) Прилагается портретъ ташкентскаго сарта, учителя русско-туземной школы, составившаго букварь по звуковому методу, „Устади-авваль.“

Сеидъ-Расуль Сеидъ-Азизовъ.

Учебныя занятія въ мактабѣ продолжаются круглый годъ, съ двумя промежутками въ дни двухъ мусульманскихъ праздниковъ (недѣля до начала каждаго праздника и недѣля послѣ праздника). Приѣмъ учениковъ не ограниченъ временемъ года, что поддерживаетъ безпорядочность въ занятіяхъ, но находится въ связи съ установившеюся системою обученія въ мактабѣ. Строго опредѣленнаго курса въ мактабѣ нѣтъ, какъ нѣтъ и опредѣленнаго срока для прохожденія школьнаго курса. Дѣленія учащихся по успѣхамъ на группы въ мактабахъ также нѣтъ: къ каждому ученику примѣняется одиночное обученіе, чему не мѣшаетъ разновременный приѣмъ учащихся въ школу. Никакихъ школьныхъ записей и классныхъ журналовъ въ мактабахъ не водится. Объ отсутствующихъ ученикахъ учитель съ особою точностью узнаетъ по четвергамъ, когда собираетъ съ нихъ приношенія (пайшамбеликъ*), и передъ праздниками *). Въ другое время года присутствіе учащихся въ мактабѣ менѣе интересно для учителя, но онъ тѣмъ не менѣе справляется объ отсутствующихъ и, если услышитъ, что мальчикъ не ходитъ въ мактабъ по лѣности, то посылаетъ къ нему на домъ одного изъ учениковъ съ напоминаніемъ о посѣщеніи школы; если же мальчикъ и послѣ того будетъ уклоняться отъ уроковъ, то учитель даетъ знать объ этомъ отцу его и тогда, по просьбѣ послѣдняго, подвергаетъ лѣниваго ученика „насилственному приводу“ (чальпякъ). Съ этой цѣлью нѣсколько учениковъ старшаго возраста отправляются въ домъ манкирующаго ученика и, несмотря на его сопротивленіе и слезы, берутъ его за руки, за ноги и за опояску и приносятъ въ школу, гдѣ онъ съ плачемъ усаживается на свое мѣсто. Эта мѣра производитъ сильное устрашающее впечатлѣніе и на другихъ лѣнивыхъ учениковъ мактаба.

Въ болѣе или менѣе послѣдовательномъ порядкѣ обученіе въ мактабѣ можно представить такъ.

Мальчика 6—8 (большею частью еще не обрѣзаннаго) отецъ приводитъ въ школу и, передавая его вмѣстѣ съ приноше-

*) Приношенія эти бываютъ различны, въ зависимости отъ средствъ родителя ученика, какъ-то: одна или двѣ лепешки, кисть винограда, чашка палау, или деньги—20 коп. и болѣе.

ніемъ учителю, кланяется и проситъ учителя учить хорошенько. При этомъ отецъ ученика произноситъ традиціонную фразу: „мясо твое, кости мои“, что даетъ учителю право на тѣлесное наказаніе ученика. Учитель указываетъ ученику мѣсто на полу и прочитываетъ самъ, а потомъ поручаетъ о дному изъ старшихъ учениковъ затвердить съ новичкомъ три краткія вступительныя молитвы: „Прибѣгаю къ Богу отъ шайтана побитаго (Авраамомъ) камнями! Во имя Бога, Милостиваго, Милосердаго! О, Отверзающій, о Дарующій! открой сердце раба твоего (для ученія). Я обратилъ свое лицо къ Тебѣ и сердце свое отвратилъ отъ всего грѣховнаго“. Эти изреченія (два на арабскомъ языкѣ изъ Корана, одно на персидскомъ) способный мальчикъ заучить въ два дня, а ученикъ съ слабою памятью и разсѣянный твердитъ ихъ недѣлю и даже мѣсяцъ.

Въ этомъ заключается первый педагогическій пріемъ, практикуемый въ мактабѣ,—пріемъ, насилующій память маленькаго ребенка.

По сдачѣ учителю затвержденныхъ молитвъ, учитель приказываетъ ученику принести на слѣдующій день такъ называемую *тахту*, т. е. продолговатую деревянную дощечку съ ручкой. Ученикъ приноситъ вмѣстѣ съ дощечкой подарокъ учителю (1 монету въ 20 коп. или двѣ, или нѣсколько лепешекъ). На дощечкѣ учитель пишетъ тушью всѣ 32 буквы арабскаго алфавита, въ ихъ отдѣльномъ начерганіи, приказываетъ заучивать ихъ названія наизусть, по четыре буквы вразъ, и отпускаетъ ученика и его сверстниковъ домой ранѣе срока, почему самое приношеніе называется *азадлыкъ*, т. е. освобожденіе, отпускъ. На другой день маленькій *тахтаханъ*, т. е. изучающій написанное на доскѣ, принимается съ усердіемъ за новое трудное упражненіе памяти и глазъ и, покачиваясь туловищемъ, нараспѣвъ выкрикиваетъ: алифъ-би (ю), ти (ю) си... повторяя безчисленное число разъ эти четыре звука, безъ всякаго содержанія. Затѣмъ онъ переходитъ къ названіямъ слѣдующихъ буквъ, постоянно стверживая прежде заученныя буквы, пока, наконецъ, не затвердитъ всѣ 32 буквы арабскаго алфавита.

На эту неосмысленную работу малоспособный ученикъ затрачиваетъ мѣсяцъ и болѣе, а ученикъ съ средними способностями—недѣлю-двѣ и переходитъ къ такъ называемому *абджаду*, при чемъ дѣлаетъ новое сильное приношеніе своему учителю.

Абджадъ не есть такъ называемые склады, какъ нѣкоторые думаютъ. Такъ называются восемь искусственныхъ словъ, безъ значенія, въ которыя включены всѣ 32 буквы арабскаго алфавита, именно: *абджадъ, аввазъ, хутты, каляманъ, саифаъ, каранатъ, саххазъ, зазыга*. Въ началѣ къ этимъ словамъ присоединена начинательная молитвенная формула („Во имя Бога Милостиваго, Милосерднаго“), а въ концѣ славословіе („Да будетъ благословенъ Богъ, искуснѣйшій изъ творцовъ. О, Господи міровъ!“).

Гebraисты объяснили эти искусственные слова первоначальною еврейско-арабскою нумераціей, обозначаемую буквами алфавита, подобно тому, какъ у христіанъ-славянъ извѣстна греко-славянская буквенная нумерація. Именно, первыя шесть словъ абджада представляютъ собою искусственное соединеніе буквъ арабскаго алфавита, расположенныхъ въ порядкѣ алфавита еврейскаго и обозначающихъ единицы, десятки и сотни до 400. Для обозначенія остальныхъ сотенъ отъ 500 до 1000 были придуманы, вѣроятно, первыми же учителями изъ евреевъ еще два слова (*саххазъ* и *зазыга*). Такъ получилось упражненіе мусульманскаго школьника въ изученіи буквъ арабскаго алфавита въ ихъ отдѣльныхъ начертаніяхъ и искусственныхъ сочетаніяхъ, обозначающихъ мусульманскую нумерацію. Это служитъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ зависимости арабскаго букваря отъ древне-еврейскаго; самыя названія арабскихъ буквъ несомнѣнно установлены по подражанію названіямъ буквъ еврейской азбуки*). Учителемъ внуковъ самого Мухаммеда былъ, очевидно, обращенный въ исламъ еврей Мирдасъ.

Въ бессознательномъ затверживаніи упомянутыхъ непонятныхъ сочетаній арабскихъ буквъ малолѣтній школьникъ-туземецъ вторично напрягаетъ свою память и сообразительность, чтобы хоть какъ-нибудь, наугадъ, усвоить названія и изображенія арабскихъ буквъ, имѣющихъ разныя начертанія—въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ, въ соединеніи съ другими буквами и раздѣльно, съ надстрочными и подстрочными знаками.

*) См. Мухаммеданскій букварь. Пр. Е. Малова. Казань 1894.

Осиливъ эту вторую трудность, мусульманскій школьникъ идетъ радостнымъ домой и объявляетъ своимъ родителямъ, что онъ завтра переходитъ на хафтьякъ и будетъ называться уже „китабханъ“, то-есть изучающій книгу. Хафтьякъ состоитъ изъ избранныхъ главъ Корана и по объему составляетъ седьмую часть полнаго Корана, на что указываетъ самое названіе книжки*).

Переходъ отъ тахты къ хафтьяку вызываетъ у родителя ученика вмѣстѣ съ радостью новое приношеніе учителю, а виновникъ этой радости въ свою очередь доволенъ тѣмъ, что завтра, послѣ врученія учителю родительскаго подарка, онъ снова будетъ освобожденъ отъ послѣ-обѣденныхъ уроковъ.

Къ чтенію хафтьяка юный китабханъ приступаетъ съ благословенія Божія, формула котораго (Бисмилля) уже хорошо затвержена имъ, и затѣмъ учится складывать слова арабскаго текста: „*Альфалляхъ зааль хы ва мимъ заахамъ=альхамъ даль тинидю=альхамду*“. Если такая сложная система звуковъ необходима для произношенія только одного слова, то не трудно понять, что для прочтенія всего, хотя и небольшого по количеству страницъ, хафтьяка требуется минимумъ годъ времени, если ученикъ способный) и два-три года, если ученикъ мало-способный; вѣдь нужно заучить на память огромную массу словъ, изъ которыхъ состоятъ слова этой книги, потому что сознательно складывать слова ученикъ не научился и ни одного слова въ читаемой съ такимъ трудомъ книжкѣ не понимаетъ**). Не удивительно, если многіе ученики выбиваются изъ силъ, прежде чѣмъ окончатъ хафтьякъ и, оставляя мактабъ, постепенно забываютъ всѣ безсознательно заученные ими совершенно непонятные имъ звуки,—и получается полный рецидивъ безграмотности.

Наоборотъ, осилившій хафтьякъ мальчикъ-туземецъ тѣмъ

*) Именно: 1-я глава, начало 2-й, 36-я и 48—до конца Корана.

У г. Шишова о хафтьякѣ представленіе не вѣрное, равно какъ и о такъ называемомъ „Нашрахъ“, переименованномъ авторомъ въ „нашранъ“. (См. стр. 429).

**) Послѣ первой главы Корана, хафтьякъ прочитывается по складамъ (хидджа) съ конца къ началу, а потомъ читается съ начала до конца, какъ обыкновенно читается Коранъ (сура).

самымъ обнаруживаетъ умственную выносливость и снова требуетъ отъ своего отца подношенія (азалдикъ), такъ какъ долженъ приступить къ чтенію полного Корана. Воспользовавшись новымъ отпускомъ отъ уроковъ, гордый сознаніемъ своихъ недюжинныхъ дарованій, ученикъ съ трудомъ еще складываетъ и разбираетъ тѣ главы Корана, которыя раньше не встрѣчалъ въ хафтыякъ. Скоро, однако, онъ свыкается съ извѣстными словами и мало-по-малу затверждаетъ текстъ Корана наизусть и можетъ читать съ установленною интонаціею цѣлыя главы священной книги даже въ мечети, въ присутствіи молящихся. особенно въ дни мѣсяца Рамазана.

Вотъ теперь только, то-есть въ лучшемъ случаѣ послѣ трехлѣтняго зубренія непонятныхъ словъ, мальчикъ-туземецъ овладѣваетъ механизмомъ чтенія, но очень мало развивается умственно, такъ какъ содержаніе заученныхъ текстовъ для него остается непонятнымъ.

По окончаніи чтенія Корана, ученикъ переходитъ на третью книгу—«Чаръ-Китабъ», въ которой, на персидскомъ языкѣ, также не родномъ для туркестанскаго туземца, изложены правила, касающіяся четырехъ главныхъ религіозныхъ обязанностей мусульманина: молитвы, предваряемой омовеніемъ, милостыни, поста и путешествія въ Мекку и Медину. Новая двойная трудность для учащагося: языкъ неродной, а содержаніе не соответствуетъ возрасту, такъ какъ указанные религіозныя обязанности разсматриваются въ этой книгѣ не съ точки зрѣнія ихъ нравственно-воспитательнаго значенія, а со стороны сухихъ, часто казуистическихъ мелочей и отвлеченностей, обусловливающихъ правильность или неправильность выполненія этихъ обязанностей, а иногда нескромныхъ, и во всякомъ случаѣ неумѣстныхъ въ школьной книгѣ подробностей, съ какими встрѣчаются въ жизни только взрослые мусульмане, а не дѣти.

При чтеніи „Чаръ-Китаба“, 10—12 лѣтній школяръ обучается и письму, которое сводится къ каллиграфіи, а не служитъ средствомъ къ изложенію мыслей. Туземные педагоги совсѣмъ не имѣютъ такого взгляда на письма и не упражняютъ своихъ учениковъ въ письменныхъ работахъ. Поэтому туземцы края, прошедшіе и высшую школу, обыкновенно не

умѣютъ литературно писать на родномъ языкѣ въ особенности. Словомъ, родной языкъ въ мусульманской начальной школѣ находится въ пренебреженіи, что составляетъ первый органическій ея недостатокъ.

Прочитавъ Чаръ-Китабъ, способный ученикъ приобрѣтаетъ достаточный лексическій матеріалъ въ двухъ языкахъ—арабскомъ и персидскомъ, которые занимаютъ мѣсто древнихъ классическихъ языковъ въ мусульманской наукѣ и литературѣ. Потомъ уже ученикъ мактаба безъ особеннаго труда переходитъ (также послѣ подарка учителю) къ чтенію религіозныхъ стихотворныхъ сборниковъ: Ходжа-Хафизъ, Суфи Аллаяръ, Фузули, Бидиль, Наваи. При этомъ строгой послѣдовательности въ чтеніи не наблюдается: нѣкоторые ученики читаютъ одновременно двухъ авторовъ. Но чтеніе это не приноситъ большой пользы учащемуся, такъ какъ сочиненія названныхъ авторовъ представляютъ собою сборники не всегда искусно сложенныхъ рیمованныхъ строфъ съ религіозно-мистическимъ содержаніемъ. По отзыву самихъ туземцевъ, особенно трудны для пониманія стихи Бидыля. Наибольшимъ вниманіемъ въ мактабахъ пользуются сочиненія Хафиза и Суфи-Аллаяра.

Чтеніемъ названныхъ сборниковъ заканчивается школьный курсъ мактаба, при чемъ особенно усердные ученики прочитываютъ еще книжку о добрыхъ нравахъ *), въ которой систематизированы правила благоповеденія мусульманъ. Послѣ того учащійся большею частью переходитъ для продолженія своего образования въ высшую школу (мадраса). Радостный родитель устраиваетъ по этому случаю угощеніе, на которое приглашаютъ школьнаго учителя, и даритъ ему на прощаніе халатъ шелковый или суконный, смотря по состоянію.

Существуетъ въ мактабѣ еще одинъ обычай, извѣстный подъ именемъ „Нашрахъ“. Такъ называются стихи, въ которыхъ, послѣ прославленія Бога, Мухаммеда, четырехъ халифовъ, обѣщается рай тѣмъ родителямъ, которые обучаютъ своихъ дѣтей чтенію Корана, подаютъ просящимъ отъ своихъ достатковъ и во-

*) Съ содержаніямъ этой книжки можно познакомиться въ русскомъ переводѣ г. Лыкошина.

обще исполняютъ шаріатъ, причемъ упоминается о внукахъ Мухаммеда—Хасанъ и Хусайнъ, которые ходили въ мактабъ и учили Коранъ.

Названіе „Нашрахъ“ эти стихи пслучили отъ перваго слова, которымъ начинается 94-я глава Корана, помѣщаемая въ хафтьякъ. Когда ученика, обучающагося въ мактабѣ, отецъ рѣшить „сбрѣзать“, то учитель заставляетъ 4-8 сверстниковъ его выучить наизусть упомянутые стихи и затѣмъ парами отправляетъ ихъ по домамъ родственниковъ и знакомыхъ ученика, надъ которымъ долженъ быть совершенъ обрядъ обрѣзанія (хатна), причемъ этотъ мальчикъ идетъ впереди, держа обѣими руками свой пеналь (калямданъ) отверстіемъ кверху *); каждая пара пѣвцовъ исполняетъ по два двустишія, а остальные сотоварищи ободряютъ ихъ возгласами: «бале!». По окончаніи пѣнія, слушатели опускаютъ въ пеналь мѣдныя и серебряныя деньги, которыя потомъ передаются учителю школы. (Ср. въ кн. г. Шишова, стр. 429—430).

Подобнымъ же образомъ ученики нѣкоторыхъ мактабовъ собираютъ въ пользу учителя подаванія въ праздникъ Рамазана, причемъ такъ же распѣваютъ особые, на этотъ случай составленные стихи **).

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ обученія въ туземной народной школѣ нашего края. Чтобы охарактеризовать эту школу съ точки зрѣнія современной педагогики, мы должны будемъ признать ее совершенно неудовлетворительною и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ: гигиеническомъ, учебно-воспитательномъ и жизненно-практическомъ.

Гигиеническія требованія къ туркестанскому мактабу совсѣмъ даже и не примѣнимы, такъ какъ у туземцевъ въ помѣщеніяхъ мактаба нѣтъ достаточнаго количества свѣта, чистаго воздуха и тепла; нѣтъ школьной мебели, мѣста для дѣтскихъ

*) Кисти рукъ, придерживающія пеналь, связываются платкомъ, или шнуркомъ. Н. О.

**) Текстъ и переводъ этихъ стиховъ напечатанъ мною въ XV томѣ Извѣстій Общ. археологій, исторіи и этнографіи при Казанск. Университетѣ за 1899 годъ.

игръ и гимнастики, нѣтъ вообще физическихъ упражненій и ручного труда, огородныхъ и садовыхъ работъ и дѣтскихъ прогулокъ. Помѣщенія мактабовъ не отличаются чистотою и въ санитарномъ отношеніи вообще ниже всякой критики. О дѣтскихъ завтракахъ и питьевой водѣ учителя мактаба не только не заботятся, но и не сознаютъ этой обязанности, равно какъ имъ не доступна идея о дѣтской утомляемости. Врачей при мактабахъ нѣтъ.

Съ учебно-воспитательной точки зрѣнія и мусульманскій мактабъ долженъ былъ бы отвѣчать идеѣ „мастерской человѣчности“, гдѣ дѣти развиваютъ постепенно свои умственные и нравственные способности ¹⁾, но въ дѣйствительности туземные мактабы являются мастерскими человѣческой исключительности и притупленія дѣтскихъ способностей.—Въ мактабахъ отсутствуетъ идея материнской школы съ ея естественнымъ орудіемъ развитія—роднымъ языкомъ въ томъ видѣ, какъ говоритъ объ этомъ Коменскій; въ мактабахъ нѣтъ соответствующаго дѣтскому возрасту школьнаго курса и правильнаго (дидактическаго) метода обученія, вслѣдствіе чего въ ученикахъ забивается любознательность и притупляются умственные способности, что особенно замѣтно на дѣтяхъ, заучивающихъ наизусть Коранъ ²⁾; въ мактабахъ совершенно отсутствуютъ элементы эстетическаго развитія дѣтей (пѣніе, музыка, рисованіе). Кромѣ того, при отсутствіи педагогическаго образованія у туземныхъ учителей, въ мактабахъ до сихъ поръ практикуются тѣлесныя наказанія, сопровождающіяся иногда даже преждевременною смертію учащихся ³⁾. Справедливость требуетъ, однако, признать, что основной взглядъ на наказанія дѣтей у арабовъ-мусульманъ былъ жалостливый: если мальчикъ достигалъ десятилѣтняго возраста и не исполнялъ установленныхъ намазовъ, то учителю позволялось побить его рукой, но не палкой, и при томъ не болѣе трехъ разъ. Подобно этому, долженъ былъ поступать и учитель въ отношеніи уроковъ, ибо самъ пророкъ

¹⁾ См. Великая дидактика Коменскаго.

²⁾ Въ этомъ признавались автору сами туземцы.

³⁾ Автору очерка извѣстны два случая почти скоропостижной смерти учениковъ мактабовъ отъ побоевъ учителя.

сказалъ упомянутому выше Мирдасу: «не ударяй ученика болѣе трехъ разъ; въ противномъ случаѣ Богъ взыщетъ съ тебя за это на томъ свѣтѣ». Учитель не долженъ также бить учениковъ палкой, развѣ только, когда отецъ ученика дастъ разрѣшеніе на это. Позднѣйшіе учителя мактабовъ, въ примѣненіи наказаній, стали руководствоваться взглядами на это дѣло и совѣтами знаменитаго персидскаго поэта Шейха-Саади, который въ своемъ „Гулистанѣ“ приводитъ такіе поучительные рассказы:

„У одного изъ визирей былъ тупоумный сынъ, котораго онъ послалъ учиться, говоря наставнику: „воспитаи его; быть можетъ, онъ поумнѣетъ“. Наставникъ долго трудился надъ мальчикомъ, обучая его, но совершенно напрасно, и потому послалъ сказать отцу: „твой сынъ не сдѣлался умнымъ, а только меня обратилъ въ сумасшедшаго“... Когда развитію благопріятствуетъ сама природа, прибавляетъ Саади, тогда воспитаніе оказываетъ на человѣкѣ слѣды. Если же желѣзо само по себѣ нехорошо, никакой полировщикъ не сдѣлаетъ его лучше. Не мой собаку во всѣхъ семи моряхъ: она, когда вымокнетъ, сдѣлается еще грязнѣе. Поведи въ Мекку Іисусова осла,—и онъ воротится оттуда прежнимъ осломъ“.

„Ученый, обучая царскаго сына, билъ его нещадно и обращался съ нимъ крайне сурово, такъ что отрокъ, будучи не въ силахъ выносить такой строгости, жаловался своему отцу и при этомъ приподнялъ платье съ своего тѣла, истерзаннаго ударами. Отцу стало до крайности жалко мальчика; онъ позвалъ наставника и говоритъ ему: „ты ни съ однимъ изъ сыновей простого класса подданныхъ не поступаешь такъ жестоко—какъ съ моимъ сыномъ: объясни, какая этому причина“. Наставникъ отвѣчалъ: „Всякому надобно говорить, обдумавъ свои слова; у всѣхъ должны проявляться одобрительныя дѣйствія, но преимущественно у государей, потому что все, исходящее съ языка и рукъ государей, сейчасъ передается всюду устами всѣхъ, тогда какъ слова и дѣла простого народа не заслуживаютъ такой извѣстности. Хотя за дервишемъ было бы замѣчено сто дурныхъ поступковъ, его сотоварищи не узнаютъ и сотой доли; но какъ только будетъ усмотрѣно за султаномъ какое-нибудь одно неодобрительное дѣйствіе, оно передается на словахъ изъ края

въ край. Вотъ потому-то и должно, заключилъ ученый, стараться исправлять нравы царскихъ дѣтей болѣе, нежели дѣтей простолюдина».—«Кто въ молодости не приучился къ доброй нравственности, того счастье оставляетъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ, поучаетъ Саади. Сгибай, какъ хочешь деревцо, пока оно въ свѣжести, а сухое только и выправишь посредствомъ огня. Когда выправляешь свѣжій сучекъ, онъ выпрямится, но не сможешь исправить сухое полѣно». Государю понравились такія умныя замѣчанія и подтвержденіе мысли наставника; онъ одарилъ его платьемъ и подарками и возвысилъ его степень еще болѣе».

„Государь, отдавая своего сына воспитателю, сказалъ ему: „Вотъ это дитя; воспитай его такъ, какъ бы собственнаго сына“. Наставникъ цѣлый годъ бился съ нимъ и ничего не могъ сдѣлать, тогда какъ его собственныя дѣти отличались и свѣдѣніями, и краснорѣчіемъ. Государь разсердился на учителя и сказалъ ему: „Ты не исполнилъ своего обѣщанія и поступилъ безчестно“. «Государь! отвѣчалъ учитель, мое вниманіе для всѣхъ было одинаково, а природныя способности у дѣтей различны». Хотя золото и серебро выплавливается изъ камня, но не во всякомъ камнѣ содержится серебро и золото,—заключаетъ Саади.

Въ оправданіе суровой строгости учителя, Саади рассказываетъ: „Въ западныхъ краяхъ «въ Магребѣ» я видѣлъ школьнаго учителя кисллицаго, съ грубыми рѣчами, съ дурными наклонностями,—человѣка-оскорбителя людей, нищаго по своимъ свойствамъ, невоздержнаго, такъ что при одномъ взглядѣ на него исчезало все хорошее расположеніе духа правовѣрныхъ, а когда онъ начиналъ читать Коранъ, то сердца людей чернѣли съ горя“. Чистые отроки и дѣвочки, попавшіе въ его руки переносили отъ него обиды, не осмѣливаясь ни засмѣяться, ни вымолвить слова: одного онъ надѣлялъ пощечинами, другого сѣкъ по лядвіямъ... Наконецъ, какъ я слышалъ, за какія-то, подобныя этимъ продѣлки, его поколотили и выгнали вонъ изъ школы, а «мактабъ» передали другому учителю. Этотъ былъ отличный человѣкъ, кроткій, добрый, миролюбивый, который не

говорилъ ни слова. развѣ только по необходимости; на языкѣ его не вертѣлась ни одна оскорбительная для людей рѣчь. Между тѣмъ дѣти забыли суровость перваго наставника и, видя ангельскія свойства его преемника, стали бѣсами въ отношеніи другъ къ другу. Они проводили большую часть времени въ играхъ и, не написавши на доскахъ *) своего урока, только колотили ими другъ друга по головамъ... Когда учитель не строгъ съ учениками, они только и дѣлаютъ, что играютъ на базарѣ въ игру «херсекъ» («медвѣженокъ» **). По простествіи двухъ недѣль, я, говоритъ Саади, проходилъ мимо этой мечети (гдѣ помѣщалась школа) и увидалъ тамъ прежняго учителя, котораго приняли благосклонно опять на прежнее мѣсто. По правдѣ, я сталъ сѣтовать и говорилъ: «Нѣтъ силы, какъ только у Аллаха», какъ этакого чорта вторично сдѣлали учителемъ ангеловъ»? Но старикъ, видѣвшій свѣтъ, услыхавъ это, замѣтилъ мнѣ: «Развѣ ты не слыхалъ слѣдующихъ рѣчей»: Какой-то государь отдалъ своего сына въ мактабъ и привѣсилъ ему на грудь серебряную дощечку, на верху которой красовалась золотая надпись: „Строгость учителя лучше, нежели любовь отца,***).

Наконецъ, и въ отношеніи жизненной приспособленности мактабы даютъ своимъ ученикамъ очень мало, такъ какъ прежде всего не научаютъ ихъ пользоваться свободно и умѣло грамотой и письмомъ на родномъ языкѣ, не знакомятъ ихъ съ міромъ человѣческой души и съ окружающей природой и не даютъ дѣтямъ никакихъ практическихъ навыковъ, необходимыхъ въ жизни. Неокончившіе курсъ мактаба очень часто дѣлаются рецидивистами неграмотности и обращаются въ простыхъ черно-рабочихъ; иные—порасторопнѣе—мелкими торговцами и только

*) Изъ этого видно, что обычай писать на дощечкахъ первые уроки былъ въ Персіи и оттуда перешелъ въ Туркестанъ.

**) Такъ называется дѣтская игра, въ которой одинъ изъ дѣтей становится на чегвереньки и старается лягнуть ногой. Если онъ кого-нибудь успѣетъ ударить, этотъ мальчикъ становится на мѣсто лягнувшаго, изображавшаго медвѣжонка.

***) Гулистанъ. Съ персидскаго подлинника перевелъ И. Холмогоровъ. Москва 1882 г., гл. 7, стр. 252—261.

очень немногіе, въ возрастѣ не менѣе 14-ти лѣтъ, осиливають, при помощи природныхъ дарованій, безтолковый курсъ мактаба и поступають въ высшую школу (мадраса), въ которой учащіеся еще болѣе отрѣшаются отъ реальной дѣйствительности окружающаго міра.

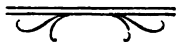
Одну хорошую сторону прививаетъ мусульманскій мактабъ своимъ ученикамъ—внѣшнюю порядливость, сопровождающуюся скромностью и почтительностію. Эти качества являются въ нѣкоторой степени результатомъ личной подавленности учащихся подъ абсолютнымъ авторитетомъ учителя, но въ отношеніи умѣнья владѣть собой и поддерживать внѣшній порядокъ въ массѣ, при какой угодно обстановкѣ и даже при соблазнительности предстоящихъ лакомствъ, мусульманскіе школьники стоятъ неизмѣримо выше русскихъ школяровъ *) и вызываютъ въ зрителѣ невольное расположеніе къ себѣ.

Другую хорошую сторону мактаба составляетъ то, что онъ не разрушаетъ въ учащихся дѣтяхъ семейныхъ традицій, не прививаетъ имъ новыхъ привычекъ и потребностей и такимъ образомъ не отрываетъ дѣтей туземцевъ отъ бытовой обстановки, вслѣдствіе чего и не окончившіе курсъ въ мактабѣ возвращаются въ свою среду съ неизвращенными представленіями о жизни и спокойно принимаютъ за личный трудъ (земледѣліе, ремесла, торговля), совершенно жизненнымъ условіямъ родной семьи.

Указанныя хорошія стороны мактаба зависятъ отъ патриархальнаго строя жизни мусульманъ, покоящагося на религиозныхъ основахъ, не колеблемыхъ современными теоріями. Мусульманская среда до сихъ поръ остается почти повсемѣстно одноформенной, и дѣти мусульманъ, обучающіяся въ начальной школѣ, различаются между собою только неодинаковой цѣнности одеждою и не заражаются взглядами на разныя условія классовъ жизни и на отношенія людей. По корану, всѣ мусульмане—братья (гл. 3, ст. 98), безъ различія имущественнаго и образовательнаго ценза, и должны дружить только

*) Авторъ много разъ лично убѣждался въ этомъ, особенно же, когда ученики мактабовъ являлись въ сообществѣ съ русскими учениками русскихъ школъ, напримѣръ, --на гуляньяхъ.

между собой *) (гл. 3, ст. 114). Съ современными социальными теоріями мусульманская народная масса не знакома, а ея представители съ предубѣжденіемъ и удивленіемъ относятся къ формамъ народного участія въ социалистическихъ движеніяхъ и оберегаютъ своихъ дѣтей отъ вліянія толпы, мѣшающей дѣтямъ учиться, какъ это въ послѣдніе два года почти повсемѣстно наблюдается во внутренней Россіи. Но мусульманскому мактабу не достаеъ гуманнаго взгляда на задачу образованія, которую такъ опредѣлялъ въ свое время Н. И. Пироговъ: „Пусть каждый родитель, отдавая своего сына или дочь въ школу, скажетъ предъ судомъ собственной совѣсти: «я жертвую всѣмъ для воспитанія моего дитяти и ничего другого не требую отъ воспитателей, какъ того, чтобы они наставили мое дитя быть человѣкомъ». Пусть и каждый наставникъ, проникнутый высокою цѣлью своего земнаго назначенія, скажетъ съ самоотверженіемъ: «я не ищу ничего другого, какъ сдѣлать людьми вѣранныхъ мнѣ питомцевъ». Пусть, наконецъ, цѣлое общество псвѣситъ эти многозначительныя слова всѣмъ и каждому изъ своихъ сочленовъ; этимъ оно выразитъ, что воспитаніе для всѣхъ безъ разиціи сословій и состояній такъ же необходимо, какъ хлѣбъ и соль, и при такомъ убѣжденіи не пощадитъ никакихъ издержекъ для достиженія цѣли, соберетъ капиталы, учредитъ компаніи для распространенія просвѣщенія, обяжетъ всѣхъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, сдѣлать для всѣхъ и каждого просвѣщеніе обязательнымъ, говоря всѣмъ: «будь человѣкомъ!» (Вопросы жизни).—Цѣль у мусульманскаго мактаба другая.—научить ребенка грамотѣ, чтобы сдѣлать изъ него мусульманина.

*) Стихъ этотъ читается такъ: „Вѣрующіе! не входите въ искреннюю дружбу ни съ кѣмъ, кромѣ себя самихъ: они непремѣнно сведутъ васъ съ ума; они желаютъ погубить васъ“.

Шаріатъ и казіи.

Откладывая имѣющійся у составителя книги запасъ этнографическаго матеріала о сартахъ до другого времени, помѣщаемъ въ этомъ „общемъ обзорѣ“ нѣсколько замѣтокъ о шаріатѣ и казіяхъ.

Подъ словомъ „Шаріатъ“ разумѣется систематическій сборникъ мусульманскаго теократическаго законовѣднія, опредѣляющаго не только принципіальные вопросы, но и частныя положенія религіозной, семейной, общественной и государственной жизни мусульманъ-сартовъ*). Поэтому въ шаріатѣ излагаются правила: 1) о религіозныхъ омовеніяхъ, молитвѣ, зякятѣ, постѣ, хаджѣ; 2) о бракѣ и разводѣ, о родствѣ и рабствѣ; 3) о разныхъ гражданскихъ обязательствахъ и договорахъ, о куплѣ-продажѣ и разныхъ видахъ владѣнія и собственности, о наслѣдствѣ и наслѣдникахъ; 4) объ уголовныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ; 5) о верховной власти правителей и прѣящихъ лицахъ; 6) о военныхъ дѣйствіяхъ противъ нехърныхъ и противъ нарушителей внутренняго мира въ странѣ **).

За исполненіемъ всѣхъ перечисленныхъ правилъ шаріата наблюдаютъ у нашихъ сартовъ казіи, какъ должностныя лица, изучавшія и пользующіяся авторитетомъ въ вопросахъ мусульманскаго законовѣднія. По дѣйствующему въ Туркестанскомъ краѣ. Положенію, казіи выбираются населеніемъ на четыре года и, по утвержденіи русскимъ начальствомъ въ должности, раз-

*) „Шаріатъ“ арабское слово, означающее приготовленный учеными законовѣдами путь къ правой жизни на этомъ свѣтѣ и вѣчному блаженству въ раю. Сокращенное изложеніе шаріата называ ется „Мухтасару-ль-вигкая“.

**) На русскомъ языкѣ извѣстно нѣсколько сочиненій по мусульманскому праву или шаріату. Таковы сочиненія Барона Торнау, проф. Нофаля, фанъ день Берга и особенно „Хидая“—Комментаріи мусульманскаго права, въ изданіи Н. И. Гродекова (Ташкентъ, 1893) г.

бирають и рѣшаютъ въ своихъ судебныхъ камерахъ (кази-хана), представляемые имъ спорные вопросы, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, которыми вѣдаетъ русскій судъ въ краѣ.—Казіи являются такимъ образомъ охранителями вѣры и нравственности сартовъ *) и отправителями правосудія.

До подчиненія русскому правительству, у сартовъ были еще особые должностныя лица—раисы или мухтасибы. Каждый мухтасибъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько прислужниковъ (гирянда), иногда—шесть, иногда—восемь, чаще—десять, которыхъ онъ нанималъ на собственный свой счетъ. Два изъ нихъ (иногда одинъ) назывались *халифъ* (خليفة), т. е. замѣстителями, и пользовались довѣріемъ и полномочіями со стороны мухтасиба. Во время болѣзни мухтасиба они исполняли его обязанности, а также объѣзжали городъ по его порученію.

Прислужники мухтасиба имѣли у себя особаго устройства ременные плети (دره — *дарра*), состоящія изъ рукоятки и тройнаго ремня опредѣленныхъ размѣровъ. Рукоятка имѣла въ длину чтыре съ половиной вершка: два съ половиной вершка ея назначались собственно для рукоятки, а два вершка—для укрѣпленія самой плети. Поэтому на концѣ рукоятки было утолщеніе въ вершокъ шириною и разрѣзъ почти въ палецъ шириною. Въ этотъ разрѣзъ вставлялась широкая тройная ременная плетъ и укрѣплялась въ рукояткѣ тремя гвоздями. Ручка обыкновенно дѣлалась изъ маслины (*зайтунъ*), а самая плетъ сшивалась изъ трехъ ремней (шириною въ три пальца и длиною въ три четверти аршина) и закруглялась на свободномъ концѣ. По шаріату, одинъ ремень этой плети вырѣзывался изъ кожи верблюда, другой изъ воловьей кожи, а третій изъ кожи зайца. Всѣ эти три ремня прошивались насквозь тремя швами (два по краямъ и одинъ по серединѣ); узлы при этомъ не допускались на поверхности ремней. Тонкій конецъ рукоятки имѣлъ отверстіе, въ которое

*) Объ обязанностяхъ казіи см. въ Хидаѣ, т. 2, стр. 372—415. За свою дѣятельность казіи жалованья отъ правительства не получаютъ, а пользуются установленными въ шаріатѣ взносами за разборъ дѣлъ, особенно за раздѣлъ наслѣдства. Въ Ташкентѣ добросовѣстный казіи можетъ получить не менѣе трехъ—пяти тысячъ рублей въ годъ.

продѣвался тонкій ремешекъ, образовавшій петлю въ три вершка, для надѣванія на руку, или для привѣшиванія плети дома, когда она не была въ употребленіи.

Во время осмотра базара, мухтасибъ самъ ѣхалъ верхомъ на лошади; около него также верхомъ ѣхали его помощники, (хальфы), а за ними шли по-парно прислужники, держа въ рукахъ плети, приложивъ ихъ къ плечу стоячими ремнями. Если среди торговцевъ были замѣчены нарушители правильнаго вѣса и мѣры, то виновные подвергались наказанію на мѣстѣ. Тутъ же наказывались не посѣщавшіе богослуженія въ мечети и особенно нарушители поста Рамазана*).

Наказаніе виновныхъ мусульманъ плетью было установлено при второмъ халифѣ Омарѣ, а до этого времени наказаніе производилось: руками, халатомъ, тростью, подошвами калошъ и сырыми прутьями финиковаго дерева. Чтобы придать больше значенія этой плети, мусульманское преданіе рассказываетъ, что самая первая плеть была сдѣлана изъ кожи того барана, котораго Богъ послалъ Аврааму для *принесенія* въ жертву вмѣсто

*) При этомъ интересно замѣтить, что рассматриваемое узаконеніе шаріата находило примѣненіе въ дрезней Россіи, очевидно, какъ остатокъ вліянія монгольскаго ига на русскіе нравы. Въ «Путешествіи антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка» (излож. Г. А. Муркосомъ ч. III, стр. 121—122) говорится, что царскіе ратники во время великаго поста строго слѣдили за тѣмъ, чтобы на улицахъ не было пьяныхъ. „Горе тому, кого встрѣчали пьянымъ и съ сосудомъ хмѣльнаго напитка въ рукахъ. Его обнажали въ этотъ сильный холодъ и скручивали ему руки за спиной; палачъ шелъ позади него, провозглашая совершенное имъ преступленіе, и стегалъ его по плечамъ и спинѣ длинною плетью изъ сырыхъ бычьихъ жилъ: какъ только она касается тѣла, тотчасъ же брызжетъ кровь. Въ такомъ положеніи водятъ человѣка по городу и затѣмъ сажаютъ въ тюрьму на извѣстное время, пока онъ не отбудетъ положеннаго срока. Особенно строгій надзоръ былъ за жителями въ теченіе первой недѣли поста, по средамъ и пятницамъ на страстной недѣлѣ и въ первые сгятые дни Пасхи».

сына его Измаила*), и изъ кожи верблюдицы пророка Салиха**), а ручка—изъ маслины.

Религіозный характеръ сказался и на самомъ обращеніи съ этою плетью: когда брали въ руки плеть, во время ударовъ плетью и когда плеть клали на мѣсто, рекомендовалось читать соотвѣтствующіе стихи изъ Корана. И наказываемые, когда ихъ ударили плетью, должны были читать стихъ изъ Корана.

Самое наказаніе плетью производилось такимъ образомъ: приговореннаго хъ наказанію обнажали отъ шеи до поясницы; затѣмъ одинъ изъ прислужниковъ мухтасиба клалъ виновнаго на свою спину и придерживалъ своими руками за его руки; послѣ того другой прислужникъ отбивалъ по голой спинѣ наказываемаго опредѣленное число ударовъ плетью. При наказаніи женщинъ, имъ закрывали голову и спину особымъ плащомъ (такъ какъ видѣть наготу женщины для мужчинъ, кромѣ мужа, составляетъ грѣхъ) и вышеописаннымъ способомъ отсчитывали ей опредѣленное число ударовъ.

По числу ударовъ, были два рода наказанія: *хаддъ* (حد), т. е. наказаніе въ собственномъ смыслѣ, и *тазиръ* (تعزیر), т. е. исправительное наказаніе. Въ первомъ случаѣ число ударовъ, смотря по преступленію, простирались отъ 40 до 100, а при наказаніи *тазиръ* отъ 30 до 39 ударовъ. Для нѣкоторыхъ преступленій число ударовъ было опредѣлено еще въ Коранѣ, а именно: за прелюбодіянiе—100 ударовъ, а за ложное свидѣтельство 80 ударовъ (гл. 24 ст 2 и 4).

Удары плетью могли быть различной силы, начиная съ самыхъ слабыхъ и кончая самыми сильными. Болѣе сильные

*) Мусульмане вѣрятъ, ото Авраамъ приносилъ въ жертву не Исаака какъ учитъ Библія, а Измаила, хотя въ Коранѣ по этому случаю говорится безлично. т. е. не называются ни Исаакъ, ни Измаиль. (См. гл. 37. ст. 97—113). Н. О

**) По ученію Корана, Салихъ былъ посланъ Богомъ къ Оемудянамъ, древнему арабскому поколѣнію, обитавшему въ Хиждрѣ. Пророкъ далъ имъ въ знаменіе верблюдицу и предупредилъ ихъ не дѣлать ей никакого вреда. Но верблюдица своимъ огромнымъ ростомъ стала пугать скотъ жителей и выпивала всю воду изъ колодцевъ; поэтому Оемудяне убили ее и были наказаны землетрясеніемъ, которое разрушило ихъ жилища и погубило ихъ самихъ. Объ этомъ говорится въ нѣсколькихъ главахъ Корана. Н. О.

удары наносились за блудодѣяніе, затѣмъ—за употребленіе вина, далѣе—за клевету.

Если наказуемый умиралъ во время наказанія, то наказующій не подлежалъ взысканію, подобно тому, какъ не отвѣтствуетъ кровопускатель за смерть лица, пожелавшаго пустить себѣ кровь и умершаго отъ кровопусканія.

Наказаніе *тазіръ*, по отношенію къ правителямъ и ученымъ, состояло въ напominаніи имъ проступка; начальниковъ войска казій могъ выставлять къ дверямъ на посмѣяніе; купцовъ и лавочниковъ наказывали также лишеніемъ свободы, а низшіе классы подвергались или лишенію свободы, или же тѣлесному наказанію.

При наказаніи прутьями, сучки съ нихъ предварительно срѣзывались. Удары предписано наносить по разнымъ частямъ тѣла, а не по одному и тому же мѣсту, чтобы избѣгнуть опасности для жизни наказуемаго. По головѣ, по лицу и дѣтороднымъ частямъ бить не позволялось, чтобы не обезобразить чelовѣка (лицо), чтобы не лишить его чувствъ (голова) и чтобы не подвергнуть жизнь его опасности (дѣтор. члены). Мужчина подвергался наказанію стоя, а женщина—сидя, ради приличія.

По «Хидаѣ», казій не теряетъ должности вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій, и это растолковывается въ томъ смыслѣ, что если казій во время назначенія своего на должность былъ праведнымъ, а затѣмъ, принимая взятки, докажетъ свою неправедность, то не теряетъ должности, хотя и заслуживаетъ удаленія: такъ какъ государь назначилъ казія, довѣряя его честности, то слѣдуетъ полагать, что онъ не дастъ согласія на исполненіе казіемъ обязанностей нечестнымъ образомъ.

Такая шаткость мнѣній относительно честности казія даетъ на практикѣ плохіе результаты: казіи часто обвиняются въ несправедливыхъ рѣшеніяхъ и причиняютъ мусульманскому обществу вредъ, трудно уловимый для русской власти, правящей сартами. Шаріатъ требуетъ, чтобы казій не принималъ подарковъ, кромѣ какъ отъ родственниковъ или близкихъ друзей, ни чествованія или угощенія и самъ не долженъ давать угощенія одному изъ тяжущихся въ отсутствіе другаго. Въ Хидаѣ

предусматривается также способъ устраненія соблазна постороннею женщиной, находящеюся въ судебномъ засѣданіи казіи. Казій не долженъ даже улыбаться, глядя на одну изъ тяжущихся сторонъ, чтобы не сообщить этой сторонѣ увѣренности въ ущербъ другой.

Много и другихъ указаній въ шаріатѣ, направленныхъ къ тому, чтобы казіи отправляли ввѣренное имъ дѣло мусульманскаго правосудія разумно и честно; но на дѣлѣ встрѣчаются нерѣдко жалобы на несправедливости казіевъ и даже на недостаточную освѣдомленность ихъ въ шаріатѣ. Отсюда выясняется серьезное значеніе должности муфтія, какъ юрисконсульта при казіи. Но и тутъ въ Хидаѣ обсуждается вопросъ: можетъ ли быть муфтіемъ лицо неправедное? И вотъ странное рѣшеніе такого вопроса: неправедный человекъ можетъ быть муфтіемъ въ виду вѣроятности, что онъ будетъ стараться избѣгать ошибокъ при примѣненіи закона къ разбираемымъ казіемъ судебнымъ дѣламъ.

Авторъ не имѣлъ въ виду дать здѣсь подробный обзоръ шаріата, а только указалъ на источникъ, изъ котораго казіи заимствуютъ рѣшенія въ своей религіозно-юридической практикѣ, и считаетъ себя обязаннымъ прибавить, что, хотя въ шаріатѣ много мелочей и казуитическихъ соображеній, но сарты болѣе тысячи лѣтъ прожили подъ его «путеводительствомъ» и сохранили лучшія черты своего семейнаго и общественнаго быта.

Какъ образецъ примѣненія казіями шаріата къ жизни сартовъ, приводимъ здѣсь рѣшеніе сѣзда казіевъ города Ташкента по вопросу о бачахъ (см. предыдущую главу), состоявшееся 9 марта 1906 года:

«Вслѣдствіе распоряженія Вашего Высокоблагородія *) за №№ 1689, сѣздъ народныхъ судей**) приступилъ къ разсмотрѣнію, на основаніи правилъ, преподанныхъ шаріатомъ, вопроса о занятіяхъ бачей и бачебазовъ,—въ связи со статьями,

*) Относится къ начальнику гор. Ташкента.

**) Такъ называются казіи въ Положеніи объ управленіи Туркестанскимъ краемъ.

относящимися къ сему предмету, изложенными въ популярных книгахъ.

Къ указанному времени явились старшины всѣхъ частей города Ташкента; Баба-Ходжа Атаходжаевъ, Миръ-Ходжа Миръ-Файзыбаевъ, Наръ-Мухаммедъ Аминбаевъ и Арифъ-Джанбай Сулейманбаевъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ жителей города, и доложили съѣзду слѣдующее:

1) Въ средѣ мусульманскихъ жителей города наблюдаются нѣкоторые противошаріатные поступки, слѣлавшіеся обыкновенными явленіями, которые вредно отражаются на обществѣ, въ нравственномъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаютъ тишину и спокойствіе населенія. Эти противошаріатныя дѣянія состоятъ въ томъ, что нѣкоторыя лица, занимающіяся специально бачебазствомъ разыскиваютъ въ Ташкентѣ или другихъ городахъ и кишлакахъ молодыхъ мальчиковъ, которые еще не имѣютъ ни бороды, ни усовъ, и находя таковыхъ, берутъ ихъ отъ родителей или родственниковъ въ наемъ, срокомъ на годъ, на два, иногда и на три. Нанятыхъ такимъ образомъ мальчиковъ лица эти обращаютъ въ профессиональных бачей, открываютъ для нихъ на базарахъ или базарчикахъ, находящихся въ кварталахъ, чайную лавку, предварительно получивъ надлежащія промысловыя свидѣтельства на право торговли чаемъ на имя мальчиковъ или ихъ содержателей-хозяевъ.

Такіе бачи сидятъ въ чайханахъ, собираютъ вокругъ себя молодыхъ людей, которые увлекаясь бачами не замѣчаютъ времени, день и ночь проводятъ въ обществѣ бачей, занимаясь бачебазствомъ, и совершаютъ всевозможныя противошаріатныя дѣла. Иногда бачи и содержатели ихъ, совмѣстно съ молодыми посѣтителями, собравшимися ради бачей, употребляютъ крѣпкіе напитки: пиво, вино и водку, заводятъ крупныя ссоры между собой и, вооружившись палками, ножами и другими орудіями, начинаютъ драку и, нападая другъ на друга, взаимно наносятъ удары другъ другу, съ намѣреніемъ лишить жизни противниковъ, смотря по тому, кто кого пересилить. Иногда содержатели бачей посылаютъ своихъ бачей или идутъ и сами вмѣстѣ въ гости къ кому-нибудь—въ михманхану или въ частный домъ, хозяинъ котораго даетъ той (пиршество) по случаю обрѣзанія сына или

Ташкентскій бача.

выдачи замужъ дочери, или по случаю свадьбы, или рожденія, непременно за деньги, которыя содержатели бачей получаютъ всегда впередъ. Туда же собираются и туземные музыканты, подъ игру которыхъ на чармандѣ (бубень), нагарѣ (барабанъ) карнаѣ (большая труба) и сурнаѣ (кларнетъ) наемные бачи пляшутъ, кривляются на есевозможные манеры и такимъ образомъ „базмъ“ (пляски) идутъ оживленно; въ концѣ-концовъ бачей переодѣваютъ въ женскія платья и украшаютъ головы ихъ искусственными волссами. Превращенные изъ мужскаго въ женскій видъ, бачи еще съ большимъ рвеніемъ и стараніемъ начинаютъ танцовать среди собравшейся толпы на всѣ манеры, привлекая вниманіе очарованной публики разными непристойными кривляніями, свойственными распутнымъ женщинамъ.

Нерѣдко среди этой публики, подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ, бачебазы напиваются, и тогда происходятъ крупныя ссоры съ крикомъ и шумомъ и всякія безчинства.

Всѣ такія дѣянія противны шаріату и въ большинствѣ случаевъ ведутъ къ беспорядкамъ. наблюдаемымъ въ обществѣ мусульманъ: послѣдствіемъ бываютъ побоища и пораненія другъ-друга и даже убійства, какъ это бывало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

2) Другой видъ протившаріатныхъ дѣяній: при женитьбѣ сына или при выдачѣ замужъ дочери, вечеромъ того дня, въ который совершается бракосочетаніе и приводятъ невѣсту въ домъ родителей, туда являюся нѣсколько распутныхъ женщинъ, такъ называемыхъ „яллячи“ (танцовщицы-пѣвицы), которыя берутъ въ руки чарманду или просто мѣдный подносъ и окруженные толпой зрителей эти женщины поютъ пѣсни среди двора и играютъ на названныхъ инструментахъ, а приведенные нарочно молодые бачи, одѣтые по-женски, кривляются, дѣлая непристойныя тѣлодвиженія, свойственныя развратнымъ женщинамъ. Такимъ образомъ собирается многочисленная публика, состоящая изъ постороннихъ мужчинъ и закрытыхъ женщинъ, недоступныхъ постороннимъ мужчинамъ, а плясавицы не только не закрываются, но и не стѣсняются постороннихъ мужчинъ, притомъ гримасничаютъ, поютъ сильными звучными голосами и съ кокетствомъ берутъ деньги зубами изъ рукъ женщинъ и

мужчинъ. Такая компанія безнаказанно продолжаетъ свою оргію среди общества и нарушаетъ тишину и покой населенія.

3) Третій видъ противошаріатныхъ дѣяній:

Когда въ семействѣ у кого-нибудь умираетъ мать, жена или дочь, то приходятъ женщины-омывальщицы для омовенія покойницы; по окончаніи омовенія, онѣ получаютъ извѣстное вознагражденіе и должны удалиться изъ дома покойницы. Но этого никогда не бываетъ: онѣ остаются въ домѣ покойницы и, упорно отказываясь уходить, живутъ тамъ цѣлукъ недѣлю. Мало того, въ интересахъ къ наживѣ, омывальщицы собираютъ нѣсколькихъ женщинъ, поютъ стихи, которые кое-какъ сочиняютъ и, дѣйствуя на нервы домохозяевъ, наводятъ страхъ, особенно на женщинъ и на собравшуюся публику и въ концѣ-концовъ требуютъ не только старья, но и новья платья, а нѣкоторыя съ нахальствомъ настойчиво требуютъ серебряныя вещи и украшенія покойницы; въ случаѣ же отказа въ выдачѣ требуемыхъ предметовъ, онѣ наносятъ оскорбленія домохозяевамъ и публикѣ бранными и неприличными словами. Такіе возмутительные поступки омывальщицъ-женщинъ, не могутъ не беспокоить населенія, которое тяготится ими, такъ какъ онѣ нарушаютъ покой, столь необходимый въ горестные дни.

Въ виду вышеизложеннаго, просители ходатайствовали предъ сѣздомъ народныхъ судей, не призаетъ ли онъ возможнымъ совершенно устранить всѣ упомянутыя противошаріатныя явленія, существующія среди населенія, и прекратить навсегда таковыя преступныя дѣянія, главнымъ виновниками

а) Бачебазство—быть бачей, заводить бачу въ домахъ, водить бачей въ частные дома или другія мѣста, устраивать пляски (базмъ) и представленія съ танцами (въ одеждѣ женщины или мужчины—безразлично), содержать бачей въ чайханахъ, а также другія, сопряженныя съ этой профессіей дѣянія предусмотрѣны шаріатомъ и являются однимъ изъ крупныхъ противошаріатныхъ преступленій, а лица эти: бачи, бачебазы и содержатели бачей и устроители базма должны быть, на основаніи шаріата, подвергаемы наказанію;

б) дѣятельность женщинъ-яллячи принадлежитъ къ числу такихъ же преступленій по шаріату, какъ и первое, какъ въ отношеніи ихъ самихъ, такъ и въ отношеніи зрителей, даютъ ли онѣ свои представленія на пирахъ и празднествахъ (той) или въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, состоитъ ли эта публика изъ женщинъ или мужчинъ—безразлично.—всѣ должны быть по шаріату подвергнуты наказанію

и в) вознагражденіе женщинамъ - омывальщицамъ гокойницъ слѣдуетъ платить по установившемуся обычаю, а болѣе этой суммы онѣ не въ правѣ требовать.

Въ виду вышеизложеннаго, сѣздъ народныхъ судей,—принимая во вниманіе, что упомянутыя преступныя дѣянія, являясь противошаріатными, ложатся тяжелымъ бременемъ на населеніе, угнетающе дѣйствуютъ на него, сѣять смуты, отъ которыхъ жители страдаютъ,—пришелъ къ единогласному заключенію: въ интересахъ спокойствія и тишины населенія и благосостоянія его,

онѣ, по окончаніи омовенія трупа покойницы, получивъ установленное вознагражденіе, тотчасъ же удалялись бы изъ дома покойницы, а не оставались бы тамъ съ упорствомъ болѣе того времени, какое требуется для омовенія.

Въ случаѣ же, если кто-либо будетъ впредь замѣченъ въ воспрещенныхъ занятіяхъ, какъ-то: въ положеніи бачей или бачебазовъ, въ устройствѣ плясокъ бачей и другихъ представленій.—будутъ ли таковыя дѣянія происходить въ чайханахъ, въ частныхъ домахъ или въ другихъ мѣстахъ, или, если яллячи-женщины будутъ замѣчены въ играхъ и представленіяхъ, а омывальщицы будутъ оставаться въ домахъ покойницъ долѣе того времени, какое требуется для омовенія трупа, несмотря на полученное вознагражденіе, то препровождать такихъ лицъ къ подлежащей власти по принадлежности для привлеченія къ отвѣтственности*).

При такомъ положеніи дѣла, т. е. съ воспрещеніемъ противопріятныхъ преступныхъ дѣяній, съѣздъ народныхъ судей надѣется, что среди населенія водворится полный покой, даже болѣе того: по мнѣнію съѣзда, мѣра эта повліяетъ на нѣкоторыхъ дурныхъ людей въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ они могутъ обратиться къ честному труду, ремеслу, или къ наукѣ.

Излагая обо всемъ происходившемъ на засѣданіи народныхъ судей, просимъ объ исполненіи. 9 марта 1906 года.

Предсѣдатель съѣзда народныхъ судей, народный судья Шейхантаурской части, Мулла Арифъ-Ходжа Мулла Мухаммедъ Шарифъ-Ходжа Ишановъ приложилъ печать**).

Съ сартовскаго языка на русскій перев

З а к л ю ч е н і е.

Напечатаннымъ въ этой книгѣ матеріаломъ авторъ имѣлъ въ виду дать русскому читателю общесъ представленіе о сартахъ, какъ этнографической группѣ, хотя и смѣшаннаго типа, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интересахъ будущаго времени, указать, въ главныхъ чертахъ, на ближайшія послѣдствія соприкосновенія двухъ, совершенно различныхъ въ расовомъ, религіозномъ и культурномъ отношеніяхъ народностей. Не входя въ болѣе подробныя разсужденія на эту обширную тему, авторъ заканчиваетъ настоящую книгу слѣдующими замѣчаніями покойнаго профессора А. Д. Галахова:

„Правильное соотношеніе двухъ предметовъ: народнаго самопознанія съ одной стороны и усвоенія того, что выработано духовными усиліями всего человѣчества съ другой, и составляетъ задачу истинной образованности. Эта задача вытекаетъ изъ понятія о народѣ, который, будучи самостоятельнымъ общественнымъ тѣломъ, живя собственною, индивидуальною, жизнью, есть въ то же время и необходимый членъ всенародной семьи. Въ его историческомъ развитіи дѣйствуютъ двѣ стихіи: національная и общечеловѣческая. Первая стихія образуетъ его личность, называемую народностью, по которой онъ отличается отъ другихъ народовъ и есть именно такой-то народъ, а не какой-либо другой; вторая ставитъ его въ общеніе со всѣми прочими націями, дѣлаетъ его необходимымъ звеномъ въ цѣпи всего человечества. Обѣ стихіи народнаго развитія остроумно уподобляютъ силамъ центробѣжной и центростремительной, дѣйствующимъ въ небесной сферѣ. Сила центробѣжная (національная) охраняетъ особенное существованіе народа, удерживаетъ за нимъ его личность и самостоятельность; сила центростремительная (общечеловѣческая) влечетъ народъ къ единенію съ другими народами,

не позволяя ему совершать свою исторію въ отрѣшенной отъ нихъ области, жить исключительно, въ себѣ самой замкнутою жизнью. Какъ отъ правильнаго соотношенія силъ въ жизни солнечной системы зависитъ невозмущаемое теченіе планетъ, такъ отъ правильнаго соотношенія стихій въ жизни народа зависитъ его невозмущаемое развитіе. Господство или перевѣсъ одной какой-либо стихіи мѣшаетъ нормальному устройству народной судьбы. Еслибы народъ подчинялся дѣйствию національности, нераздѣльному, единственному, онъ осудилъ бы себя на китайскую неподвижность; еслибы онъ могъ отрѣчься отъ своихъ національныхъ отличій и жить единственно иноземнымъ вліяніемъ, онъ представилъ бы примѣръ чудовишнаго космополитизма, который и въ отдѣльныхъ личностяхъ возмутителенъ для каждаго живого человѣка. Цѣльное, гармоническое развитіе народа состоитъ въ возведеніи присущихъ ему началъ на степень общечеловѣческихъ; оно тогда только возможно, когда народъ, оставаясь вполне самостоятельнымъ, усваиваетъ духовныя пріобрѣтенія другихъ націй и въ свою очередь самъ становится участникомъ общечеловѣческаго развитія.

„Осуществленіе этой формулы требуетъ длиннаго ряда вѣковъ. Прежде чѣмъ стать на ряду народовъ историческихъ, имѣющихъ всемірное значеніе, народъ проживаетъ нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ: періодъ исключительной національности, заботливо сторонящейся отъ всего чуждаго; періодъ сближенія съ другими народами, подражательности иноземному, которая весьма часто не знаетъ мѣры заимствованій и упускаетъ изъ вида свое собственное; наконецъ—періодъ разумной самостоятельности, когда обѣ силы, національная и общечеловѣческая, приходятъ въ должное равновѣсіе, сохраняя

года), а для большинства сартовъ только начинается и потому будетъ еще продолжаться. Наша задача при этомъ должна состоять въ томъ, чтобы замѣчать, наблюдать эту новую фазу въ жизни сартовъ, регулировать проявленія ея и направлять къ обоюдной выгодѣ русскихъ и сартовъ*). При подражательности могутъ быть и крайности, какъ это извѣстно намъ, русскимъ, изъ собственной исторіи, могутъ быть при этомъ и дурныя явленія въ жизни сартовъ. Отъ начала міра доселѣ не было народовъ безъ недостатковъ и пороковъ; однако одни народы жили долѣе другихъ самостоятельною жизнію и имѣли періодъ полного расцвѣта своихъ духовныхъ силъ; другіе народы не доживали до такого періода и сходили съ исторической сцены, не оставивъ послѣ себя замѣтнаго слѣда; третьи, наконецъ, продолжали свое существованіе лишь подъ покровительствомъ могущественнаго завоевателя. Въ этомъ отношеніи уроки исторіи особенно должны быть поучительны не только для насъ, завоевателей, но и для самихъ сартовъ, побѣжденных. Что выжили отъ прежнихъ временъ сарты и что получить отъ насъ? Это такой вопросъ, на который трудно отвѣтить. Одно несомнѣнно, что такъ называемое «освободительное движеніе» внесло въ жизнь нашихъ добродушныхъ сартовъ много горечи, и нужно быть благодарными имъ, что среди нихъ не было попытокъ подражанія своимъ собратамъ по положенію—мусульманамъ Британской Индіи и современной Персіи. Къ сожалѣнію, были и есть попытки «разбудить отъ сна» сартовъ путемъ газетъ на туземномъ языкѣ и отдѣльныхъ прокламацій. Кромѣ того, въ послѣдніе два года замѣтно увеличились въ Туркестанскомъ краѣ среди русскихъ рабочихъ и поселянъ пьянство, развратъ, всякій цинизмъ, а въ послѣднее время воровство и вооруженные грабежи не

жизнь туземцевъ въ продолженіе 30 лѣтъ (1877—1907 г.г.), невольно вспоминается колкое замѣчаніе англійскаго миссіонера Мориссона относительно порчи нравовъ туземцевъ подъ русскимъ правленіемъ. Можетъ быть, это замѣчаніе въ равной степени приложимо и къ индо-британскимъ туземцамъ, но все же и намъ, русскимъ, отъ этого не легче... Справедливо было замѣчено въ мѣстной газетѣ, что распушенность русскихъ рабочихъ и туземцевъ подрываетъ въ глазахъ туземнаго населенія вѣру въ силу и могущество русской правительственной власти. Лѣтъ 10—15 тому назадъ, никто изъ русскихъ обывателей Туркестана не допускалъ мысли не только о разбояхъ и грабежахъ, но и о простомъ воровствѣ: спали съ открытыми окнами и незапертыми дверями; въ самыхъ захолустяхъ Туркестана русскій человѣкъ, совершенно одинокій и безоружный, чувствовалъ себя вполнѣ покойно и не опасался ни за свою жизнь, ни за имущество. А въ настоящее время мы видимъ почти ежедневное воровство, грабежи и убійства, нападенія въ домахъ и на большихъ дорогахъ, въ поѣздахъ и общественныхъ мѣстахъ. Поэтому, кто можетъ, запасается оружіемъ, укрѣпляетъ окна рѣшетками, а двери цѣпами: вечеромъ опасаются выходить гулять не только на окраины города, но и по центральнымъ улицамъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ шайки грабителей-туземцевъ нападаютъ на жителей чуть не среди бѣлаго дня. Какое же довѣріе будетъ у туземцевъ къ русской власти, если она не найдетъ мѣръ къ немедленному прекращенію такихъ безпорядковъ общественной жизни? И какіе горизонты могутъ открыться имъ въ будущемъ, если увѣренность въ безсиліи русскаго правительства советъ въ ихъ сердцахъ прочное гнѣ

возможно скорѣе вырвать съ корнемъ эту растлѣвающую гидру современной Туркестанской жизни *).

При этомъ трудно не высказать одну горькую истину, что мы иногда очень усердно стараемся прививать туземцамъ всѣ свои идеи и нравственные понятія, какъ будто бы внѣ этихъ научныхъ идей и нравственныхъ понятій, уже нѣтъ спасенія Туркестанскимъ туземцамъ. Извѣстный нѣмецкій ученый Ад. Бастіанъ (ум. въ 1903 г.) въ своемъ трудѣ „Der Mensch in der Geschichte“ замѣчаетъ: «Вѣскимъ доказательствомъ односторонности нашего міросозерцанія служить то упорство, съ какимъ постоянно утверждаютъ, что принципы, признаваемые нами, и истины, считающіяся у насъ священными, должны по этому самому существовать и у всѣхъ другихъ народовъ и лежать въ основѣ природы человѣка, какъ таковой. Гордость, полная самолюбія, неизбежно вытекающая изъ эгоизма, долго побуждала европейца видѣть въ себѣ идеалъ человѣка, презрительно взирать на всѣ другія племена и осуждать всякій народъ, осмѣлившійся выработать изъ своей общественной жизни инныя воззрѣнія. Поэтому тѣ правила морали, которыя господствуютъ у насъ, были объявлены единственно естественными, прирожденными человѣку, и тамъ, гдѣ они отсутствуютъ, ихъ пытались навязать силой»**).

При всемъ этомъ русскому автору не хочется примириться и съ заявленіемъ ученаго изслѣдователя Ферганской долины А. Миддендорфа о томъ, что до прихода русскихъ въ Туркестанъ ферганскимъ сартамъ были неизвѣстны воровство и проституція. Онъ самъ же упоминаетъ объ отрѣзываніи руки у вора и о наказаніи смертью женщинъ

барановъ отрубили вору кисть правой руки, а потомъ обмакнули руку, для прекращенія кровотеченія, въ горячее масло и отпустили вора домой... Онъ видѣлътакже, какъ 17-ми лѣтнюю дѣвушку, обличенную въ преступной связи (по любви), въ назначенный день вывели на базарную площадь и закопали по грудь въ землю. Палачъ первый ударилъ ее въ голову камнемъ, а за нимъ и весь народъ бросалъ въ нее камнями и такимъ образомъ разможили ей всю голову. Родственники ея потомъ вырыли ея тѣло и похоронили*).... Я самъ слышалъ, что въ прежнее время въ Ташкентѣ и Бухарѣ такихъ женщинъ завертывали въ саванъ и сбрасывали на каменный помостъ съ высокаго минарета.... Въ этихъ городахъ мнѣ указывали и мѣста такой казни. Поэтому, скажу, что хотя «наиболѣе разумные» туземцы Ферганы горько жалуются, что воровство и проституція невѣдомы были туземцамъ до прихода русскихъ войскъ**), но они не правы. Проституціи съ открытыми домами терпимости, конечно, не было среди сартскаго населенія въ ханское время, но были за то другія формы разврата и разныя гнусные пороки, а о воровствѣ излишне и говорить. И развѣ наше правительство покровительствуетъ названнымъ двумъ порокамъ? Если оно не рѣжетъ ворами руки и не узаконило избіеніе камнями женщинъ за нарушение супружеской вѣрности, то отсюда еже далеко до заключенія ферганскихъ туземцевъ. Лучше посмотримъ на несомнѣныя благодѣянія русскаго завоеванія Ташкента для туземцевъ: дурное рѣжетъ глазъ и вызываетъ жалобы, а хорошее не всегда настоящимъ образомъ оцѣнивается побѣжденными, особенно иноплемennыми и иновѣрными***).

*) Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи, стр. 76—78 (С.-Пб. 1821).

**) Тѣже жалобы мнѣ приходилось слышать и въ Ташкентѣ.

***) Серъ Генри Россель, бывшій резидентъ при дворѣ Низама (въ Гайдерабадѣ, въ Индіи] съ 1811 по 1820 годъ, въ письмѣ своемъ на имя Собранія директоровъ отъ 21 сентября 1824 г., между прочимъ писалъ, что индійскіе подданные Англіи «имѣютъ такіе же требованія, какъ и всѣ другіе народы въ мірѣ; любятъ, чтобы ими управляли люди, говорящіе однимъ съ ними языкомъ, исповѣдующіе ту же религію, слѣдующіе тѣмъ же обычаямъ и, что весьма естественно, самую жестокою, самую грубую систему, лишь бы она была произведеніемъ ихъ собственной почвы,—предпочитають самымъ кроткимъ, самымъ утонченнымъ постановленіямъ, начертан-

Уже самое завоеваніе Ташкента должно быть признано благодѣтельнымъ для сартовъ фактомъ. Значить, велика была внутренняя неурядица въ этомъ городѣ, значить велико было нравственное безсиліе войскъ и населенія, защищавшихъ укрѣпленный городъ, если ничтожный отрядъ непріятеля (1900 штыковъ) проникъ за городскія стѣны и удержался въ нихъ.

Къ сожалѣнію, характеръ внутренней жизни Ташкента, во время завоеванія его, былъ почти совершенно не извѣстенъ русскимъ; только по описанію внутреннихъ неурядицъ, происходившихъ въ 18 в. въ этомъ городѣ, мы можемъ предполагать, что и въ 1865 г. въ Ташкентѣ порядка было мало.

«Въ Ташкентѣ, по словамъ Арасланова, «ханы производятся такимъ образомъ, что кто усилится и хана убить можетъ, тотъ себѣ ханство тѣмъ и получить; и народъ уже тому, когда убьетъ, не препятствуетъ, а напротивъ того—ежели еще кто выщется и того уже убійцу убьетъ, то оной потому же и ханство принять удостоится.

«Съ 1739 г. Ташкентомъ владѣлъ ханъ Юлбарсъ, изъ Киргизъ-кайсацкой орды, „обще“ съ Тюле-біемъ (у котораго есть домъ въ Ташкентѣ, откуда и жена его родомъ). Тогда Ташкентъ былъ подчиненъ Большой Киргизъ-кайсацкой Ордѣ. Тюлебій съ своими старшинами бралъ съ Ташкента ежегодную дань въ 40 тысячъ тенегъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Юлбарса не стало; не знаемо убить, не знаемо выгнанъ вонъ отъ тутошнихъ сартовъ“. Въ этомъ темномъ дѣлѣ главную роль игралъ Кусекъ-бекъ, который и завладѣлъ Ташкентомъ, но „токмо ханомъ отъ народа и понынѣ еще не учиненъ“. Хотя Кусекъ выжилъ Тюле-бія изъ города, но не могъ лишить его прежнихъ правъ на Ташкентское ханство, такъ что Тюле-біи и старшины Большой Орды попрежнему получаютъ съ Ташкента дань. Ташкентцы не могутъ отказаться отъ нея, такъ какъ они, „весьма

нымъ по чужеземному образцу и приводимымъ въ исполненіе чужеземцами“. „Нѣтъ сомнѣнія, что наши уставы относительно управленія писаны по внушеніямъ самымъ благонамѣреннымъ, самымъ человѣколюбивымъ; но наши законы и обычаи, наши идеи и формы судопроизводства столь же неприличны (непригодны) состоянію общества въ Индіи, сколько наши дома и одежда тамошнему климату“. [Англійская Индія въ 1843 году. Соч. графа Эд. Варрона. Изд. Пл. Голубкова. Часть первая, Москва, 1855 г. стр. 223—224).

утѣснены" кочевьями Киргизъ-кайсаковъ, которыя близко подходятъ къ городскимъ „пашнямъ и дровосѣкамъ". Когда же ташкенцы вздумаютъ „не удовольствоваться" киргизовъ, то изъ города нельзя бываетъ выѣхать даже за дровами и на пашни, а кто осмѣлится выѣхать, того Киргизы, „забираютъ въ полонъ".

„Хотя Кусекъ „дѣйствительнаго ханства" еще не получилъ, „но такъ усилился, что паче настоящаго хана". Причину этого Араслановъ видитъ въ томъ, что онъ имѣетъ „родъ свой весьма великъ" (трехъ сыновей и пр.). Кромѣ того, Кусекъ сумѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ здѣшнихъ „знатныхъ батырей", которыхъ онъ „къ себѣ въ ближніе старшины подобралъ и весьма ихъ награждаетъ". Но народъ имъ недоволенъ, потому что „за самыя малыя дѣла со всѣми домами разоряетъ". Однако Ташкентцы „сами дивятся, что у нихъ никогда ханы болѣе трехъ лѣтъ не сиживали, а Кусекъ 4-й годъ уже сидитъ"...

„Впрочемъ, въ бытность Арасланова въ Ташкентѣ, образовался тамъ заговоръ противъ Кусека. Подъ предводительствомъ бека Сали-Хузя (который нѣкогда самъ въ Ташкентѣ „нѣсколько ханствовалъ"), собралось заговорщиковъ около 40 сартовъ. Они порѣшили убить Кусека и посадить на ханство Сали-бека. Въ назначенную ночь заговоришки собрались ко двору Кусека, отворили „дворовые ворота" и пробрались до „покою", гдѣ Кусекъ „спалъ съ невѣстой".... При немъ былъ одинъ изъ его прислужниковъ. Покой былъ запертъ. Только что „согласники" (заговорщики) стали ломиться въ дверь „покою", какъ прибѣжала толпа, прдводительствуемая сыновьями Кусека и Шукуръ-батыремъ (у котораго Араслановъ и Юсуповъ жили въ Ташкентѣ) и отбила „согласниковъ" отъ ханскаго покоя. Пять заговорщиковъ были пойманы, а остальные разбѣжались, и „пропали безвѣстно". Оказалось, что одинъ изъ „согласниковъ" сартъ, измѣнилъ товарищамъ, „испужался" ихъ замысла. Когда они отправились къ ханскому двору, этотъ сартъ побѣжалъ къ сыновьямъ Кусека и къ Шукуръ-батырю и предупредилъ ихъ о заговорѣ. Кусекъ жестоко отомстилъ „согласникамъ". Какъ всѣ пятеро пойманныхъ, такъ отцы и братья важнѣйшихъ изъ бѣжавшихъ заговорщиковъ, всего около 25 человекъ, были

казнены: иных повѣсили, другимъ отрубили головы, нѣкоторыхъ „кололи“.... Кусекъ, родичи его и старшины разобрали „въ холопство“ женъ и дѣтей казненныхъ. Дома ихъ были „въ конецъ“ разорены.

«Тюлей-бій, котораго Кусекъ выжилъ изъ Ташкента, питаетъ къ своему врагу большую ненависть. Онъ много разъ «войною наступалъ на Ташкентъ и убилъ нѣсколько родичей Кусека и замышлялъ убить его самого, пользуясь услугами ташкенскихъ сартовъ, изъ которыхъ многіе «дружны» Тюле-бію. Послѣдній охотно принимаетъ всѣхъ тѣхъ сартовъ, которые бѣгутъ изъ Ташкента отъ притѣсненій Кусека. „Согласники“ бѣжали главнымъ образомъ именно къ Тюле-бію. Самъ Тюле-бій не рѣшается вѣхъ въ Ташкентъ, такъ какъ Кусекъ грозился, что непременно поймаетъ его и «посадить въ заточеніе». Въ разстояніи полудня отъ Ташкента, Тюле-бій поставилъ „городокъ“. въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ изъ рѣки Цырцюка*) проведенъ каналъ въ Ташкентъ. Городокъ населенъ главнымъ образомъ выходцами другихъ мѣстъ, «половинными людьми» и проч. Всѣ они пашутъ здѣсь хлѣбъ на Тюле-бія. Но задача постройки города была совсѣмъ другая: онъ поставленъ «съ такимъ утѣсненіемъ» для Ташкента, что если Тюле-бій захочетъ, то можетъ запрудить каналъ и отвести воду въ другую сторону, т. е. можетъ заставить Ташкентцевъ умереть отъ жажды и голода, такъ какъ городъ и пашни горожанъ останутся безъ воды**).

Мы, живущіе въ Ташкентѣ черезъ 43 года послѣ его завоеванія, не можемъ, конечно, представить себѣ всего того, что происходило въ Ташкентѣ въ первые дни послѣ 15 іюня 1865 г. А эти дни, безъ сомнѣнія, были тяжелы для завоевателей.... И что же? Не далѣе, какъ на четвертый день послѣ взятія города, т. е. 18 іюля, генераль Черняевъ, въ сопровожденіи своего немногочисленнаго штаба и пяти казаковъ, ѣдетъ по глухимъ улицамъ громаднаго города, многіе жители котораго не были еще твердо увѣрены въ человѣческомъ образѣ побѣдителей-невѣрныхъ... Что же долженъ былъ думать и чувство-

*) Т. е. Чирчикъ. Очевидно, рѣчь идетъ о Ниязбекской запрудѣ.

**) Русскій Архивъ 1888 г. кн. 8, стр. 413--414. Ср. у. Левшина, т. 2.

вать въ эти первые дни побѣдитель?... Что думали и чувствовали побѣжденные? .. Несомнѣнно, что взятіе Ташкента произвело на ташкентцевъ ошеломляющее дѣйствіе, такъ что они сами ясно не сознавали своего новаго положенія въ то время. Да и кто можетъ вообразить, что значить встрѣтиться лицомъ къ лицу съ людьми, въ рукахъ которыхъ жизнь и смерть, неприкосновенность домашняго очага и, что особенно важно для мусульманъ, неприкосновенность ихъ религіи? Мнѣ рассказывали нѣкоторые туземцы, что они съ покорностію волеѣ Божіей ожидали отъ русскихъ всего худшаго, начиная съ избиенія жителей и кончая отмѣной ислама. И вдругъ они видятъ, что по ихъ улицамъ ѣдетъ тихо и спокойно счастливый, почти баснословный побѣдитель; видятъ, что и онъ самъ, и его спутники не одогазья страшныя чудовища *), а настоящіе и притомъ благообразные люди; видятъ, что «Генераль Черняевъ**»), державшій въ страхѣ окрестности Ташкента, привѣтливо кланяется побѣжденнымъ, вступаетъ мирно въ жилище главнаго представителя ислама, казы-каляна Хакима-ходжи***), принимаетъ его угощеніе и добродушно бесѣдуетъ съ нимъ...

Не имѣя возможности представить положеніе русскихъ въ Ташкентѣ въ первое время по взятіи его, я тѣмъ не менѣе предполагаю, что завоеватель Ташкента не былъ увѣренъ въ полномъ умиротвореніи враждовавшихъ партій въ городѣ. Такое предположеніе подтверждается высылкою изъ города болѣе опасныхъ лицъ (особенно Салихъ-бека), а равно и уступчивостію побѣдителя... Тѣмъ не менѣе городъ былъ взятъ; нужно было управлять имъ и всѣми прежде завоеванными городами. Но устроить самостоятельное управленіе въ Ташкентѣ едва ли было тогда возможно; для организаціи новаго управленія въ Ташкентѣ нужно было имѣть свободное отъ военныхъ заботъ и спокойное время;

*) Многіе туземцы именно были убѣждены, что русскіе солдаты — страшныя, одогазья чудовища, какъ я объ этомъ нѣсколько разъ слышалъ отъ разныхъ жителей Ташкента и Чимкента.

**) Киргизы по свойству своей фонетики, произносили фамилію М. Г. Черняева, „Ширнаилъ“, а мѣстные остроусловы растолковали значеніе этой фамиліи въ смыслѣ „Намѣстника самого льва“ (ширъ-наибъ) т. е. непобѣдимаго полководца. Н. О.

***) Отецъ Мухитдина-ходжи См. выше стр. 121—131

необходимо было знакомство съ законами страны, съ нравами и обычаями жителей, не имѣвшими ничего сѣмьего съ русскими нравами и законами; необходимы были разные чиновники-администраторы, достаточныя матеріальныя средства и извѣстныя полномочія... Завоеватель же Ташкента находился во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ незавидномъ положеніи, и переживаемое имъ послѣ завоеванія Ташкента время было, несомнѣнно, очень тревожное, а потому едва ли исторія осудить его за то, что онъ не успѣлъ приступить къ организаціи управленія въ завоеванной странѣ, прежде чѣмъ былъ отозванъ изъ Ташкента...

Самостоятельное управленіе Ташкентомъ и всѣмъ Туркестанскимъ краемъ началось только съ 1867 года, когда было образовано Туркестанское генераль-губернаторство. До прибытія въ Ташкентъ Генераль-Адъютанта К. П. Фонъ-Кауфмана, жители Ташкента не знали, строго говоря, новаго, русскаго управленія, какъ говорилъ мнѣ одинъ почтенный пожилой туземецъ. Передаю его разсказъ въ дословномъ почти переводѣ:

„До пріѣзда Генерала Кауфмана въ Ташкентъ, мы видѣли нѣсколькихъ русскихъ генераловъ: Генерала Черняева, Генерала Романовскаго, Генерала Крыжановскаго. Всѣ они казались намъ людьми простыми, добродушными. Мы удивлялись, что они ходили по городу пѣшкомъ, посѣщали наши дома, раскланивались, разговаривали съ нами при встрѣчѣ и оставляли насъ жить, какъ мы жили дотолѣ; но русскаго закона мы еще не знали... Но вотъ 7 ноября 1867 г. подъѣхалъ къ Ташкенту новый начальникъ, Генералъ Кауфманъ. День былъ сырой; на дорогѣ было грязно. За чертой города Генералъ пересѣлъ изъ экипажа на верховую лошадь, и всѣ лица, бывшія при немъ—также; сотня казаковъ съ саблями на-голо сопровождала его. Крупною рысью ѣхали они по нашему городу, при оглушительныхъ звукахъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ одномъ мѣстѣ представители туземцевъ приготовились встрѣтить новаго начальника хлѣбомъ-солью. Приблизившись къ намъ, вся эта внушительная кавалькада, по командѣ передового офицера, сразу остановилась. Генералъ принялъ хлѣбъ-соль и, поблагодаривъ жителей, сказалъ имъ приблизительно слѣдующее: „Меня прислалъ БѢЛЫЙ ЦАРЬ, мой государь, управлять здѣшнимъ кра-

емъ. Благодарю васъ за хлѣбъ-соль, которою вы встрѣчаете меня; но я не могу сейчасъ долго остановиться и говорить съ вами, а приглашу васъ для этой цѣли къ себѣ, какъ только отдохну отъ продолжительной и утомительной дороги; теперь же я скажу вамъ одно: будемъ жить мирно и стремиться къ добру, а *«кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ»*, какъ говорить русская пословица.—Сказавъ эту краткую, но внушительную рѣчь, Генераль и всѣ сопровождавшія его лица и казаки полною рысью поѣхали дальше, къ русскому городу. Топотъ лошадей, блескъ казачьихъ сабель и грохотъ пушекъ произвели на насъ сильное впечатлѣніе; мы долго не могли одуматься и, когда пришли въ себя, то сказали: *«вотъ когда прибылъ настоящий-то Урусъ!»*...

Неподдѣльное чувство и тонъ разсказчика невольно дѣйствовали на меня, и я входилъ въ самый духъ разсказа. По этому разсказу можно до нѣкоторой степени судить, что первый Туркестанскій Генераль-Губернаторъ, съ перваго дня своей жизни въ Ташкентѣ, явился въ глазахъ туземцевъ настоящимъ представителемъ русской Верховной власти въ краѣ, почему его туземцы и называли *«Ярымъ-падиша»*, т. е. полуцарь*).

Незабвенный устроитель Туркестанскаго края грозно и честно держалъ русское имя въ краѣ, умѣлъ поддерживать престижъ Великой Россіи въ глазахъ туземцевъ. Генераль-Адъютантъ Фонъ-Кауфманъ съ энергіей и вполне обдуманно принялся за организацію управленія новосозданнымъ генераль-губернаторствомъ во всѣхъ его частяхъ и, располагая большими нравственными и матеріальными средствами, достигъ большихъ результатовъ. Въ Проектѣ своего всеподданѣйшаго отчета по управленію краемъ за время отъ 7 ноября 1867 года по 25 марта 1881 года онъ говорилъ, что истекшіе годы были

*) Это названіе близко напоминаетъ «Вице-короля» Индіи, что сознавалъ и самъ покойный Генераль-Губернаторъ. Его торжественные выѣзды и встрѣчи, устраиваемыя ему въ Ташкентѣ, а также парады въ высокоторжественные дни, приемы бухарскихъ и авганскихъ пословъ производили на туземцевъ сильное впечатлѣніе, чему я лично былъ много разъ свидѣтелемъ. И нельзя осуждать покойнаго за эту торжественную внѣшность, которая на первыхъ порахъ русскаго управленія Туркестаномъ была необходима. Н. О.

для внутренней исторіи среднеазиатскихъ владѣній важнымъ и благотворнымъ періодомъ всесторонняго устроенія въ духъ началъ, указанныхъ ему Высочайшими повелѣніями, ... что „недавно еще враждебныя намъ сосѣднія страны нынѣ ищутъ себѣ въ благодѣяніяхъ высокаго покровительства БѢЛАГО ЦАРЯ единственное прочное условіе спокойнаго и мирнаго существованія“.

Далѣе въ Проектѣ отчета безпристрастно говорилось:

„Учрежденіе Генераль-Губернаторства застало русскій элементъ и русскую власть въ краѣ пріютившимися въ лагерь, только что остановленномъ на походѣ и готовящемся стать на зимнія квартиры. Русскія жилища, помѣщенія войскъ и учреждений,—все это имѣло характеръ временный и видъ безпорядочный, почти нищенскій. Ничто не внушало по внѣшности покоренному населенію мысли о прочности завоеванія; все, напротивъ, давало ему поводъ держаться надежды на скорое освобожденіе отъ горсти русскихъ*), мужество и оружіе которыхъ было испытано, но вліяніе порядка и началъ, которыхъ русская побѣда была только провозвѣстницею, еще не ощущалось, не чувствовалось.

«Обаяніе оружія могло уже исчезать при подобныхъ условіяхъ, а между тѣмъ гораздо болѣе глубокое и мощное вліяніе новаго строя государственнаго и новой цивилизаціи еще не возвѣщалось. Изъ законовъ нашихъ дѣйствовали одни полевые законы, примѣняющіеся и на территоріи, на которую никакихъ притязаній не заявляется законодательемъ. Всѣ русскія учрежденія имѣли одно внѣшнее наблюдательное значеніе, не принимая на себя никакого учредительнаго почина и ни во что не входя. Ограниченныя полномочія ихъ были неясны ни для нихъ самихъ, ни для массы населенія, не опредѣленныя никакими точными постановленіями. Подати, судъ, полиція и повинности оставались прежнія, стародавнія; но чуждые русскимъ начальникамъ, не отмѣненные и вмѣстѣ съ тѣмъ не признанные организующею властью, эти обычные порядки населенія падали, искажались и по прихоти произвола и случая утрачивали свой прежній обычный характеръ...

*) См. выше „Воспоминанія Саттаръ-хана, стр. 132—154.

«Внутренняя организація края и болѣе правильныхъ учреждений въ немъ представлялась дѣломъ неотложной необходимости. Всѣ первыя усилія новой администраціи обращены были на это дѣло, при многочисленныхъ трудностяхъ съ полнымъ успѣхомъ законченное въ 1869 году. Образование опредѣленной системы управленія и податей, разъясненіе существеннѣйшихъ правъ, льготъ и обязанностей населенія, организація правильного народнаго суда были приняты народомъ съ довѣріемъ и съ доброжелательствомъ къ власти. Послѣдовавшее затѣмъ устройство и улучшеніе путей сообщенія, возведеніе публичныхъ и общественныхъ зданій, обезпеченіе торговли и караванныхъ путей, устройство общепользныхъ учреждений разнаго рода, возстановленіе и усовершенствованіе ирригаціонныхъ системъ, облегченія и гарантіи для труда и народной промышленности, залѣчивая многочисленныя раны, причиненныя предшествовавшими смутами и войною, съ каждымъ днемъ упрочивали наше положеніе внутри занятыхъ территорій, водворяя идею безповоротности и благотворности русскаго владычества въ краѣ и въ умахъ сосѣднихъ народовъ...

„Экономическое благосостояніе края, поставленное въ благопріятныя условія, возрасло и поднялось повсемѣстно до уровня, неслыханнаго при туземныхъ правительствахъ, и тѣмъ болѣе въ смутную пору перваго занятія края. О томъ свидѣтельствуетъ быстрое увеличеніе народонаселенія, прибывающаго нынѣ ежегодно по меньшей мѣрѣ на 4⁰/₀, и еще болѣе значительно на ряду съ симъ увеличеніе запашекъ и промысловъ, разростаніе культурныхъ осѣдлостей, дѣятельный приливъ рабочихъ, торговой и земледѣльческой эмиграціи изъ сосѣднихъ владѣній....

„Водвореніе спокойствія, обезпеченіе личности и имущества возвратило бѣжавшихъ съ своихъ полей населеніе и ежегодно обращаетъ къ производительному труду значительныя массы бѣдняковъ, эмигрирующихъ къ намъ изъ смежныхъ владѣній, и бѣднѣйшихъ киргизъ, бесполезно бродившихъ прежде съ болѣе богатыми родовичами. Развивающаяся экономическая дѣятельность охватываетъ и перевоспитываетъ всѣ инстинкты массы, ставя ее все болѣе и болѣе довѣрчивою и послушною

передъ русскою властью, въ которой народъ уже не видитъ чуждаго ему и временнаго элемента одной силы**).

По намѣченному устроителемъ края К. П. фонъ Кауфманомъ плану, постепенное развитіе жизни туземцевъ продолжается доселѣ и особенно сказывается на матеріальномъ ихъ благосостояніи, чему болѣе всего способствуетъ проведеніе желѣзной дороги отъ Красноводска до Ташкента и Андижана и отъ Ташкента до Оренбурга. Объ этой послѣдней покойный генералъ-губернаторъ думалъ и говорилъ при своей жизни, но только его преемники увидѣли осуществленіе этой мысли.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги Туркестанскій край значительно измѣнился, и теперешнее молодое поколѣніе сартовъ уже далеко не то, какимъ было поколѣніе ихъ отцовъ и дѣдовъ во время занятія края русскими войсками, то есть 40 лѣтъ назадъ. Наплывъ кавказскихъ инородцевъ и „освободительное движеніе“ повліяли къ худшему на „шаріатскіе“ нравы сартовъ.

*) См. Проектъ всеподданнѣйшаго отчета Ген.-Адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана I по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства. 7 Ноября 1867 г.—25 Марта 1881 г. (Сост. П. И. Хомутовымъ). Изданіе военно-ученаго комит. Глав. Штаба (С.-Петербургъ, 1885). Введеніе, стр. 1—11.

Дополненіе къ главѣ о бачахъ.

16 января 1908 года въ Ташкентскомъ Окружномъ Судѣ разбиралось дѣло сарга селенія Пскентъ, ташкентскаго уѣзда, Уста-Джунаева по обвиненію его въ нанесеніи 17 ножевыхъ ранъ сарту того же селенія Абдуллѣ Ирисбаеву, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

26 октября 1907 года, во время мусульманскаго праздника, въ селеніи Пскентъ было народное гулянье, на которомъ присутствовали и туземцы сосѣднихъ кишлаковъ. Въ разгаръ гулянья, когда группа сартовъ прогуливались по улицѣ, былъ замѣченъ человекъ, гнавшійся за мальчикомъ. Вдругъ преслѣдовавшій мальчика сартъ бросился на группу гулявшихъ и нанесъ одному изъ нихъ, именно сарту Абдуллѣ Ирисбаеву, одну за другой 17 ранъ ножомъ въ разныя части тѣла, отъ которыхъ несчастный тутъ-же скончался... Никѣмъ не преслѣдуемый убійца скрылся. Спустя нѣсколько часовъ, чинами сельской полиціей былъ арестованъ спящимъ въ своемъ домѣ сартъ Уста Джунаевъ и при обыскѣ были обнаружены въ его саду спрятанными подъ листья штаны со слѣдами человѣческой крови. Джунаевъ былъ представленъ 17 свидѣтелямъ убійства, которые въ одинъ голосъ указали на него, какъ на убійцу Ирисбаева, и показали, что убійца имѣлъ мальчика бачу, котораго ревновалъ ко всѣмъ, и что на этой почвѣ, повидимому, и совершено убійство. Но такъ какъ свидѣтели, въ дальнѣйшихъ показаніяхъ своихъ заявили, что они ничего не знаютъ, и отъ своихъ первоначальныхъ показаній отказались: то Окружной Судъ не могъ предъявить обвиненія къ упомянутому Уста-Джунаеву*).

*) Ср. Аз. Жизнь отъ 19 января 1908 г. № 18-й.

Въ Андижанѣ 25 января, около 9 часовъ вечера, въ кварталѣ Сорванъ Тепе, въ кариханѣ*) Умаръ-Ходжи Максуть-Ходжа Ишанова были замѣчены два подозрительныхъ туземца. Когда неизвѣстные замѣтили, что они внушаютъ къ себѣ подозрѣніе, то бросились бѣжать изъ кари-ханы, причемъ первый изъ нихъ держалъ въ рукахъ револьверъ и кинжалъ и произвелъ выстрѣлъ въ воздухъ. Сосѣди кари-ханы, услышавъ шумъ и выстрѣлъ, вскочили на улицу и начали ловить убѣгавшихъ. Первый изъ убѣгавшихъ произвелъ выстрѣлъ и ранилъ имъ въ грудь жителя того же квартала Пулатбая Таджибаева, а затѣмъ, поровнявшись съ выскочившимъ на встрѣчу ему пятидесятикомъ Ходжаевымъ, нанесъ ему кинжаломъ рану въ шею, отъ которой онъ тутъ-же и умеръ. Затѣмъ онъ поранилъ кинжаломъ въ руки жителей того-же квартала Имамъ Назара Маразыкъ Ходжіева и Саидъ-Назара Рузыматова, и бросился спятъ бѣжать, но, получивъ нѣсколько ударовъ камнями въ голову, упалъ и вскорѣ умеръ. Въ полуверстѣ отъ мѣста происшествія былъ задержанъ другой бѣжавшій, оказавшійся ассакинцемъ Мулла Юсуфъ-Ахунъ Суфибаевымъ.

Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что у учителя названной каръ-ханы есть братъ Ахмедъ-Али, очень красивый мальчикъ, за которымъ очень многіе сарты ухаживали. Въ означенный день (25 января) вечеромъ одинъ изъ учениковъ кары-ханы, замѣтивъ, что туда вошелъ какой-то сартъ съ фонаремъ, заявилъ объ этомъ учителю. Учитель, догадавшись, что это, навѣрно, одинъ изъ ухаживателей за его братомъ, вышелъ изъ худжры и приготовился къ задержанію неизвѣстнаго. Послѣдній бросился тогда убѣгать и по пути убилъ пятидесятника, ранилъ нѣсколько человѣкъ и погибъ самъ, убитый камнями. Личность убитаго выяснена; это былъ житель Анзаръ-курганской волости, Андижанскаго уѣзда. Мулла Магомель-Юсупъ Закиръ-Ходжаевъ. (Турк. Вѣд. 1908 г. № 30).

*) Такъ называется школа, въ которой желающіе заучиваютъ Коранъ наизусть.